

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

*77-годдзю ПЕРАМОГІ
Савецкага Саюза над
нацыскай Германіяй
прысвячаецца*

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Мінск, 1 красавіка 2022 г.

Выпуск 21

Мінск МДЛУ
2022

УДК 94(476+430).6
ББК 63.3(4 Бей) + 63.3(4 Гем)
Б 43

Рэкамендаваны Рэдакцыйным саветам Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Пратакол № 3 (61) ад 08.11.2021 г.

Рэдакцыйная калегія: А. А. Каваленя (*адказны рэдактар*), С. Я. Новікаў (*намеснік адказнага рэдактара*), У. В. Здановіч, У. К. Коршук, А. М. Літвін

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, прафесар А. П. Жытко (БДПУ імя М. Танка); кандыдат гістарычных навук, дацэнт Я. А. Грэбень (БДАТУ)

Канферэнцыя праводзіцца ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Падпраграма 1.5. «Гісторыя». Заданне 2.5. «Беларусь у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў і першае пасляваеннае дзесяцігоддзе: гістарыяграфія і крыніцы» (навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар А. М. Літвін); 2.7. «Палітыка, практыка і наступствы нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. (на матэрыялах нямецкіх трафейных дакументаў НАРБ)» (навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт С. Я. Новікаў)

Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар.
Б 43 навук. канф., Мінск, 1 крас. 2022 г. Вып. 21 / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2022. – 224 с.

ISBN 978-985-28-0188-1

У выданні змешчаны матэрыялы выступленняў, у якіх аўтары на аснове дакументальных і гістарыяграфічных крыніц асвятляюць асобныя старонкі гістарычнага мінулага і сучаснасці Беларусі і Германіі.

Адрасаваны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй беларуска-германскіх адносін.

ISBN 978-985-28-0188-1

© УА «Мінскі дзяржаўны
лінгвістычны ўніверсітэт», 2022

ПРЫВІТАЛЬНАЕ СЛОВА
ПРАРЭКТАРА ПА НАВУКОВАЙ ПРАЦЫ Л. А. ТАРАСЕВІЧ

Шаноўныя ўдзельнікі і госці канферэнцыі! Паважаныя калегі!

Дазвольце ад імя старшыні Аргкамітэта канферэнцыі – рэктара ўніверсітэта Н. Я. Лапцевай – сардэчна вітаць вас на XXI міжнароднай навуковай канферэнцыі “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць”, прысвечанай 77-годдзю Перамогі Савецкага Саюза над нацысцкай Германіяй у гады Вялікай Айчыннай вайны. Заўважым, што яна ладзіцца ў Год гістарычнай памяці, мэтай якога з’яўляецца фарміраванне аб’ектыўных адносін да гістарычнага мінулага, захавання і ўмацавання адзінства беларускага народа.

Правядзенне канферэнцыі стала магчымым дзякуючы намаганням беларускіх, казахстанскіх і расійскіх даследчыкаў, сярод якіх прафесійных архівістаў, гісторыкаў, музейзнаўцаў, а таксама пачынаючых даследчыкаў, хто ў чарговы раз сабраўся ў Цэнтры беларускай мовы і культуры ўніверсітэта для абмеркавання розных патанняў ваеннай гісторыі Беларусі і сваіх краін.

З асаблівым хваляваннем мне хочацца адзначыць, што ваенныя падзеі вамі даследуюцца не толькі на аснове новых дакументальных крыніц і даследчыцкіх падыходаў, колькі праз асэнсаванне лёсаў людзей ваеннага часу, у тым ліку дзяцей, вязняў нацысцкіх лагераў, грамадзянскага насельніцтва, ахвяр нацысцкага генацыду.

Не менш цікавым мне бачыцца тэматыка, якая з аднаго боку раскрывае спецыфічныя пытанні развіцця айчыннай і замежнай гістарыяграфіі, а з другога – ставіць у парадак дня важныя задачы па даследаванні мінулага і сучаснасці ў Беларусі, Казахстане і Расіі на аснове новых дакументальных крыніц.

Нагадаю, што канферэнцыя праводзіцца ў адпаведнасці з Дзяржаўнай праграмай навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. “Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы” (навуковы кіраўнік – акадэмік НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Упэўнена, што новыя ідэі і высновы, да якіх вы прыйдзеце ў выніку абмеркавання пастаўленых праблемных і дыскусійных пытанняў, не застаюцца толькі ў сферы акадэмічнай навукі, але паўплываюць на вырашэнне надзённых выхаваўчых задач у нашым грамадстве, асабліва ў справе выхавання і прафесійнай падрыхтоўкі студэнцкай моладзі.

Шаноўныя калегі, госці і сябры МДЛУ! Дазвольце аб’явіць адкрытай XXI міжнародную навуковую канферэнцыю “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць” і пажадаць вам поспехаў у яе правядзенні.

БЕЛАРУСЬ У ПАЧАТКУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

Ю. З. Кантор

ДО ДОРОГИ ЖИЗНИ: ПУТЬ ЛЕНИНГРАДЦЕВ К ЛАДОГЕ (Зима 1941–1942)

Лакуной исторического знания в теме эвакуации и по сей день остаются сюжеты, связанные с первым «отрезком» пути ленинградцев: от городской квартиры на Финляндский вокзал, и оттуда – до станции Борисова Грива, расположенной на берегу озера, где шла погрузка в ставшие символом зимней эвакуации «полуторки». Данный доклад, основанный на материалах архива Управления ФСБ по СПб и Ленинградской области, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки посвящен перипетиям, выпавшим на долю эвакуируемых горожан, на указанном «отрезке».

Ключевые слова: *эвакуация, Финляндский вокзал, поезда, неподготовленность, эвакуопункт, транспорт, смертность, Дорога жизни, Ладога.*

Драматическая эпопея блокадной эвакуации из Ленинграда, казалось бы, исследована глубоко и многосторонне: опубликованы официальные и эго-документы, свидетельствующие о принятии решений (и порой непреодолимых сложностях их осуществления), изучено строительство и функционирование Дороги жизни, путь ленинградцев по льду восточного берега Ладоги до конечных тыловых пунктов назначения, наконец, размещение эвакуированных в различных регионах страны. Однако лакуной исторического знания и по сей день остаются сюжеты, связанные с первым отрезком этого пути: от городской квартиры на Финляндский вокзал, и оттуда - до станции Борисова Грива, расположенной на берегу озера, где шла погрузка в ставшие символом зимней эвакуации «полуторки».

По данным ленинградского УНКВД на первый день Великой Отечественной в Ленинграде проживало 2 млн. 812 тыс. 634 чел., из них – 591 тыс. 603 ребенка [1, Л. 25]. В первый день блокады, 8 сентября, в Ленинграде находилось 2 млн. 457 тыс. 605 чел. [1, 29].

19 ноября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял решение создать военно-автомобильную дорогу по льду Ладожского озера для доставки грузов в Ленинград [2, С. 51]. С наступлением ледостава была построена автомобильная дорога по льду Ладожского озера. 22 ноября по еще не окрепшему льду двинулась первая автомобильная колонна. Так начала работать знаменитая ледовая трасса – Дорога жизни [3, С. 57].

Покидающим осажденный город предстояли тяжкие испытания. Для большинства ослабленных и больных ленинградцев они начинались с первых же шагов на пути к начальному пункту эвакуации – Финляндскому вокзалу, ставшему главным центром эвакуации с зимы 1942 года. Традиционно отсюда направлялись поезда Ладожского направления, и, кроме того, он имел

еще важное преимущество – это был, как признавалось и самим противником, единственный вокзал, который «находится вне действенного огня немецкой артиллерии».

Была установлена норма (30 килограммов из расчета на одного человека) перевозимой в поездах и машинах домашней поклажи, но ее мало кто соблюдал. Обычно брали с собой только самые необходимые и ценные вещи. Везти вещи приходилось чаще всего на санках, и их было тяжело тащить изможденному человеку [4, С. 218]. Вместе с имуществом приходилось нередко везти на санках до вокзала и лежачих родных, следя поминутно за тем, чтобы они не выпали из санок. Машинами до вокзала разрешалось довозить только детдомовских детей, «ремесленников» и тех, кто причислялся к научной и художественной элите города. Таковых оказалось 62 500 человек [5, С. 303]. Все остальные должны были идти пешком [4, С. 218].

С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за все время блокады – 250 г по рабочей карточке, все остальные – служащие, дети и иждивенцы (неработающие) теперь получали 125 г хлеба в день [4, С. 218].

Со всех концов города еле живые люди тянули саночки со своим скарбом. «Наибольшее число эвакуированных собралось на Финляндском вокзале, – вспоминал профессор С. С. Кузнецов, назначенный начальником одного из университетских эшелонов. – Вокзал представлял жалкое и ужасное зрелище. Во многих местах он сильно пострадал от бомб, залы обледенели, стены покрылись толстым слоем копоти, блестящей изморозью; освещались залы редкими, сильно чадившими коптилками» [6, С. 80].

На эвакуационном Финляндском вокзале отъезжающих ждал мясной обед (из расчета: мясо – 75 граммов, крупа – 70 граммов, жиры – 40 граммов, мука подболточная (суповая) – 20 граммов, сухие овощи – 20 граммов, хлеб – 150 граммов.) и 1 кг хлеба в дорогу. Это было колоссальным искушением: голодные люди были не в силах вовремя остановиться, не съесть весь паек сразу. Вот характерный пример: «На Финляндском вокзале, перед посадкой в поезд нам дали на дорогу по буханке хлеба и миску овсяной каши. Как только поезд тронулся, я принялась за еду. И пока мы ехали до Ладожского озера, я съела всю кашу и целую буханку хлеба. Мне было настолько плохо, что я потеряла сознание» [7]. Увы, было немало случаев, когда вкусившие обильной пищи и попавшие в вожделенный вагон люди умирали еще до того, как поезд отправлялся в путь.

На вокзале был открыт медпункт и даже промтоварный магазин. Там можно было купить теплые вещи: лыжные костюмы, рейтузы, варежки, одеяла, свитера. Кипяток на вокзале, однако, достать было трудно – есть сведения, что его пытались получить у друзей, если они жили недалеко. Как отмечалось в отчете городской эвакуационной комиссии за 22 января – 15 апреля 1942 г., «помещения для эвакуированных были грязные, не отопленные и плохо освещенные. Питательные блоки были явно не подготовлены и не благоустроены» [5, С. 288]. Надо отметить еще одну деталь: «Площадь перед вокзалом. Уборные на вокзале не действуют и, представьте

себе,... и мужчины, и женщины здесь же на улице, не стесняясь друг друга, выполняют естественные свои потребности. Никто не обращает на это внимание. Это в порядке вещей» [8, С. 188].

Задержка отправления поездов стала обычной во время зимней эвакуации. При посадке наблюдалась страшная давка. Все свободные места, тамбуры и проходы были загромождены ящиками и чемоданами [9, С. 203; 10, С. 182]. Пока с криками протаскивали в вагон чемоданы, за прочим имуществом следить было некому. А кражи возможны были и начинались они уже на месте отправления, на самом Финляндском вокзале. Были они самые разнообразные. На вокзале люди выкупали хлеб и продукты в дорогу. «И тут, бывало, набрасывался какой-нибудь грабитель и, рывком выхватив продукты, убежал. Это была кража явная, элементарная. Но бывали кражи и посложнее. Воры проникали в состав проводников на Финляндскую дорогу и организованной шайкой раскрадывали вещи у пассажиров» [11, Л. 11–12]. Все надежды были на транспортную милицию – к ее сотрудникам обращались за помощью, которая хоть и была действенной, но все же никак не могла защитить от злоумышленников. «Из тридцати восьми человек, направленных в первые дни этой (зимней – Ю. К.) эвакуации на Финляндский вокзал, только двенадцать были работоспособными, физически неистощенными» [11, Л. 11–12]. Тридцать восемь человек – даже если бы они были в отличной физической форме – что могли они сделать в переполненном вокзале, с его эвакуационным хаосом...

22 января 1942 г. началась массовая эвакуация по льду Ладожского озера – Дороге жизни (работавшей до апреля 1942 г.). Выехать по ВАД-101 должны были не менее 500 тыс. блокадников. Их путь состоял из нескольких этапов: от Ленинграда до Ладожского озера они перевозились главным образом по железной дороге (от Финляндского вокзала до ст. Борисова Грива), затем на автомашинах через Ладожское озеро до эвакуационных пунктов на восточном берегу (Лаврово, Кобона, Жихарево), а затем вглубь страны железнодорожным транспортом.

Поезда, следовавшие до Ладожского озера, преодолевали путь до станции Борисова Грива, всего несколько десятков километров, более суток, вагоны в них не отапливались. «В условиях возможности обстрела немецкой авиации вождение поездов становилось смертельно рискованным делом: даже ночью, несмотря на соблюдение правил светомаскировки и наличие различных светомаскировочных устройств, белесые струйки пара и дым становились отличными «ориентирами» для вражеских пилотов. Обстрелы и бомбардировки поездов не прекращались практически постоянно» [12, С. 81].

«Самым тяжелым временем в период ладожской эвакуации, было самое ее начало – зимой, – вспоминала блокадница Р. Д. Мессер. – Сколько раз, явно оповещенные кем-то, немцы начинали сильный артиллерийский обстрел в самый разгар посадки (в вагоны и машины – Ю. К.). Бывало, во время та-кого огневого налета на небольшой участок, где скапливались эшелоны, падало один за другим до двадцати осколочных снарядов» [11, Л. 15]. Не меньшую опасность представляли и регулярные артиллерийские

обстрелы: карты и участки железных дорог немцам были хорошо известны, пристреляли местность они также довольно быстро. Вокзалы, депо, водоемные сооружения, крупные станции и мосты были целью люфтваффе [12, С. 81].

В Борисовой Гриве была пересадка, где по многу часов приходилось ждать подачи грузовых автомашин, как правило, открытых, чтобы на них преодолеть короткий, 30-километровый, но полный смертельной опасности путь через Ладогу.

6 декабря 1941 г. Военный Совет Ленинградского фронта принял новое постановление, согласно которому массовая эвакуация должна была начаться с 10 декабря 1941 г. по ледовой дороге через Ладожское озеро, число вывозимых людей к 20 декабря должно было достигнуть 5 тыс. в сутки. Озеро долго не замерзало, и назначенные сроки начала эвакуации (10 и 12 декабря 1941 г.) были пересмотрены: 12 декабря Военный Совет постановил «отложить эвакуацию из Ленинграда» по фронтовой автомобильной дороге впредь до особого распоряжения» [5, С. 277–279, 590]. Но к этому моменту на станцию Борисова Грива прибыли первые партии эвакуированных в поездах. О том, что произошло в действительности, понятно из отчета о работе эвакопункта Борисова Грива: «С 3/ХІІ стали поступать эвакопоезда с ленинградцами (рабочие с семьями с оборонных заводов, спецшколы и школы ФЗО) в составе 15–17 вагонов, имеющие до 1500–1700 чел[овек] в эшелоне. Поступление эвакуированных было по одному, по два эшелона в день. Помещений для принятия такого количества людей подготовлено не было, эвакуируемые размещались по 30–40 чел[овек] в комнату к местным жителям. Столовая, где обслуживались эвакуируемые, находилась далеко от места прибытия эшелонов... Качество обедов было низкое из-за отсутствия ассортимента продуктов и плохой местной воды, причем, подвозку воды с Ладожского озера эвакопункт организовать не мог из-за отсутствия транспорта. Кипяток для эвакуированных отсутствовал. Кроме того, транспорт военно-автомобильной дороги, призванной помимо груза для Ленинграда перевозить через лед также и эвакуируемых, весьма неохотно выполняли эту работу. Это обстоятельство вызывало задержку в отправке эвакуированных, доходящую иногда до 4–5 дней...

Для получения добавочных помещений в деревне дважды была организована эвакуация местного населения, но это мероприятие в большинстве случаев не дало положительных результатов ввиду того, что при освобождении помещений от местных жителей, воинские части... самовольно их занимали» [13, С. 197–198].

Этот краткий отчет охватывает период со 2 декабря 1941 г. по 21 января 1942 г. и представляет собой опыт позднейшей сводки материалов, отражающих первый этап эвакуации. Важно сравнить его с письмом военного прокурора Октябрьской железной дороги, датированным 11 декабря 1941 года. В обоих документах – одна и та же картина.

«Проверкой установлено, – сообщал военный прокурор, – что составы поездов подготовлены, и продвижение эвакопоездов происходит нормально. Наряду с этим выявлено, и это требует немедленного вмешательства для устранения, следующее:

Так, 4 декабря 1941 г. в 21 час. 40 мин. На ст. Борисова Грива прибыл первый эвакопоезд с 84 чел., которые затем должны быть пересажены в автотранспорт для дальнейшей перевозки. Достаточного количества машин, обеспечивающих своевременность перевозки, нет. В связи с этим указанная группа людей находилась частью в поселке у станции, а частью в вагонах до б/ХП-41 г., когда в 2 часа ночи прибыл второй состав с 1000 чел. населения» [4, С. 211].

Измощенные, замерзшие люди оказались в поселке, в неотопливаемых помещениях станции, где не было даже необходимого количества скамеек. Ни питания – даже холодного, – ни медпомощи, в которой нуждались после тяжелого переезда многие, не было.

5 декабря отправление эвакопоезда с 1400 пассажирами было задержано отправлением на 3 час. 25 мин. «вследствие нераспорядительности эвакоорганизаций и ж. д. милиции, не организовавших посадку» [4, С. 211]. Обратим внимание на лаконичное «не организовавших посадку». За этими словами – дополнительные мытарства измученных людей, стоявших на морозном перроне, теснившихся в промерзшем здании станции... Аналогичное положение с эвакуируемыми и прибывшими из Ленинграда было, как свидетельствуют документы, и на станции Ладожское Озеро. 5 декабря было подано всего 5 автомашин вместо 60, причем каждая машина принимала только 8 пассажиров с вещами» [13, С. 192–193].

12 декабря военсовет Ленинградского фронта приостановил эвакуацию. Отправка поездов с эвакуированными из Ленинграда была прекращена «до особого распоряжения». Люди, оказались на берегу Ладоги. Идти вперед им не разрешалось (озеро еще не замерзло), возвращаться самим в город не имелось сил: все были истощены, все тащили за собой немалую поклажу. Те эвакуированные, чьи дети «таяли на глазах» и умирали, пытались сами дойти до противоположного берега. Многие замерзли в пути.

Исследователям еще предстоит хотя бы примерно определить общую цифру безвозвратных потерь ленинградцев во время эвакуации – в пути до Дороги жизни, во время переправы через Ладогу, в длившемся нередко несколько недель «странствии» до места назначения. А также оценить последствия блокады, «настигавших» их нередко многие месяцы спустя после выезда из Ленинграда, в уже относительно благополучных условиях тыловых регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. – Ф. 12. Оп. 2. № 18.
2. Ковалев, С. Н. Полномочия Полевого управления Ленинградского фронта: Организация работы Дороги жизни / С. Н. Ковалев, А. Н. Щерба // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатъев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – СПб. : ГАЛАРТ, 2018.
3. Военные железнодорожники в битве за Ленинград (К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне) / Под ред. С. Н. Соловьева. СПб. : Феникс, 2005.

4. Яров, С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. – М. : Молодая гвардия, 2013.
5. Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / отв.ред. А. Р. Дзенискевич. – СПб., 1995.
6. «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники университетов военных лет. – СПб., 2010.
7. Чурилова, В. В. Детские воспоминания о войне и блокаде: рукопись. // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 1273. Д. 13. Л. 14.
8. Грязнов, Ф. А. Дневник «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда / Ф. А. Грязнов. – СПб., 2009.
9. Кулябко, В. Блокадный дневник / В. Кулябко // Нева. – 2004. – № 3.
10. Ильин, И. От блокады до победы / И. Ильин // Нева. – 2005. – № 5.
11. Мессер, Р. Д. На рельсах, на вокзалах: очерк о работе ж/д милиции во время ВОВ. [1944] : рукопись // ОР РНБ. Ф. 552. Д. 122. Л. 11–12.
12. Игнатъев, П. В., Кужим, М. Ф. Память блокадных перегонов // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатъев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – СПб. : ГАЛАРТ, 2018.
13. Черепенина, Н. Ю. Эвакуация населения Ленинграда по ледовой дороге в 1941 г. (по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) // Россия. Век двадцатый. – СПб., 2011.

У. В. Здановіч

БАЯВЫЯ ДЗЕЯННІ ЛЕТАМ 1941 Г. НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ: ТЭРМІНАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ

Вызначэнне тэрмінаў з’яўляецца адным са складанейшых пытанняў у гістарыяграфіі. У дадзеным артыкуле будуць разгледжаны падыходы айчынных даследчыкаў да летніх падзей 1941 г. на тэрыторыі Беларусі, назвы гэтых падзей і іх вынікаў, замацаваныя ў энцыклапедычных выданнях. Адзначым, што энцыклапедыя ўяўляе сістэматызаваныя веды, выкладзеныя ў лаканічнай форме, па той ці іншай тэме, якія, на нашу думку, павінны базіравацца на найноўшых метадалагічных прынцыпах.

Кароткі агляд айчынных энцыклапедычных выданняў паказвае, што баявыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. у розныя часы называліся па-рознаму. На працягу дзесяцігоддзяў мяняліся і вынікі гэтых баёў і іх прычыны. У незалежнай Беларусі самым распаўсюджаным тэрмінам з’яўляецца тэрмін “абарончая аперацыя”. Як пазначана ў “Ваеннай энцыклапедыі Беларусі”: “Абарончая аперацыя – сукупнасць узгодненых і ўзаемазвязаных па мэтах, задачах і часе аперацый, бітваў, баёў і ўдараў, якія праводзяцца аб’яднанымі паводле адзінага плана з мэтай зрыву наступлення (уварвання) пераўзыходзячых сіл праціўніка, нанясення яму паражэння, утрымання важ-

ных рубяжоў, раенаў і аб'ектаў, выйгрышу часу, эканоміі сіл і сродкаў, стварэння ўмоў для пераходу сваіх войск у наступленне (*контрнаступленне*). Па маштабах а.а. могуць быць стратэгічнымі, франтавымі, армейскімі, карпуснымі. [1, с. 14].”

У першым энцыклапедычным выданні “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945”, падзеі лета 1941 г. падаюцца у спецыяльным раздзеле “Пачатак вайны. Абарончыя баі Чырвонай Арміі на тэрыторыі Беларусі ў чэрвені– жніўні 1941 г.” Пры гэтым дадзеныя падзеі названы “Абарончая аперацыя на Беларусі 1941”, якая разглядаецца ў асобным артыкуле з аднайменнай назвай. Праведзена яна была войскамі Заходняга фронту 22 чэрвеня – 9 ліпеня 1941 г. і закончылася буйным паражэннем войск Заходняга фронту [2, с. 20–22]. Аб стратах гаворыцца ў агульным плане : “войскі першапачатковага складу Зах. Фронту панеслі вялікія страты ў людзях і баявой тэхніцы” [2, с. 21]. Аўтары артыкула Л.В. Аржаева і П.П. Ліпіла, засяродзішыся на гераізме і мужнасці чырвонаармейцаў, пакідаюць без увагі трагічны бок абарончай аперацыі, страты Чырвонай арміі. Нічога не сказана пра прычыны паражэння, няма згадак і пра палонных.

Канкрэтныя лічбы страт, наяўнасць савецкіх ваеннапалонных не прыводзяцца і ва ўступным артыкуле. Але ў адрозненне Л. В. Аржаевай і П. П. Ліпілы, гісторыкі раскрываюць прычыны трагедыі пачатковага перыяду вайны у якасці якіх называюцца традыцыйны для савецкай гістарыяграфіі высновы аб вераломным нападзе Германіі на СССР, колькаснай перавазе германскай арміі над савецкай у жывой сіле і тэхніцы. Да асноўных прычын, якія з’явіліся ў часы хрушчоўскай адлігі, аднесены таксама сталінскія рэпрэсіі,”. Новым тэзісам сталі “стратэгічныя памылкі Генеральнага штаба”, страта кіравання войскамі ва ўсх звеннях. Прызнаючы факт паражэння, аўтары ўступнага артыкула адначасова падкрэсліваюць, што “цяжкія двухмесячныя абарончыя баі савецкіх войск на тэрыторыі Беларусі садзейнічалі зрыву варожага плана «маланкавай вайны», далі магчымасць Стаўцы Вярхоўнага Галоўнакамандавання сканцэнтраваць рэзервы і правесці абаронныя мерапрыемствы на маскоўскім напрамку” [2, с. 8].

У артыкуле “Абарончая аперацыя на Беларусі 1941”, падрыхтаваным А. С. Галіцанам, змешчаным у 6-томнай “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі” гаворыцца аб тым, што яна “праведзена ў Вялікую Айчынную вайну войскамі Заходняга фронту 22.6 – 9.7 1941 г.”. Як бачна, у пачатку артыкула згадкі пра паражэнне адсутнічаюць [3, с. 8]. Але на наступнай старонцы пазначана : “У выніку на пачатак ліпеня войскі Заходняга фронту пацярпелі сур’ёзнае паражэнне. Яго сілы, што засталіся, ужо не маглі стварыць суцэльнага фронту абароны на Усход ад Мінска на рубяжы р. Бярэзіна” [3, с. 9]. Агульнае, што збліжае А.С. Галіцана з аўтарамі артыкула папярэдняга выдання, гэта акцэнтацыя на гераічных старонках разглядаемай падзеі і адсутнасць згадак пра палонных і прычынах паражэння.

Як і ў папярэднім выданні, прычыны паражэння Чырвонай арміі ў Беларусі летам 1941 г. раскрыты, прычым больш дэталёва, у асобным артыкуле “Вялікая Айчынная вайна 1941–45”. Падтрымліваючы ранейшыя высновы даследчыкаў аб перавазе праціўніка ў паветры і на сушы, аб рэпрэсіях, аб

некампетэнтнасці вышэйшага эшалона партыйнага і дзяржаўнага апарату, нізкім прафесіяналізме стратэгічнага кіраўніцтва, у якасці адной з прычын У. С. Пасэ, раскрываючы сутнасць замацаванай ўсімі сродкамі агітацыі і прапаганды у арміі і грамадстве ваеннай дактрыны, краевугольным каменем якой з'яўлялася непакісная вера ў геній Сталіна, талент “першага маршала і лепшага палкаводца сучаснасці” К. Я. Варашылава, у тое, што пад іх кіраўніцтвам вораг будзе разбіты на яго ўласнай зямлі “малой крывёю, магутным ударам”, падкрэслівае, што “сутыкненне самаўпэўненай дактрыны з рэальнасцямі вайны... прывялі да дэмаралізацыі значнай часткі асабовага складу савецкіх войск (адсюль паніка, велізарныя страты і палон)” [4, с. 425]. Як вынікае з артыкула, канкрэтных дадзеных аб стратах савецкіх войск і ў дадзеным выданні не прыводзіцца. Новым з'яўляецца, хаця і ў агульным плане, паведамленне аб палонных.

У 18-томнай “Беларускай энцыклапедыі”, першы том якой убачыў свет у 1997 г., асобны артыкул “Абарончая аперацыя на Беларусі 1941” адсутнічае. Летнія падзеі 1941 г. разглядаюцца ў падрыхтаваным У. І. Лемяшонкам артыкуле “Вялікая Айчынная вайна Савецкага Саюза 1941–45”. Аднак і ў гэтым артыкуле тэрмін “Абарончая аперацыя” адсутнічае. Аўтар ужывае наступнае вызначэнне: “абарончыя баі на тэрыторыі БССР, якія працягваліся больш за 2 месяцы...” [5, с. 375].

У артыкуле ўпершыню была звернута ўвага на значныя страты пры правядзенні абарончых баёў. “Толькі на працягу першых 18 дзён баёў, – адзначае У. І. Лемяшонак, – войскі Заходняга фронту страцілі больш за 417 тыс. чалавек забітымі, параненымі, палоннымі і тых, што прапалі без вестак. З 44 дывізіяў (без авіяцыйных), якія на пачатку вайны ўваходзілі ў склад Заходняга фронту, 24 былі разгромлены, астатнія 20 дывізіяў страцілі ад 30 да 70 % сваіх сіл сродкаў [5, с. 375].

Характарызуючы прычыны трагедыі пачатковага перыяду вайны, аўтар ўжо не гаворыць аб вераломным нападзе Германіі на СССР, пра колькасную перавагу германскай арміі над савецкай у жывой сіле і тэхніцы, а канцэнтруе ўвагу не толькі на памылках камандавання, але і на палітычных і стратэгічных праліках І. В. Сталіна. У якасці галоўнай памылкі кіраўніцтва СССР называецца “няправільная ацэнка стану Чырвонай Арміі, якая заключалася ў перабольшванні яе магчымасцей” [5, с. 375].

Вельмі сцісла падзеі чэрвеня – пачатку ліпеня 1941 г. разгледжаны ў “Ваеннай энцыклапедыі Беларусі”, ход і вынікі якіх падаюцца ў спецыяльным артыкуле “Абарончая аперацыя ў Беларусі 1941.”, якая як адзначаюць аўтары “праведзена ў Вялікую Айчынную вайну войскамі Зах. фронту 22.6–9.7.1941. “Нягледзячы на буйное паражэнне войск Зах. фронту ў Беларусі, іх намаганні ў барацьбе з моцным ворагам не былі безвыніковымі. Перамога ў *Маскоўскай бітве 1941–42* была б немагчымай, калі б баі ў Беларусі скончыліся не ўжніўні, а ў чэрвені 1941” [1, с. 16]. Згадкі пра страты, прычыны паражэння адсутнічаюць.

Не аспрэчваючы змешчаных у энцыклапедычных выданнях звестак аб баявых дзеяннях на тэрыторыі Беларусі ў чэрвені – пачатку ліпеня 1941 г.,

адзначым, што выклікае сумненне тэрмін “Абарончая аперацыя” для характарыстыкі дадзеных падзей. Як паказвае аналіз прац, выдадзеных у савецкі перыяд, тэрмін “Абарончая аперацыя” не ўжываўся. Так, ў першым томе трохтомніка “Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны” азначаныя падзеі разгледжаны ў асобным параграфі “Глава 1. Начало Великой Отечественной войны. Параграф 3. Оборонительные бои Красной Армии. Героизм и мужество советских воинов”. Як бачна замест тэрміна “Абарончая аперацыя” ўжыты тэрмін “Абарончыя баі” [6, с. 64.].

У энцыклапедыі “Великая Отечественная война, 1941–1945” падзеі названы “Приграничные сражения” [7].

Адсутнічае дадзены тэрмін і ў некаторых сучасных айчынных выданнях. Напрыклад, у рэспубліканскай кнізе “Памяць” на с. 13 чытаем: “Са сказанага вынікае, што **абарончыя баі на тэрыторыі Беларусі** (выдзелена У. Здановічам) праходзілі ў два этапы. Першы – захоп у першы дзесяць дзён заходняй і цэнтральнай Беларусі. Другі этап – амаль двухмесячны, які спатрэбіўся гітлераўцам, каб захапіць усходнюю яе частку” [8, с. 13].

А ці існаваў, наогул, агульнасаюзны план абароны? Каб адказаць на дадзенае пытанне звернемся да крыніц. Аўтары трэцяга тома 12-ці томнай “Истории второй мировой войны”, спасылаючыся на мемуары Г. К. Жукава і А. М. Васілеўскага, пішуць пра існаванне планаў абароны, якія ўдакладняліся і дапаўняліся Генштабам. Стратэгічнае разгортванне войскаў першапачаткова было праведзена ў Прыбалтыйскай і Заходняй асабовай акругах ад Балтыйскага мора да Палесся, затым найбольш небяспечным быў прызнаны Паўднёва-Заходні напрамак Львоў – Кіеў, і ў канцы 1940 года праведзена адпаведная перагрупоўка [9].

Вядома, што восенню 1939 г. Генеральны штаб па асабістым указе І. В. Сталіна пачаў распрацоўку плана абароны краіны і мабілізацыйнага разгортвання ўзброеных сіл. Наркам абароны, разгледзеўшы план, не зацвердзіў яго, мяркуючы недастаткова рашучымі нашы магчымыя дзеянні па разгроме суперніка. Да жніўня 1940 г. план абароны быў перагледжаны. Адначасова з перапрацоўкай плана быў падрыхтаваны канцэптуальны дакумент: “Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.” Аднак у дакументах стратэгічнай абарончай аперацыі не надавалі належнай увагі. Калі на адной стратэгічнай гульні апрабавалі варыянт прарыву буйных сіл праціўніка на вялікую глыбіню, І.В. Сталін заявіў: “Навошта культываваць адступальныя настроі? Вы што, плануеце адступленне?” [10, с. 29].

Прэзідэнт Акадэміі ваенных навук Расійскай Федэрацыі генерал арміі Махмуд Гарэеў паказваў: “Калі б планы абарончых аперацый былі, то зусім па-іншаму размяшчаліся б групоўкі сіл і сродкаў, па-іншаму будавалася б кіраванне і эшелонирование матэрыяльных запасаў. Але гэтага не было зроблена ў прыгранічных ваенных акругах”.

Аб тым, што абарончая стратэгія так і не была прынята ў СССР, гаворыць і беларускі даследчык Я. Бараноўскі, які ў газетным артыкуле, прысвечаным гісторыі Магілёўскай абарончай аперацыі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, у прыватнасці адзначае, што “гэта была першая і адзіная такога роду ваенная дзея ў Беларусі ў 1941 годзе абарончая дактрына атрымала жыццё якраз тады, калі перастала існаваць старая савецкая канцэпцыя аб вядзенні баёў толькі на чужой тэрыторыі.

Новая стратэгія прадугледжвала стварэнне лініі фронту па Заходняй Дзвіне, Дняпры, Сожы, праз Віцебск, Полацк, Оршу, Магілёў, Мазыр. Магілёву адводзілася роля галоўнага абарончага плацдарма. Найважнейшай задачай новай пабудовы фронту з’яўлялася фарміраванне глыбокаэшаланіраванай абароны Масквы. План стратэгіі прадставілі І. Сталіну 26 чэрвеня 1941 года начальнік Генеральнага штаба Чырвонай Арміі Г. Жукаў, нарком абароны СССР С. Цімашэнка, намеснік Жукава – М. Ватуцін. Сталін дактрыну зацвердзіў без адзінай заўвагі” [11].

Такім чынам, праведзены аналіз паказвае, што адсутнасць адзінага і адназначнага адказу на пытанне аб існаванні ў Савецкім Саюзе напярэдадні вайны абарончага плану, не дае магчымасці прыняць за канчатковы варыянт тэрмін “Абарончая аперацыя на Беларусі 1941”, праведзеная ў Вялікую Айчынную вайну войскамі Заходняга фронту 22.6 – 9.7 1941 г. Лічым, што пытанне патрабуе далейшай навуковай прапрацоўкі.

ЛІТАРАТУРА

1. Ваенная энцыклапедыя Беларусі / рэдкал.: Л.У. Языковіч (гал. рэд.) [і інш.]; маэт. В.А. Ляхар. — Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. — 1136 с.
2. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945 : энцыклапедыя Беларус. Сав. энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1990. — 680 с.
3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭн, 1993–2003. — Т.1: А – Беліца. — 1993. — 494 с.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭн, 1993–2003. — Т. 2 : Беліцк – Гімн. — 1994. — 537 с.
5. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭн, 1997–2004. — Т. 4 : Варанецкі – Гальфстрым. — 1997. — 480 с.
6. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; гл. редкол. : А. Т. Кузьмин (пред.) [и др.]. — Минск : Беларусь, 1983–1985. — Т. 1. — 1983. — 591 с.
7. Великая Отечественная война, 1941–1945 : энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. — М. : Совет. Энцикл., 1985. — 832 с.

8. Памяць. Беларусь. Рэспубліканская кніга / Беларусь. Энцыкл. ; рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1995. – 624 с.
9. История Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. / редкопис. : А. А. Гречко (пред.) [и др.]. – М.: Воениздат, 1973–1982. – Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР / А. А. Гречко [и др.]. – 1974. – 502 с.
10. Хисамутдинова, Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941– 1945 годы: военно-исторические очерки / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. – 476 с.
11. Бараноўскі, Я. Апошняя абаронная аперацыя / Я. Бараноўскі // Звязда. – 2016. – 28 мая.

С. Я. Новікаў

ГЕНАЦЫД БЕЛАРУСКАГА НАРОДА Ў НЯМЕЦКІХ ДАКУМЕНТАХ 1942–1943 ГГ.

(на матэрыялах калекцыі НАРБ «Александрыйскія мікрафільмы»)*

Год гістарычнай памяці, аб’яўлены ў беларускай дзяржаве, служыць адной з галоўным мэт фарміравання аб’ектыўных адносін грамадства да гістарычнага мінулага [01]. Менавіта праўдзівы паказ ваенных падзей мінуўшчыны разглядаецца кожным даследчыкам гісторыі Вялікай Айчыннай вайны як вызначальны крытэрыі для яе вывучэння, паказу ў кантэксце правяраных гістарычных фактаў, у тым ліку тых, якія па цяперашні час заставаліся без увагі беларускай навуковай грамадскасці.

Сёння, калі ў нашай краіне набывае тэндэнцыя па актыўным ўвядзенні ў навуковы зварот новых дакументальных крыніц [1; 2; 3], у тым ліку асобных нямецкамоўных матэрыялаў [1, с. 35; 41–42; 50; 51; 52; 53; 60–61; 2, с. 19; 3, с. 27; 28; 29; 31; 32; 33–43; 44–46; 47; 66; 67–68], перад гісторыкамі і шырокай чытацкай аўдыторыяй адкрываецца ўнікальныя магчымасці для аб’ектыўнага даследавання крайне складаных аспектаў рэгіянальнага ўзроўню ваеннай гісторыі Беларусі 1941–1944 гг. У пераліку такім складаных і супярэчлівых тэм да гэтага часу застаецца праблема ўсебаковага асвятлення наступстваў нацысцкай палітыкі генацыду грамадзянскага насельніцтва на акупаванай беларускай тэрыторыі, дзе германскія вайсковыя часці, падраздзяленні паліцыі і СД, палявыя і мясцовыя камендатуры, службы тайнай палявой паліцыі рэгулярна праводзілі карныя акцыі, вынікам якіх стала гібель соцень тысяч людзей рознага ўзросту, у тым ліку старых, жанчын, дзяцей. Данесці да людзей гістарычную праўду аб тым жахлівых падзеях даюць, як ні дзіўна, матэрыялы шматлікіх нямецкіх трафейных дакументаў: фонды часткі з іх на цяперашні час захоўваюцца ў НАРБ.

* Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Звернемся да малавядомай не толькі для шырокага чытача, але і для прафесійных ваенных гісторыкаў, нямецкай калекцыі “Александрыйскія мікрафільмы”. Першаснае знаёмства з матэрыяламі фонду аўтару гэтых радкоў удалося ажыццявіць больш за два дзесяцігоддзі таму: на той час у беларускай гістарычнай навуцы адсутнічалі публікацыі на гэту тэму. Першыя з іх пабачылі навуковы свет на стыку 1990-х і нулявых гадоў, аднак былі апублікаваны не ў профільных гістарычных часопісах накшталт БГЧ, а ў навукова-тэарэтычным штоквартальніку “Весці Інстытута сучасных ведаў” [4, с. 60–69] і навукова-метадычным штоквартальніку “Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта” [5, с. 149–152].

Калі другі артыкул закранаў гістарычныя падзеі пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны, раскрываючы некаторыя з іх, якія мелі месца на тэрыторыі Беларусі, дык першы цалкам прысвячаўся гісторыі паходжання дакументальнай калекцыі, а таксама часткова археаграфічнаму аналізу зместу калекцыі, раскрыццю яе факталагічнага патэнцыялу і паказу важнасці гэтага ўнікальнага комплексу дакументальных матэрыялаў, захаваных на старонках “Александрыйскіх мікрафільмаў”, якія на той час у навуковай літаратуры атрымалі назву “нацыянальнай калекцыі” [5, с. 149].

Узнікае правамернае пытанне: дык у чым на цяперашні час заключаецца гістарычнае значэнне гэтай калекцыі? Як адзначалася вышэй, у сучаснай беларускай гістарыяграфіі гэта тэма пакуль застаецца маладаследаванай. Адной з прычын такога становішча можна назваць той просты факт, што змест мікрафільмаў складаюць нямецкамоўныя дакументальныя матэрыялы, праца з якімі вымагае валодання замежнай мовай. На наш погляд, другой актуальнай прычынай, якая ў апошні час пачала замінаць даследчыкам працу з самімі нямецкамоўнымі матэрыяламі, аўтар гэтых радкоў вылучыў бы фізічная гібель асобных мікрафільмаў, асабліва негатыўнага характару, якія практычна нельга прачытаць нават з выкарыстаннем спецыяльнага апарата, паколькі якасць перазнятых дакументаў за больш чым паўстагоддзя пасля стварэння гэтых мікрафільмаў істотна знізілася і працягвае губляцца. Таму ў бліжэйшы час можа скласціся сітуацыя, калі пры наяўнасці мікрафільма з ім будзе амаль што немагчыма працаваць даследчыкам пры вывучэнні падзей ваеннай гісторыі Беларусі. У выніку гэта можа азначаць нішто іншае як страту такой важнай замежнай крыніцы для даследавання розных пытанняў беларускага гістарычнага мінулага.

У гэтай сувязі зусім каратка нагадаем чытачу пра гісторыю ўзнікнення мікрафільмаў. Пачаць жа распавядаць пра “Александрыйскія мікрафільмы” хацелася б назвы самой калекцыі. Паводле даследавання, праведзенага аўтарам гэтых радкоў, такую назву калекцыя атрымала ад горада Александрыя (на той час прыгарад Вашынгтона) ў штаце Вірджынія, дзе пасля вывазу з нацысцкай Германіі знаходзіліся нямецкія трафейныя дакументы, з якім пачала працу Асацыяцыя амерыканскіх гісторыкаў Гарвардскага ўніверсітэта разам з Амерыканскім камітэтам па вывучэнні дакументаў вайны, Нацыянальным архівам і Цэнтрам архіўнага сервісу [4, с. 61–62]. Забягаючы

наперад заўважым, што, як ні дзіўна, але вывезеным за акіян нямецкім дакументам было накіравана вярнуцца ў пасляваенную Германію як у арыгінальнай форме, так і на мікрафільмах. Пра гэта чытач можа знайсці неабходныя звесткі ў манаграфіі С. Я. Новікава “Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 гг. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў)” [7, с. 35–49]. Апроч таго, важна памятаць, што фарміраванне нацыянальнай калекцыі мікрафільмаў з’яўлялася спецыяльнай задачай секцыі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ. У выніку, цягам 1970-х гадоў ваенныя гісторыкі П. П. Ліпіла, В. П. Раманоўскі і А. В. Сямёнава наведалі Патсдам, дзе здолелі зрабіць тэматычную падборку мікрафільмаў і ўкамплектаваць цэлую калекцыю ў агульнай колькасці 279 мікрафільмаў [4, с. 67]. Заўважым, што на цяперашні час у нацыянальнай калекцыі на ўліку знаходзіцца 292 мікрафільмы.

Не менш цікавым для чытача можа з’яўляцца колькасная характарыстыка саміх мікрафільмаў, якія, насамрэч, уяўляюць сабой фотаплёнку рознай даўжыні, накручаную на ролікавую бабіну. Па нашых падліках, нацыянальная калекцыя, якая цяпер захоўваецца ў фондах НАРБ, складае 6296 пагонных метраў у даўжыню, або больш за 6 км. Самым доўгім можна лічыць мікрафільм пад уліковым нумарам 79: пры агульнай колькасці ў 1862 кадры на ім даўжыня перавышае 37 пагонных метраў, у той час як самым кароткім з’яўляецца мікрафільм даўжынёй у 52 кадры, г.зн. роўна 1,6 м. Заўважым, што ў калекцыі большасць мікрафільмаў перавышае адну тысячу кадраў ці стандартных уліковых старонка, гэта азначае, што кожны з гэтых ролікаў мае даўжыню больш за 20 м. Агульная колькасць уліковых старонак, захаваных на мікрафільмах, складае амаль 315 тысяч уліковых лістоў [4, с. 68].

Аналіз агульнага зместу дакументальных матэрыялаў, выяўленых сярод трафейнай калекцыі па ваеннай гісторыі Беларусі, дае падставы лічыць, што шматлікія з іх можна лічыць незаменнымі першакрыніцамі. Даступныя на цяперашні час для беларускіх даследчыкаў, яны ў поўным сэнсе ўтрымліваюць унікальныя гістарычныя звесткі аб ваеннай гісторыі Беларусі, істотна дапаўняюць ужо добра вядомую архівістам і гісторыкам крыніцазнаўчую базу, у дэталю раскрываючы іх на рэгіянальным ці лакальным узроўнях.

Дакументальныя матэрыялы нямецкай трафейнай калекцыі, прааналізаваныя скрозь прызму выяўлення звестак аб наступствах нацысцкай палітыкі генацыду грамадзянскага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі, пераканаўча сведчыць аб выяўленні доказнай часткі матэрыялаў ў дачыненні да вынікаў знішчэння мірных людзей у ходзе карных аперацый у 1942 г. Намі разгледжаны змест 8 архіўных мікрафільмаў, з якіх мікрафільм пад № 101 утрымлівае 103 старонкі матэрыялаў “Генеральнага плана “Ост” (Generalplan Ost) [7], вядомага ў выглядзе агульнай канцэпцыі палітыкі германізацыі з базавымі палажэннямі прававых, эканамічных і адміністрацыйных асноў адбудовы акупаваных усходніх тэрыторый.

Сярод іншых надзвычай важных дакументаў можна назваць зводкі падзей з тэрыторыі СССР (Ereignismeldungen aus der UdSSR), якія штодзённа дасылалі Айзацкаманды (Einsatzgruppe B; Einsatzkommando 7a, 7b, 8, 9) ў службу бяспекі рэйха – РСХА (RSHA) у Берлін Рэйхсфюрэру СС і начальніку германскай паліцыі. Некалькі мікрафільмаў (№№ 131–134) утрымліваюць 195 зводак (№ 1 ад 23.06.41 г. і № 195 ад 24.04.42 г.) [8; 9; 10]. Сярод зводак найбольшую навуковую каштоўнасць маюць тыя данясенні, якія паказваюць злачынную дзейнасць Айзацгрупы “Б” на тэрыторыі Беларусі, у тым ліку прыводзіць дакладныя звесткі аб знішчэнні грамадзянскага насельніцтва, у першую чаргу беларускіх яўрэяў. Так, паводле зводкі № 22 ад 14.07.41 г. было забіта 4234 чалавек; праз 5 дзён гэта лічба дасягнула 7620, на 31 ліпеня паводле зводкі № 39 колькасць ахвяр вырасла 11084, на 20.08.41 гэта лічба павялічылася да 16964 чалавек, зводка № 82 утрымлівае звесткі пра 23804 яўрэяў, забітых да гэтага часу на тэрыторыі Беларусі. У зводцы № 97 ад 28 верасня 1941 г. пазначана, што на гэты момант былі забіты 30094 чалавек [11, S. 62]. Цікавыя звесткі ўтрымлівае зводка № 2 з занятых усходніх абласцей ад 8 мая 1942 г., у якой прыводзяцца звесткі аб разгроме падпольнага партыйнага камітэта г. Мінска. Гэты мікрафільм (№ 133–134) дае таксама магчымасць для аналізу падзей з усходніх тэрыторый, якія мелі месца да пачатку жніўня 1942 г. У зводцы № 15 ад 7 жніўня 1942 г. разам з данясеннем з занятых усходніх абласцей прыводзіцца дадатковы матэрыял у дачыненні да тэрыторыі РСФСР.

Астатнія 7 мікрафільмаў ахопліваюць перыяд з пачатку вясны да сярэдзіны снежня 1942 г., калі на тэрыторыі Беларусі адбыліся 19 карных аперацый, скіраваных супраць беларускіх партызан, у тым ліку: 7 насіла назву гарадоў Германіі, напрыклад: Бамберг, Гамбург, ГанOVER, Нюрнберг, Мюнхен, Карлсбад, Патсдам; 7 атрымалі назвы птушак, звяроў і насякомых – грыф, балотная кветка, арол, дзядоўнік, майскі жук, чорна-бурая ліса, смерць аленя; 2 – геаметрычныя назвы: трохвугольнік, чатырохвугольнік; 1 – насіла назву гаспадарчых заняткаў вяскоўцаў – позні збор ураджаю; 1 аперацыя насіла жаночае імя Фрыда; 1 – з’явы прыроды і людскіх адносін – маланка, сяброўства, праныра. Такім чынам, з дакументальных звестак вынікае, што цягам некалькіх месяцаў 1942 г. было праведзена амаль два дзясяткі карных аперацый, якія ахоплівалі тэрыторыю практычна ўсёй Беларусі: у раёнах *Віцебска–Полацку* гэта раёны Асвеі, Расон, Дрысы, Ушач, Чашнікаў, Сянно, Ветрына, Шуміліна; у раёнах *Оршы–Магілёва* гэта раёны Быхава, Чэрвеня, Беразіно, Краснаполля, Прапойска; у раёнах *Бабруйска–Крычава* гэта раёны Любані, Азарыч, Глуска, Капаткевіч, Карпілаўкі, Жыткавіч, Хоцімска, Клімавіч, Мгліна і Суража [12; 13; 14; 15].

Матэрыялы ахопліваюць больш за 3 тысячы кадраў ці традыцыйных аркушаў фармату А 4. Некаторыя з іх утрымліваюць важныя гістарычныя звесткі, датычныя маштабаў правядзення карных аперацый, іх непасрэдных выканаўцаў, згадкі аб колькасці захопленых матэрыяльных трафеяў і людзей, у тым ліку лічбы пра колькасць забітых.

Так, сярод матэрыялаў мікрафільма пад № 115 захаваны данясенні на імя Рэйхсфюрэру СС і начальніку германскай паліцыі аб барацьбе супраць партызан у ходзе антыпартызанскіх аперацый рознага маштабу, у тым ліку: “Альберт”, “Мюнхен”, “Нюрнберг”, “Гамбург”. Так, карная аперацыя “Нюрнберг” працягвалася цягам аднаго тыдня з 23 па 29 лістапада 1942 г. у раёне населенага пункта Дуброўка (на паўночны захад ад г. Глыбокае) з удзелам 1-й пяхотнай брыгады СС і 14-га паліцэйскага палка і іншых паліцэйскіх падраздзяленняў, якія у адпаведнасці з асобным загадам узначалывала спецыяльна створаная баявая група на чале К. фон Готбергам – начальнікам СС і паліцыі Генеральнай акругі Беларусь. У данясенні паведамляецца пра ліквідацыю 2974 чалавек, з якіх 1826 з’яўляліся яўрэямі і 7 рома (цыганоў), астатнія значыліся: 789 “бандытаў” і 353 – “падазроныя ў сувязі з партызанамі”. Карная аперацыя “Гамбург” цягнулася з 10 па 21 снежня 1942 г. у раёне трохвугольніка рэк Нёман – Шчара і г. Слоніма. Тут цягам 12 дзён 4 нямецкіх паліцэйскіх батальёны і 3 ахоўных калабаранцкіх батальёны забілі 6172 мясцовых жыхара, сярод якіх 2988 яўрэяў. Апроч таго былі захоплены наступныя сельскагаспадарчыя трафеі, сярод іх 7905 галоў буйной рагатай жывёлы, коней, авечак, свіней і 1678 тон зерня. Апроч таго, на старонках мікрафільма сустракаюцца іншыя важныя дакументы, напрыклад: радыёграма і дакладная на імя фюрэра аб знішчэнні зондэркаманды пад камандаваннем Дзірлевангера некалькіх умацаваных партызанскіх лагераў на поўдзень ад Чэрвеня, пра хуткацечную карную аперацыю супраць партызан 1-й пяхотнай брыгады СС і зондэркаманды пад камандаваннем Дзірлевангра ў раёне на поўдзень ад Барысава. Завяршае мікрафільм дакладная на імя фюрэра рэйха аб выніках аперацыі, праведзенай супраць партызан 201-м паліцэйскім батальёнам за 20 км на поўнач ад Лепеля [12].

Звесткі аб выніках карных аперацый “Грыф” і “Карлсбад” даюць падставы ўбачыць наступствы праведзеных аперацый на тэрыторыі аднаго лакальнага рэгіёна паміж паўночнымі гарадамі Оршай і Віцебскам з пэўным прамежкам часу. Аперацыя “Грыф”, адлюстраваная ў матэрыялах дакладной на імя фюрэра, ладзілася цягам аднаго тыдня з 14 па 20 жніўня 1942 г. з удзелам падраздзяленняў 286-й ахоўнай дывізіі, двух паліцэйскіх палкоў і французскага батальёна. Вынікам правядзення гэтай карнай аперацыі стала лічба ў 1395 чалавек, з якіх 796 мірных жыхароў і падазроных у партызанскай дзейнасці былі забіты, а менш значная частка – 599 былі захоплены ў якасці працоўнай сілы. У сярэдзіне кастрычніка ў гэтым жа раёне была праведзена яшчэ адна карная аперацыя пад назвай “Карлсбад” з удзелам 1-й пяхотнай брыгады СС і 1-га батальёна 14-га паліцэйскага палка і зондэркаманды пад камандаваннем Дзірлевангера. За гэты час былі забіты 1051 чалавек, атрымана 178 адзінак зброі ў якасці трафеяў. Таксама згадвалася аб гібелі 24 нямецкіх карнікаў, тады як у ходзе карнай аперацыі “Грыф” гэта лічба складала 26 карнікаў [13; 14].

Вывучэнне мікрафільмаў паказвае, што найбольш кампактнае размяшчэнне матэрыялаў аб карных аперацыях, праведзеных германскімі акупантамі на тэрыторыі Беларусі у 1942 г., змешчаны на двух мікрафільмах пад № 215 і 280. Так, на першым з іх на 520 кадрах ці архіўных аркушах змешчаны звесткі пра карныя аперацыі “Бамберг”, “Патсдам”, “Арол”, “Майскі жук”. З матэрыялаў бачна, што з 26 сакавіка па 6 красавіка падраздзяленні 707-й пяхотнай дывізіі, 102-га славацкага пяхотнага палка і 315-га нямецкага паліцэйскага батальёна праводзілі карную аперацыю “Бамберг” у раёне на поўдзень ад Слуцка і на паўднёвым захадзе Бабруйска, у час якой былі забіты не менш за 4396 мясцовых грамадзян, у тым ліку партызан. У ходзе аперацыі загінула 7 карнікаў. Былі ўзяты трафеі: 47 адзінак зброі і прадукты сельскай гаспадаркі, у тым ліку: 5061 галава буйной рагатай жывёлы, коней, свіней, авечак, 115 тон зерня і 120 тон бульбы. У маі і чэрвені ў раёне Бабруйска былі праведзены яшчэ дзве карныя аперацыі “Майскі жук” (9–12.05.41) і “Патсдам” (пачатак чэрвеня 1941 г.). З боку германскіх акупантаў выкананне загадаў аб правядзенні аперацый забяспечвалі 122-і і 473-і ахоўныя батальёны, зондэркаманда Дзірлевангера, 51-ы і 122-і паліцэйскія батальёны. У ходзе карных аперацый было забіта не менш 1620 мірных жыхароў, у якасці трафеяў ўзята 260 коней. Партызаны ў ходзе аперацыі “Майскі жук” забілі 10 карнікаў. З 15 ліпеня па 7 жніўня 1942 г. адбылася адна не толькі з самых працяглых, але і маштабнай карнай аперацыі пад назвай “Арол”. У ёй бралі ўдзел падраздзяленні адразу дзвюх ахоўных дывізіій – 203-й і 286-й, якія разам 2-м паліцэйскім палком і карным батальёнам пад камандаваннем Дзірлевангера праводзіла больш чым трохтыднёвую аперацыю ў раёне Бабруйска–Магілёва–Беразіно. У выніку яе правядзенне былі забіты 1381 чалавек, 428 захоплены ў якасці працоўнай сілы; 399 адзінак баявых узбраенняў, таксама 39 адзінак цяжкай зброі. Апроч таго, было захоплена 2838 галоў буйной рагатай жывёлы, коней, свіней, авечак. У ходзе аперацыі карнікі страцілі 25 сваіх падначаленых [15; 16].

У канцы верасня і ў пачатку кастрычніка 1942 г., калі цягам 11 дзён у раёне паміж Полацкам і Віцебскам адбывалася карная аперацыя пад назвай “Маланка”, у ёй удзельнічалі падраздзяленні 286-й ахоўнай дывізіі, чатыры паліцэйскія батальёны і іншыя паліцэйскія часці. Як вынік – 567 забітых мірных жыхароў, а таксама 8 карнікаў. Цягам двух дзён з 16 па 18 ліпеня ў раёне Ельска палявая жандармерыя, у тым ліку падраздзяленні з Мазыра, праводзілі карную аперацыю “Балотная кветка”, у ходзе якой былі забіты каля адной тысячы мясцовых грамадзян [17; 18].

Разглядаючы карныя аперацыі 1942 г. неабходна адзначыць, што адной з самых вялікіх была карная аперацыя “Балотная ліхаманка”, якая праходзіла цягам цэлага месяца з 22 жніўня па 21 верасня 1942 г. на тэрыторыі генеральнай акругі Беларусь, г.зн. у яе паўночна-заходняй і цэнтральнай частках. Месячная аперацыя забяспечвалася 1-й пяхотнай брыгадай СС, двума паліцэйскімі палкамі, 7 батальёнамі мясцовай паліцыі і дзвюма тысячамі ахоўнай паліцыі. Як вядома, гэтай аперацыяй кіраваў начальнік СС і паліцыі Гене-

ральной акругі Беларусі К. фон Готберг. Вынікам карнай акцыі стала забойства 10063 мірных грамадзян, з якіх 8350 яўрэяў, звыш 1200 чалавек былі вывезены ў якасці працоўнай сілы. Сельскагаспадарчыя трафеі былі нязначнымі – 62 кані, 5 кароў і невялікая колькасць прадуктаў сельскай гаспадаркі [19, S. 899].

На думку нямецкага гісторыка К. Герлаха, пачынаючы з карнай аперацыі “Бамберг” быў пакладзены пачатак цэлай серыі ваенных мерапрыемстваў супраць беларускага сялянства з мэтай яго рабавання, забойства і вывазу ў рэйх у якасці працоўнай сілы. Галоўная адметнасцю выбару месцаў правядзення такіх аперацый з’яўлялася прамая залежнасць ад знаходжання партызанскіх зон. Менавіта ў такіх раёнах адбываліся вялікія карныя акцыі, прычым не толькі з мэтай барацьбы з партызанамі на тэрыторыі Беларусі. Для гэтага выкарыстоўвалася тактыка, адпрацаваная на адной з першых аперацый пад кодавай назвай “Бамберг”. Яна падзялялася на 4 фазы: 1) стварэнне вялікага катла; 2 фаза – звужэнне катла; 3 фаза – ліквідацыя катла; 4 фаза – татальная зачыстка тэрыторыі, у час якой ахвярамі станавіліся жыхары вёсак, якія знаходзіліся ў гэтым катле. Як вядома, вышэйшым законам вядзення вайны на ўсходзе нацысцкае кіраўніцтва аб’яўляла «патрэбы ваеннай эканомікі», да ліку якіх адносілася прадукцыя сельскай гаспадаркай, а таксама людскія рэсурсы – гэтак званае выкарыстанне чалавека ў якасці працоўнай сілы на прадпрыемствах рэйха і захопленай усходняй тэрыторыі, у тым ліку ў Беларусі.

Аналіз выяўленых колькасных звестак, датычных агульных вынікаў правядзення 9 вышэйзгаданых карных аперацый на тэрыторыі Беларусі ў 1942 г., сведчыць пра маштабы нацысцкіх забойстваў партызан, мірнага насельніцтва, жанчын, старых, дзяцей, у тым ліку яўрэяў: усяго было забіты 29619 чалавек, у тым ліку 13164 яўрэі; 7 рома (цыганоў). Захоплены ў якасці сельскагаспадарчых трафеяў 15809 галоў буйной рагатай жывёлы, свіней, авечак і 325 коней, а таксама 1793 т зерня і 120 т бульбы. У ходзе правядзення антыпартызанскіх аперацый карнікі страцілі 69 падначаленых.

Аналізуючы змест дакументальных матэрыялаў нацыянальнай калекцыі “Александрыйскія мікрафільмы”, у якіх знайшлі адлюстраванне карныя аперацыі на тэрыторыі Беларусі цягам 1943 г., становіцца адразу відавочным, што на 29 бабінах маюцца матэрыялы аб больш чым 60 розных акцыях, праведзеных германскімі акупантамі на захопленай беларускай тэрыторыі фактычна цягам усяго каляндарнага года. Падрабязнае даследаванне кожнай з гэтых акцый стаіць перад аўтарам гэтых радкоў у якасці адной з актуальных задач сучаснай беларускай гістарыяграфіі. Аб важнасці працягу такой скрупулёзнай працы размова ідзе на падставе аднаго крытэрыю – колькасці ахвяр сярод грамадзянскага насельніцтва, жыхароў беларускіх вёсак, забітых і спаленых нямецкімі карнікамі і іх мясцовымі памагатымі ў кожным куточку нашай краіны, які апынуўся ў фокусе тых трагічных падзей. Па папярэдніх

падліках у час карных акцый было забіта 79857 чалавек, 3300 яўрэяў, вывезена ў якасці працоўнай сілы 67571 чалавек, эвакуіраваны 12837 чалавек і 1994 чалавек былі ўзяты ў якасці палонных [20; 21].

Паводле нямецкіх дакументальных даных, самай буйной карнай аперацыяй, з’яўлялася аперацыя “Котбус”, якую з 20 мая па 23 чэрвеня 1943 г. праводзіла больш за 16600 служачых паліцыі, СС, жандармерыі, у тым ліку: 2-га і 13-га паліцэйскіх палкоў СС, 8 калабаранцкіх батальёнаў і 7 ахоўных батальёнаў 286-й ахоўнай дывізіі, 6 узводаў палявой жандармерыі вермахта, асобны батальён пад камандаваннем Дзірлевангера і іншыя падраздзяленні паліцыі праводзілі аперацыю на поўнач ад Барысава ў раёне Лепель – Плешчаніцы – Бегомль – Ушачы, у цэнтры якога знаходзілася партызанская зона ў раёне возера Палік. Вынікам карнай аперацыі сталі 9796 забітых у ходзе антыпартызанскай акцыі, ад 2 да 3 тысяч загінала ў ходзе правядзення “размініравання” шляхам выкарыстання жывога людскога шчыта, 500 чалавек былі арыштаваны як падазроныя ў супрацоўніцтве з партызанамі і 6053 чалавека (сярод іх 4997 мужчын і 1056 жанчын) былі захоплены ў якасці рабочай сілы. Апроч таго, былі захоплены значныя трафеі, у тым ліку рознага ўзбраення, а таксама 6346 галоў буйной рагатай жывёлы, коней, свіней, авечак, 684 т зерня і інш. Шматлікія вёскі, асабліва нашляху дзейнасці карнага батальёна пад кіраўніцтвам Дзірлевангера, былі спалены, а жыхары расстраляны. Толькі ў раёне Заслаўя былі забіты 1419 жыхароў 13 бліжэйшых вёсак; не менш 26 вёсак былі знішчаны гэтым падраздзяленнем у раёне Плешчаніц і Бягомля. Агульная колькасць забітых гэтым карным батальёнам толькі за першыя два тыдні карнай аперацыі складала амаль 14 000 чалавек [20; 21].

Цікавымі нам падаюцца дакументальныя звесткі аб стратах у выніку правядзення аперацыі “Котбус”: на 18 чэрвеня 1943 г. праціўнік страціў 9818 чалавек, з якіх у ходзе баявых дзеянняў страты склалі 5650 чалавек, былі расстраляны 3616 чалавек, захоплены ў палон 552 чалавекі. Самі карнікі страцілі забітымі 82 чалавекі, 358 былі паранены і 3 зніклі без вестак. У гэтай сувязі чытачу будзе дарэчы даведацца аб стратах ходзе аперацыі “Кобус”, якія вынікаюць з партызанскіх дакументаў. Па даных БШПР, у ходзе баёў былі знішчаны 1968 салдат і афіцэраў праціўніка. Страты ж партызан складалі 88 забітых і 57 параненых, 14 зніклі без вестак [22, с. 10]. Тут мы цалкам пагаджаемся з вядомым ваенным гісторыкам А. В. Шарковым, які прааналізаваў страты, панесеныя за гэты перыяд толькі дзвюма брыгадамі “Жалязняк” і “Дзядзькі Колі”, у якія страты складалі: 91 чалавек забытымі, 55 параненымі і 14 перайшлі на бок ворага. Гэта азначае, што пытанне пакуль застаецца адкрытым і патрабуе далейшага крытычнага даследавання.

Нагадаем, што сярод ахвяр былі не толькі мужчыны і жанчыны, але і беларускія дзеці: іх колькасць застаецца пакуль не высветленай да канца. Апроч таго, патрабуе больш дэталёвай прапрацоўка пытанне аб той частцы забітых, якія ў ходзе антыпартызанскіх карных аперацый сталі ахвярамі, хоць на справе без зброі былі дзевяць з дзесяці забітых ахвяр [23, S. 949]. Хто складаў гэту групу забітых, з каго яна фарміравалася і чаму апынулася

ў якасці аб'ектаў злачыннай дзейнасці германскіх акупантаў? Пытанні, якія пакуль застаюцца без пераканаўчых адказаў. Але іх пастаноўка на сённяшні дзень неабходна, каб ведаць праўдзівую гісторыю Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Такім чынам, даследаванне новых дакументальных крыніц, выяўленых аўтарам сярод матэрыялаў нямецкай трафейнай калекцыі “Александрыйскія мікрафільмы”, сведчыць аб значных маштабах вынішчэння мясцовага грамадзянскага насельніцтва, у тым ліку яўрэяў, былых савецкіх ваеннапалонных у ходзе правядзення карных акцый на тэрыторыі Беларусі цягам 1942–1943 гг. Крытычны аналіз выяўленых гістарычных фактаў на цяперашні час асабліва неабходны для паказу не толькі наступстваў генацыду грамадзянскага насельніцтва на акупаванай беларускай тэрыторыі, колькі вяртання ў пантэон нацыянальнай памяці гэтай катэгорыі пацярпелых ад вайны. У тых сем'ях, якія вынеслі на сваіх плячах цяжар прымусовай рабскай працы на захопленай беларускай тэрыторыі і праз 80 гадоў пасля яе пачатку маўкліва зберагаецца памяць аб тых трагічных старонках жыцця соцень тысяч грамадзян нашай краіны. Вяртанне гэтых імёнаў у агульны спіс ахвяр Вялікай Айчыннай вайны з'явілася б важным крокам па ўшанаванні памяці гэтай суровай старонкі ў нацыянальнай хроніцы памяці і фарміравання на якасна новым узроўні гэтак неабходных элементаў сучаснай культуры памяці ў беларускіх грамадстве ў Год гістарычнай памяці ў Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Лукашенко подписал указ об объявлении Года исторической памяти [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-podpisal-ukaz-ob-objvlenii-goda-istoricheskoy-pamjati-477639-2021/>. – Дата доступу: 13.03.2022.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]: редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Минск: НАРБ, М.: Фонд «Историческая память», 2020. – 932 с.
3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]: редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Минск: НАРБ, М.: Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.
4. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилевская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]: редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Минск: НАРБ, М.: Фонд «Историческая память», 2021. – 520 с.

5. *Новікаў, С. Я.* “Александрыйскія мікрафільмы” як новая архіўная першакрыніца ваеннай гісторыі Беларусі / С. Я. Новікаў // Вести Института современных знаний. – 2000. – № 2. – С. 60–69.
6. *Кубека, С. П.* Пачатак Вялікай Айчыннай вайны ў дакументах нацыянальнай калекцыі “Александрыйскія мікрафільмы” / С. П. Кубека // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2001. – № 2. – С. 149–152.
7. *Новікаў, С. Я.* Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 гг. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў) / С. Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2002. – 219 с.
8. Генеральны план “Ост” (Generalplan Ost) // НА РБ. МФ 101. К. 3600137–36000240.
9. Ereignismeldungen aus der UdSSR №№ 1–100 // НА РБ. МФ 131. К. 721355–722737.
10. Ereignismeldungen aus der UdSSR №№ 101–173 // НА РБ. МФ 132. К. 722741–723915.
11. Ereignismeldungen aus der UdSSR №№ 174–195 // НА РБ. МФ 131. К. 723917–724695.
12. *Gerlach, Ch.* Die Einsatzgruppe B / Ch. Gerlach // Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / hrsg. von Peter Klein. Bd. 6. – Berlin: Druckhaus Hentrich, 1997. – S. 52–70.
13. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Нюрнберг” і “Гамбург” // НА РБ. МФ 115. К. 698603–698968.
14. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Грыф” і “Карлсбад” // НА РБ. МФ 117. К. 656114–657394.
15. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Грыф” і “Карлсбад” // НА РБ. МФ 126. К. 738611–738681.
16. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Бамберг”, “Патсдам”, “Майскі жук” і “Арол” // НА РБ. МФ 215. К. 000001–000521.
17. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Бамберг”, “Мюнхен”, “Гобург” і “Сяброўства” // НА РБ. МФ 273. К. 000001–000786.
18. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Фрыда”, “Праныра”, “Маланка”, “Чорна-бурая ліса” і “Позні збор ураджаю” // НА РБ. МФ 280. К. 000066–000491.
19. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Балотная кветка” // НА РБ. МФ 298. К. 000398–000600.
20. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – 1232 S.
21. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Котбус”, “Фрыц”, “Альберт” // НА РБ. МФ 128. К. 763952–764253.
22. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Майская навальніца”, “Котбус”, “Збор ураджаю” // НА РБ. МФ 193. К. 548263–548346.

23. Шарков, А. В. Предисловие / А. В. Шарков // «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май – июнь 1943 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол. : А. Н. Артизов [и др.]. – Минск: НАРБ, 2018. – С. 3–10.

24. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – 1232 S.

С. Г. Лютко

ОПЕРАТИВНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ МИНСКОЙ ОБЛАСТИ К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В предвоенные годы Белорусская ССР находилась на важном военно-стратегическом направлении, что и обусловило большое внимание со стороны руководства БССР и командования Западного Особого военного округа оперативному оборудованию ее территории, стремление как можно быстрее увеличить возможности промышленности, сельского хозяйства и транспорта по обеспечению потребностей армии.

В связи с тем, что главные силы ЗапОВО (войска прикрытия): 3, 4 и 10-я армии накануне войны были развернуты вдоль советско-германской границы на территории Белостокской и Брестской областей, в оперативном отношении центральные и восточные области республики (Минская в том числе) предназначались для их обеспечения, а также для наращивания усилий по ведению наступательных (контрнаступательных) действий. Для этого хорошо подходили физико-географические условия Беларуси, так как равнинная местность позволяла широко применять крупные группировки войск. В то же время залесенность территории Минской области к лету 1941 г. ограничивала количество танкодоступных направлений – в основном вдоль автомобильных и железных дорог. Большое количество рек, текущих в основном с севера на юг (Бережина, Случь, Птичь и Свислочь), являясь природными рубежами, препятствуют проведению наступательных действий и способствуют ведению оборонительных. Наличие больших участков лесов и болот, притом, что большая часть населения области проживала именно в сельской местности, создает благоприятные условия для развертывания в тылу противника активного партизанского движения.

В результате активной организационной и трудовой деятельности в ходе трех предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.) Минская область к началу Великой Отечественной войны являлась наиболее развитой в республике в экономическом отношении. Основным промышленным центром был Минск, в котором находилось 332 промышленных предприятия, из них более 70 крупных. В Борисове были в основном предприятия деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. В области находилось много предприятий пищевой промышленности [1].

Большое значение при подготовке территории Минской области в оперативном отношении накануне войны имело создание авторемонтных предприятий. Минская авторемонтная станция и автобронетанковая мастерская в Слуцке к началу войны были готовы, а строительство еще одной авторемонтной станции в Минске, шиноремонтного завода и авторемонтной мастерской закончить не успели [2, с. 273, 357–358].

Профилирующей отраслью хозяйства Минской области, как и в целом Беларуси, в предвоенные годы было сельское хозяйство, специализирующееся на мясомолочном животноводстве со значительным развитием овощеводства, картофелеводства, птицеводства, льноводства и свекловодства [3]. Развитое сельское хозяйство и большое количество предприятий легкой промышленности (в основном пищевой) в случае войны могли быть использованы для обеспечения нужд фронта, при условии его стабилизации западнее территории Минской области.

Территория области имела разветвленную сеть автомобильных дорог и три линии железнодорожных путей: Дзержинск – Минск – Крупки, Заславль – Минск – Марьина Горка и Старые Дороги – Слуцк – Тимковичи. Крупнейшим железнодорожным узлом являлся Минск, крупными станциями являлись Борисов и Слуцк. Река Березина использовалась, как важная речная транспортная артерия. В Борисове существовала перевалочная речная пристань. Аэропорты действовали в Минске, Старых Дорогах и Холопеничах. Таким образом, к лету 1941 г. на территории Минской области имелась хорошо развитая транспортная сеть, представленная автомобильным, железнодорожным, авиационным и речным видами транспорта, которая должна была позволить в случае необходимости осуществить переброску войск на значительные расстояния в короткие сроки.

В то же время, в обеспечении транспортом имелся ряд серьезных недостатков. Отсутствовали вторые пути на участке железной дороги Минск – Радошковичи и обходные ветки на Минском железнодорожном узле. Имела место несогласованная сдача в аренду начальником Западной железной дороги воинских площадок. Обеспеченность подвижного состава железных дорог запасами топлива была крайне плохой. И, наконец, отсутствовали грунтовые дороги, дублирующие основные шоссейные пути [2, с. 359, 364]. Указанные недостатки неминуемо проявились в начальном периоде войны, отрицательно сказавшись на осуществлении мобилизационного развертывания и проведении перегруппировок войск.

Одним из направлений подготовки территории в оперативном отношении накануне войны было санитарное обеспечение. При этом, помимо существующих лечебных заведений, под госпиталя на военное время заблаговременно были подготовлены некоторые школы, казарменные и другие помещения в городах Минске, Борисове и Слуцке, для перевозки больных и раненых дополнительно был выделен и оборудован транспорт (автобусы и грузовые машины) [2, с. 360–361].

На территории Минской области находились Минский и Слуцкий укрепленные районы, организационно входившие в общую систему оборонительных сооружений, создаваемую в 1930-х гг. и протянувшуюся вдоль линии государственной границы 1920–1939 гг. от Балтийского до Черного моря – так называемую «Линию Сталина».

Минский УР начинался севернее Плещениц и заканчивался южнее Дзержинска, имея 128 км протяженности по фронту и 2–6 км в глубину. К началу войны здесь имелось 327 ДОТов [4; 5]. Слуцкий УР имел 70 км по фронту и 3–5 км в глубину; к началу войны здесь не было ни одного законченного ДОТа, а на стадии строительства находилось 130 ДОТов [5].

В связи с переносом западной границы СССР в сентябре 1939 г. все работы по дальнейшему строительству Минского и Слуцкого УРов были прекращены, вооружение и оборудование ДОТов снято. [6, с. 155].

Накануне войны на территории Минской области имелось пять военных училищ (два танковых, пехотное, военно-политическое и военно-инженерное), четыре летных школы (три военные школы пилотов и одна средняя спецшкола ВВС) и шесть курсов усовершенствования начсостава (четыре пехотных и двое стрелково-пулеметных). Территориально они размещались в Минске, Борисове, Пуховичах, Слуцке и Уречье [7]. Большое количество военно-учебных заведений на территории Минской области летом 1941 г. могло способствовать обеспечению войск Красной Армии необходимым количеством специалистов, в которых в то время ощущался большой недостаток. В то же время стремление к увеличению количества военно-учебных заведений и короткие сроки обучения курсантов неминуемо сказывались на качестве подготовки выпускников.

Определенную помощь в подготовке специалистов для Красной Армии: летчиков, связистов, снайперов и др., оказывало Осоавиахим БССР. В Минске и Борисове накануне войны действовали аэроклубы, во многих населенных пунктах, Минске, Борисове, Слуцке, Старобине, Пуховичах, Тимковичах и др., – кружки по стрелковому делу, военно-технические, связистов и снайперов.

Помимо подготовки специалистов для Красной Армии Осоавиахим занимался созданием и обучением из числа своих работников и местного населения специальных групп и отрядов по уничтожению авиадесантников противника и охране объектов, имеющих важное государственное и оборонное значение. В мае 1941 г. в Борисовском и Слуцком районах Осоавиахимом проводились учения на тему: «Уничтожение авиадесантов противника и охрана государственных объектов», высоко отмеченные руководством республики [2, с. 369].

Важным направлением деятельности по подготовке населения и территории к будущей войне в то время считалось создание системы гражданской обороны. Она включала: штабы; участковые команды, состоящие из приписного состава военнообязанных; группы самозащиты, которых готовили общественные организации (Осоавиахим, Красного Креста и Красного Полумесяца); сеть бомбоубежищ, а также обучение населения правилам действий во время воздушной опасности.

Не смотря на то, что в первой половине 1941 г. делалось многое для повышения эффективности функционирования системы гражданской обороны, в этом направлении отмечалось еще много серьезных недостатков. Так, в докладной записке НКВД СССР секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко от 11.04.1941 г. отмечалось, что обеспеченность городов бомбоубежищами недостаточная; затемнение городов и предприятий полностью не организовано; население правилам поведения во время воздушной опасности не обучено и система оповещения несовершенна; штабы не имеют необходимых практических навыков по управлению в условиях непосредственного воздействия противника; личный состав участковых команд часто меняется вследствие безалаберной работы военкоматов; посещаемость занятий в командах низкая, подготовка групп самозащиты плохая; к массовому тушению пожаров при воздушном нападении противника города не подготовлены; железнодорожные станции не обеспечивают укрытие пассажиров при воздушной опасности. Отмечалось, что особенно плохо с подготовкой участковых команд обстоят дела в Минске, а также, что телефонно-телеграфные станции совершенно не защищены от ударов с воздуха, что создает угрозу потери управления в ходе ведения военных действий. Главной причиной этих недостатков указывался тот факт, что начальники гражданской обороны городов (председатели городских исполкомов Советов трудящихся) всю работу переложили на начальников штабов, а сами организацией мероприятий гражданской обороны занимались от случая к случаю [2, с. 349–350].

Весной 1941 г. было спланировано строительство в Минске 10 подземных бомбоубежищ с деревянным креплением второй категории, общим объемом на 15000 человек, и одного бомбоубежища первой категории (специальный объект № 1) с дублирующим узлом междугородной связи. Дополнительно под убежища второй категории предполагалось оборудовать подвалы в существующих и строящихся зданиях еще на 15 000 человек. Строительство всех бомбоубежищ планировалось закончить к ноябрю 1941 г. [2, с. 355, 365, 368–369] Соответственно, к началу войны они готовы не были, да и обеспечить потребности столицы они смогли бы лишь на 15 % (с учетом убытия с проведением мобилизации призывников в действующую армию).

Поэтому можно утверждать, что система гражданской обороны на территории Минской области к началу Великой Отечественной войны практически не была готова к защите населения от ударов противника с воздуха.

Подводя итог, следует отметить следующие особенности подготовки территории Минской области в оперативном отношении: здесь находились центральные органы и командные пункты республиканского и военного управления БССР; развитое сельское хозяйство и большое количество предприятий легкой промышленности, главным образом пищевой, могли быть использованы для обеспечения нужд действующей армии; здесь имела разветвленная транспортная сеть; мобилизационные ресурсы населения были высокими; по западной границе области проходила линия заранее подготовленных укрепленных сооружений; здесь имелось большое количе-

ство военно-учебных заведений. В то же время проводимые мероприятия по оперативному оборудованию территории Минской области не были доведены до конца, что во многом осложняло организацию и осуществление отпора агрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусская Советская Социалистическая Республика. – Минск: Гл. ред. Беларус. Сов. Энциклопедии, 1978. – 616 с.
2. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): Документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: НА РБ, 2007. – 622 с.
3. Белорусская ССР: Краткая энциклопедия: в 5 т. / под ред. П. В. Бровки [и др.]. – Минск: Гл. ред. Беларус. Сов. Энциклопедии, 1979. – Т. 1. – 768 с.
4. Линия Сталина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Stalin-line.by>. – Дата доступа: 4.04.2016.
5. Укрепленные районы: перечень укрепленных районов за период 1941–45 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rkka.ru. – Дата доступа: 4.04.2016.
6. *Сандалов, Л. М.* Первые дни войны: Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 года / Л.М. Сандалов. – М.: Воениздат, 1989. – 217 с.
7. *Лютко, С. Г.* Военно-учебные заведения на территории Белорусской ССР в 1918–1941 гг. / С. Г. Лютко, В. И. Шатько // *Весці Нацыянальнай акадэміі навук. Серыя гуманітарных навук.* – 2015. – № 3. – С. 36–41.

В. И. Шатько, В. Б. Василевский, О. М. Лавренюк

ПРОБЛЕМЫ МОБИЛИЗАЦИИ В СССР И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мобилизация (франц. mobilisation, от лат. mobilis – подвижный), комплекс мероприятий по переводу на военное положение вооружённых сил и перестройке экономики и государственных институтов страны для обеспечения нужд войны.

Подготовка к мобилизации осуществляется в мирное время, а сама мобилизация проводится накануне или с началом войны в соответствии с мобилизационным планом, разрабатываемым с учётом мобилизационных возможностей государства. Мобилизация может быть общей или частичной. Общая мобилизация проводится на всей территории страны и распространяется на все вооружённые силы, экономику государства и его различные институты. Частичная мобилизация проводится в районах, расположенных обычно на территории одного из театров военных действий; она охватывает

отдельные военные округа (флоты), области, края и экономические районы страны, а в последних – все отрасли экономики или часть их. Мобилизация может осуществляться открытым или скрытым способом [1].

Следует отметить, что сложившаяся к началу 1940 гг. политическая ситуация в Европе значительно отразилась на развитии теории и практики мобилизации в СССР. В частности, вероятные противники СССР, которыми были основные государства Европы, в первую очередь Германия, имели мощные кадровые армии. Мобилизационные возможности каждого государства были огромны, а мобилизационная подготовка войск имела высочайший уровень.

Новые объективные условия существования советского государства требовали быстрее перевода армии на кадровое положение и упразднения существовавших еще с середины 1920-х годов территориально-милиционных формирований, скорейшего разрешения вопросов подготовки мобилизационного ресурса на новой качественной основе [2].

Закон о всеобщей воинской обязанности, принятый 1 сентября 1939 года, утвердил в армии кадровую систему комплектования. Им было предусмотрено введение новых правовых норм (положение призывного возраста, увеличение сроков действительной военной службы, ограничение льгот и отсрочки от призыва), позволившее советскому государству увеличить численность Вооруженных Сил в условиях уже начавшейся Второй мировой войны. Так, если к 1 января 1938 года в армии было 1513400 человек, то к 1 января 1941 года – 4 207 000 человек) [3]. Служба в армии состояла из действительной военной службы и службы в запасе. Состоящие на действительной военной службе именовались военнослужащими, а состоящие в запасе – военнообязанными.

В законе предусматривались всеобщая воинская обязанность и призыв граждан по мобилизации, а также определялся порядок ее проведения. На основании закона была разработана достаточно правильная для того времени теория мобилизации. Считалось, что мобилизацию необходимо проводить скрытно, чтобы получить преимущество над противником до того, как он сможет отмобилизовать свои вооружённые силы. Мобилизация занимала одно из ведущих мест в подготовке Советского Союза к войне и являлась составной частью стратегического развертывания.

Основным предназначением стратегического развертывания был перевод Вооруженных Сил с мирного положения на военное (с проведением мобилизации), создание группировок войск на театрах военных действий и в глубине территории страны для организованного вступления в войну, отражения агрессии противника и успешного проведения первых стратегических операций начального периода войны.

Мобилизация заключалась в укомплектовании личным составом армии до штатов военного времени, в доукомплектовании войск боевой техникой,

в пополнении вооружением и снаряжением, обмундированием, в формировании новых частей войск, управлений и заведений, необходимых на время войны, в доукомплектовании войск средствами передвижения, поступающим из народного хозяйства [4].

Таким образом, в целом теория мобилизации соответствовала требованиям времени. Согласно этой теории, разрабатывались мобилизационные планы, другие планирующие документы на войну.

Дальнейшее возрастание опасности нападения на СССР и втягивания его в войну, а также формирование новых соединений и рост военно-экономического потенциала страны потребовали внесения изменений в мобилизационные документы всех уровней. В частности, серьезных изменений требовал мобилизационный план страны и план прикрытия границ, сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил страны для отражения агрессии.

Поэтому 12 февраля 1941 года Генеральный штаб представил правительству новый мобилизационный план МП-41, который после тщательного его рассмотрения был утвержден. Разработку документов по мобилизационному плану предписывалось начать немедленно, с расчетом окончания всех работ к 1 июля того же года, а указания о порядке разработки и обеспечения плана были отданы округам в начале марта [3].

Согласно мобилизационному плану МП-41, учитывая его последующие уточнения, Вооруженные Силы СССР намечалось развернуть в составе: 303 дивизии, 348 авиаполка, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад резерва главного командования (РГК), 94 корпусных и 72 артиллерийских полков РГК. После мобилизационного развертывания численность армии должна была составить 8,9 млн. личного состава [3, 5].

Соединения, входящие в состав армий прикрытия, планировалось отмобилизовать в два эшелона. Сроки готовности первого эшелона к выполнению боевых задач определялись в пределах от 2 до 6 часов. Время отмобилизования второго эшелона – к концу 2–3 суток.

Отмобилизование первого оперативного эшелона являлось наиболее сложным. За несколько часов планировалось отмобилизовать прежде всего 114 дивизий армий прикрытия, укрепленные районы первой линии, 85 % войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75 % военно-воздушных сил, 34 артиллерийских полка РГК. Стрелковые, танковые (моторизованные) соединения армий прикрытия при переходе на штаты военного времени должны были получить до 25–30 % личного состава [3].

Следует отметить, что спешка в разработке и различные недочеты мобилизационного плана повлекли за собой существенные проблемы в его исполнении. Так, сокращение сроков отмобилизования, и прежде всего войск армий прикрытия, достигалось призывом основной массы личного состава запаса по территориальному принципу. В то же время для некоторых соединений первого оперативного эшелона транспорт подавался из тыловых районов страны только на 2–4 сутки мобилизации.

Не учитывалось, что при внезапном начале войны отмотобилизование войск, расположенных у границ, может быть сорвано, и они будут вынуждены вступить в бой неуккомплектованными и небоеспособными. Было бы правильным, чтобы в условиях начала стратегического развертывания противника планировалось такое состояние войск армий прикрытия, которое обеспечивало бы им готовность отразить внезапный удар противника без проведения дополнительных мобилизационных мероприятий. Однако такого варианта в мобилизационном плане не предусматривалось. Большая разница в сроках проведения отмотобилизования боевых соединений, частей боевого обеспечения и тыла еще более усугубляла этот крупный просчет в планах мобилизации [4].

В дивизиях приграничных округов некомплект личного состава тыловых частей и учреждений составлял в среднем около 50 %. Личный же состав тыловых частей и учреждений фронта в кадрах не состоял и был приписан из запаса со сроком прибытия на 15 суток мобилизации. Обеспеченность тыла транспортом не превышала 30 %, а в стрелковых дивизиях – 30–50 %.

Из этого следует, что система мобилизационного развертывания находилась в противоречии с обстановкой, сложившейся к лету 1941 г. на западных границах. Соединения и части внутренних округов, а также дивизии, находившиеся в глубине приграничных округов, содержались по сокращенному штату мирного времени (так называемый «6-тысячный состав»). Они должны были получить до 60 % личного состава, недостающую технику и развернуть ряд частей (подразделений) [4].

Анализ планов боевой и мобилизационной готовности армий прикрытия и первого стратегического эшелона позволяет сделать вывод о том, что они были нереальны. Кроме того, в планах не учитывалось главное, а именно то, что армия фашистской Германии была к этому времени уже отмотобилизована полностью и находилась в полной боевой готовности.

В целом, из 303 дивизий, которые должны были отмотобилизоваться по плану МП-41, 172 дивизии имели сроки полной готовности на 2–4 суток мобилизации, 60 дивизий – на 4–5 суток, а остальные – на 6–10 суток. Все оставшиеся боевые части, фронтовые тылы и военно-учебные заведения отмотобилизовывались на 8–15 суток. Полное отмотобилизование Вооруженных Сил предусматривалось завершить на 15-30 суток [6].

С началом агрессии фашистской Германии был выявлен и ряд организационных недостатков, осложнивших или сделавших невозможным осуществление мероприятий мобилизационного плана. В частности, официально о начале войны и переводе страны с мирного на военное время на военное положение было объявлено по радио в полдень 22 июня 1941 года в обращении, с которым выступил от имени правительства Народный комиссар иностранных дел В. Молотов. В тот же день Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление, одобряющее проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации с 23 июня 1941 года военнообязанных 1905–1918 годов рождения в 14 военных округах. К исходу 22 июня, несмотря на сбои,

возникшие из-за потери нарушенных противником коммуникаций и дезорганизации работы органов власти и военной администрации в приграничных военных округах, механизм перевода страны на режим военного времени был запущен [7].

В соответствии с Указом о мобилизации Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. Тимошенко в 16 часов 22 июня подписал мобилизационную телеграмму, которая была сразу же передана в штабы военных округов. Ее содержимое было доведено до республиканских (областных) военных комиссариатов. Мобилизационные телеграммы доставлялись почтово-телеграфными отделениями Народного комиссариата путей сообщений в закрытом пакете с надписью: «О мобилизации». Оповещение военкоматов о начале мобилизации в основном происходило в соответствии с довоенными планами, разработанными областными военкоматами совместно с региональными отделами связи.

Представляет интерес тот факт, что местные органы власти и администрации, партийные и комсомольские организации оказывали большую помощь военным комиссариатам в выполнении возложенных на них задач. Систематически проводились инструктажи с военнослужащими военкоматов, доводилась информация о положении дел на фронте, постоянно происходил обмен опытом работы. Для идеологического обеспечения мобилизационных мероприятий были выделены агитаторы и пропагандисты, оборудованы тематические библиотеки. Согласно распоряжению военкоматов, отделения «Союзпечати» поставляли газеты и журналы в читальные залы, организованные на призывных пунктах. Были созданы информационные таблицы по военным, политическим и правовым вопросам, организовано изучение военных уставов и руководств по военному делу. Военная патронажная комиссия взяла на себя организацию выступлений перед мобилизованными артистических бригад [7].

В ходе проведения масштабных мобилизационных мероприятий по еще не полностью отработанным планам выявился и ряд других недостатков. Так, по информации, предоставленной 24 июня 1941 года заместителю наркома внутренних дел СССР старшему майору госбезопасности В. Абакумову, мобилизация в районах Москвы и Московской области проходила в целом организованно. Во многие военкоматы продолжало поступать значительное количество заявлений о досрочном зачислении в Красную Армию. Только по 29 районам города и области их было подано 3519. Вместе с тем, в отдельных райвоенкоматах отмечались факты недостаточной подготовленности организации призыва. Например, райвоенкомат Щелковского района Московской области опоздал с призывом на 5-6 часов, а отправка военнообязанных была задержана из-за отсутствия плана перевозок людского состава [8].

В специальной сводке от 26 июня сообщалось, что в ходе мобилизации в Москве и Московской области продолжали иметь место отдельные недочеты. В частности, 24 июня подлежал комплектованию и отправке эшелон

в количестве 2300 человек, но он отправился, имея в составе только 878 военнообязанных. То есть, Московские областной и городской военкоматы не обеспечили явку 1772 мобилизованных.

Из-за плохой организации работы некоторых призывных пунктов военнообязанные сутками дожидались назначения. При этом они спали на голом полу и не получали горячей пищи. Отмечались отдельные случаи недисциплинированности и отказа от службы [9].

Работу военкоматов затрудняло возвращение эшелонов и команд, направленных, как оказалось, в уже оккупированные противником приграничные области. Одновременно выяснилось, что комплектование воинских частей личным составом путем явки приписанных военнообязанных непосредственно в воинские части не оправдано: возникли проблемы с их учетом и контролем прибытия, а также с розыском неявившихся [7].

Кроме того, самостоятельно прибывавшие в части нередко не заставляли их в местах дислокации и вынуждены были плутать в окрестностях, не имея никаких задач. Вдобавок, имевшая место несогласованность действий привела к тому, что представители воинских частей уводили с пунктов сбора военнообязанных, предназначенные в другие воинские части. В итоге некоторые из них укомплектовывались сверх штата, в то время как остальные формирования испытывали дефицит военнообязанных. Поэтому потребовалось вносить коррективы в порядок мобилизационного развертывания. Военкоматы получили указания приложить основные усилия к поставке военнообязанных в те части, где их недоставало.

Проведение мобилизационных мероприятий в приграничных районах в первые дни войны затруднял вывод из строя немецкими диверсантами значительной части пунктов управления, узлов и линий связи Красной Армии. Поэтому здесь мобилизация осуществлялась распорядительным порядком, в зависимости от обстановки на фронте.

Требование полного укомплектования войсковых частей в установленные планом или особыми указаниями сроки, вне зависимости от неблагоприятных условий и воздействия со стороны противника и его агентуры, в армиях выполнить не удалось. В результате большая часть войск западных военных округов были вынуждены вести боевые действия, будучи укомплектованными личным составом только на 60–70 %, без развернутых тылов и с большой нехваткой транспортных средств [10].

Так, командир 36-го стрелкового корпуса генерал-майор П. Сысоев 3 июля докладывал командующему 6-й армии Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту И. Музыченко: «Все дивизии и корпус вышли на войну в штатах мирного времени. Отмобилизованные два эшелона до сих пор в соединения не прибыли. Автотранспорт областным военкоматом не дан и части дивизий имеют большой некомплект, который отражается на подвозе и эвакуации. Все сапбаты дивизий и корпусной сапбат были на оборонительных работах и корпусу не возвращены. Переправочные средства с зимних квартир эшелоном не прибыли. Совершенно нет взрывчатки, колючей про-

волоки, большой до 65 % некомплект возимого шанцевого инструмента. В дивизиях и корпусе нет эвакуосредств. Корпус проводит эвакуацию на гражданских подводах. В дивизиях некомплект артвооружения. Потери в стрелковых подразделениях составляют до 40%...» [7].

Эвакуация мобилизационных ресурсов с территорий, находящихся под угрозой захвата противником, не планировалась, поэтому значительная часть призывного контингента и материальных запасов была оставлена противнику. [3].

Первая волна мобилизации закончилась к началу июля 1941 года. Несмотря на все сложности и огромное напряжение, местные органы военного управления в основном обеспечили выполнение мобилизационных задач. Явка военнообязанных в целом по стране достигла 97,4 %. К 1 июля было мобилизовано 5,3 миллиона человек [11].

Одним из направлений работы военкоматов стало выявление лиц, уклоняющихся от учета и мобилизации, а также поиск военнослужащих, дезертировавших из воинских частей. «Имеются отдельные случаи просачивания с фронта дезертиров во внутренние районы, отмечалось в директиве Генерального штаба Красной Армии, направленной начальникам штабов военных округов от 2 июля 1941 года. При этом военные комиссариаты, якобы принимают таких людей на учет и отпускают домой» [12].

Всем областным, районным военным комиссарам, командирам соединений и запасных частей предписывалось немедленно дать указание задерживать и передавать военным трибуналам для привлечения к ответственности по законам военного времени военнообязанных, призванных по мобилизации, а также военнослужащих, просачивавшихся с линии фронта в тыловые районы одиночным порядком или группами без надлежащих документов. Отдельные команды мобилизованных рядового и начсостава, передвигающиеся в свои части, следовало строго проверять и принимать меры к передаче их по назначению или в ближайшие запасные части.

О ситуации в прифронтовых районах дает представление содержание информационной записки секретаря Полесского обкома КП (б) П. Левицкого в ЦК КП (б) Белоруссии об обстановке в области по состоянию на 12 июля 1941 года: «Призыв в Красную Армию в основном прошел организованно, в 2–3 дня. Призывники отправлены по указанным маршрутам, выделен транспорт. Однако, в отдельных районах призыв проведен не полностью, поскольку эти районы в основном были оккупированы вражески частями. В настоящее время по очистке этих районов от вражеских сил проводится и дополнительная мобилизация. В отдельных районах имеются факты дезертирства, неявки на призывные пункты, ухода из отрядов после отправки их по соответствующим маршрутам. Из Славковичского сельского совета Глусского района (единственный сельсовет, который не занимался немцами) должно было явиться на призывной пункт 200 человек, а явилось только 43. В Октябрьском районе задержаны дезертиры, которые подлежали мобилизации. Как установлено, все они скрывались от призыва в Красную Армию. Вся

эта группа передана суду. Подобные факты дезертирства имеют место и ряде других районов. В настоящее время по этому вопросу принимаются соответствующие меры. Местные истребительные отряды и воинские части задерживают также группы бойцов, отстающих от своих частей, и препровождают их военкоматы для направления в части» [3].

В связи с тем, что на востоке СССР мобилизация не объявлялась, с 22 июля по 2 августа 1941 года на «Большие учебные сборы» были призваны военнообязанные начальствующего, младшего начальствующего и рядового состава в количестве 387792 человек. Исходя из военно-политических соображений, мобилизация проводилась скрытым порядком. Обеспечение призыва и поставки ресурсов правительствами союзных республик осуществлялись согласно заявкам военкоматов [13].

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать ряд выводов, актуальных для современных условий. Так, к началу Великой Отечественной войны была разработана относительно гибкая теория мобилизационного развертывания, которая в основе своей учитывала современные тенденции. В то же время в мобилизационном планировании были допущены грубые просчеты. Было нарушено главное требование в планировании – реальность. Планы исходили из устаревших взглядов на начальный период войны и не учитывали производственные возможности государства в мирных условиях. Кроме того, мобилизационный план МП-41 имел ряд недостатков, заключавшихся, в первую очередь, в недостаточном учете опыта и недооценке вероятного противника при проведении от мобилизации и развертывания собственных вооруженных сил. Неотложные мероприятия по подготовке к переводу страны с мирного на военное время не могли быть выполнены в принципе по причине отсутствия достаточного времени на их реализацию.

Основная задача по от мобилизации Вооруженных Сил была возложена на военные комиссариаты, которые, несмотря на ряд имевшихся организационных недостатков, нашли возможность оптимизировать свою деятельность для осуществления регулярного пополнения действующих частей так необходимыми личным составом и техникой. Именно благодаря этому удалось компенсировать недостатки мобилизационного плана МП-41, что обеспечило развертывание армии военного времени. Это, вне всякого сомнения, стало весомым вкладом военных комиссариатов в достижение Великой Победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская военная энциклопедия.– М.: Воениздат, 1978. – Т. 5.
2. Большая советская энциклопедия. – Третье издание. – М. : Советская энциклопедия, 1981.
3. *Захаров, М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. – М. : Воениздат, 1989.

4. *Пещеров, Г. И.* Мобилизация войск: чему учит исторический опыт / Г. И. Пещеров // Военная мысль, 2003. – № 2.
5. 1941 год – уроки и выводы. – М. : Воениздат, 1992.
6. *Соколов, В. П.* Война и людские ресурсы / В. П. Соколов. – М. : Воениздат, 1961.
7. *Неустроев, С.* Огненное лето сорок первого [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/197145>. – Дата доступа : 23.03.2022.
8. *Смыслов, О. С.* Генерал Абакумов. Палач или жертва? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://profilib.org/chtenie/137006/oleg-smyslov-general-abakumov-palach-ili-zhertva-27.php/>. – Дата доступа : 23.03.2022.
9. *Бурт, В.* Москва предвоенная, 1941 год. Жизнь и быт москвичей в годы великой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.liveinternet.ru/users/adpilot/post442394565/>. – Дата доступа : 23.03.2022.
10. *Абрамов, Е. П.* «Черная смерть». Советская морская пехота в бою [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://взглядизпрошлого.рф/wp-content/uploads/2020/05/chernaya_smert_e.p._abramov.pdf/. – Дата доступа : 23.03.2022.
11. За каждой повесткой на фронт кроется подвиг /Красная Звезда/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://redstar.ru/za-kazhdoj-rovestkoj-na-front-kroetsya-podvig>. – Дата доступа : 23.03.2022.
12. *Дайнес, В. О.* Штрафбаты и заградотряды Красной Армии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://profilib.org/chtenie/80085/vladimir-daynes-shtrafbaty-i-zagradotryady-krasnoy-armii-12.php>. – Дата доступа : 23.03.2022.
13. Большие учебные сборы 41-го – была ли мобилизация? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://newsland.com/community/14/content/bolshie-uchebnye-sbory-41-go-by-la-li-mobilizatsiia/716347/>. – Дата доступа : 23.03.2022.

Д. Г. Киенко

КОМЕНДАНТЫ ПАРТИЗАНСКИХ АЭРОДРОМОВ В БЕЛАРУСИ, ПОДГОТОВКА АЭРОДРОМОВ И ПОСАДОЧНЫХ ПЛОЩАДОК, ПРАКТИКА ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Увеличение потребностей и объемов грузоперевозок в интересах снабжения партизан выявило необходимость более детального подхода к вопросу обеспечения безопасных условий посадки и взлета в ночных условиях на неизвестные площадки. Планирование вылетов требовало достоверных сведений о погодных условиях и их динамике в районе целей. Эти факторы выявили необходимость иметь подготовленных партизан, которые бы отвечали за организацию приема грузов, систему подготовки посадочных площадок и метеонаблюдение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *аэродром, коменданты, авиaperезовки, партизаны.*

10 августа 1943 г. Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) направил командиру 1-й авиационно-транспортной дивизии ГВФ (АТД ГВФ) генерал-майору авиации Казьмину М. П. группу партизан в количестве

12 человек для прохождения обучения и получения специальной подготовки с последующим занятием должностей комендантов партизанских аэродромов и посадочных площадок. Вместе с ними в штаб 1-й АТД убыл в качестве куратора от штаба партизан, майор Полосухин П. П., который был наделен полномочиями по всем вопросам подготовки и дальнейшей выброски обученных людей на парашютах в немецкий тыл. 15 августа была начата их подготовка на базе 1-й авиадивизии [1, С. 54].

Обучение включало в себя 50 часов лекций и практических занятий по изучению оборудования аэродрома на базе действующего батальона аэродромного обеспечения и аэродромной службы, которая в тот период обеспечивала вылеты 1-й АТД, еще 30 часов были посвящены обучению метеонаблюдению и составлению метеосводок, 38 часов было отведено на парашютную подготовку и тренировочные прыжки. Теория и практика прыжков были необходимы для того, чтобы коменданты аэродромов, как говориться, «на своей шкуре» испытали и знали нюансы выброски грузов и людей в ночных условиях, знали и видели, что происходит в самолете в ночных условиях в момент подхода к точке выброски и представляли себе все то, – что видит и испытывают десантируемый контингент.

5 сентября все 12 курсантов закончили подготовку, девять из них совершили по три парашютных прыжка. Приказом начальника БШПД П. З. Калинина всем девятерым присвоено название спортсмена парашютиста, выданы нагрудные значки [2, С. 55–56].

После окончания курсов 11 сентября все они получили следующие назначения:

Трещилов В. С. Брестская обл., площадка Сикорского;
Картавищенко А. С. Барановичская обл., площадка Шупени;
Трошев Л. А. Пинская обл., площадка Клещева;
Козинцев М. В. Полесская обл., площадка Бакуна;
Белан В. Ф. Могилевская обл., площадка Мовчанского;
Гапон Н. В. Гомельская обл. площадка Кожар;
Овсянников В. Н. Минская обл., площадка Филиппских;
Кулинич И. П. Минская обл., площадка Паромчика;
Слабко И. Л. Минская обл., площадка Титкова;
Яскевич П. З. Витебская обл., площадка Медникова;
Турагин В. В. Витебская обл., площадка Охотина;
Беляев Г. А. Гомельская обл., площадка Балыкова [3, С. 55].

Коменданты аэродромов и площадок являлись достаточно самостоятельными единицами в партизанской иерархии. Согласно инструкции, регулировавшей их деятельность, они являлись представителями Белорусского штаба партизанского движения и подчинялись непосредственно командиру соединения либо бригады, в зоне которой находился их аэродром (площадка). Таким образом, они являлись полновластными начальниками на вверенных им аэродромах (площадках), и на свое усмотрение могли решать многие вопросы, особенно касательно обеспечения сохранности получаемых грузов.

Однако эта «власть» была лишь в момент приема самолетов, а в остальное время они были «нахлебниками» при бригадах. Это особенно остро чувствовалось в тех местах, где самолеты появлялись раз в год или в несколько месяцев, что было характерно для регионов Западной Беларуси. Если в центральной и восточной части страны, где аэродромы жили активной жизнью и принимали самолеты постоянно, их коменданты пользовались уважением и были «полезными людьми», то на западе это было совершенно не так.

Коменданты аэродромов наравне с командованием бригады или соединений, на территории которых они располагались, несли полную ответственность за безопасность самой площадки, организацию посадок и взлетов самолётов, регулярные изменения посадочных сигналов и их наличие, а также правильное их расположение при приёме самолётов. Они обеспечивали безопасность нахождения самолетов на площадке во время разгрузки и погрузки, а в случае оставления их на дневку, надежное прикрытие бойцами партизанских отрядов, обеспечивали возможность охраны путей подхода противника и маскировку самолётов. В обязанности входило сообщение через радиостанции ежедневных метеосводок, а также передача пересылаемых документов и грузов.

В случае отсутствия готовых площадок или при перемещении бригад, в обязанности комендантов входил поиск приемлемой местности для приема самолетов. За основу брались возможности посадки самолетов Ли-2, то есть размеры искомых площадок должны были быть не менее 1200 на 400 м с твёрдым грунтом и ровной и без каких-либо препятствий территорией. Подходы к площадке должны были быть без леса, или же, при его наличии, лес вырубался в зоне подхода на посадочном курсе.

Помимо обязательного расположения посадочных костров, схема которых всегда согласовывалась перед вылетом самолёта и могла представлять собой «квадрат», «конверт» (прямоугольник с одним костром в центре), «Г-образное» расположение костров и т.д., необходимо было, по возможности, также обозначить направление захода для посадки. Это могли быть или дополнительные костры, выложенные по линии захода, либо выстрел сигнальной ракетой в направлении захода.

Все это делалось для того, чтобы летчики, не видя четкой границы аэродрома в ночных условиях, могли более точно сориентироваться по краю летного поля. Однако выстрелы осветительными или сигнальными ракетами, обоснованные в документах, практиковались лишь осенью 1943г.

Практика их применения почти сошла на нет и прекратилась зимой 1944 г., так как яркий свет, пусть и запущенный вдоль полосы, был виден немецкими ночным истребителями. Яркая же ракета, поднимаясь над лесом, была видна с высоты 2500–3000 м, на которой находились истребители, а значит место аэродрома было обнаружено. Таким образом, «на местах» теория была опровергнута практикой.

При посадке и взлёте самолёта идеальным было наличие по периметру площадки людей с обычными бытовыми фонарями или лампами, пусть даже с керосиновыми. Во время взлета лётчик визуально ориентировался на костры, но он также должен был видеть край и представлять себе размеры самой площадки для ориентирования, именно поэтому были необходимы световые ориентиры на краю.

В Беларуси имелись несколько случаев, когда именно из-за того, что летчики не видели кромки леса и дальних границы аэродрома, они не прекращали взлет, и в момент отрыва и набора высоты терпели аварии и катастрофы, цепляясь за деревья.

Следует признать, что обозначение края аэродрома при взлете транспортных Ли-2 и С-47 партизаны производили далеко не всегда, ограничиваясь лишь кострами по линии взлетной полосы. Все случаи падений самолетов в результате взлета произошли на площадках, где крайне редко (всего по одному-два раза) за весь период войны садились самолеты. Летчики взлетали с незнакомых площадок, не зная и не видя их границы, в темноте. Нужно так же отметить, что аварии при взлете происходили и из-за ограничения видимости, и в результате перегрузки самолетов, которые требовали более длительного процесса разгона.

Безопасность самолетов, которые по тем или иным причинам оставались на земле в дневное время, обеспечивалась, в первую очередь, агентурной разведкой, которая находилась в ближайших гарнизонах противника и могла предупредить о выходе в сторону партизанской площадки или аэродрома. Помимо этого, партизаны старались в радиусе нескольких километрах выставить посты и секреты на подступах к площадке, а в отдельных случаях обеспечивали минирование или завалы на лесных дорогах. В районах площадок сосредотачивали выделенные группы для возможной круговой обороны посадочной площадки и охране непосредственно самолетов на местах стоянки.

Все эти нормы были обязательными, но выполнялись далеко не всегда, так как на некоторые площадки (особенно в центральной и западной части Беларуси) самолеты производили посадки крайне редко, требуемой «системы» обеспечения как таковой не было, а должность «коменданта аэродрома» была номинальной.

Несколько другой ситуация была в восточных районах: Минской, Витебской и Могилевской областях, где приемы самолётов велись на регулярной основе. Такие «аэропорты» как Бегомль и Селявщина имели постоянный «аэродромный» штат, а их прикрытие обеспечивалось не столько выделенными силами, сколько самим наличием крупных отрядов в округе, которые своей дислокацией и базами обеспечивали безопасность.

С осени 1943 и особенно весной 1944 г., ввиду участвовавших атак немецкой авиации на выявленные партизанские аэродромы и посадочные площадки, стали выставляться так называемые группы огневого заслона, имевшие в своем распоряжении подготовленные к бою противотанковые ружья, пулемёты, и винтовки.

После того, как партизаны в результате атак немецкой авиации несколько раз теряли полученные грузы, его категорически стали запрещать держать в районе площадки, а все запасы требовалось немедленно сдавать адресатам. Однако это происходило далеко не всегда. Зачастую комендант аэродрома раздавал полученный груз или это делал командир бригады (соединения), или же груз складировался для последующей раздачи.

Так, например, начальник оперотдела БШПД Рыжиков И. И., занимавшийся отправкой самолетов и грузов еще 27 апреля 1943 г., сообщал: «На все грузы, отправленные в бригады, пишутся накладные, указывается количество груза. К мешкам прикрепляются бирки. Но нашими накладными и бирками хозяева площадок не руководствуются, кладут их в карман, а груз распределяют по своему усмотрению. Мы уже имеем несколько жалоб из Бегомля: бригада «Железняк» груз или не додает, или совершенно не выдает» [4, С. 34].

Подобные случаи имели место и в россонской партизанской зоне на Витебщине. Об этом 27 июля 1943 г. сообщалось в штаб: «Охотин и Василевич не обеспечивают нормальной работы аэродрома в Селявщине. Аэродром зарос травой, несвоевременно убирается площадка. В результате имело место повреждение самолета от неубранных мешков и сброшенных противником мин. К пребывающему самолету допускаются посторонние лица. О случаях аварии и невозвращении самолетов и полученного груза не доносят. Направляемый груз присваивается, накладные игнорируются. Прошу отправить уполномоченного ответственного на аэродром Селявщина." Калинин, получив телеграмму, наложил резолюцию: «Продолжается зимняя практика. Необходимо дать срочные указания и навести порядок [5, С. 83]».

Иногда, если по различным причинам какое-либо соединение получало на свою площадку груз «сверх ожидаемого», он просто «терялся».

Необходимость побудила назначать комендантов аэродромов и вводить контроль факта получения груза – бирок, которые прикреплялись к парашютным мешкам. Но и в этом случае, при нахождении мешков, которые по биркам опознавались одним партизанским отрядом как «не наши», бирки просто срывались, а «ничейный» груз быстро распределялся по «своим». Доказать, что бирка была на мешке, а не пропала по пути, было невозможно.

После приемки груза обязательным требованием было сообщение через радиостанцию в ближайший сеанс связи о факте его приема с указанием количества принятых мешков. Это тоже делалось не всегда. В шифротелеграммах БШПД, адресованных командирам бригад и соединений, зачастую можно увидеть гневные требования штаба с напоминанием «о немедленном сообщении о фактах приема грузов» и «обвинениях в безответственности» со стороны получателя.

Наиболее известным в партизанских кругах стал случай, когда в начале мая 1943 г. был потерян весь склад с таким трудом и риском доставленного на аэродром имущества. Из-за безответственности Жуковича П. А., контролирующего поставки (15 июня 1944 г. во время блокады района сам Жукович погиб и ответственности не понес), при заброске грузов в район

Бегомльской возникали серьезные трудности. Представитель БШПД Рыжиков, отправлявший самолеты с советской территории, дважды, по имеющимся архивным сведениям Жуковича П. А., просил сообщать о количестве и состоянии севших планеров и подобранных мешков, состоянии и обстановке в районе площадки, но Жукович этого не делал. Он даже не сообщил о бомбежке немецкой авиацией 2 мая самой площадки, располагавшейся рядом с Бегомлем, а 3 мая и самой «столицы партизан» – местечка Бегомль. Когда же на этот аэродром в ночь на 4 мая были отправлены очередные самолеты, оказалось, что партизаны на земле не жгли сигналов, а на месте не было людей для приема груза.

В результате первые два самолета с планерами, не обнаружив посадочных костров, возвратись, не выполнив задание. Следующие семь планеров и два самолета совершили посадки, благодаря сигналам, зажжёнными случайными людьми, оказавшимися на площадке.

Когда командование стало анализировать ситуацию и искать причину, то оказалось, что сообщение из штаба БШПД на аэродром вылета, запрещавшее посадку в Бегомле, было получено на аэродроме вылета за полчаса до взлета, когда самолеты с 13 планерами были загружены и находились на старте, а экипажи проложили маршруты к своим целям. Пришлось «на ходу» весь загруженный согласно потребностям груз перенаправлять на совершенно другой аэродром в совершенно другой зоне – Селявщину. На Бегомль были отправлены только два самолета с посадкой за планеристами, которые сели там несколькими днями ранее [6, С. 279]. Вывезенные планеристы, пробывшие в отрядах несколько дней, рассказывали, что «командир бригады «Железняк», ответственный за площадку, получив нужное вооружение и боеприпасы, перестал интересоваться площадкой. Доставленный грузом и летный состав был оставлен на произвол судьбы. После бомбардировки площадки и местечка Бегомль бойцы бригады разбежались в панике [7, С. 280; 8, С. 541].

Площадками при таком положении пользоваться было нельзя, и для того, чтобы продолжить их использование, штаб БШПД поставил на вид и «повесил» личную ответственность, за обеспечение площадок в Бегомле, на комбрига бригады «Железняк» Титкова и комиссара Манковича. Меры ответственности запоздали, так как на следующий день, 4 мая, немецкие самолеты вылили контейнеры с горючей смесью на посадочную площадку, после чего сбросили зажигательные бомбы. Огневой вал, высотой три метра, захватил полосу 3 км, вызвав сильнейший лесной пожар. В результате в 2 км от посадочного поля, взорвался оборудованный склад с принятым грузом [9, С. 299].

Руководство, узнав о потере груза и склада, виновными посчитало руководство бригады [10, С. 299]. Нужно признать, что в большинстве случаев, все присвоение грузов шло с согласия или по прямому указанию командования бригады, в зоне ответственности которой находился аэродром или площадка, а коменданты к этим фактам имели лишь косвенное отноше-

ние. Но формально они являлись представителями штаба, и с их молчаливого согласия и ведома «перераспределялись» грузы, а значит и ответственность лежала на них.

Изучение партизанских документов касательно доставки грузов показывает, что примерно в 10 % случаев сброс по различным причинам осуществлялся не на площадке цели, а вне их. Причиной сброса «не туда» были как ошибки экипажей в определении своего местоположения и целей, так и невозможность сброса на основную площадку по причине отсутствия огня или ошибки штурмана в выходе на цель. Груз старались «не везти обратно», и он мог быть сброшен на вторую (запасную) цель, а там «пусть партизаны сами разбираются».

По различным причинам груз по ошибке сбрасывался над территорией, контролируемой противником и терялся, «отчетных» документов с немецкой стороны по этому вопросу не имеется. По мнению автора ошибочный сброс грузов и «прием» их полицейскими и военными формированиями составлял не более 10 % от общего объема. Такие случаи отмечались в шифротелеграммах партизан. Так, например, 20 июля 1943 г. они сообщали: «По данным нашей разведки в ночь с 3 на 4 июня был сброшен груз с двух самолетов на территорию деревни Прича Лесниченского района, без сигналов с земли. Груз подобран полицейскими деревни. Такие случаи не единичны. Прошу проверить. БАЛЫКОВ, ФИЛИМОНОВ» [11, С. 83].

В другом случае радиостанция из соединения Коржа сообщала, что «в ночь на 16 февраля 1944 г. над площадкой прошел самолет, но груз не выбросил. На следующий день разведкой отряда был обнаружен один парашютный контейнер с грузом северо-западнее д. Рудня в районе г.Микашевичи. Охрана противника на ж.д. Микашевичи-Лунинец жжет костры. Видимо, летчик принял их сигналы за наши. Уточните у летчика, на какие сигналы и где он сбросил груз» [12, С. 187].

Крайне редко самолеты долетали в Западную Беларусь, тем ценнее были любые доставленные грузы, получаемые в Липичанской пуще, у слияния реки Щара с рекой Нёман. Так, 19 февраля 1944 г. командир щучинского межрайонного соединения А. С.Шупеня доносил в БШПД: «При выброске группа тов. Веселова НКГБ принята на мою площадку благополучно, за исключением зама Веселова Донского, который получил перелом позвоночника. Питание, рации, генератор, патроны ППШ захвачены партизанами ген. Капуста. Прошу сообщить Цанаву о выброске груза и дать по имеющимся архивным сведениям Жуковича П.А. В ночь на 10 мая Карабань на свою площадку получил 30 автоматов, 20 карабинов 4 пулемета, тол, гранаты (цифры не точны, так как приводятся Сокольчиком со слов других партизан, бывших на площадке Карабаня — Д.К.). «В ночь на 12 мая я на свою площадку получил исключительно патроны без гранат, оружия и тола, сообщает Сокольчик. На мое предложение разделить ранее полученный груз, Карабань категорически отказался, несмотря на то, что у него на полученное оружие не хватало людей. Этим он срывает выполнение моего задания, так

как с ничтожным и плохим вооружением без тола, ради и типографии мне трудно пройти в свой район и развернуть работу среди населения. Прошу заставить Карабаня выделить мне половину полученного оружия и тола» [15, С. 199].

Из-за аэродромов и площадок были столкновения не только на уровне белорусских отрядов и бригад, но и на уровне партизанских движений Беларуси и Украины. Так, за три дня до начала операции «Багратион» 19 июня 1944 г. «Комаров» (псевдоним командира Пинского соединения Коржа) сообщал в БШПД: «Несмотря на ряд предупреждений командованию 1-й Украинской партизанской дивизии, в ее полках и батальонах, расположенных в центре нашей партизанской зоны, не прекращается сильное пьянство и нетактичное поведение бойцов и командиров по отношению к партизанам моего соединения. Командование не принимает никаких мер. Батальон т. Шамайко, оставшийся в районе моей площадки, нарушает установленные правила посадочной площадки. 16 июня начштаба батальона Морозов грозил коменданту моего аэродрома, что если костры не будут зажжены по его желанию, то он выдвинет батальон и будет жечь костры сам. О том, что костры запрещены Шамайко был мной предупрежден. И в ночь на 18 июня после того, как на аэродром была сброшена бомба, мною было дано приказание костры потушить. Увидев, что костры погашены, партизаны батальона открыли стрельбу из автоматов по команде и дали 8 автоматных очередей. Прошу привлечь виновных к ответственности, а пока на аэродром я никого не пускаю и самолетов не принимаю» [16, С. 489].

Наличие самолетов на площадках и слабого контроля со стороны коменданта давало возможность улететь в советский тыл. Для этого нужно было или договориться с экипажем, или, при спешной загрузке самолета, спрятаться среди вывозимых грузов. Так, например в Москву улетел партизан Василий Быков из бригады им. Сталина, вслед за ним ушла срочная шифротелеграмма: «Прошу арестовать партизана Быкова Василия из бригады им. Сталина как самовольно улетевшего в советский тыл без документов в ночь на 20 июня. Блохин, Старовойнов» [17, С. 195].

Одной из серьезных проблем, которая выявилась перед комендантами аэродромов помимо «зайцев», была и проблема взяток для продвижения очереди на вылет. Ввиду крайне ограниченного количества аэродромов, с которых осуществлялся вывоз грузов и пассажиров на Большую землю, и невозможности лично контролировать организацию «очереди», коменданты, с согласия командования бригады принимали во временное подчинение тех или иных людей для контроля посадки и обеспечения вылета.

Спрос рождал предложения. Так, за возможность «подвинуть» очередь на вылет или «гарантировать» вылет того или иного человека в советский тыл, при желании «подзаработать», можно было приобрести ценные вещи. Один случай стал известен командованию БШПД «Стулова и других»: «Работники аэродрома Новоселье Малиновский и Срибло с вылетающих в советский тыл берутся взятки. Вылетает первый, кто дал большую взятку.

Например, у Плешкова отобрали билет за то, что он не хотел подарить им револьвер, у Букашина отобрали часы. Требовалось срочно и негласно проверить эти сведения, и в случае их подтверждения, арестовать и наказать виновных [18, С. 496]».

Системный подход в обеспечении авиаперевозок грузов и людей стал реализовываться лишь осенью 1943 г., менее, чем за год до освобождения территории Беларуси. В короткий срок удалось подготовить группу специалистов и забросить ее к партизанам для выполнения задачи. Они взяли на себя наиболее ответственные задачи, став комендантами аэродромов. Повысилась безопасность посадок самолетов и сохранность выброшенных грузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ Фонд 1450. Оп. 3 Д. 83. Отчет о работе авиации С. 54.
2. НАРБ Фонд 1450. Оп. 3 Д. 83. Приказ начальника БШПД № 061 от 7.9.1943 г. с. 55–56
3. НАРБ Фонд 1450. Оп. 3 Д.83. Отчет о работе авиации С.55
4. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 5. С. 34
5. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 11. С. 83
6. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 5. С. 279
7. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 5. С. 280
8. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 4. С. 541
9. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 5. С. 299
10. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 5. С. 299
11. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 8. С. 83
12. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 78. С. 187
13. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 60. С. 426
14. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 65. С. 199
15. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 65. С. 199
16. НАРБ Фонд.1450. Оп. 23 Д. 57. С. 489
17. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 108. С. 195
18. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23 Д. 111. С. 496

К. І. Козак

ХАЛАКОСТ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ: ТЭРЫТАРЫЯЛЬНЫЯ ВАЙСКОВЫЯ І ЦЫВІЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ І ФОРМЫ ВЫРАШЭННЯ ЯЎРЭЙСКАГА ПЫТАННЯ (1941–1942)

Германская акупацыйная палітыка на тэрыторыі Беларусі мела трагічныя вынікі для беларускага народа. Трэць была знішчана праз гета, лагеры для ваеннапалонных, паленне жыхароў вёсак у партызанскіх зонах, дэпартацыі на прымусовыя работы і іх знаходжанне ў месцах прымусовага ўтрымання, у тым ліку па-за межамі Беларусі. Што тычыцца пытання

Халакоста ў Беларусі, то ўвага да гэтай праблема толькі была распачата з 1990-х гадоў [21; 3, с. 362; 20; 4]. Фрагментарна гэта тычыліся пытанняў на тэрыторыі Заходняй і Усходняй часткі тэрыторыі Беларусі праз агульную германскую палітыку ў Беларусі [18; 7; 1]. Пры гэтым вызначыліся розныя даследчыцкія падыходы, метадыкі да статыстычнасці, уключэнне факталагічнасці без належных каментарыяў і тлумчэнняў. Заўважана, што нямецкія гісторыкі больш катэгарычны да крыніц, якіх не хапае для поўнай люстрацыі, і таму іх высновы толькі часткова ўлічваюць падсумаванні акупацыйнай палітыкі [36; 32; 25]. Вось чаму актуальнасць дадзенага даследчыцкага накірунку зыходзіць менавіта з патрэб паглыблення беларускай гістарыяграфіі Халакоста.

Фарміраванне палітыкі масавага знішчэння яўрэяў на тэрыторыі Беларусі працягнута войскамі вермахта і спецыяльных каманд (айнзацгруп) з пачатку яе акупацыі – чэрвеня 1941 г. Толькі на працягу 1941 г. з утвораных, 218 гета імі будзе ліквідавана не менш 91 (па нашых падліках).. Пры гэтым, загады палявых ці мясцовых камендатур аб іх утварэнні ў большасці адсутнічаюць, бо не захаваны. Маюцца загады аб жыллёвых асобных раёнах, кварталах знаходжання яўрэяў, час і месца правядзення акцый масавага знішчэння з прыцягненнем вайсковых і паліцэйскіх фарміраванняў. Тэрытарыяльна выглядае наступным чынам: Брэсцкая вобласць – 4 гета (больш 5 тыс. забітых), Віцебская вобласць – 21 (больш 43 тыс.), Гомельская – 13 (каля 20 тыс.), Гродзенская – 3 (каля 500), Мінская – 28 (больш 33,5 тыс.), Магілёўская – 22 (43,5 тыс.). Відавочна шчыльнае знішчэнне яўрэяў у 84 гета Усходняй Беларусі – яе вайскавай часцы тыла групы армій “Цэнтр”. Дакументы сведчаць – адсутнасць мясцовых спецыялістаў у заходняй часцы Беларусі вымушала прыцягненне вермахтам большасці яўрэяў да наладжвання на вытворчых і рамесных прадпрыемствах рамонту ці выпуску неабходных вырабаў для германскай арміі. Менавіта гэтым тлумачыцца параўнальная невялікая колькасць 7 ліквідаваных гета з агульнага іх ліку [28, с. 64–206; 34, р. 79–101; 37, с. 89–114]¹.

Звяртае пры гэтым на сябе ўвагу арганізацыя карнай аперацыі “Прыпяцкія балоты” (“Pripiatsee»), дзе “працавала” 1-я кавалерыйская брыгада СС разам з 162-й і 252-й пяхотнымі дывізіямі пад кіраўніцтвам вышэйшага кіраўніка СС, начальніка паліцыі тыла групы армій “Цэнтр” групенфюрера СС Эрыха фон дэм Бах-Зелеўскага. Кіруючыся загадамі рэйхсфюрэра СС Гімлера ад 28 ліпеня 1941 г. цалкам нішчыліся абшчыны. Назіраліся раней адпрацаваныя метады знішчэння праз масавыя, пісталетныя акцыі, тапленне

¹ Згодна архіўных крыніц з 425 месцаў прымусовага ўтрымання на акупаванай тэрыторыі Беларусі існавала 166 гета. Гл.: Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 / Авт. сост. В.И. Адамушко и др. Минск, 2001. С. 10–65.

ў багнах, азёрах і рэках. Пасля гэтага станоўча для германскага боку вырашаліся пытанні аб яўрэйскай маёмасці праз яго прысвойванне мясцовымі арганізатарамі і Берлінам [10; 36; 24].

Што тычыцца цывільных акупацыйных органаў, то яны маюць некалькі асаблівасцей. Пачынаючы з верасня–кастрычніка 1941 г. яны набылі працэс адміністрацыйнага фарміравання, які не быў скончаны да гэтага часу. Пытанне аб фарміраванні дапаможных паліцэйскіх сіл з ліку мясцовых калабарантаў будзе вырашаны і пачнецца пасля правалу маланкавай вайны і паразы ў бітве пад Масквой. Таму найбольш значныя акцыі лістапада 1941 г., напрыклад ў Мінску, будуць арганізаваны вермахтам і паліцыяй бяспекі і СД. У большасці такой дзейнасцю будуць заняты 812-я, затым 814-я палявыя камендатуры, 707-я палявая дывізія, Карук 580, зондэркаманды 7а і 7б, спецгрупа Артура Небэ, 1-я, 703-я групы тайнай палявой паліцыі, 103-я абверкаманда і 215-я абвергрупа. Прыцягненне літоўскіх паліцэйскіх фарміраванняў абазначыць далейшыя эфектыўныя сродкі вырашэння яўрэйскага пытання [30, s. 555–557; 1, с. 257; 15, л. 163–165; 9, с. 169; 19, с. 27].

Тэрыторыі, якія будуць аднесены да Рэйхскамісарыята Украіна, Генеральнай акругі Літва, адміністрацыйнай акругі Беласток набудуць іншы характар. Тут больш актыўна будуць супрацоўнічаць на тэрыторыях беларускага Палесся разам з вермахтам украінскія калабаранты, асабліва літоўскія ў межах аддадзенай ім тэрыторыі Ашмяншчыны, часткі Пастаўскага раёна, а латышскія ў прымежных паўднёвых раёнах. Пры гэтым, іх будуць шырока выкарыстоўваць пад час карных антыпартызанскіх акцый [11, с. 231; 31, s. 44–45; 27, вл. 2–3; 30, s. 284–285].

На працягу другога года акупацыі становішча яўрэяў зменіца на тэрыторыях з цывільнай формай кіравання. Гэтаму будзе спрыяць рашэнне Ванзейскай канферэнцыі ад 20 студзеня 1942 г. аб канчатковым вырашэнні яўрэйскага пытання. Дадатковым стымулам і ўключэнне ў карную дзейнасць дапаможных паліцэйскіх фарміраванняў стане пашырэнне зоны дзеяння менавіта на тэрыторыях з цывілай формай кіравання, вымусовага перамяшчэння большай часткі сіл вермахта на ўзмацненне ўсходняй франтавой лініі. Актыўныя дзеянні айнзацгруп і зондэркаманд не прыпыняюцца, што дэманструе не менш 153 знішчаных гета і абшчын. Гэта амаль удвая больш за папярэдні перыяд. Рэгіянальна заходнія Брэсцкая і Гродзенская вобласці пры іх цывільным акупацыйным кіраванні складуць 62 ліквідаваных, гета ці каля паловы знішчаных. Колькасць ахвяр, з высокай шчыльнасці пражывання яўрэяў, складзе две-трэці з ліку больш чым 274 тыс. забітых [33; 30].

З лютага–сакавіка 1942 г. назіраецца значны рост прыцягнутых да забойства латышскіх, украінскіх, літоўскіх, эстонскіх паліцэйскіх фарміраванняў. Да прыкладу, у адзначаным годзе жорстка дзейнічала не менш 11 латышскіх паліцэйскіх батальёнаў (15-ы, 17-ы, 18-ы, 24-ы, 25-ы, 26-ы, 208-ы, 266-ы «Е», 268-ы, 271-ы і 432-і). Часамі далучаюцца да гэтага і беларускія мясцовыя паліцаі. Пры гэтым, акупацыйныя органы, не гледзячы на прапагандыскія прызывы да знішчэння яўрэяў, так і не зафіксавалі жадаемых акцый з боку

мясцовага насельніцтва, што мела месца ў суседніх Польшчы, Літве і Украіне. Больш таго, тысячы жыхароў рызыкауючы сваім жыццём ратавалі яўрэяў. Толькі з Мінскага гета дапамаглі вязням дабрацца да партызанскіх зон паратунку не менш 3 тыс. яўрэям [13, л. 45; 14, л. 61; 16, 4–8; 30, s. 555–557; 17; 2].

Асаблівым месцам у сістэме забойства яўрэяў Беларусі, дэпартаваных з Германіі, Аўстрыі і Чэхіі, стане лагер Трасцянец. 3 мая 1942 г. асноўным месцам масавага знішчэння стануць 34 рвы учорышча Благаўшчына каля в. Вялікі Трасцянец. Выкарыстанне душагубак (газзаген) для знішчэння ахвяр Мінскага гета і зондэргета, а таксама 16 транспартаў на працягу мая – кастрычніка 1942 г. з яўрэямі Еўропы вызначыць Надзвычайнай дзяржаўнай камісіяй па ўстанаўленні і расследаванні злачынстваў нямецка-фашысцкіх захопнікаў блізкую да паловы з абазначаных 150 тыс. ахвяр. Як значная рыса трагедыі, у час акцыі “1005” будзе дзейнасць зондеркаманды па знішчэнні дакументаў, месцаў пахавання, сведкаў злачыннай дзейнасці нацыстаў. Месца растрэлаў прыпыняецца, траншы адкрыты, целы ахвяр выцягнуты для палення на агні, а месца будзе ператворана ў звычайную лясную паляну [23; 8, 35].

Менавіта ў цывільнай зоне акупацыі, дзе мясцовыя калабаранты выконвалі ролю ахоўцаў, а затым і знішчэнні яўрэяў, пры набліжэнні часу акцыі паўсталі ўзброеныя паўстанні ў Слоніме, Нясвіжы, Клецку, Копылі, Міру, Лахве, Каменцы [29, s.159–208; 12, л. 20; 3, с. 170; 5, с. 47–50].

Такім чынам, за 1941–1942 гг. германскімі акупацыйнымі ўладамі было знішчана 244 гета, месцаў прымусовага ўтрымання яўрэяў. Агульная колькасць ахвяр Беларусі згодна статыстычных дадзеных вагаецца ў межах 420 тыс. Праўда, памяць праз помнікі, абеліскі, памятныя дошкі, пліты з пасляваеннага часу налічвала толькі адзінкі. Змены ў яе культуры адбыліся з 1990-х гадоў. Не менш 200 помнікаў было ўстаноўлена на месцаў памяці трагедыі яўрэяў 1941–1942 гг. Такія значныя мемарыялы дзейнічаюць у Мінску (2000), Гарадзях (2004), Трасцянец (Благаўшчына, 2018). Памятны знак “Алея Праведнікаў” ушаноўвае ратавальнікаў яўрэяў з Бабруйска (2005) [6, с. 148–157].

ЛІТАРАТУРА

1. *Винница, Г.* Холокост на оккупированной территории Восточной Белоруссии в 1941–1944 годах. Минск : Ковчег, 2014. – 452 с.
2. Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. / сост. К. И. Козак. – Минск : И. П. Логвинов, 2011. – 172 с.
3. *Иоффе, Э. Г.* Белорусские евреи: трагедия и героизм, 1941–1945 / Э. Г. Иоффе. – Минск, 2003. – 427 с.
4. *Иоффе, Э. Г.* Страницы истории евреев Беларуси: краткий научно-популярный очерк / Э. Г. Иоффе. – Минск: АРТИ-ФЕКС, 1996. – 294 с.

5. *Козак, К. И.* Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.—Минск : Логвинов И. П., 2011.— 192с.
6. *Козак, К.* Творческая мастерская архитектора Леонида Левина // Трагедия и мужество партизанского края 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси. Минск : Издатель М.Н. Цимберов, 2022. – 172 с.
7. *Корсак, А. І.* Генацыд яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі Віцебскай вобласці. 1941–1943 гг.: аўтарэф. дыс. на суіск. вуч. ступ. канд. гіст. навук. Мінск, 2008. – 23 с.
8. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / Сост. В. И. Адамушко [и др.]. — Минск : НАРБ, 2003.— 292 с.
9. *Левин, В.* Черная книга с красными страницами : трагедия и героизм евреев Белоруссии / В. Левин, Д. Мельцер. – Балтимор : Вестник, 1996. – 573 с.
10. *Литвин, А.* Убийцы / А. Литвин // Беларусь сегодня. 3 декабря 2003.
11. *Літвін, А.* Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А. Літвін. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2000. – 287 с.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 398. Оп. 1. ЕХ. 10.
13. НАРБ – Ф. 510. Оп. 1. ЕХ. 17.
14. НАРБ – Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 981.
15. НАРБ – Ф. 1450. Оп. 2. ЕХ. 1299.
16. НАРБ – Ф. 1450. Оп. 2. ЕХ. 1393/
17. Праведники народов мира Беларуси: живые свидетельства Беларуси / составители: К. И. Козак, М.И. Крапина [и др.]. – Минск : И.П. Ловинов, 2009. – 292 с.
18. *Розенблат, Е. С.* Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси. 1941–1944 гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Минск, 1999. – 18 с.
19. Сведения из отчета главного отдела ГКБ об учете безработных и трудоспособных евреев в генеральном округе Беларусь. Не ранее 31 декабря 1941 // Холокост в Беларуси. 1941– 1944. Док. и материалы. Минск : НАРБ, 2002. – 275 с.
20. *Смиловицкий, Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. / Л. Смиловицкий. – Тель-Авив : Библиотека Матвея Черного, 2000. – 432 с.
21. *Смоляр, Г.* Мстители гетто / Г. Смоляр. – М. : ОГИЗ – Государственное издательство «Дер Эмес», 1947. – 128 с.
22. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 / Авт. сост. В. И. Адамушко и др. Минск: НАРБ, 2001. – 155 с.
23. Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы / Сост. В.И. Адамушко [и др.]. Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 619 с.

24. Тукало, С. М. Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 г.) Аўтарэф. дыс. на саісканне вучонай ступені канд. гіст. навук Мінск, 2010. – 26 с.
25. Хеккер, К. Немецкие евреи в Минском гетто. Минск: Историческая мастерская, 2007. – 152 с.
26. Judenfrei! Свободно от евреев!: История мин. гетто в док. /Авт.-сост. Р. А. Черноглазова. – Минск : ПП «Асоб. дах», 1999. – 395 с.
27. ВА-МА (Федэральны ваенны архіў) Н 26–707 Вл. 2, 3.
28. *Beorn, W. W. Marching into Darkness: The Wehrmacht and the Holocaust in Belarus.* – London, 2014. – 336 S.
29. *Cholawski, Sh. The Jews of Bielorussia During World War II.* Amsterdam, 1998. – 364 p.
30. *Curilla, W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944.* Paderborn, 2006. – 1041 s.
31. *Dean, M. Collaboration in the Holocaust: crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44.* – New York, 2000. – 241 p.
32. *Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944* Hamburger Edition, 2000. – 1234 S.
33. *Gerlach, Ch. „Der Mord an den europäischen Juden. Ursachen, Ereignisse, Dimensionen“.* 2017, München. – 576 S.
34. *Heer, H. Killing Fields: The Wehrmacht and the Holocaust in Belorussia, 1941–1942 // Holocaust and Genocide Studies.* 1997. Vol. 11. No. 1. – 127 p.
35. *Hoffmann, J. Aktion 1005", wie die Nazis die Spuren ihrer Massenmorde in Osteuropa beseitigten* Hamburg, 2008. – 448 s.
36. *Rentrop, P. Tatorte der «Endlösung». Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez.* Berlin, 2011. – 256 S.
37. *Wehrmacht und Vernichtungspolitik: Militär im nationalsozialistischen System / Hrsg. K.-H. Pohl.* – Göttingen, 1999. – 175 S.

А. И. Корсак

МЕСТА МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ВИТЕБЩИНЕ 1941 – 1944 гг.: К ИСТОРИИ ВОПРОСА¹

События Великой Отечественной войны не отпускают нас и сегодня. Связано это в первую очередь с масштабностью трагедии в целом, и памятью населения Беларуси в частности. Фактически нет ни одной белорусской семьи, которой бы не коснулись бы 1941–1945-ые годы. Кто-то воевал на фронтах или в партизанских формированиях, а кто-то стал жертвой нацистской политики геноцида мирного населения Беларуси.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

Геноцид гражданского населения осуществлялся посредством карательных операций: сожжение населенных пунктов, в большинстве случаев с уничтожением и их жителей; акций по ликвидации еврейского населения и представителей других национальностей, проживающих на территории Беларуси, а также расстрелы узников лагерей, тюрем и т.д.

Акции массового уничтожения по своей сути уже подразумевает запланированность действий со стороны руководителей. Как правило, они не могут возникнуть стихийно.

Анализ архивного материала, в первую очередь документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению немецко-фашистских преступлений, позволяет исследователю условно типологизировать места массового уничтожения: *места сожжения мирного населения в ходе карательных операций* и *места массового уничтожения узников гетто, тюрем, лагерей смерти* и т.д. Следует отметить, что они, как правило, носят смешанный характер, а именно являются как местом уничтожения и захоронения как советских военнопленных, так и гражданских. Среди жертв карательных операций также фиксируется и личный состав партизанских формирований, которые были расстреляны и сожжены вместе с жителями сожженных деревень. На самом деле вопрос о местах массового уничтожения и их типологизации очень спорный и противоречивый.

Но почему получилось так, что исследования и восстановление имен и обстоятельств массового уничтожения и захоронения людей выпали из поля зрения общественности и государственных органов власти в послевоенное время? Ведь Беларусь потеряла каждого третьего, а Витебщина – каждого второго человека.

На примере Витебской области попробуем разобраться в вопросе. Обратимся к документам 40-х гг. и 1960-х гг., которые, на наш взгляд, стали определяющими в формировании политики памяти о погибших в плане учета, перезахоронения и установления памятников на могилах. При этом, обратим внимание на то, что с середины 1940-ых гг. – до конца 1950-ых гг. процесс увековечения памяти павших касался захороненных воинов Красной (Советской) Армии и советских партизан, а 1960-ые гг. – сохранения памяти жертв нацистского оккупационного режима через сбор информации о местах сожженных деревень, установку мемориальных досок и памятников и возведение мемориального комплекса «Хатынь», ставшего национальным символом белорусского народа.

Первое упоминание о местах захоронения мирных граждан в проанализированных нами архивных документах относится к районным архивам. Так, в докладной записке 1946 г. секретаря Кохановского РК КП(б)Б в вводной части документа упоминается в том числе и могилы мирного населения [1, Л. 31]. Но в самой текстовке документа не указано о конкретных действиях в отношении данного типа захоронений. Допустим, что они подлежали учёту и переносу, в этом случае из обобщенных данных по захоронениям в целом периода Великой Отечественной войны их невозможно выделить.

Далее, военным отделом Оршанского горкома КП(б)Б в августе 1946 г. в отчетном документе упоминаются и места захоронения «граждан замученных и расстрелянных» в г. Орша без конкретизации количества, расположения и т.д. Исходя из документов ЧГК г. Орша при обследовании обнаружено несколько могил жертв «зверств фашистского террора»: «в городском парке возле тюрьмы, на еврейском кладбище, на территории льнокомбината, мясокомбината, за Днепром возле д. Грязевка, в лесу по тракту Орша-Витебск в 4-х километрах от города Орши» [5, Л. 5].

На самом деле таких мест по всей территории Беларуси в целом, и Витебщины в частности, имеется достаточное количество.

Тем не менее, до 1948 г. в официальных документах государственных органов власти места уничтожения мирного населения не фигурировали. В постановлении Совета Министров того же года приводится только один пример «массовых захоронений зверски замученных немецко-фашистскими захватчиками мирных жителей, воинов Советской Армии и партизан», имеющий отношение к местам в М. Тростенец, Б. Тростенец, Масюковщина, Уручье и др. [8, с. 57].

Начиная с 1955 г. в документах ЦК Витебского облсовета депутатов трудящихся внимание обращено на благоустройство не только могил воинов Советской Армии и партизан, но и мирного населения, погибшего в годы Великой Отечественной войны [4, Л. 73–74]. Но по-прежнему имеется информационный вакуум в самом наполнении документов. Это не дело облсоветов, кабинета Министров этим заниматься.

В начале 1960-ых гг. в документах появляется конкретизирующая информация о жертвах нацистского оккупационного режима. Так, Витебский облвоенкомат 16 февраля 1961 г. рапортовал о наличии на территории Витебской области 657 мест захоронений, в которых, в том числе, захоронено 75 777 человек мирных жителей и военнопленных (эти две категории составляют 68 % от общего числа захороненных – *А.К.*) [2, Л. 1–5]. В тоже самое время из докладной записки о проделанной работе по увековечению памяти советских воинов, партизан и мирных граждан, погибших на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны, следуют те же данные, указанные облвоенкоматом в февральском документе. Но имеется приложение с кратким описанием памятного места.

В целом по области обозначены только две братские могилы в г. Витебске – территория «бывшего 5-го железнодорожного полка» и «район бывшего кирпичного завода», где захоронено в первом случае 76 000 военнопленных и 4000 гражданских лиц, во втором – 62 000 партизан и населения, имевшего связь с партизанами [2, Л. 32]. Если следовать логике властей, то суммируя получаем 142000 человек, что никак не соотносится с цифрой в 75 777.

Постановление Президиума ЦК КПБ от 8 мая 1964 г. «О 20-й годовщине освобождения Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков» знаменует собой новый виток в политике сохранения памяти о погибших на

территории Беларуси в целом и на Витебщине в частности. В документах местных органов власти обращается внимание на факты выявления, дополнительно к ранее имевшимся, о воинских кладбищах, братских и отдельных могил воинам и партизанам. Так, на территории Витебского района поставлено на учет 8 мест массового захоронения гражданского населения, в которых захоронено 6962 человека [3, Л. 38]. Но при этом олокации мест информации не имеется.

Несмотря на декларирование в названии документов памяти жертв среди мирного населения, погибшего в годы Великой Отечественной войны, учет и благоустройство данных мест захоронения не велся. Содержание распоряжений, докладных, отчетов и т.д. относится только к братским и отдельным могилам воинов и партизан. А к павшему мирному населению не относится. Данный факт подтверждают строки письма министра культуры БССР, адресованное секретарю ЦК КПБ П.М. Машерову от 30 декабря 1965 г.: «... имеется ещё много знаменательных мест: мест боевых действий партизан и воинских частей с немецкими захватчиками, мест массового захоронения жертв фашизма, сожженные деревни и люди, которые до сих пор не изучены и не увековечены» [8, с. 148].

В том же письме в целях увековечения памяти жертв фашизма и сожженных деревень (при перечислении стоят на первом месте – *А.К.*), воинов и партизан и т.д. предлагается, в том числе, выявить все населенные пункты, полностью сожженные во время карательных операций, с установлением имён их жертв [8, с. 148], а также на местах концлагерей и местах массового уничтожения и захоронения жертв фашизма установить памятники, обелиски или мемориальные доски с указанием количества жертв [8, с. 149].

Начиная с 1965 г. политика памяти в отношении всех погибших, и военных (включая партизан) и гражданских, в годы Великой Отечественной войны изменяется. Несомненно, воинские кладбища, братские и индивидуальные могилы воинов Красной (Советской) Армии и партизан не выпадают из поля зрения. Имена будут восстановлены, а надгробия будут содержать сведения о погибших. Но теперь первостепенное значение приобретают места памяти сожженных деревень и их жертв. Для этого в первое полугодие 1966 г. планировалось отправить 100 – 150 историков и поисковиков во все районы БССР.

Последующие документы говорят о том, что до 1967 г. необходимо завершить сбор информации об уничтоженных нацистскими оккупантами населенных пунктах и увековечении памяти о местах захоронений мемориальными знаками и т.д. [8, с. 151]. Сельские, городские и районные органы власти провели такую работу.

Еще один пример – докладная записка председателя Мосарского с/с Ушачского р-на о наличии в д. Губенко (Губинка)¹ могилы, «где зверски замучено и расстреляно 16 мирных граждан и партизан» [7, Л. 68]. При этом уточняется, что до этого времени «не восстановлены памятники или обелиски» по причине отсутствия средств в сельском совете [7, Л. 68]. При сопоставлении источников различного происхождения выявлено следующее: 22 апреля 1944 г. во время карательной экспедиции «... гитлеровцы расстреливали убегающих... 14 человек», далее трупы были сожжены в горевшем доме [6, Л. 226об]. На момент декабря 1966 г. место захоронения жертв нацизма было выявлено, о чем свидетельствует приведенная информация. В базе данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» данный населенный пункт и факт уничтожения мирного населения отсутствует. И на момент 2014 г. могила в д. Губинка не учтена (не паспортизирована) как место захоронения мирного населения. Вероятно, информация о местонахождении могилы со временем утрачена.

Таким образом, места массового уничтожения (захоронения) требуют тщательного и осторожного подхода в решении вопроса сохранения памяти о жертвах нацизма.

Документооборот, связанный с увековечением памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, в частности на территории Витебской области, фиксирует один важный момент, на который следует обратить внимание. А именно то, что места массового уничтожения мирного населения не подлежали процессу перезахоронения. Причиной этому, является, на наш взгляд, масштабность как по количеству захороненных, так и по территории захоронения. В то время как братские и индивидуальные могилы воинов Красной Армии и партизан с конца 1940-ых – включая 1950 ые гг. Укрупнялись посредством переноса их в выделенные для этого места, как правило, в центре населённого пункта. Т.к. Места уничтожения, соответственно и захоронения, мирного населения и советских военнопленных не подлежали послевоенному процессу перезахоронения, то это способствует определению их локации (по более ранним документам, к примеру, ЧГК) и постановки на государственный учёт.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАВО. – Фонд 1п. Оп. 1. Д. 476.
2. ГАВО. – Фонд 1п. Оп. 2. Д. 654а.
3. ГАВО. – Фонд 1966. Оп. 6. Д. 12.
4. ГАВО. – Фонд 1966. Оп. 12. Д. 427.
5. ГАРФ. – Фонд 7021. Оп. 84. Д. 10.
6. ГАРФ. – Фонд 7021. Оп. 92. Д. 223.

¹ Согласно данным карты Генерального штаба Красной Армии от 1942 г., документам ЧГК по Ушачскому р-ну и по данным 1966 г. фиксируется название «Губенка». На сегодняшний момент населенный пункт «Губенка» пишется как «Губинка».

7. ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 524. Оп. 1. Д. 1.

8. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / ред.кол. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.

В. Ю. Нелихов

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР В ВОСПОМИНАНИЯХ В. И. РИГИНА

Чем дальше уходит от нас война, тем весомее становятся для нас воспоминания ее непосредственных участников. Поэтому каждое новое открытие таких рукописей становится еще одним «кирпичиком», показывающим поведение человека на войне и закрывающим белые пятна нашей истории.

Рукопись воспоминаний была написана Викентием Ивановичем Ригиным в 1976 году, когда еще были свежи все воспоминания и живы многие участники тех далеких событий. Из-за массы бюрократических и технических проволочек административного аппарата и различных издательств, куда обращался Викентий Иванович, окончательный и значительно сокращенный вариант появился уже после 1985 г. Однако, эти воспоминания так и не смогли увидеть свет до развала Советского Союза.

После смерти автора экземпляр рукописи был передан в одну из ветеранских организаций, однако публикация этих воспоминаний так и не состоялась. Возможно, они так и остались бы пылиться где-то на полке, если бы не помог случай.

Поисковая работа по уточнению обстоятельств гибели экипажа самолета-бомбардировщика 24-го сбав ст. лейтенанта Баранникова Л. В. привела меня, как представителя научно-исследовательской группы военной истории «Рубон», в городскую поселок Шерешево Пружанского района Брестской области. К сожалению, поселковые власти кроме официальной информации пояснить что-либо по истории захоронения экипажа не смогли. Но посоветовали обратиться в поселковую школу, которая имеет свой музей. Именно здесь увлеченные своим делом учитель истории, краевед Шерешево Тереса Викторовна Пономарь и директор Шерешевской средней школы Оксана Иосифовна Пернач, историк по образованию, оказали неоценимую помощь в поиске. С их «легкой руки» и начался второй путь этой, в свое время так и не увидевшей свет, книги.

Тереса Викторовна рассказала, что поиском и перезахоронением экипажа бомбардировщика в шестидесятые годы занимался бывший директор школы Викентий Иванович Ригин, который во время войны партизанил в Ружанской пуще. Воевал он как раз в тех местах, где упал сбитый в июне 1941 г. самолет, и где был первоначально похоронен экипаж. Про советских лётчиков Викентию Ивановичу рассказала жительница поселка Шерешево, бывшая партизанская связная Валентина Андреевна Абчинец, возле родного

хутора которой и погибли авиаторы. Оказалось, что Викентий Иванович после войны написал свои воспоминания про то суровое время, которые так и не успел опубликовать при жизни. Все эти годы воспоминания отца бережно хранил его сын Александр Викентьевич.

После консультации с руководителем группы «Рубон» научным сотрудником НАН Беларуси Д. Киенко и исторической оценки найденного материала, рукопись, наконец, смогла увидеть свет.* * *

Он родился 9 июля 1918 г. в д. Острецово Междуреченского района Вологодской области. Русский, член ВЛКСМ. Окончив III курс рабфака при Вологодском ветеринарном институте и курс Вологодского учительского института в 1937 г., он в сентябре 1939 г. добровольно поступил в Ленинградское пехотное училище имени С. М. Кирова. В декабре 1939 г. был переведен в Смоленское военное стрелково-пулеметное училище.

Викентий Иванович Ригин встретил Великую Отечественную войну 22 июня 1941 года в укрепрайоне против г. Остроленка в должности командира взвода пулеметной роты 151 стрелкового полка.

В июне 1941 года Ригин, как и многие его однокурсники, досрочно был выпущен из военного училища с присвоением воинского звания лейтенант и направлен в 10 армию Западного Особого военного округа. Здесь он попал служить в 151 стрелковый полк 8 стрелковой дивизии 1 стрелкового корпуса, размещавшийся в районе местечка Стависки, что северо-восточнее районного центра г. Ломжи.

После тяжелых боёв первого дня войны 23 июня полк начал отходить на новые рубежи. При отступлении во время авианалета Викентий Иванович был контужен. Его заметили и подобрали солдаты 310 сп 8 сд. С ними он дошел до Слонима, где при переправе через р. Щара был ранен. Попал в окружение. В августе 1941 г., скрываясь в лесах западнее г. Слонима, организовал из красноармейцев партизанскую группу, которая, ведя самостоятельные боевые действия, несколько раз меняла свой состав и командиров.

В партизанском отряде В. И. Ригин с 05.05.1942 г., занимал должности: командир группы до 15.08.1942 г., политрук роты до апреля 1943 г., помощник командира отряда по разведке до ноября 1943 г. С ноября 1943 г. и до прихода РККА – помощник начальника штаба по разведке бригады имени Пономаренко Брестского соединения.

С 12 июля по 15 августа 1944 г. работал уполномоченным ЦК КП(б)Б по расформированию партизанских бригад и отрядов.

15 августа 1944 г. был направлен в районный центр Шерешево, где работал учителем и директором школы до июля 1978 г.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г.», «Ветеран труда» и другими.

Умер 8 марта 1995 года. Похоронен в г.п. Шерешево Пружанского района Брестской области.

Несмотря на то, что эта книга шла к читателю более сорока лет, за столь долгий срок, она нисколько не потеряла своей актуальности, а даже наоборот, приобрела еще бóльшую ценность.

Эта книга – своеобразная краткая история партизанского движения в Белоруссии на примере одного партизанского соединения конкретного региона. Уникальность издания заключается в том, что воспоминания написаны непосредственным участником описываемых событий.

Простым и доступным языком Викентий Иванович, прибывший молодым лейтенантом за несколько дней до начала войны в часть под Белостоком и переживший всё с первого до последнего дня, рассказывает о народной поддержке борцов с фашистами и полицаями, о трудностях и, зачастую, неоднозначности борьбы в тылу врага, о тонкостях и нюансах ведения партизанской войны. В непростых условиях проходило формирование первых отрядов народного сопротивления. В своей книге он показывает реальную, без прикрас жизнь и боевую деятельность партизан, действовавших в районе Коссово – Ивацевичи – Слоним – Береза – Пружаны, их, зачастую не особо героические, будни.

Произведение дает ответы на многие вопросы о партизанском движении и бытовом укладе жизни партизан. По его воспоминаниям можно проследить этапы зарождения, развития и становления партизанского движения в западных областях Белоруссии.

В дошедших до нас 24-х главах воспоминаний можно узнать, как пережили окруженцы первую, самую страшную зиму, как выстояли в блокаде против значительно превосходящих сил карателей, как проверялось и готовилось партизанское пополнение, как боролись с засланными шпионами и что делали с мародерами, откуда в отряде взялась типография и как появилась партизанская пушка, где партизаны доставали продукты и взрывчатку, где брали медикаменты для раненых. Интересно пишет автор о Василии Алисейчике, советском военном разведчике, с которым ему довелось вместе воевать и который, впоследствии, послужил прототипом одного из главных героев в многосерийном художественном фильме «Вызываем огонь на себя». Обо всем этом Викентий Иванович правдиво рассказывает на страницах своей рукописи.

Изучение истории партизанского движения в Западной Белоруссии, как отдельного объекта исследования, еще не было представлено на суд историков. Уже сейчас можно констатировать, что оно было отличным от партизанского движения в центральных и восточных районах республики. Однако, в советской историографии этому не придавали значения.

Территория оккупированной республики на тот момент была довольно разнородной. Имелась так называемая «граница Рейха», где стояли немецкие пограничные посты, и была пограничная зона. В городах размещались немецкие гарнизоны. В деревнях располагались отряды самообороны белорусских коллаборационистов и полицейские формирования, набиравшиеся из местного населения. Севернее партизанских соединений находились отряды поль-

ской Армии Крайовой (АК), а южнее – отряды Украинской повстанческой армии (УПА). Таким образом, в жизни на оккупированной территории западных областей Белоруссии существовало множество противоречий и опасностей, как для партизан, так и для мирного населения.

Воспоминания дополнены мной списками личного состава партизанского отряда «Советская Белоруссия» и бригады «им. Пономаренко» Брестского соединения, в которую со временем вырос отряд. Тем самым высвечено имя каждого партизана, личная история которого в той или иной степени оказалась связанной с воспоминаниями В.И. Ригина. Необходимо отметить большую помощь в оформлении рукописи, оказанную старшим научным сотрудником Брестского областного краеведческого музея Марией Алексеевной Кучук, которая помогла подобрать уникальные фотографии этой партизанской бригады из фондов музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ригин, В. И.* 1060 дней в тылу врага. Партизанское движение в районе Слоним–Ивацевичи–Пружаны 1941–1944 гг. / В. И. Ригин – Минск : «Рубон»; Смоленск : «Хартекс», 2019. – 200 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 207.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 288.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 289.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 290.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 291.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 292.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 371.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 372.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 443.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 445.
12. Фотоматериалы и документы из фондов Брестского областного краеведческого музея.

А. Г. Цымбал

ФІНАНСАВЫЯ АСПЕКТЫ НАЦЫСЦКАЙ АГРАРНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў АКУПАВАНАЙ БЕЛАРУСІ 1941–1944 У СВЯТЛЕ ТРАФЕЙНЫХ ДАКУМЕНТАЎ НАРБ

Трафейныя дакументы германскага паходжання, што захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь маюць выключную значнасць для аналізу палітыкі, практыкі і наступстваў нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Палітыку акупантаў адносна сельскай гаспадаркі і сельскіх жыхароў, у першую чаргу ўсходняй частцы Беларусі раскрывае фонд 412 НАРБ (Гаспадарчая інспекцыя групы армій “Цэнтр”).

Матэрыялы фонда змяшчаюць пастановы, дырэктывы, загады, распараджэнні, цыркуляры, інструкцыі гаспадарчага штаба Остланда, гаспадарчай інспекцыі і гаспадарчага кіраўніка пры Галоўным ваенным камандаванні групы армій “Цэнтр”. Сярод дакументальнай спадчыны акупацыйных гаспадарчых структур знаходзяцца справаздачы, статыстычныя дадзеныя, перапіска аб стане і развіцці тэкстыльнай прамысловасці, ходзе аднаўлення і рабоце тарфяных заводаў, папяровых фабрык і прадпрыемстваў тэкстыльнай прамысловасці, забеспячэнні іх сыравінай і палівам, выкананні вытворчай праграмы, памерах ворных і лугавых земляў па раёнах Беларусі, пасевах азімых, яравых і тэхнічных культур, стане саўгасаў і колькасці працоўнай сілы ў калгасах. Сярод дакументаў утрымліваюцца карткі вытворчых магутнасцей і спісы дзеючых прадпрыемстваў, а таксама ўказы, інструкцыі і іншыя дакументы адносна арганізацыі эксплуатацыі рэсурсаў акупаванай Беларусі ў галіне сельскай гаспадаркі і выкарыстанні працы беларускага сельскага насельніцтва.

Акупацыйныя ўлады ў сельскай гаспадарцы захавалі калгасную сістэму. Праца ў калгасе (як правіла ахопліваў тры-чатыры вёскі) выконвалася членамі калгаса. Членамі калгаса з’яўляліся ўсе мужчыны і жанчыны старэйшыя за 16 год, якія адносіліся да калгасных вёсак. Адпаведна прафесіі працоўная група калгаса складалася з кіраўніка калгаса, яго намесніка, бухгалтара, яго дапаможніка, агранома – часта толькі прапарцыйна долі ўдзелу з другімі калгасамі – брыгадзіраў, рамеснікаў прадпрыемстваў (калгаснік, каваль і гд.), працаўнікоў па догляду за жывёлай (даяры, пастухі, працаўнікі па догляду за кабылай і гд.), вадзіцеляў трактараў і камбайнаў, таксама з абслуговага персаналу іншых машын і сельскагаспадарчых працаўнікоў.

Кіраўнікі калгасаў, іх намеснікі, бухгалтары, іх дапаможнікі, аграномы атрымлівалі пастаянную заробную плату за месяц, якая ў залежнасці ад ураджайнасці калгаса змянялася ў наступных межах [1, арк. 8]:

Згодна інфармацыі крыніц адно з першых распараджэнняў, што датычыліся аплаты працы мясцовага сельскага насельніцтва адносіцца да 3 верасня 1941 г. Яно ўтрымлівала ўказанні для прамежкавага рэгулявання зарплаты работнікаў калгасаў, машына-трактарных станцый і саўгасаў [2, арк. 12].

Удзельнікі калгаса не павінны былі атрымліваць дакладна ўстаноўленага заробку, а выпрацоўваць долю агульнага даходу. У сваю чаргу, замежным работнікам, якія не з’яўляюцца членамі калгаса, а таксама работнікам МТС і саўгасаў выплачвалася зарплата. Сцвярджалася, што каб забяспечыць бесперапыннае атрыманне прадуктаў прыроднага паходжання нямецкімі прыёмнымі пунктамі, выдача прадуктаў удзельнікам калгаса і доля харчавання ў зарплате строга не павінны перавышаць індывідуальныя патрэбнасці атрымальнікаў.

Работнікі калгасаў маглі атрымліваць узнагароду ў адпаведнасці са стаўкамі, сапраўднымі на 22.06.1941 г. (грашовыя сродкі + натураплата). Уводзіліся наступныя дырэктывы адносна аплаты працы калгаснікаў:

Кіраўнік калгаса (у залежнасці ад памеру прадпрыемства) – 300–1000 руб. / мес. Бухгалтар – пры тых жа ўмовах – 200–650 руб. / мес. Аграномы – пры тых жа ўмовах – 650–1000 руб. / мес. [2, арк. 15].

Прымаліся наступныя стандартныя стаўкі зароботнай платы работнікаў:

- а) арыенціровачная стаўка зароботнай платы для простых працоўных – 1,00 руб./гадзіна
- б) стаўка зароботнай платы для трактарыстаў, камбайнераў і г.д. – 1,25 руб./гадзіна.

У саўгасах зароботная плата ўсталёўвалася ў адпаведнасці з правіламі зароботнай платы, якія дзейнічалі на 22 чэрвеня 1941 года. Калі памер зароботнай платы па стану на 22.06.1941 г. быў невядомы, трэба было выкарыстоўваць наступныя стандартныя стаўкі зароботнай платы:

- а) Пагадзінная пагадзінная аплата працы мужчын. – 0,80 руб./гадзіна
- б) – жанчын, іншая жаночая праца – 0,64 руб./гадзіна
- в) – падлеткаў 16–18 гадоў – 0,64 руб.
- г) – трактарыстаў і камбайнераў – як у калгасах [2, арк. 16].

Інструкцыя аб кіраванні дзяржаўнай маёмасцю ад 17 лістапада 1942 г. разглядала пытанне рэгулявання занятасці і зароботнай платы насельніцтва. Інструкцыяй прадугледжвалася замарожванне зароботнай платы па аплаце працы служачых і рабочых на прадпрыемствах дзяржаўнай уласнасці [3, арк. 14].

Грашовая зароботная плата магла быць выдадзена па наступных стаўках:

- 1) Інспектары гаспадаркі, палявыя і стайні, кваліфікаваныя рабочыя і майстры, такія як кавалі, садоўнікі, перавозчыкі, млынары і інш., атрымліваюць штомесяц ад 250 да 300 рублёў.

- 2) Кваліфікаваныя рабочыя, якія працавалі пад кіраўніцтвам майстра, як кавалі, садоўнікі, млынары і інш., а таксама гіды па посуду і падзэшчыкі, якія знаёмыя з усімі работамі, атрымлівалі ад 180 да 200 рублёў у месяц.

- 3) Некваліфікаваныя работнікі старэйшыя за 16 гадоў атрымлівалі ад 160 да 180 рублёў штомесяц (7 рублёў за адзін дзень).

- 4) Рабочыя да 16 гадоў і вучні атрымлівалі ад 140 да 160 рублёў штомесяц (6 рублёў за адзін дзень).

- 5) Дзеці павінны былі атрымліваць 3 рублі ў дзень [3, арк. 14b].

Прадугледжвалася дапамога натуральнымі прадуктамі. У далейшым планавалася вылучыць працаўнікам калгасаў каля 50 % заробку ў выглядзе дапамогі ў натуральным выглядзе. Натуральнае забеспячэнне прадуктамі прадугледжвалася на мінімальным узроўні. Сцвярджалася, што любое павелічэнне абслугоўвання ў натуральным выражэнні, якое перавышала ўзровень харчовай бяспекі для працаўнікоў калгасаў, прывяло б да зніжэння вытворчасці калгасу, затрымання будаўнічых работ і, верагодна, да бартэрных здзелак, што лічылася непажаданым.

Інструкцыяй прадугледжваліся ўзнагароды мясцоваму насельніцтву за надзвычайную працу ў двары, стайні і ў полі, а таксама прэміі за звышурочныя і нядзельныя работы ў выглядзе грашовых або безнаяўных падарункаў у невялікіх памерах: 1–2 кг садавіны або 1 літр малака або забеспячэнне сняданкам і перакусамі для касцоў [3, арк. 16].

Галоўная сельскагаспадарчая група пакідала за сабой права пераглядаць стаўкі зароботнай платы і любыя неабходныя новыя правілы.

Сістэма аплаты працы ў калгасах захоўвала элементы савецкай.

Ацэначная адзінка – гэта так званы “працадзень”, адзінка вымярэння, якая зыходзіць з выпрацоўкі дарослага падчас каляндарнага дня, але не заўсёды супадае з ёй. Усе працы, якія адносяцца да аднаго класа, ацэньваліся аднолькавай колькасцю працадней, менавіта:

Працоўны клас	Ацэнка працы ў працаднях
I	0,50
II	0,75
III	1,00
IV	1,25
V	1,50
VI	1,75
VII	2,00

На працы, якія адносіліся да класа III, разлічаны адзін працадзень, на тых, што адносяцца да класа VI – 1,75 працадней і г.д. Па-за класавай сістэмы былі некаторыя выкананні з асобнай сістэмай ацэньвання, напрыклад:

Від працы	Ацэнка ў працаднях
Вадзіцель трактара пры абмалоце	3,60
Сарціроўка льнянога валакта	2,50
Набіць кальцо на бочку	0,45
Падкаваць капыта	0,03

У якасці прыкладаў падзелу працы на класы прыведзены наступныя:

Класы	Від прыналежна працы (не сустракаецца ў спісе)
I	

Падварочванне сена. Збор ураджаю суніцы і вішні.

Ачысціць і сартаваць насенне. Адвоз сена. Збор ураджаю маліны і парэчкі.

Вязаць і паўспіраць снапы; упарыць каня на палявых працах.

Пасыпаць штучныя ўгнаенні пры дапамозе машыны, ручным ці плужным араннем.

Узрыхляць зямлю плугам з адным лязо; Скошваць траву з выкарыстаннем машыны ці касы.

Падаваць снапы падчас малацьбы; складаваць салому ў стагі; ламаць лён.

Кожная праца з паложанай ёй колькасцю працоўных гадзін ацэньвалася не тады, калі калгаснік быў заняты працай увесь дзень, а калі ён выканаў норму выпрацоўкі, нягледзячы на яго затрату часу (ці затрату часу брыгады) [1, арк. 1]. Напрыклад:

Праца	Клас	Колькасць		Норма выпрацоўкі	Ацэнка ў працаднях
		працаўнікоў	коней		
Падвярнуць сена	II	1	—	2 га	0,75
Збор ураджаю клубніцы, сярэдні ўраджай	II	1	—	35 кг	0,75
Адвоз сена на 1 км	III	1	2	8 павозак	1,00
Вязаць і паўспіраць снапы;	IV	1	—	400–500 снапоў	1,25
Аранне, з адным лязо, глыбінёй 16-20 см, глеба сярэдняй цяжкасці	V	1	2	0,7–0,8 га	1,50
Скошваць траву з выкарыстаннем машыны ці касы.	VI	1	—	0,60 га	1,75

Колькасць выкананай працы кожным паасобку павінна была запісвацца кіраўніком бригады і безупынна заносіцца ў яго працоўную кніжку. Перыядычна працоўныя кніжкі прадстаўляліся ў “кантору” ці бухгалтарскае бюро калгаса для далейшага разгляду [1, арк. 2].

За кожны выкананы працоўны дзень калгаснік атрымліваў ад агульнага прыбытку пэўную колькасць прадуктаў харчавання (напрыклад, 3 кг зерня, некалькі кг бульбы, малако і г.д), дасюль крыху грошай (30 кап, 50 кап). Падчас сезона ён атрымліваў гэта пераважна авансам з канчатковага разліка. Канчатковы эфект залежаў непасрэдна ад ураджаю, таму яны падвяргаліся вялікім ваганням. Да размеркавання трапляла толькі астача ураджаю пасля выліку наступных паставак прадуктаў харчавання:

- 1) Пастаўка да дзяржавы (за вельмі нізкія цэны).
- 2) Натуральны падатак да дзяржавы.
- 3) Аплата прадуктамі харчавання да МТС для трактароў і другіх прац.
- 4) Аплата прадуктамі харчавання кіраўніцтву калгасам, аграномам, настаўнікам і гд.
- 5) Стварэнне загаданых фондаў.

Дадатковы прыбытак калгаснік атрымліваў у натуральнай форме са сваёй маленькай прыватнай гаспадаркі, таксама з продажу гэтых прадуктаў на свабодным “калгасным рынку” ў горадзе па цэнах, якія былі ў шмат разоў вышэй, чым дзяржаўныя рознічныя цэны. За гэта ён быў павінен плаціць высокі падатак. Увогуле рэальны даход калгасніка, таксама як работніка прамысловага прадпрыемства мог быць трошкі вышэй за пражытковы мінімум у савецкім сэнсе, як гэта адзначалі нямецкія крыніцы [1, арк. 3].

Акупацыйныя ўлады надавалі сельскай гаспадарцы выключна важнае значэнне як крыніцы забеспячэння харчаваннем вермахт і акупацыйныя структуры. У цэлым была захавана савецкая калгасная сістэма, але дэкларавалася неабходнасць правядзення зямельнай рэформы і пераходу да індывідуальных форм гаспадарання. Матэрыялы нямецкіх трафейных дакументаў даюць уяўленне аб арганізацыі землекарыстання і кіравання сельскай гаспадаркай ва ўмовах акупацыі, аплаце працы сельскага насельніцтва, стварэнні сістэмы падаткаабкладання, а таксама цэнавая палітыкі на сельскагаспадарчую прадукцыю. Увядзенне ў выніку праведзенага даследавання новага факталагічнага масіву ў гістарычную навуку дазваляе паставіць тэарэтычныя пытанні адносна метадалагічных падыходаў і навуковых схем аналізу акупацыйнага перыяду. Новыя дакументальныя крыніцы вызначаюць задачу неабходнасці дапоўніць існуючыя раней канцэптуальныя погляды на выкарыстанне германскімі акупацыйнымі ўладамі працы мясцовага насельніцтва новым падыходам, заснаваным на характарыстыцы паўсядзённых вытворчых узаемаадносін на акупаваных беларускіх тэрыторыях. На падставе ўведзеных ў навуковы зварот крыніц, а таксама сучасных метадалагічных падыходаў варта звярнуцца да аналізу стратэгіі выжывання насельніцтва ва ўмовах акупацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 4.
2. НАРБ. – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 6.
3. НАРБ. – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 9.

ВЯЛКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ПАДЗЕІ – ФАКТЫ – ЛЮДЗІ

К. К. Абдрахманова

ЖЕНЩИНЫ КАЗАХСТАНА В ПАРТИЗАНСКИХ ДВИЖЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена изучению проблемы участия женщин в партизанских движениях в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных документов, уникальных воспоминаний ветеранов мы узнаем о героизме и жертвенности женщин партизанок Восточного Казахстана. Автор, анализируя отдельные женские истории, попыталась охарактеризовать роль и значение героических подвигов женщин-партизанок. Истории некоторых женщин вообще раскрываются впервые, так как сведения о них ранее отсутствовали. Автор приходит к выводу, что женщины несли колоссальную ношу во время войны, наравне с мужчинами жертвовали собой, обладали беспримерным мужеством и нескончаемой силой духа. Этим они и внесли неоценимый вклад в достижение Победы в истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Восточный Казахстан, фронт, женщины-партизанки, военная повседневность, женские истории.

В годы Великой Отечественной войны партизанское движение получило весьма широкое распространение на оккупированной немцами территории СССР. В основном партизаны занимались подрывной работой, разведкой, мобилизацией мирного населения. Зачастую они не только нарушали работу воздушного, автомобильного, железнодорожного сообщения противника, но и помогали войскам Красной Армии переправлять продовольствие и боеприпасы.

Всего за годы войны насчитывалось более 6 тысяч партизанских отрядов, где состояло около 1 млн. партизан. По данным Центрального штаба партизанского движения на 1 февраля 1944 г. в партизанских отрядах находилось 93 тысяч – 100 тысяч женщин-партизан, или до 10 % к общему составу партизан [1, с.776].

Согласно данным Н.К. Петровой женский процентный состав в партизанских отрядах варьировался. К примеру, на Украине он составлял 6,1 %, в оккупированных районах РСФСР от 6 до 10 %, на Брянщине – 15,8 %, в Белоруси – 16 % [2, с. 7].

По известным данным более 3,5 тысяч казахстанцев героически сражались в тылу врага в составе партизанских движений. Видными организаторами и руководителями партизанского движения были наш земляк Касым Кайсенов, который был позже удостоен звания «Халық Қаһарманы», Ади Шарипов, Токтагали Жангельдин, Кабыш Омаров, Галым Омаров, Нурым Сыдыков, Сатымбек Тулешов, Жумагали Саин, Галым Ахмедияров, Хасан Карабакиров, Федор Панов, Бошай Канафиянов, Утеули Бисенгалиев и другие. Среди партизан героически и самоотверженно сражались и женщины Казахстана: Тургаш Жумабаева, Нурганым Бекеновна Байсеитова из Уральской области, Жамал Акадилова из Павлодара и т.д.

О деятельности и подвигах женщин-партизан можно рассказать, опираясь на истории Попиневской Ядвиги Игнатьевны, 1924 г.р. из Городоксинского района Витебской области (Белорусская ССР) еще до начала войны жила в г. Усть-Каменогорске и была воспитанницей местной городской комсомольской организации. С первых дней войны стала бойцом и агитатором в партизанском отряде старшего лейтенанта Гурко. В первой Белорусской бригаде она была не только медицинской сестрой, но и наравне с мужчинами, ходила на боевые операции, участвовала в налетах на вражеские гарнизоны.

Об этом свидетельствуют документы: 15 августа 1941 года, когда отряд сжег мост на шоссе Молодечно-Вильно, длиной 175 метров, а 9 сентября был подорван железнодорожный путь на участке Заславль-Минск и движение поездов было приостановлено на двенадцать часов. 18 сентября партизанами этого отряда был сожжен мост в д. Курковичи Заславского района, длиной 25 метров. 20 сентября взорваны рельсы на участке железной дороги между Заславлем-Петришками, так что движение на сутки приостановилось, а 24 сентября снова взорван железнодорожный путь на участке Заславль-Минск и под откос были пущены паровоз и три вагона. 31 октября партизанский отряд Г.Гурко организовал засаду у поселка Шаршуны, отступающие фашисты были встречены плотным огнем; 15 мая 1942 года умелая организация и хорошая разведка дали возможность 23 партизанам из отряда Гурко уничтожить триста тонн бензина, 216 тонн муки и 300 тонн ржи. Операция проведена без потерь и т.д. [3, с. 453–454].

Также Ядвига Игнатьевна была помощником командира бригады по комсомольской работе. За свои боевые подвиги она была награждена Орденом «Красная Звезда», а также медалью «Партизану Отечественной войны» первой степени.

Уроженка г.Павлодар Жамал Акадилова служила на пограничной заставе в Белоруссии. Однако их застава будет разгромлена немецкой армией? И оставшиеся солдаты Советской армии примкнут к партизанским отрядам Белоруссии. На войне Жамал встретит своего будущего супруга Жилбека, родит от него дочь. Осенью 1943 г., когда партизанский отряд соединился с частями Красной Армии, Жилбеку удалось отвезти Жамал с дочерью домой в Павлодар. Спустя годы, история про Жамал и Жилбека станет главным сюжетом в книге известного восточно-казахстанского писателя, ветерана войны Ади Шарипова «Дочь партизана» [4].

Горохова Раиса Иосифовна из Восточно-Казахстанской области была связной в партизанском отряде на территории Белоруссии. Звалась как «подснежник». Ходила в разведку, участвовала в боях при разгроме вражеских гарнизонов, работала в группе подрывников [5, с. 46].

Колмакова Елена Куприяновна из Восточно-Казахстанской области воевала вместе с мужем в отряде известного партизанского предводителя, Героя Советского Союза Константина Сергеевича Заслонова. В составе группы железнодорожников они осуществляли партизанскую работу в районе Витебска, Орши. Их группа изготавливала так называемые «угольные мины» (мины, замаскированные углем) и подрывала немецкие паровозы.

В фондах Государственного архива Восточно-Казахстанской области сохранилось письмо Левдальской Ирины Наумовны, адресованное своим родственникам. Автор письма со своим мужем Володей находилась в партизанском отряде на территории оккупированной Белоруссии. Она достаточно подробно рассказывает о главных трудностях того времени: война, жуткий голод и страшный антисемитизм. По поводу последнего, хотелось бы привести цитату из ее письма: «Как вам известно, всю нашу нацию жестоко истребили фашисты-варвары. Для нас даже пуль жалели, в одну яму сбрасывали сотни живых людей и закапывали. Население ужасно страдает от фашистов, а в наших партизанских районах немчуры и полицаев особенно много. И когда они врываются в поселки, то с особой ненавистью сжигают дома, кидают в огонь детей, женщин. Всех без разбора убивают. Оставляют после себя одни пепелища» [6, л. 132].

Кроме того, Ира Наумовна из-за своего еврейского происхождения испытывала притеснение со стороны родственников мужа. Муж изо всех сил защищал ее. Об этих трагических моментах рассказывала автор письма: «Володя всей силой, всякими средствами старался спасти мою жизнь. Впервые, подделал мой паспорт. Окрестили меня с Нелочкой (дочь) у попа, из-за всего этого были вечные скандалы дома, из-за их подлой трусости. Володя грозился убить брата в случае, если он выдаст меня властям. Я знала, что раньше ли, позже ли, он меня выдаст. Населения я так не боялась, как его. Случилось это 1 августа 1942 г. До этого времени я не жила, а гнила, ожидала со дня на день, что меня схватят и убьют. В конце июля прошлого года он поступил работать в волость и выехал в Пуховичи. Несколько дней спустя подал рапорт о моем существовании немецким властям. За мной приехали две машины немцев и полицейских. Меня везли в Пуховичи для жестокой расправы. Но случилось так, проезжали по мосту, а из лесу по машинам раздалась стрельба. Это партизаны обстреляли машину. Фашисты в панике попрыгали с машин под мост, и тут началась перестрелка. Я решила воспользоваться этим и сбежала. Фашисты после длительной стрельбы разбежались, оставили свои машины, из которых одна сгорела. Я спаслась, пряталась несколько месяцев, частенько меня полиция искала» [6, л. 132].

Эти отрывки письма свидетельствуют об ужасах военного времени. Несмотря на свой страх, женщина, спасает свою жизнь вынуждена становиться бесстрашной.

После окончания войны в Усть-Каменогорск по разным обстоятельствам переехали жить из других регионов Союза бывшие партизаны, о судьбе которых также следует нам не забывать. В частности, это Койколова Александра Трофимовна, Колодий Елена Кузминична, Калькова (Калинина) Фруда Дмитриевна, Мерзлякова (Усова) Вера Григорьевна, Пашкевич Нина Никифоровна, Федоренко (Пашкевич) Анна Никифоровна, Перекуто Антонина Григорьевна, Пушкарева Прасковья Якимовна, Галкина Анна Павловна [7].

Пашкевич Анна и Нина были сестрами из Белоруссии. С момента начала войны их семья во главе с отцом ушли в партизанский отряд. Отец был убит во время выполнения боевого задания. Нина Пашкевич, совсем юная семнадцатилетняя девчонка, становится боевой партизанкой – помощником

пулеметчика. Во время выполнения задания была серьезно ранена, в госпитале ей ампутировали правую ногу. Ее оптимизм помог ей восстановиться, она научилась ходить на протезе, стала работать на восстановление народного хозяйства. За боевые заслуги была награждена орденами Отечественной войны I и II степени, медалями.

В 1951 г. Нина Пашкевич переехала жить в Восточный Казахстан к своей сестре Анне, которая вышла замуж за устькаменогорца Федоренко Ивана Дмитриевича. В годы войны Анна Пашкевич также как и Нина воевала в одном партизанском отряде. Была награждена боевыми орденами и медалями, а также за плодотворный труд в мирное время – Орден Трудового Красного Знамени, медаль «За освоение Целины».

Мерзляковой (Усова) Вере Григорьевне было 19 лет, когда началась война. Родом она была из Белоруссии, Витебской области, Бешенковичского района, деревни Стрижово. Оставаясь в своей деревни, она выполняла специальные задания штаба партизанской бригады. Позже Вера была зачислена в бригаду в группу агентурной разведки. Разведчица свои сообщения готовила письменно на небольшом клочке бумаги, и оставляла их в условленном месте, откуда их забирал связной из штаба бригады. По ее оперативным сведениям партизаны проводили различные операции и налеты на вражеские гарнизоны. Одной из крупной операцией было взятие гарнизона в с. Свеча. Гарнизон был полностью уничтожен партизанами. Было взято более 500 немецких солдат в плен. После войны Вера Григорьевна вышла замуж за Мерзлякова и переехала жить к нему в Усть-Каменогорск. За боевые заслуги она имеет награду – Орден Отечественной войны II степени.

Многие партизанки-разведчицы научились проникать в гарнизоны врага, обманывать противника и доставлять в отряды ценные данные. Таковой являлась Колодий Елена Кузминична. Она родилась в 1923 г. с. Ново-Зеленки Червеньского района Минской области (Белорусская ССР). В 1940 г. окончив ФЗУ на портниху, работала на швейной фабрике им. Крупской в г. Минске. С началом войны она принимала участие в составе партизанского отряда «Разгром» в освобождении Белоруссии [8, л. 1].

Елена Кузминична принимала участие в различных акциях. Партизаны ее устроили официанткой при местном гарнизоне, охранявшем лагерь военнопленных. Елена по заданию партизан вела сбор информации среди военнопленных. Однажды к ней в столовой подошел военнопленный и сказал, что он бывший капитан Красной Армии и хочет выйти на партизан. В результате работы Елены в ходе тщательно подготовленной операции было освобождено 60 военнопленных солдат во главе с капитаном.

О некоторых своих боевых заданиях вспоминала Елена Кузминична: «Однажды меня и Голубеву Анастасию отправили в деревню, узнать о количестве прибывших немцев. Человек, знавший Голубеву А., как партизанку выдал ее фашистам. Эсэсовец пытал Анастасию на глазах у меня. Анастасия ничего не сказала и умерла от пыток, а меня отпустил полицай, сделал выстрел вверх» [8, л. 1].

Кроме этого, Елена Кузминична участвовала в подрывах железной дороги Минск-Смолевичи. Ее подвиги были отмечены Орденом Отечественной войны II степени [9], а также медалью «Партизану Отечественной войны». В 1953 г. она переехала жить в Усть-Каменогорск.

Перекуто Антонина Григорьевна 1926 г.р. была самой юной партизанкой. В отряд народных мстителей она попала в 1943 г. и воевала на территории Минской области до полного освобождения от немцев. В Усть-Каменогорск переехала жить в 1953 г. [10].

Нет более полных сведений еще о двух партизанок – Кальковой (Калинина) Ф.Д. и Пушкаревой П.Я. На Федеральном сайте «Память народа с нами» о них были обнаружены следующие материалы. В частности, Калькова (Калинина) Фруда Дмитриевна была 1926 г.р. родом из Белорусской ССР Витебской области Бешенковичского района деревни Лихачь. За свою службу в партизанском отряде она была награждена Орденом Отечественной войны II степени [11]. Также, Пушкарева Прасковья Якимовна 1916 г.р. из Белорусской ССР Гомельской области Кошелевского района деревни Шарибовка. На сайте «Память народа» размещена юбилейная карточка, где отмечено, что она была награждена Орденом Отечественной войны II степени [12].

Роот Анна Вадимовна родилась в 1923 г. в д. Рождественка Ельцовского района, Алтайского края. После окончания спецшколы в г. Москве с августа 1942 по февраль 1943 г. находилась в партизанском отряде №70 под Сталинградом в составе диверсионной группы. С августа 1943 г. по повестке Казанского облвоенкомата была направлена в политотдел 5-го зенитного дивизиона. Была старшим радиотелеграфистом разведгруппы. Победу встретила на территории Чехословакии, а в августе 1945 г. из Польши вернулась домой. В 1955 г. в период освоения Целины переехала жить в совхоз Карабидайский Щербактинского района. С 1974 г. и до ухода на заслуженный отпуск работала электромонтером в Павлодарском городском радиоузле. Избиралась секретарем парторганизации.

В 1985 г. была награждена Орденом Отечественной войны II степени [13].

Александра Тимофеевна Гойковолова-Гориявчева в 1941 г. училась в высшей школе культпросветработников в г. Смоленске. Однако из-за войны учебу пришлось оставить. После оккупации Смоленска Александра Тимофеевна пошла в разведгруппу партизанского отряда. Ее основная задача заключалась в поиске осиротевших детей и советских солдат, вышедших из окружения. После их обнаружения разведгруппа оказывала им помощь и внедряла в партизанские отряды.

Воспоминала Александра Тимофеевна: «Одно из первых заданий нашей группе выпало такое: обнаружить, что группа советских солдат вышедших из окружения обречена на расстрел (они сидели в сарае). Ночами мы делали подкоп и увели в лес 18 наших солдат. Среди них был Николай Корчагин, позднее он был командиром 2-го взвода нашего партизанского отряда. Также Николай Остапчук – в последствии отважный сапер (погиб в 1942 году смертью храбрых)» [14, л. 58–60].

За самоотверженный труд Александре Тимофеевне была присвоена партизанская кличка «Красная шапочка». Она не только выходила на разведку, но и выполняя различные поручения санинструктора взвода. Позднее, став старшей медицинской сестрой, научилась оказывать медицинскую помощь, выносить с поля раненых.

Самое сложное было внедрение партизан среди населения на оккупированных территориях. Необходимо было приложить все усилия, чтобы не вызвать хоть малейшего сомнения со стороны немцев. Александра Тимофеевна отмечала: «Выполнять всю работу приходилось в очень сложных условиях. Придя в любое село, нужно было стать наравне с его жителями и выполнять ту работу, которую выполняет население (жать, косить, убирать лен, доить коров и т.д.). Под кнутом полиция и в то же время суметь войти в доверие к населению, чтобы нести правду Родины-Партии. Войти в доверие к подросткам, которые пошли бы за тобой, куда их поведешь темной ночью, а затем эшелонами, в которых отправляли раненых, отправляли в тыл подростков. Отдельные из них, не понимая, что им делают хорошее, даже нанесли оскорбления, безусловно, потом благодаря в душе. А отдельные после войны, разыскав меня, писали сердечные письма» [14, л. 59].

После окончания войны Александра Тимофеевна переехала жить в Восточный Казахстан и всю свою жизнь посвятила комсомольской работе.

Юлия Павловна Тюлегенева родилась в 1924 года в с. Прольково Навлинского района Брянской области. Когда началась война, она жила в Орловской области. В 1941 г. добровольно ушла на фронт в партизанский отряд. Она принимала активное участие в партизанском движении на территории Литовской ССР. Она не только ухаживала за ранеными, но и наравне с мужчинами принимала участие в боевых действиях на Брянщине, в разгроме немецких эшелонов между станциями Степное и Синеозерки Московско-Курской железной дороги. После освобождения г. Орла от немцев, партизанский отряд, где служила Юлия Павловна вышел из подполья. Юлия Павловна дошла до Берлина [15].

В 1947 г. вместе с мужем, с которым познакомилась в партизанском отряде, Юлия Павловна приехала в г. Семипалатинск. Имела боевые награды и медали. В 1985 г. была награждена Орденом Великой Отечественной войны II степени [16].

Согласно данным Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области более 20 лет проработала в организациях социального обеспечения г. Семипалатинска и была награждена медалью «За доблестный труд».

Таким образом, женщины партизаны наравне с мужчинами выполняли любые боевые задания, помимо этого на их плечах лежала санитарная служба, связь и повседневные бытовые дела. В партизанских отрядах были женщины разных возрастов и национальностей. Каждая из них, выполняя боевые поручения, сталкивалась с невероятными трудностями и ежедневно рисковала своей жизнью. К сожалению, многие женщины были схвачены

немцами. Их подвергали жестоким пыткам и казням. Они не дожили до победы, но внесли свой бесценный вклад для достижения победы. Несмотря на то, что это были «хрупкие создания», они показали себя храбрыми, стойкими и выносливыми бойцами и командирами. Женщины несли колоссальный груз войны, при этом многие проявляли самопожертвование, обладали беспримерным мужеством и нескончаемой силой духа. Наш долг – помнить и чтить память о них, героях, Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. Редколлегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. гл. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) и др. – М. : Сов. Энциклопедия, 1985. – 832 с.
2. Женщины Великой Отечественной войны / Авт. – состав. Н. К. Петрова. – М.: Вече, 2018. – 696 с.
3. Ер есімі ел есінде – Поклонимся и мертвым, и живым / сост. Л. Рифель – Усть-Каменогорск, 2014 г. – 647 с.
4. Шарипов, А. Фронтовые повести / А. Шарипов. – Алма-Ата: Жалын, 1982. – 424 с.
5. Есть в памяти мгновения войны = Отты жылдар есімізде / сост. Л. В. Аксенова. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2010. – 65 с.
6. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). – Ф. 177. Оп. 1. Д. 32.
7. Славные партизанки // Рудный Алтай. – 1995. – 7 марта.
8. ГАВКО. – Ф. 753. Оп. 2. Д. 160.
9. Подвиг народа 1941–1945. Колодий Е. К. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://podvignaroda.ru/?#id=1523435162&tab=navDetailManUbil/> Дата обращения : 18.11.2018 г.
10. Славные партизанки // Рудный Алтай. – 1995. – 7 марта.
11. Память народа 1941–1945. Калинина Ф.Д. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1521951457/ Дата обращения : 16.08.2018 г.
12. Память народа 1941–1945. Пушкарева П. Я. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1517194237/ Дата обращения : 16.08.2018 г.
13. Память народа 1941–1945. Роот А. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1519390203/ Дата о бращения : 18.08.2018 г.
14. ГАВКО.Ф.2866-п. Оп.2. Д.356.
15. Государственный архив Восточно-Казахстанской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://cdni-arhiv.vko.gov.kz/ru/publications2_50.htm/ Дата обращения : 18.10.2018 г.
16. Память народа 1941–1945. Тюлегенева Ю. П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1520217326/ Дата обращения : 18.10.2018 г.

В. К. Вознесенский

БОИ В ОСИПОВИЧСКИХ ЛЕСАХ 14–17 ИЮЛЯ 1941 Г. К ВОПРОСУ О ПЕРВОЙ АНТИПАРТИЗАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В истории Великой Отечественной войны фактом является развернувшееся с первых дней оккупации партизанское движение. Первыми противниками партизан были фронтовые части вермахта. Отряд В.З. Коржа под Пинском 28.06.1941 г. столкнулся с 1-й кавдивизией, а 4.07 – с 293-й пехотной дивизией немцев [1, с. 155–157]. Известность получило нападение отряда «Красный Октябрь» на 134-й саперный батальон в д. Оземля 18.07 [2, ф. 846-848]. Столкнувшись с новой угрозой в своем тылу, немцы стали искать пути борьбы с ней. Наравне с усилением охраны инфраструктуры предусматривались активные действия – операции.

Антипартизанская или «антибандитская» операция (Bandenbekämpfungsunternehmen, сокр. Bandenunternehmen) – термин в немецких документах, означающий совокупность согласованных и взаимосвязанных боевых действий наступательного характера, направленных на борьбу с нерегулярными вооруженными формированиями. Такие операции могли различаться по целям (оттеснение врага или его уничтожение) и размерам (в зависимости от привлеченных сил). В документах партизан данные операции именуются экспедициями.

Часто первой крупной операцией называют «Бамберг» – бои 707-й п.д. против «гарнизона Павловского» 26.03–06.04.1942 г. [3, с. 899]. По аналогии антипартизанской операцией можно назвать акцию «Припятские болота» 1-й кавбригады СС 27.07–11.08.1941 г. [4, л. 102, 149]. 19–20.07 имела место антипартизанская акция 316-го полицейского батальона в окрестностях Ганцевичей [5, бл. 11; 6, бл. 159–203]. Еще раньше с «вооруженными бандами» успели повоевать 52-я и 167-я пд. Так, в немецких штабах изначально именовался противник, обнаруженный в полосе 53-го армейского корпуса в лесах юго-восточнее и севернее Осиповичей [7, ф. 1183, 1185].

Именно с ними пришлось столкнуться 152-му разведотряду, который 9.07 вошел в город и 10.07 начал зачистку. Зачистку окрестностей в этот день завершить не удалось. В 19:00 столкновения переросли в настоящий бой. Против немцев выступили и люди в гражданском. Пойманных с личным партизан немедленно вешали или расстреливали. Оживленная перестрелка длилась до 03:00 11.07. 10.07 в 15:03 произошло первое столкновение южнее Свислочского моста, у д. Чучье, а в 22:00 немецкая разведгруппа сообщила о враге южнее д. Брицаловичи. Кроме того немецкий склад боеприпасов у д. Горожа был найден подожженным. 11.07 на дороге Бобруйск – Осиповичи тяжело ранен начальник полевой жандармерии 52-й пд [8, ф. 55–58].

В 04:00 12.07 у д. Шейпичи столкнулся с врагом 3-й батальон 163-го пп. Из показаний пленных комиссаров выяснилось, что партизаны якобы были под единым руководством некоего Сулимского из Осиповичей. Его поиски не

увенчались успехом. Согласно выводам зондерфюрера Власова, за сопротивлением в Осиповичских лесах стоял «Комитет по борьбе с фашистами и их искоренению», а деятельность нерегулярных вооруженных формирований организовывалась и направлялась оставшимися в немецком тылу функционерами коммунистической партии [9, f. 611].

Значительную часть этих нерегулярных формирований составляли разрозненные советские части в тылу ушедших далеко на восток немецких танковых соединений, одним из мест сосредоточения которых в первой половине июля 1941 г. стали Осиповичские леса. Здесь отряды разбитых дивизий видели возможность у ныне безвестной деревни Косье незаметно форсировать Березину и воссоединиться с главными силами РККА. Хотя путь к берегу реки тут преграждало шоссе, по которому в ночь с 29 на 30 июня проехали немецкие танки, лес быстро наполнялся прорвавшимися из окружения и прошедшими по проселочным дорогам и лесным тропам сквозь рыхлый немецкий тыл. 12.07 тут пересек Березину маршал Советского Союза Г.И. Кулик [9, f. 605-606, 643, 644; 10, f. 1004, 1087].

12.07 с запада к д. Косье пробился отряд 121-й сд (полковник Н. Н. Ложкин), который был самым крупным советским подразделением в Осиповичских лесах и включал не менее 3000 чел. [11, с. 13]. Севернее него стояли отряды 17-й сд (полковник Сибиров) и 37-й сд (полковник А. Е. Чехарин) – примерно по 1000–1200 чел. хорошо организованных войск [12, f. 1239]. На берегу Березины остановился отряд 29-й механизированной дивизии (генерал-майор И. П. Бикжанов) – около 50 чел. [13]. Наибольшей боеспособностью обладала намеренно заброшенная в тыл врага 214-я воздушно-десантная бригада, численностью около 1000 чел., во главе с полковником А. Ф. Левашовым [14, л. 15].

Общую численность советской группировки Ис 53-го ак, опираясь на слова местных жителей, 12.07 оценил в 15 000 чел., 100 орудий, 100 тягачей [7, f. 1182; 10, f. 554]. После начала операции, 16.07, оценка была скорректирована до 8000 чел. [15, л. 234]. В действительности же, в лесах юго-восточнее Осиповичей к вечеру 13.07 собралось от 6 000 до 7 000 бойцов и командиров.

В целом корпус оценивал противника следующим образом: «В лесах восточнее и юго-восточнее Осиповичей сформировались крупные банды. Некоторые из них имеют пулеметы, ПТО и автомашины. Судя по всему, они находятся под единым руководством. Эти банды очень активны. На шоссе Бобруйск – Теплуха и Бобруйск – Свислочь произошли различные нападения на отдельные машины и небольшие отряды, повлекшие потери с немецкой стороны» [7, f. 1190]. К вечеру 13.07 здесь погибли 8 немецких офицеров [16, f. 831].

Впервые вывод о необходимости систематического прочесывания лесов следующими за 52-й пд дивизиями был сделан 12.07. Планировалось передать это 131-й пд 43-го ак, однако в течении дня было решено провести операцию силами 53-го ак. В 04:00 14.07 охранение против д. Косье взяла на

себя 167-я пд (генерал-лейтенант Г. Шёнгерль). Ее дальнейшие действия строились на основании приказов по корпусу и дивизии, выпущенных в 18:10 и 23:00 13.07 соответственно [12, f. 1206–1209, 1212–1214].

3 полковые группы за день должны были с севера на юг зачистить лесной массив между железной дорогой Осиповичи – Свислочь и линией Кохановка – Ясень – Щатково. Первым в 06:00 перешедший в наступление 339-й пп должен был выбросить вперед боеспособные подвижные части, препятствуя таким образом прорыву противника на юг. В 06:30 по шоссе Свислочь – Бобруйск в район Косье должен был направиться 331-й пп, имевший целью воспрепятствовать прорыву противника по Березине в юго-восточном направлении. В центре боевых порядков дивизии с 07:00 315-й пп наступал на д. Мотовило, чтобы таким образом завершить уничтожение зажатого в тиски противника. О достижении линии Заселечье – Александровка – Татарковичи – Косье нужно было сообщить кодовым словом «Охота на кабана» [12, f. 1214].

Отдельно отмечалась важность того, чтобы все полки тщательно прочесывали лесной массив в своих полосах наступления вдоль дорог, как совпадающих с направлением атаки, так и отходящих от них. Особое внимание приказывалось уделить населенным пунктам, домикам лесников и хуторам в лесистой местности. Обнаруженного врага нужно было «полностью уничтожить» [12, f. 1213]. Это сопровождалось позицией 53-го ак: «Пленных не брать» [17, f. 584]. Командование, хотя оно 13.07 получило информацию, что в лесах находятся части РККА, предпочло действовать как будто против нерегулярных формирований [8, f. 60].

Первым в 11:20 в бой против сильного врага на опушке леса южнее д. Косье и в лесистой местности западнее нее вступил 331-й пп [12, f. 1179]. До полудня заблокированный лес обстреливается из артиллерии. В 12:55 началась атака 3-го батальона. 2-й батальон оказался временно выведен из боя, так как завяз в болоте. Следующая фаза боя началась в 14:45. После предварительного обстрела врага 331-й пп начал атаку 3-м и 2-м батальонами, чтобы уничтожить попавшую в «мешок» группу Бикжанова. Бой закончился успешным прорывом части окруженных во главе с генералом. К 17:35 они переплыли Березину [13]. Переправа для оставшихся в лесах войск стала практически невозможной [17, f. 569]. После тяжелого лесного боя 331-й пп перешел к обороне. Его достигший восточного выезда д. Осередок левый фланг, согласно приказу, был отогнут назад к д. Татарковичи.

Около 17:00 северо-западнее деревни он подвергся сильным атакам противника. Советский контрудар увенчался частичным успехом и задержал продвижение 3-го батальона 331-го пп, однако своим правым флангом уже к 18:35 он продвинулся до д. Заельник. Противником немцев тут оставались 91-й сп из отряда 37-й сд и 278-й сп из отряда 17-й сд [12, f. 1239].

Получив от местных жителей сведения о том, что у д. Татарковичи стоит сильный противник с артиллерией и пулеметами – отряд 121-й сд, в 11:35 дивизия приказала 315-му пп как можно быстрее пробиться туда [17, f. 564].

Задача оказалась невыполнимой. Еще до ее получения передовой отряд полка на развилке у высоты 161 наткнулся на северную заставу 214-й вдбр. На поляне, непосредственно у дороги, 2-й ротой (ст. лейтенант С. П. Виноградов) было сооружено необычайно замаскированное в кустарнике гнездо обороны с пулеметами и 2 ПТО [12, f. 1245]. 315-й пп сразу же понес ощутимые потери. Передовой отряд немедленно атаковал, но, потеряв еще больше, залег в 40–50 м от позиций десантников. На помощь северной заставе по приказу начштаба бригады был брошен почти весь 1-й батальон. Дрогнувшая было 2-я рота сохранила рубеж [18, с. 193]. После этой неудачи, с фронта и с левого фланга заставу атаковал 2-й батальон 315-го пп. Подтянутые немцами орудия и минометы открыли огонь, но сильно пострадали от чрезвычайно точно ложащегося ответного огня [12, f. 1245–1246].

После ожесточенного боя, в опорном пункте заставы немцам удалось поджечь 3 грузовика и боеприпасы. Десантники понесли тяжелые потери, под покровом дыма отошли на запасной рубеж. В 15:45 2-й батальон 315-го пп с подчиненным передовым отрядом продолжил наступление по обе стороны дороги к южной опушке леса. Десантники дали пройти врагу всего несколько сотен метров, после чего в 16:50 315-й пп снова наткнулся на упорную оборону. На этот раз полем боя стала просека, по всей длине с востока на запад простреливаемая из пулеметов и ПТО. Дорога лежала под прицельным огнем минометов. Ради продолжения атаки позади 2-го батальона спешно был развернут 3-й батальон 315-го пп, сюда же подтягивался последний резерв – части 13-й и 14-й рот. Этой группе был отдан приказ: любой ценой до наступления темноты достичь д. Мотовило. Но преодолеть позиции 1-го батальона 214-й вдбр, несмотря на непрерывные ожесточенные бои при поддержке всего тяжелого оружия на передней линии и отражение дух русских контратак, главные силы немцев не могли. Видя бесплодность попыток продолжения наступления, командир полка отдал приказ: отвести назад все машины и лошадей и на ночь занять круговую оборону. Все свободные части, около 2 рот, в то же время под личным руководством командира полка обошли позиции десантников с флангов до самой кромки леса и ликвидировали докучавшие пулеметные гнезда [12, f. 1246]. 1-й батальон 214-й вдбр отошел на вторую позицию [18, с. 193]. К 22:30 2-й батальон 315-го пп прорвался к южной опушке леса и захватил д. Мотовило, где на ночь занял круговую оборону [12, f. 1246].

1-й батальон 315-го пп около полудня задействованный для обхода северной заставы, из-за встреченного на пути болота и вражеского огня отклонился далеко вправо и потерял связь с главными силами. Командир батальона гауптман фон Ауссин самостоятельно решил пробиваться к южной опушке леса, а вышел к домику лесника севернее д. Рожнетово – штабу 214-й вдбр. Тут занимала оборону ее 1-я рота. Последовал ожесточенный бой. Обе стороны посчитали, что попали в окружение. В яростной контратаке

с советской стороны участвовали разведывательно-самокатная рота и части 2-го батальона [18, с. 194–195]. Снайперским выстрелом в голову удалось убить командира немецкого батальона [12, f. 1246]. До позднего вечера 1-й батальон просидел в окружении у д. Гурновичи [17, f. 571, 574].

Помочь 315-му, согласно замыслу штаба дивизии, ударом в тыл 214-й вдбр, должен был сосед справа – 339-й пп. До сих пор не имевший контакта с противником полк должен был замкнуть кольцо окружения с юга. В 13:45 он готовился к выдвигению на д. Залесье, а в 14:00 у моста у д. Рачки атаковал южную заставу и 2-й батальон 214-й вдбр. При прорыве рубежа 8-й роты комбат бросил в контратаку свой резерв, что вылилось в рукопашную схватку. После этого 339-й пп временно остановил продвижение. В 16:45 полку была поставлена новая задача: артиллерией разбить артиллерию отряда 121-й сд западнее д. Татарковичи и южнее д. Заельник, а пехотой не дать окруженным отойти ни на юг, ни на запад [17, f. 569]. Атака достигла намеченной цели около 20:30, а к 23:00 охранение в д. Липницы установило контакт с 7-й ротой 331-го пп. Так 339-й пп вышел в тыл 214-й вдбр и отряда 121-й сд [17, f. 571].

167-я пд практически целиком завязла в бою. Все осложнили проблемы с проводной и радиосвязью штаба дивизии и полков, а также между полками. В 20:30 у дивизии сохранялся контакт лишь с 331-м пп. Противостоящие силы РККА немцы характеризовали фразой: «Противник защищается до смерти» [17, f. 573]. Это заставило дивизию к 19:20 отказаться от намерений сегодня завершить операцию. На ночь кольцо окружения было замкнуто на линии Косье – Татарковичи – Заельник – Мотовило – Липницы. План, однако, не предусмотрел наличие оставшихся в тылу у блокирующей группировки крупных сил 214-й вдбр и других групп РККА. В кольце окружения сразу же появились бреши, а отсутствие связи с 315-м пп означало, что его западный фас будет открыт для противника [17, f. 570–573]. Ночная темнота стала еще одним условием для успешного прорыва окруженных.

Первыми в полночь ушли десантники. Автотранспорт с артиллерией полевыми дорогами двигался отдельной колонной. На выходе из д. Рожнетино 1 немцы (1-й батальон 315-го пп) встретили ее огнем. Захвачены оказались 47 груженых боеприпасами грузовиков, 2 орудия и ПТО [12, f. 1246, 1247]. Оставив автоколонну батальоны и штаб бригады выступили пешком и вышли в район, который 14.07 занимал 339-й пп [18, с. 196–197].

Прорыв произошел и в полосе 331-го пп, который в лесистой местности не смог создать замкнутый фронт. Тут степень, в которой окруженному врагу было позволено ускользнуть, немцы не смогли определить даже в последствии [17, f. 574–575]. На север прорвался отряд 17-й сд, а на юго-восток – отряд 121-й сд. Прорыв сопровождался артобстрелом. «Для такого длительного огня у нашей артиллерии не хватило бы боеприпасов» – отметили в штабе 167-й пд [17, f. 573]. Части пошедших на прорыв боевых групп с автотранспортом и артиллерией с кошачьей изворотливостью удалось про-

сочиться сквозь не занятые немцами болотистые участки и стыки подразделений [12, f. 1241–1244]. Уже на этом этапе немцы отмечали, что речь идет ни в коем случае не о рассеявшихся, а о хорошо организованных соединениях [17, f. 580].

Согласно намерениям 167-й пд день 15.07 должен был стать завершением боев в треугольнике Осиповичи – Свислочь – Бобруйск. Атаку планировалось вести с 04:00 и до уничтожения противника. Атака, однако, состоялась лишь частично. Первую половину дня 167-я пд уточняла расположение своих частей и пыталась наладить с ними связь. С часовым опозданием 4 роты выступили на юг с дороги Чучье – высота 162. В то же время 315-й пп через д. Мотовило вышел к д. Липницы. Преимуществом немцев, после ухода 214-й вдбр и отряда 121-й сд, стал обстрел лесов дивизионами 238-го ап [12, f. 1240]. И все же в лесах скрывалось достаточно русских, чтобы командир 167-й пд под страхом дальнейших тяжелых потерь и утраты боеспособности уговорил корпус отменить атаку [17, f. 579–580].

Новый приказ основывался на том, что предыдущее кольцо окружения не было замкнуто. Отряды 17-й и 37-й сд остались севернее района окружения и командир дивизии решил к 21:00 расширить котел до линии: Косье – Чучье – высота 162 – мост в 3,5 км западнее нее – Мотовило – Заельник – Осередок – Буда [17, f. 581]. Выход на установленные позиции состоялся лишь на рассвете 16.07. Ночь снова позволила окруженным реформировать разбитые боевые группы, а некоторым ускользнуть в восточном или западном направлении. «Небольшими группами множество разрозненных людей пробирались через каждую дырку в нашем кольце» – свидетельствует враг [12, f. 1239].

Задача дивизии на 16.07 оставалась, как и ранее: уничтожение обнаруженного в лесу противника. Менялись только методы ее выполнения. Больше не было установлено конкретного срока окончания операции, а помимо силы оружия предполагалось применить силу убеждения. Открытым текстом было передано радиосообщение: «Не стреляйте в русских солдат, которые сдаются в плен!», над лесом сбросили листовки, с машин заговорили репродукторы. Но результата не было видно [17, f. 583–585]. Лишь в вечернем донесении Ис 2-й армии говорится, что оказывавшие ранее ожесточенное сопротивление частично последовали листовкам [15, л. 231]. Для полков 167-й пд день был посвящен замыканию кольца окружения, 238-й ап накрывал отдельные участки леса беспокоящим огнем. Полная блокада оказалась в разы эффективнее листовок и артиллерии. Порядок в голодных частях, которые лишились возможности получать продовольствие из окружающих деревень, рухнул [12, f. 1240]. Однако задачу командования корпуса все еще можно было выполнить только посредством атаки.

С завершением операции спешили и потому, что в тылу оцепления накапливались силы врага. По лесам в окрестностях д. Горожа на восток шел штаб 37-й сд. Там же немцы выявили сплоченную воинскую часть с артил-

лерией под руководством капитана, который якобы организовал мобилизацию местных жителей. Группа красноармейцев с артиллерией, замеченная у д. Устиж, 17.07 пыталась подойти к Свислочскому железнодорожному мосту [15, л. 231].

Особых действий, за исключением сильного заградительного огня артиллерии, в ночь на 17.07 немцы не предпринимали. Но уйти теперь было не так просто. Около 200 красноармейцев, атаковавших ночью в юго-западном направлении, были подпущены на близкое расстояние и в значительной степени уничтожены пулеметным огнем [17, f. 586]. Другая группа из примерно 100 чел. утром при попытке выползти из леса попала под пулеметный огонь и потеряла до 20 чел. [12, f. 1239].

17.07 167-я пд должна была до вечера осуществить акцию зачистки. Атака, после предварительной артподготовки, началась в 04:00 и в целом не встретила серьезного сопротивления. Препятствием стала труднопроходимая лесисто-болотистая местность. Возникли сомнения в возможности планомерного сужения кольца. В 21:00 выяснилось, что у трех полков боевые действия завершены уничтожением окруженного врага [17, f. 586–587].

Оценивая потери 167-й пд, начнем с ее утреннего донесения 15.07, согласно которому в боях накануне днем и ночью погибло и ранено: около 25 офицеров и 1000 рядовых [7, f. 1177]. В действительности цифры не были такими катастрофическими. Отчет Па о потерях дивизии за 14–17.07 подтверждает: 158 погибших, 227 раненых, 31 пропавший б/в, всего – 416 чел. [17, f. 589; 19, f. 460].

С советской стороны по оценке 331-го пп погибло более 400 чел. Количество пленных осталось незначительным – не более 100 чел. [15, л. 192]. «167-я пд сумела уничтожить врага в котле, но не смогла предотвратить выход крупных отрядов врага на восток через Березину и на запад через Осиповичи» – констатирует 43-й ак [20, f. 200]. Не полностью был очищен и сам район операции. Ис 167-й пд, предупреждая, что там по-прежнему следует ожидать нападения на отдельных немецких солдат, признавал: «Небольшие разрозненные группы, в основном от 3 до 5 земляков, наверняка продолжают оставаться в лесах и болотах» [12, f. 1239]. Менее оптимистичен Ia дивизии, видевший в треугольнике Осиповичи – Свислочь – Бобруйск угрозу для любых автомобилей, мотоциклов и частей меньше роты [12, f. 1234].

Таким образом завершились первые крупномасштабные бои, в ходе которых немецкое командование оценивало своего противника как крупное сосредоточение нерегулярных формирований – рассеявшихся красноармейцев и партизан. Именно в этих боях можно впервые усмотреть признаки, в последующем характерные для антипартизанских операций. Так переворачивалась страница военной истории Беларуси – последние бои приграничного сражения становились первыми боями нового партизанского этапа войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов, Н. И.* Командир Комаров... // Генералы партизанских лесов / Н. И. Смирнов, И. А. Судленков. – Минск: Белпринт, 2018.
2. NARA. T-315. Roll 1380. Item 18427/1. Журнал боевых действий Ia 131-й пд.
3. *Gerlach, C.* Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944 / Christian Gerlach. – Hamburger Edition. 1999.
4. ЦАМО. – Ф. 500. Оп. 12493. Д. 95. Документы оперативного отдела 1-й кавалерийской бригады СС.
5. ВА-МА RH 22/226. Суточные донесения Ia командующего тылового района группы армий «Центр».
6. LG Bochum. 15 Ks 1/66 vom 05.06.1968. Lfd. Nr. 678 JuNSV. Bd. XXIX.
7. NARA. T-314. Roll 1316. Item 19198/38. Приложения к журналу боевых действий Ic 53-го ак: суточные донесения в штаб армии.
8. NARA. T-315. Roll 955. Журнал боевых действий Ia 52-й пд.
9. NARA. T-315. Roll 956. Приложения к журналу боевых действий Ia 52-й пд; отчет о деятельности Ic 52-й пд.
10. NARA. T-314. Roll 1315. Приложения к журналу боевых действий Ic 53-го ак.
11. *Жадов, А. С.* Четыре года войны / А.С. Жадов – М.: Воениздат, 1978.
12. NARA. T-315. Roll 1478. Item 26306/14. Приложения к журналу боевых действий Ia 167-й пд.
13. *Ремов, Ф. И.* Воспоминания [Электронный ресурс] / Ф.И. Ремов – Режим доступа: 213sp56sd.ucoz.ru Дата доступа: 30.04.2022.
14. ЦАМО. – Ф. 229. Оп. 161. Д. 65. Документы 214-й вдбр.
15. ЦАМО. – Ф. 500. Оп. 12454. Д. 192. Текущие донесения Ic группы армий «Центр».
16. NARA. T-315. Roll 1380. Item 18427/2. Приложения к журналу боевых действий Ia 131-й пд.
17. NARA. T-315. Roll 1477. Item 26306/2. Журнал боевых действий Ia 167-й пд.
18. *Громов, И. И.* В бой уходили десантники / И. И. Громов, В. Н. Пигунов. – Минск : Беларусь, 1989.
19. NARA. T-315. Roll 1478. Item 26306/12. Отчет о деятельности Pa 167-й пд.
20. NARA. T-314. Roll 1016. Item 46656/12. Выдержки из журнала боевых действий Ia 43-го ак.

С. В. Кулинок

НЕМЕЦКИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЦЕНТРЫ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1942–1944)

В годы оккупации Беларуси одной из распространенных практик немецких спецслужб было создание стационарных учебных разведывательно-диверсионных центров (школ и курсов) в местах принудительного

содержания (МПС). Под дефиницией «места принудительного содержания» понимаются учреждение (пункт, территория), куда нацисты помещали людей помимо их воли на определенный или неопределенный срок с причинением им нравственных и физических страданий, привлечением к тяжелому физическому труду. Это – гетто, тюрьмы, лагеря у переднего края немецкой обороны, лагеря гражданского населения, трудовые, рабочие, пересыльные, смешанные лагеря, арестные помещения, сборные пункты для отправки мирного населения на принудительные работы в Германию и др. [13, с. 3].

Такая практика была обусловлена рядом факторов:

- возможностью системной вербовки «на месте» агентуры. Тяжелейшие условия содержания заключенных (голод, холод, болезни, пытки) открывали немецким спецслужбам широкую возможность для проведения вербовочной работы;
- завербованные военнопленные не нуждались в такой глубокой и долгой подготовке, как гражданские лица;
- возможностью подготовки убедительной легенды (побег из лагеря, гетто, тюрьмы и т.д.).

Рассмотрим учебные разведывательно-диверсионные центры в МПС на территории Беларуси с запада на восток. Вечерняя школа с 10-ти дневным сроком обучения размещалась на территории лагеря в м. Колдычево.

Для понимания условий подготовки и вербовки агентуры приведем описание Колдычевского лагеря смерти, данное Б.Шерманом: «... Для содержания заключенных использовались холодные постройки (конюшни, гумна, сараи). В 2-этажном деревянном помещицьем маентке разместились управление лагеря, каратели. На 2-м этаже была оборудована комната пыток. Была построена 2-х этажная кирпичная тюрьма, бараки. Помещения не отапливались. Первыми заключенными Колдычевского лагеря в начале марта 1942 г. стали узники Барановичской и Столбцовой тюрем. Из этих тюрем доставили приблизительно по 200 человек, в основном советских активистов... Спали узники на нарах в 3–4 этажа, без всякой постели на тонком слое соломы... Три раза заключенных кормили похлебкой-«баландой» – заваренная на воде ржаная мука. То, что называлось хлебом выдавалось по 150 г на человека, а позже в 1944 г. – по 140 г... Узники работали по 10–12 часов в сутки в сапожном, столярном, портняжном, кожевенном, бондарном, мыловаренном, кирпичном цехах» [14, с. 58–62].

В феврале 1944 г. в Колдычево прибыла группа агентов, которые были размещены в бараках. Петр Ломейко (курсант) сообщил о школе следующее: «согласно имевшихся списков, нас зачислили обязательно посещать в вечернее время с 19.00 до 21.00 школу по подготовке шпионов для засылки в партизанскую зону и отряды с задачей: установить местоположение отрядов и главных штабов, количество людей и вооружение, фамилии старших командиров партизан и т.д. В имении Колдышево мы пробыли до 10 дней, откуда были направлены в местечко Ганцевичи» [4, л. 160–160об.].

На курсах преподавались следующие дисциплины: положение на фронтах и успехи немецкой армии, жизнь в Германии, помощь немецкой армией

населению оккупированных территорий, пароли, ориентация на местности и исследование пути, место выявления партизан и подозрительных лиц, методы вступления шпиона в партизанские отряды и поведение в отряде. Преподавателями были сотрудники гестапо из бывших польских разведшкол [7, л. 390].

На территории Брестской области (в современных границах) действовала еще одна школа, открытая на ст. Лесная. Это не был центр подготовки разведчиков или диверсантов. Здесь готовили будущих пропагандистов. Первое, что необходимо отметить, что по архивным материалам невозможно точно локализовать эту школу. По одним данным она располагалась на территории шталага № 337 (ст. Лесная) [11, л. 58–60], по другим – в Барановичах [11, л. 56–56об.], а в лагере проводилась лишь вербовка. Первую группу (6 человек все с высшим образованием) отобрали в лагере на ст. Лесная еще в феврале 1942 г. В следующем году был осуществлен набор второй группы (6–8 человек). Обе группы готовились в Барановичах, в комендатуре шталага № 337 под руководством лейтенанта (капитана) Айхерна. Фольксдойче Иван Отт сообщил, что «в Лесной Айхерн подобрал две группы более красивых девчат из военнопленных, медработников, и подготовил для шпионской и террористической работы в партизанских отрядах... Их готовил Айхерн, зондерфюрер Форбах и трое офицеров из РОА. Последняя группа девчат уходила из шталага № 337 в партизаны совершенно открыто».

На следующем допросе Иван Отт сообщил: «Цель шпионской школы и выпускаемых шпионов – пропаганда. Выпускаемые шпионы ходили по деревням и вели пропаганду среди населения и в лагерях военнопленных, чтобы не идти в партизаны и не помогать партизанам... Перед отправкой меня в Слоним на шпионскую работу, мне было назначено 250 марок...» [11, л. 58–60].

Школа по подготовке агентуры располагалась и на территории лагеря смерти Тростенец. Ее работу курировала служба безопасности (СД) Минска. Подробные сведения о работе этого учебного центра сообщил разоблаченный агент М. И. Брейтман-Петренко, который там обучался летом 1942 г. В частности, он показал: «Школа состояла исключительно из людей, которые в чем-нибудь зависели от немецкого гестапо и уголовных преступников. К примеру, я обвинялся в том, что еврей, политрук. Я дал свое согласие поступить в эту школу под угрозой смерти, при предварительной обработке... В школе преподавали такие предметы как военная топография, виды и способы диверсий, индивидуальный и массовый способ террора, разведка и контрразведка, тактика немецкой армии, выработка стойкости и твердости характера, история национал-социализма, немецкий язык» [8, л. 130]. В процессе обучения курсанты обеспечивались питанием и обмундированием, а также получали по 56 марок за 10 дней.

Курсантов часто возили в город в тюрьмы для того, чтобы слушать допросы, которые проводились с задержанными и подозреваемыми в связях с партизанами. Это делалось для того, чтобы будущие агенты «видели, как

беспощадно следователь гестапо выбивает показания и при этом спокойно курит сигару, иногда даже и кушает в то время, как другой на его глазах постепенно теряет все признаки жизни. Это все было направлено на то, чтобы мы научились при любых условиях быть спокойными и хладнокровными, чтобы наши сердца были нечувствительны к мукам других» [8, л. 130–135]. По показаниям Брейтмана-Петречко было установлено, что курсанты жили вместе с караулом лагеря. Занятия проходили с 8.00 до 16.00, часто в лесу, в нескольких километрах от лагеря. Обучение длилось три месяца: с 1 августа по 24 октября 1942 г. Преподавателями в школе были обер-лейтенант Шульц и комендант лагеря унтершарфюрер СС Генрих Эйхе [9, л. 5–5об.].

Еще одним МПС, где готовились агенты противника, была тюрьма в Минске. В феврале 1944 г. начальник Руденского райотдела НКВД Безуглов передал в БШПД список выявленных за 1943 г. агентов гестапо по городу Минску. Среди прочих в нем значился «Васильев Александр Михайлович. По профессии скрипач, с начала организации городской управы – помощник начальника полиции... С осени 1942 по март 1943 года работал как агент СД. В марте его арестовывают и сажают в тюрьму, а жене велют принести для мужа лучшую одежду и белье. В то время при тюрьме были организованы курсы по засылке шпионов в СССР» [3, л. 132]. Эти данные позволяют говорить о том, что, как минимум, с марта 1943 г. при тюрьме в Минске действовали курсы по подготовке разведчиков.

Об этом же на допросе сообщил разоблаченный агент немецкой разведки Александр Гут: «Вербовка происходила в Минской тюрьме в особых подвалах... Нас водили этажом выше в комнату, где проводили с нами занятия... Эти занятия я проходил в течение месяца, а после этого меня вызвал начальник отделения гестапо и завербовал меня». Выпуск группы агентов (5 человек) состоялся в ноябре 1943 г. Все мы были вооружены наганями и имели при себе отравляющие вещества [5, л. 3, 6]. Александру Гуту было дано задание осуществить теракт в одном из партизанских отрядов – отравить пищу и воду. Вот что сказал по этому поводу сам шпион: «Да, я имел задание отравить группу, что и сделал, однако мне не удалось увидеть плоды своей работы. Я отравил соль раньше времени, в результате чего была сильная реакция, появился запах и изменился цвет. Это вызвало подозрение и разоблало меня» [10, л. 174–180].

С 1944 г. на базе Могилевской тюрьмы действовала школа по подготовке агентов различной квалификации. Начальник оперчекистской группы Могилевского подпольного обкома РК КП(б)Б Стельмах сообщал, что «в г. Могилеве при тюрьме, что находится в центре города, размещена школа гестапо, которая 15 февраля и в первых числах марта произвела выпуск агентов. Школа готовит террористов для партизанских отрядов, диверсантов для заброски в советский тыл и разведчиков разных видов: как для засылки в партизанские отряды, так и в советский тыл. Набор в школу гестапо происходит в основном из числа заключенных и редко бывших полицейских и служащих немецких учреждений. Возраст для вступления в школу не

органичен, срок обучения в школе – от 10 дней до 2 месяцев». Начальником школы был следователь гестапо немец Бук, его заместителем – немец Ольгерт, они же являлись преподавателями. Кроме них лекции о методах работы среди партизан читал начальник Могилевского СД Андрей Лазаренко¹ и старшие агенты СД по имени Лиза и Шура [1, л. 76– 77]. В документах указаны установочные данные на 37 агентов (из них 13 женщин), окончивших данную школу в марте 1944 г. [6, л. 16–17].

Более подробные данные об этой школе сообщила на допросе Галина Янченко, бывшая партизанская связная, которая проходила там обучение. Она была завербована под угрозой расстрела за связь с партизанами, дала подписку о сотрудничестве, а ее родственники были взяты в заложники. Для курсантов школы на территории тюрьмы были созданы специальные условия для размещения. Вербовались в первую очередь заключенные, которые уже провинились перед немецкой властью. Учебное заведение отличалось разнопрофильностью – готовились шпионы, террористы и диверсанты [2, л. 9–11об.]. Например, из Г. Янченко готовили агента-фотографа. Разведчиков готовили 10 дней, диверсантов – 20. «Нам в школе гестапо преподавали в основном разведывательное дела и крепко агитировали за Гитлера. В разведку входило: разведка воинских частей Красной Армии, разведка по партизанским отрядам, вербовка людей на свою сторону, агитация среди населения на сторону немцев, диверсионная работа – отравление колодцев, продуктов питания и т.д. По части опознавания своей агентуры учили узнавать мимикой, жестами рук и другими движениями, как опознать агента по знаку. Кроме этого учили агента гестапо быть преданным своему делу и не изменять немецкой власти. В случае измены – расстрел самого и родственников» [2, л. 9–11об.]. Также «агент в юбке» Янченко сообщила, что ей известно о трех выпусках данной школы, в том числе 25 февраля (32 человека) и 1 марта (37 агентов, из них 9 террористы). Предусматривалось оставить значительное число агентов на освобожденной территории БССР [12, с. 88.]. Агенты, окончившие школу и засланные в партизанские отряды, поддерживали связь с СД через специальных связных. Опознавательные знаки, выданные на руки каждому агенту, служили паролем при встрече со связными и документом для немецких властей. Лица, окончившие школу, засылались в леса под видом беженцев с окопных работ и спасающихся от немецкого террора.

Подводя итог, укажем, что на оккупированной территории Беларуси немецкими спецслужбами активно практиковалось открытие учебных центров по подготовке агентуры на территории МПС. На сегодняшний день выявлено не менее пяти таких случаев. Указанный вопрос требует дальнейшего более глубокого изучения.

¹ Андрей Николаевич Лазаренко – шеф полиции, награжден немцами серебряной медалью «За отвагу». В январе 1944 г. Лазаренко подорвался на машине на mine, которую заложили партизаны, ему оторвало ноги и он умер от полученных ранений. – *Авт.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.
2. НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 56.
3. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 62.
4. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 401.
5. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1190.
6. НАРБ. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 64.
7. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
8. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
9. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1419.
10. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 47.
11. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 137.
12. *Соловьев, А. К.* Они действовали под разными псевдонимами... / А. К. Соловьев. – Минск : Навука і тэхніка, 1994. – 200 с.
13. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941 – 1944 гг. / Авт.-сост. В.И. Адамушко и др. – Минск : НАРБ, 2001. – 158 с.
14. *Шерман, Б. П.* Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти / Б. П. Шерман. – Барановичи, 1997. – 101с.

А. А. Крыварот

УДЗЕЛ СЛАВАКАЎ І ЧЭХАЎ У ПАДПЛЬНЫМ І ПАРТЫЗАНСКІМ РУХУ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ: ПРАБЛЕМА ДАСЛЕДАВАННЯ

Грамадзяне замежных краін апынуліся ў гады Другой сусветнай вайны на акупаванай тэрыторыі СССР, ў Беларусі, з розных прычынаў. Шмат хто з іх гвалтоўна сілай зброі быў накіраваны гітлераўцамі ў розныя рэгіёны рэспублікі ў складзе баявых і ахоўных часцей, рабочых каманд і іншых структур у якасці памагатых германскіх захопнікаў.

З’яўленне воінскіх фарміраванняў Славакіі, як краіны сатэліта вермахта, на акупаванай тэрыторыі Беларусі мае сваю перадгісторыю. Варта адзначыць, што 29–30 верасня 1938 г. было заключана так званае Мюнхенскае пагадненне чатырох дзяржаў – Англіі, Францыі, Германіі і Італіі адносна далейшага лёсу Чэхаславакіі. У сакавіку 1939 г. акупацыя і падзел гэтай краіны былі завершаны. Германія далучыла да сябе Чэхію і Маравію. Тэрыторыя Славакіі была выдзелена нямецкім кіраўніцтвам у асобную марыянеткавую дзяржаву. Пры гэтым частка славацкай тэрыторыі, у тым ліку другі па колькасці горад краіны Кошыца, адышла да саюзніка Германіі – Венгрыі [2, с. 79; 8, с. 7].

З пачаткам акупацыі СССР славацкі марыянеткавы ўрад 26 чэрвеня 1941 г. сфарміраваў Палявы экспедыцыйны корпус, злучэнні і часці якога былі ўведзены на тэрыторыю Заходняй Украіны. Славацкія войскі вялі

барацьбу з падраздзяленнямі Чырвонай арміі, якая апынулася ў акружэнні, а таксама з партызанамі на тэрыторыі Жытомірскай вобласці. У жніўні 1941 г. войскі корпуса з прычыны недастатковай мабільнасці былі выведзены на тэрыторыю Славакіі і рэарганізаваны. Замест корпуса былі сфарміраваны дзве дывізіі – 1-я мотарызаваная і 2-я ахоўная, як частка войск тылу вермахта. Дывізіі пераважна складаліся са славакаў, але сярод асабовага складу сустракаліся і чэхі, якія пражывалі на тэрыторыі Славакіі.

Камандаванне злучэннямі ажыццяўлялі славацкія генералы. Ахоўная дывізія («прыкрыцця») павінна была несці службу па ахове камунікацый на тэрыторыі Украіны і Беларусі. Дывізія складалася з двух няпоўных пяхотных палкоў, дапаможных часцей і налічвала каля шасці тысяч салдат і афіцэраў. Шлях дывізіі зімой – вясной 1942 г. са Славакіі на ўсход пралягаў праз Львоў, Цярнопаль, Праскураў (цяпер Хмяльніцкі), Жытомір, Оўруч [2, с. 71; 8, с. 8–9].

У пачатку мая 1942 г. у раёны Оўруча, Славечны і іншых населеных пунктаў з Кіева, Васількова, Фастава і Жытоміра славацкія палкі амаль у поўным складзе былі кінуты для ўдзелу ў карнай экспедыцыі супраць беларускіх партызан, якія базіраваліся на тэрыторыі Палескай вобласці. У Оўручы да славакаў далучыліся нямецкія і венгерскія часці. Наступ на партызан пачаўся шырокім фронтам і карнікі дайшлі да Мазыра. Пасля 10-дзённага адпачынку славацкім ваеннаслужачым 101-га палка была пастаўлена задача – абараняць ад партызан чыгуначны ўчастак Старушкі – Калінкавічы і Калінкавічы – Мазыр – Оўруч. Штаб і некаторыя падраздзяленні 101-га палка размясціліся ў Капцэвічах у будынку былой бальніцы. На ахову чыгункі Хойнікі – Аўрамаўская – Васілевічы – Рэчыца накіравалі 102-гі полк, а яго штаб стаў базіравацца ў Хойніках.

Штаб 2-й ахоўнай дывізіі дыслацыраваўся ў населеным пункце Казенкі Мазырскага раёна. Такім чынам падраздзяленні 2-й славацкай ахоўнай дывізіі былі расквартыраваны ў Мазыры, Казенках, Калінкавічах, Капцэвічах, Жыткавічах, Ельску, Васілевічах, Брагіне, Лісках, Муляраўцы, Пцічы, Старушках, Курышчых і іншых населеных пунктах для ўмацавання акупацыйных гарнізонаў на чыгуначных магістралях і барацьбы з партызанамі. У сваю чаргу, 101-ы і 102-і славацкія палкі апынуліся ў зоне дзейнасці гомельскіх, мінскіх і палескіх партызанскіх фарміраванняў [2, с. 77–78, 102–104; 6, с. 53, 249; 7, с. 203; 8, с. 15, 58, 65, 136; 9, с. 246; 13, с. 247].

У шэрагу публікацый сустракаюцца звесткі, што першыя славацкія падраздзяленні пачалі прыбываць на тэрыторыю Беларускага Палесся яшчэ ў канцы зімы – ранняй вясной 1942 г. Па сцверджанні былога сакратара Гомельскага падпольнага абкама ЛКСМБ А.Д. Рудака, у лютым 1942 г. упершыню стала вядома аб з'яўленні славакаў на Гомельшчыне – на тэрыторыі Лоеўскага раёна. [8, с. 283–284].

У дзённіку кіраўніка падпольнай групы «Смугнар» Канстанціна Ярмілава згадана аб перамяшчэнні вялікай колькасці чэхаславацкіх войск у напрамку райцэнтра Васілевічы 10 сакавіка 1942 г. і аб іх дыслакацыі

ў Калінкавічах па стане на 18 мая 1942 г. [10, с. 267]. У інфармацыі пра карную аперацыю «Бамберг» (20.03–4.04. 1942) паведамляецца, што падраздзяленні 102-га славацкага палка ўдзельнічалі ў блакадзе Акцябрска-Любанскай партызанскай зоны і вялі наступленне з тэрыторыі Капаткевіцкага раёна [1, с. 56–57].

Пры атрыманні звестак аб масавай перадыслакацыі ваеннаслужачых 2-й славацкай дывізіі («прыкрыцця») на акупаваную тэрыторыю Беларускага Палесся Мінскі і Гомельскі падпольныя абкамы КП(б)Б, штаб злучэння партызанскіх атрадаў Мінскай і Палескай абласцей даручылі камандаванню партызанскіх падраздзяленняў арганізаваць назіранне за паводзінамі славакаў.

Да выканання такой задачы былі падключаны падпольшчыкі і партызанскія сувязныя. Праз некаторы час ад іх была атрымана інфармацыя, сутнасць якой заключалася ў тым, што большасць славацкіх ваеннаслужачых з нянавісцю ставіліся да немцаў, прыязна адносіліся да мясцовых жыхароў, стараліся ўхіляцца ад узброеных сутыкненняў з партызанамі ў выпадках, калі гітлераўскае камандаванне ўключала славацкія падраздзяленні ў склад сваіх карных атрадаў у Ельскім, Капаткевіцкім, Петрыкаўскім, Мазырскім і іншых раёнах. Нярэдка славакі аказвалі дапамогу мясцовым жыхарам, усяляк перашкаджалі адпраўцы моладзі ў Германію, бралі людзей да сябе на работу, аказвалі мясцоваму насельніцтву медыцынскую дапамогу, перадавалі моладзі сваё абмундзіраванне, што з'яўлялася своеасаблівай абаронай ад немцаў. Сярод славакаў і чэхаў былі камуністы, актыўныя антыфашысты, якія з першых дзён прыбыцця на тэрыторыю Беларусі сталі шукаць кантакты з партызанамі і падпольшчыкамі. Звесткі аб настроях сярод славакаў і чэхаў паступілі ад камандавання атрадаў у Мінскі і Гомельскі падпольныя камітэты КП(б)Б і штаб партызанскага злучэння Мінскай і Палескай абласцей [2, с. 118; 6, с. 53–54; 7, с. 203; 8, с. 16].

Атрыманая інфармацыя аб сітуацыі ў падраздзяленнях 2-й ахоўнай славацкай дывізіі, якія дыслацыраваліся на тэрыторыі Гомельскай і Палескай абласцей, была тэрмінова даведзена да ЦК КП(б)Б. У адказ Цэнтр рэкамендаваў аператыўна ўстанавіць сувязі са славакамі і чэхамі, падключыўшы да гэтай працы надзейных людзей. Мінскі падпольны абкам КП(б)Б, улічваючы важнасць пастаўленай задачы, на адным са сваіх пасяджэнняў разгледзеў шляхі работы па наладжванні кантактаў з салдатамі і афіцэрамі 101-га палка. Для сувязі са славакамі і чэхамі была сфарміравана спецыяльная група на чале з работнікам абкама КП(б)Б І.В. Скалабанам. У такім самым напрамку разгарнулі дзейнасць падпольныя райкамы КП(б)Б, камандаванне партызанскіх атрадаў і груп, падпольшчыкі Брагінскага, Ельскага, Калінкавіцкага, Капаткевіцкага, Мазырскага, Петрыкаўскага, Хойніцкага, Нараўлянскага раёнаў [6, с. 54; 7, с. 204–205; 8, с. 16–18; 16, с. 353].

Падпольшчыкі і партызанскія сувязныя з вялікай рызыкай для свайго жыцця пранікалі ў месцы размяшчэння славацкіх воінскіх падраздзяленняў, устанаўлівалі сувязі з салдатамі і малодшымі афіцэрамі, праводзілі агітацыйную работу. Сустрэчы з прадстаўнікамі ад славацкіх ваеннаслужачых мелі

сувязныя з атрадаў А. А. Жыгара і Р. І. Краўца. Партызаны і падпольшчыкі займаліся разлажэннем гарнізонаў у Ельску, Казенках, Мазыры. Напрыклад, падпольшчыкі Ельскага раёна А. А. Козінцаў, Ф. М. Садольскі, І. Р. Шульга перадавалі славакам зводкі Саўінфармбюро, антыфашыскія лістоўкі, звароты. Перапіска са славацкімі ваеннаслужачымі праз сваіх сувязных вялася камандаваннем Гомельскага атрада «Большавік». Пад уплывам агітацыі і ў сувязі з пашырэннем партызанскага руху на тэрыторыі Беларускага Палесся ў славацкіх часцях разгортваўся антыфашысцкі падпольны рух.

Славакі, нягледзячы на забарону сустрэкацца з мясцовым насельніцтвам, наладжвалі кантакты не толькі з жыхарамі населеных пунктаў, але і з партызанамі. Усё гэта садзейнічала пастаяннаму пашырэнню і ўмацаванню сувязяў партызан і падпольшчыкаў са славацкімі гарнізонамі. Славацкія антыфашысты паведамлялі графікі руху ваенных эшалонаў, перадавалі схемы аховы чыгуначных станцый, паўстанкаў і раз'ездаў, звесткі аб дыслакацыі і колькасным складзе славацкіх і нямецкіх падраздзяленняў, аб парадку прызначэння каравулаў і іх змены. З лета 1942 г. распачаўся пераход салдат і афіцэраў у партызанскія атрады. Некаторым ваеннаслужачым-славакам камандаванне атрадаў раіла заставацца на сваіх пасадах у акупацыйных падраздзяленнях, каб здабываць і перадаваць праз сувязных і падпольшчыкаў разведдазеныя, а таксама для агітацыі сярод саслужыўцаў неабходнасці выхаду ў лес [6, с. 53; 7, с. 213; 8, с. 9, 105; 9, с. 258].

Пераход славакаў у партызанскія падраздзяленні адбываўся як групамі, так і паасобку. Такія акцыі старанна рыхтаваліся, каб не зашкодзіць сем'ям ваеннаслужачых, якія заставаліся ў Славакіі. Малодшых афіцэраў і салдат, які перайшлі на бок партызан, акрамя апэратыўнага ўключэння ў баявую работу, сталі прыцягваць для напісання лістоў славакам у гарнізоны з прапановамі разгортваць у сваіх падраздзяленнях антыфашысцкую дзейнасць. Так, малодшы афіцэр Я. Майер, знаходзячыся ў Капаткевіцкім атрадзе, у жніўні 1942 г. напісаў некалькі зваротаў сваім суайчыннікам. Лісты былі распаўсюджаны пры дапамозе сувязных сярод славакаў у ваенных гарнізонах Мазыра, Капаткевічаў, Петрыкава, Жыткавічаў. Праз некаторы час камандзіру атрада А. А. Жыгару сталі прыходзіць лісты ад славакаў 101-га палка, раскватараванага ў Капцэвічах і іншых населеных пунктах. Першы ліст быў датаваны 13 жніўня 1942 г. У ім славакі адзначалі, што партызаны паспяхова падрываюць нямецкія эшалоны і абяцалі не перашкаджаць у гэтай справе, прасілі не забіваць іх суайчыннікаў і выказвалі спадзяванне на хуткі пераход на бок савецкіх патрыётах. Камандаванне атрада, у сваю чаргу, прасіла славакаў аказаць спрыянне ў падрыве нямецкага транспарту, у прадстаўленні дадзеных аб руху цягнікоў, заклікала ліквідоўваць нямецкіх афіцэраў і пераходзіць на бок партызан. У выніку перапіскі 20 жніўня 1942 г. адбылася першая сустрэча прадстаўнікоў атрада і групы славакаў [2, с. 105; 7, с. 206–207, 213; 8, с. 47].

За кароткі час былі ўстаноўлены сувязі з усімі славацкімі падраздзяленнямі 101-га палка, якія размяшчаліся на чыгуначнай лініі ў раёне дзейнасці злучэння партызанскіх атрадаў Мінскай і Палескай абласцей. У жніўні 1942 г. каля вёскі Белёў Жыткавіцкага раёна адбылася сустрэча партызан атрада

А.І. Далідовіча з групай славацкіх салдат, па выніках якой на савецкі бок перайшлі больш за 10 чалавек. Разведгрупа атрада імя А. В. Суворова (камандзір М. П. Бумажкоў) падчас выканання задання па мініраванні чыгункі ў раёне вёскі Міхедавічы Петрыкаўскага раёна сутыкнулася з узводам славакаў, якія ахоўвалі дарогу. Праз некалькі дзён гэта вайсковая адзінка на чале з Сарокам перайшла на бок партызан і ўлілася ў іх баявы калектыў. Група разам з беларускімі партызанамі ўдзельнічала ў шматлікіх баявых аперацыях. Актыўней сувязі паміж партызанамі і славацкімі ваеннаслужачымі ўстанаўліваліся ў тых выпадках, калі апошнія неслі службу на аб'ектах, аддаленых ад штабоў палкоў ці батальёнаў [2, с. 109–110; 7, с. 209–211].

Ужо з вясны 1942 г. разгарнуў сваю падпольную дзейнасць у Капаткевічах, Калінкавічах, Мазыры, Петрыкаве, Жыткавічаў і іншых населеных пунктах начальнік штаба 101-га славацкага палка Ян Налепка. Ён падтрымліваў цесную сувязь з камандаваннем партызанскіх фарміраванняў Мінскай і Палескай абласцей і, рызыкуючы сваім жыццём, выконваў важныя заданні [2, с. 125].

Па дамоўленасці камандавання партызанскага злучэння Мінскай і Палескай абласцей з начальнікам штаба 101-га славацкага палка Янам Налепкам рыхтаваўся масавы пераход у лес ваеннаслужачых часці разам са зброяй. Нягледзячы на тое, што немцы праз сваіх агентаў даведаліся аб акцыі і практычна сарвалі яе, некаторым салдатам удалося перайсці да партызан. Першая група славакаў у складзе 33 чалавек выйшла ў Капаткевіцкі атрад каля вёскі Камаровічы 15 верасня 1942 г., а другая, колькасцю 48 ваеннаслужачых, далучылася да партызан у сярэдзіне кастрычніка 1942 г. у вёсцы Фаставічы. Яшчэ 15 славацкіх салдат, якія ахоўвалі чыгуначную дарогу ў раёне ст. Старушкі, перайшлі на бок партызан 11 лістапада 1942 г. Славакі-ваеннаслужачыя прынеслі з сабой у атрад вінтоўкі, шмат патронаў, амуніцыю [3, с. 373–374; 7, с. 212; 8, с. 48].

У сувязі з масавым прыбыццём славакаў са 101-га палка ў Капаткевіцкі атрад, быў створаны ўзвод, а на пачатку 1943 г., пасля арганізацыі 125-й Капаткевіцкай брыгады, ў ёй сфарміравалася рота пад камандаваннем малодшага афіцэра Анрэка. Пазней камандзірам роты стаў Ян Мікула. Частка славакаў была зведзена ў асобную групу падрыўнікоў на чале з Густавам Лазарам і ўключана ў дыверсійнае падраздзяленне Р. А. Такуева. Аб пераходзе славацкіх салдат і афіцэраў на бок партызан неаднаразова паведамлялася ў зводках Саўінфармбюро. 1 студзеня 1943 г. у вёсцы Фаставічы Капаткевіцкага раёна славакі прынялі прысягу беларускага партызана [2, с. 110–111; 3, с. 374; 8, с. 48–49; 13, с. 257].

Шчыльныя сувязі са славакамі ўстанавілі партызаны і падпольшчыкі Калінкавіцкага раёна. Шмат каштоўнай інфармацыі перадаў партызанам начальнік палявой пошты станцыі Галявіцы Міхаіл Фрыга. Важныя разведдазеныя, а таксама патроны, гранаты, вінтоўкі атрымлівалі партызаны ад славацкага антыфашыста пісара штаба батальёна Рудольфа Ляндацкага, які знаходзіўся ў Юравічах. Разведзвесткі датычыліся камунікацый і немецкіх войск у гарнізонах, размешчаных у Калінкавічах, Хойніках, Юравічах. Пры

пагрозе арышту славакі-антыфашысты з дапамогай сувязных аператыўна сыходзілі ў партызанскія атрады. Усяго да партызан Калінкавіцкага раёна далучыліся дзясяткі ваеннаслужачых-славакаў з розных гарнізонаў [10, с. 313].

На працягу восені 1942 – першай паловы 1943 г. мелі месца пераходы славакаў у партызанскія фарміраванні Брагінскага, Хойніцкага, Мазырскага, Ельскага, Лоеўскага і іншых раёнаў Гомельшчыны. Летам 1942 г. у Хойнікі для аховы чыгуначнай станцыі і ўчастка дарогі Калінкавічы – Васілевічы – Аўраамаўская быў перамешчаны славацкі батальён. Партызанскай групе і падпольшчыкам райцэнтра на чале з Я. І. Казачуком удалося хутка ўстанавіць сувязі з антыфашыстамі падраздзялення. Па першым часе славакі перадалі партызанам праз сувязных некаторую колькасць зброі і боепрыпасаў. У далейшым, дзякуючы карпатлівай агітацыйнай рабоце падпольшчыкаў і партызан, а таксама дзейнасці антыфашыстаў, славакі сталі пераходзіць у партызанскія адзінкі Хойніцкага раёна (камандзіры В. Р. Карась і Н. А. Бельскі) і ў партызанскія падраздзяленні Гомельскай вобласці.

Першая група славакаў-антыфашыстаў выехала ў лес на легкавым аўтамабілі з боепрыпасамі. На працягу некалькіх месяцаў з гарнізона на бок партызан перайшлі больш за 50 чалавек, таму ў канцы 1942 г. батальён стаў небяздольным і быў пераведзены ў іншае месца. У лютым 1943 г. гітлераўцы перакінулі ў Хойнікі славацкае падраздзяленне 102-га палка. У канцы красавіка 1943 г. з гарнізона пры дапамозе групы славакаў-антыфашыстаў, падпольшчыкаў і партызан рыхтаваўся пераход асабовага складу роты ў Калінкавіцкі атрад. Аднак у сувязі з раптоўным змяненнем месца дыслакацыі славацкага падраздзялення перайсці да партызан змаглі толькі некалькі чалавек. Адносная няўдача не спыніла работу па разлажэнні славацкіх падраздзяленняў, што заставаліся ў Хойніках. Так, у выніку агітацыйнай дзейнасці аднаго са славацкіх афіцэраў, які ваяваў у атрадзе ім. К.Я. Варашылава, у партызанскае падраздзяленне з гарнізона Хойнікі перайшлі да 10 чэхаў і славакаў, а таксама некалькі югаслаўскіх салдат [6, с. 35, 53, 250–251, 254; 3, с. 374–375; 8, с. 308–309; 11, с. 240; 14, с. 91].

Да канца 1942 г. да партызан перайшла значная частка 101-га палка, у асноўным ў атрады пад камандаваннем А.А. Жыгара і Р.І. Краўца. У сувязі з частымі пераходамі ваеннаслужачых-славакаў з гэтай часці ў партызанскія падраздзяленні гітлераўскае камандаванне ў канцы 1942 г. перакінула полк з раёна Капаткевічаў на ахову чыгункі Ельск – Оўруч, а для аховы лініі Жыткавічы – Калінкавічы выставіла нямецкія войскі. На новым месцы дыслакацыі 101-га палка камандаванне мясцовых партызан і падпольшчыкі Ельскага раёна аператыўна ўстанавілі кантакты са славацкімі ваеннаслужачымі-антыфашыстамі.

Афіцэр штаба палка Куцік, які меў радыёпрыёмнік, рэгулярна знаёміў партызанскіх сувязных і падпольшчыкаў з маскоўскімі навінамі. Ад Куціка, афіцэра Яночыка, работніка штаба Дрожыка паступалі звесткі аб колькасным складзе і ўзбраенні гарнізонаў праціўніка, наяўнасці і размяшчэнні абаронных аб'ектаў, планаванні гітлераўцамі акцый супраць партызан і падполь-

шчыкаў. Славацкія антыфашысты папярэджвалі тых, на каго ўжо былі падрыхтаваны дакументы для ўгону ў Германію, аб небяспецы, якая пагражала сувязным. Славацкія ваеннаслужачыя памагалі савецкім патрыётам здабываць пропускі для паездак у Мазыр і Калінкавічы. Праз разведчыкаў Ельскага партызанскага атрада (камандзір А. С. Мішчанка) у гарнізоны, размешчаныя ў райцэнтры, станцыі Славечна, раз'ездзе Багуцічы пастаянна дастаўляліся агітацыйныя матэрыялы: лістоўкі, звароты, зводкі Саўінфармбюро.

Арганізаваныя падпольшчыкамі і сувязнымі сустрэчы партызан і славакаў садзейнічалі таму, што ў Ельскі атрад перайшлі 17 ваеннаслужачых-славакаў [7, с. 213, 288; 17, с. 181–182; 9, с. 263, 265, 267].

Нягледзячы на змены ў дыслакацыі 101-га славацкага палка, шукаліся шляхі для пераходу на бок партызан Ельскага раёна вялікай колькасці ваеннаслужачых. Аднак падрыхтаваны Янам Налепкам выхад славацкіх салдат і афіцэраў у лес сарваўся з прычыны здрады. Лагер 101-га палка быў ачэплены эсэсаўскім падраздзяленнем. У такой складанай сітуацыі групе славакаў у ноч з 14 на 15 мая 1943 г. удалося прарвацца за межы лагера і далучыцца да ўкраінскага злучэння на чале з А. М. Сабуравым [3, с. 373–374; 7, с. 213–214; 8, с. 48, 63; 9, с. 264].

Вынікова папрацавалі ва ўстанаўленні кантактаў са славацкімі ваеннаслужачымі партызанамі і падпольшчыкі Мазырскага раёна. Дзякуючы ім 22 лістапада 1942 г. з лагера для савецкіх ваеннапалонных у Казенках змаглі выйсці некалькі афіцэраў і чырвонаармейцаў, а таксама ваеннаслужачых-славакаў, якія служылі ахоўнікамі. Уцекачы праз некаторы час сталі партызанамі злучэння С.А. Каўпака У канцы сакавіка 1943 г. у Мазырскі атрад былі прыняты першыя 12 славацкіх салдат, бо яны не маглі далей мірыцца са зверствамі немцаў, што чыніліся ў адносінах да мясцовага насельніцтва.

Несумненнай удачай у рабоце па разлажэнні славацкага гарнізона ў населеным пункце Казенкі стала прыцягненне 10 красавіка 1943 г. на бок партызан начальніка сувязі 2-й славацкай дывізіі Яна Газуха, які быў аператыўна перапраўлены ў Маскву. Самы масавы пераход славакаў у склад мазырскіх партызан адбыўся 5 мая 1943 г., калі ў атрад прыбылі 20 чалавек са стралковай зброяй і сотнямі гранат. Немцы былі моцна занепакоены сітуацыяй з уцёкамі славакаў і пры малейшых падазрэннях мянялі дыслакацыю падраздзяленняў. З гэтай прычыны не ўдалося ажыццявіць пераход славакаў з гарнізона Мытва Мазырскага раёна, бо яго асабовы склад быў па трывозе зняты і перакінуты ў Корасень. Славакі з гарнізонаў Мазырскага раёна пераходзілі таксама ў партызанскія атрады суседніх раёнаў. Пры дапамозе мясцовай падпольшчыцы Ю. Ахраменкі з вёскі Міхалкі, дзе размяшчаўся акупацыйны батальён для аховы станцыі і ўчастка чыгункі Калінкавічы – Оўруч, 17 мая 1943 г. у атрад Нараўлянскага раёна перабраліся шэсць узброеных чэхаў і славакаў. У далейшым з ваеннаслужачых славацкай

дывізіі, якія перайшлі на бок партызан Нараўлянскага раёна, спачатку быў сфарміраваны ўзвод, а пазней – самастойнае падраздзяленне. [8, с. 51–53; 11, с. 240, 262, 276; 16, с. 395–396].

У сувязі з немагчымасцю спыніць масавыя пераходы славакаў да партызан і ізаляваць асабовы склад 101-га і 102-га палкоў ад мясцовага насельніцтва, нежаданнем большасці ваеннаслужачых удзельнікаў у аперацыях супраць беларускіх партызан, пасіўнасцю пры ахове нямецкіх камунікацый тылавых аб'ектаў, сістэматычнай перадачай камандаванню атрадаў праз сувязных і падпольшчыкаў сакрэтных звестак гітлераўскае камандаванне стала прыбягаць да рэпрэсій супраць воінаў-антыфашыстаў і правяло кардынальную рэарганізацыю славацкай дывізіі. Частка салдат і афіцэраў дывізіі былі адпраўлены на радзіму. 10 чэрвеня 1943 г. завочна быў аб'яўлены смяротны прысуд Яну Налепку і яшчэ двум былым ваеннаслужачым, а таксама заўважна зменены склад дывізіі. Яе значна папоўнілі гвалтоўна мабілізаванымі прызыўнікамі 1942 года. Само злучэнне было перайменавана ў 2-ю пяхотную дывізію і перакінута ў асноўным на тэрыторыю Мінскай вобласці [3, с. 375; 7, с. 287–288; 8, с. 10–11].

Знаходзячыся ў шэрагах беларускіх партызанскіх атрадаў і брыгад, а таксама застаючыся ў складзе ахоўных падраздзяленняў славакі-антыфашысты ўносілі важкі ўклад ў выніковае правядзенне дыверсійнай дзейнасці на нямецкіх камунікацыях, аперацый па разгроме акупацыйных гарнізонаў, у паспяховае адбіццё карных аперацый. Слаўнай баявой старонкай у гісторыі ўзаемаадносін беларускіх партызан і славакаў-антыфашыстаў з'яўляецца маштабная аперацыя па падрыве ў ноч з 2 на 3 лістапада 1942 г. 150-метровага чыгуначнага маста праз раку Пціч на магістралі Брэст – Гомель.

Па-першае, славакі перадалі партызанам дакументы аб нямецкіх інжынерных аб'ектах у раёне правядзення аперацыі. Па-другое, славакі паабяцалі не аказваць ніякіх перашкод перамяшчэнню партызан з боку Петрыкава і Муляраўкі. Па-трэцяе, пры дапамозе славакаў гарнізона Пціч на чале з падпаручнікам Імрыхам Лысаком, які падтрымліваў шчыльную сувязь з Янам Налепкам, быў распрацаваны план дыверсіі. Паспех аперацыі стаў сведчаннем баяздольнасці і сілы партызан, садзейнічаў падвышэнню іх аўтарытэту сярод славацкіх афіцэраў і салдат. Разбурэнне маста дазволіла прыпыніць рух па чыгунцы Брэст – Гомель у Капаткевіцкім раёне на 18 сутак.

Яшчэ адна буйная дыверсія пры ўдзеле славацкіх антыфашыстаў была ажыццёўлена 9 снежня 1942 г. Быў падарваны важны тылавы аб'ект акупантаў – чыгуначны мост на рацэ Бобрык на лініі Калінкавічы – Жыткавічы ў Петрыкаўскім раёне. Перад аперацыяй камандаванне злучэння партызанскіх атрадаў Мінскай і Палескай абласцей звязалася з Янам Налепкам, які цвёрда запэўніў, што батальён з месца дыслакацыі на станцыі Капцэвічы не будзе весці баявыя дзеянні супраць удзельнікаў аперацыі. У выніку падрыву маста рух па чыгунцы быў спынены на 7 сутак [1, с. 87, 512; 2, с. 141–143; 4, с. 571; 5, с. 487; 8, с. 48–49].

Адразу па прыбыцці ў партызанскія атрады славакаў-антыфашыстаў далучалі да баявой дзейнасці, найперш прыцягвалі для правядзення дыверсій. З іх ліку ствараліся асобныя групы падрыўнікоў. Іх таксама ўключалі ў склад ужо існуючых дыверсійных адзінак. Першая аперацыя на камунікацыях з удзелам групы славакаў, якія перайшлі на бок партызан, адбылася ў снежні 1942 г. Падчас мініравання маста ў раёне вёскі Аголіцкая Рудня падрыўнікі з Капаткевіцкага атрада былі выяўлены і абстраляны патрулём. У крытычнай сітуацыі партызаны-славакі адкрылі агонь па праціўніку і пачалі дэманстра-тыўна адыходзіць у бок лесу. Тым самым яны адцягнулі ўвагу патруля ад маста, што дазволіла мінёрам залажыць узрыўчатку і падарваць мост.

Яшчэ шмат іншых паспяховых аперацый правялі славакі-падрыўнікі (камандзір аддзялення Густаў Лазар) у складзе 125-й Капаткевіцкай брыгады. Падчас адной з дыверсій у ліпені 1943 г. група падрыўнікоў на чале з Віктарам Прысадам пусцілі пад адхон паравоз і некалькі вагонаў у раёне вёскі Коржаўка. У аддзяленні падрыўнікоў умелым мінёрам паказаў сябе славак Іосіф Ашвер. На яго баявым рахунку падарваных 10 воінскіх эшалонаў, а таксама пяць паравозаў, падбітых з процітанкавага ружжа. Сярод паспяховых дыверсій І. Ашвера паравоз, падбіты 18 жніўня 1943 г., і шэсць рэек, перабітыя толавымі шашкамі 28 жніўня 1943 г. на чыгунцы Брэст – Гомель [2, с. 111–112; 13, с. 259–260].

Адразу пасля прыходу ў красавіку 1943 г. у 1-ы партызанскі атрад (камандзір А. Л. Жыльскі) Мазырскага раёна славакі былі ўключаны ў групу падрыўнікоў і складалі там большасць. Па загадзе камандавання ў канцы красавіка 1943 г. група славакаў-мінёраў у колькасці чатырох чалавек пусціла пад адхон паравоз і 25 вагонаў з боепрыпасамі і нямецкай аховай. Пры непасрэдным удзеле славакаў з красавіка 1943 г. па студзень 1944 г. на чыгуначнай лініі Мазыр – Оўруч было падарвана 10 нямецкіх эшалонаў з жывой сілай і тэхнікай, а таксама знішчана на дарогах 29 аўтамашын праціўніка [11, с. 262, 276].

Больш за 10 славакаў-партызан дзейнічала ў складзе групы падрыўнікоў атрада «Большавік» 37-й Ельскай брыгады, якая падчас аперацыі «Канцэрт» у канцы верасня 1943 г. вывела з эксплуатацыі ўчастак чыгункі Ельск – Багуцічы [9, с. 265–266]. Ваенна-тэхнічныя навыкі славакаў шырока выкарыстоўваліся для вырабу выбуховых рэчываў. Так, адзін з перайшоўшых у атрад А.І. Далідовіча ваеннаслужачых здабываў тол са снарадаў і авіяцыйных бомб, якія не разарваліся. Тым самым пашыраліся баявыя магчымасці партызан у правядзенні дыверсій на камунікацыях акупантаў [7, с. 211]. У брыгадзе імя С. М. Кірава Нараўлянскага раёна славакі, якія перайшлі на бок партызан, неаднаразова разам з мясцовымі байцамі ўдзельнічалі ў баявых аперацыях. З часам з ліку славакаў было створана аддзяленне, якое правяло некалькі паспяховых дыверсій на камунікацыях. Так, у пачатку лістапада 1943 г. аддзяленне славакаў на дарозе Оўруч – Даўледы з засады знішчылі аўтамашыну і 10 гітлераўцаў [6, с. 488].

Адзін з першых сумесных удараў па варажым гарнізоне быў нанесены ў снежні 1942 г. Славакі ў складзе атрадаў імя К. Я. Варашылава (камандзір К. М. Бакун) і Даманавіцкага (камандзір М. А. Чарнавусаў) Калінкавіцкага раёна ўдзельнічалі ў налёце на нямецка-паліцэйскі гарнізон у саўгасе «Ліпава» Васілевіцкага раёна. У выніку ўдалай аперацыі атрады разграмілі апорны пункт ворага, ліквідавалі дзясяткі акупантаў, 18 чалавек узялі ў палон. У гэтым баі смерцю храбрых загінулі 7 партызан, у тым ліку славак Міхаіл Фрыга, адзін з лепшых разведчыкаў атрада імя К. Я. Варашылава. У якасці трафеяў партызаны ўзялі два станкавыя кулямёты, 30 вінтовак, ваеннае снаражэнне. У саўгасе знаходзілася 700 галоў буйной рагатай жывёлы, 350 свіней, шмат авечак і птушкі, 200 тон хлеба, падрыхтаваных акупантамі для адпраўкі ў Германію. Частку з нарабаванага гітлераўцамі партызаны раздалі мясцовым жыхарам. Немцы больш не рабілі спроб аднавіць свой гарнізон у населеным пункце [6, с. 35].

Партызаны-славакі ўдзельнічалі практычна ва ўсіх буйных аперацыях, якія праводзілі атрады Петрыкаўскага раёна. Адзін з першых такіх сумесных баёў адбыўся ў пачатку 1943 г. каля вёскі Грабаў. Населены пункт знаходзіўся на краі Акцябрска-Любанскай партызанскай зоны, непадалёку ад чыгункі, таму немцы хацелі яго захапіць, каб перакрыць партызанам выходы да чыгункі. У вёсны часта размяшчаліся партызанскія штабы, адсюль ажыццяўлялася непасрэднае кіраўніцтва партызанскімі аперацыямі. Гэта былі своеасаблівыя вароты ў Любанскі раён. У баі за вёску Грабаў вызначылася рота славакаў на чале з Андракам і змешаная рота беларускіх і славацкіх партызан на чале з М. А. Ганчаровым. Аб упартасці бою сведчыць тое, што ён працягваўся ўвесь дзень. Акупантам не ўдалося прасунуцца далей за вёску Грабаў, якая была разбурана і спалена акупантамі [13, с. 258].

Гісторыя дачыненняў беларускіх партызан і антыфашыстскага падполля ў 2-й славацкай дывізіі ўтрымлівае нямала фактаў дапамогі славацкіх падраздзяленняў партызанскім фарміраванням Гомельскай, Мінскай і Палескай абласцей у іх барацьбе з акупантамі. У верасні 1942 г. славакі з гарнізона Ліскі аказалі спрыянне партызанскай калоне з атрадаў «Бальшавік» Гомельскага і імя К. Я. Варашылава Рэчыцкага раёнаў у пераходзе праз чыгуначную лінію Рэчыца – Васілевічы каля населенага пункта Крынкі для правядзення баявой аперацыі па разгроме нямецка-паліцэйскіх гарнізонаў у Дуброве і Уznaжы Рэчыцкага раёна [6, с. 251; 15, с. 112–114].

Падчас базіравання партызан Хойніцкага раёна ў верасні 1942 г. паміж вёскамі Вялікі Бор і Восаў непадалёку ад чыгункі Хойнікі – Васілевічы яны падвергліся раптоўнаму нападу паліцэйскага падраздзялення і былі вымушаны адступаць. Пры адыходзе народныя месціўцы наскочылі на засаду славацкіх салдат, якія адкрылі агонь, але спецыяльна пускалі кулі міма. Дзякуючы такім дзеянням славацкіх ваеннаслужачых партызаны здолелі адарвацца ад карнікаў [14, с. 81].

Істотнай была дапамога антыфашыстаў 2-й славацкай дывізіі партызанам Гомельскага злучэння ў канцы студзеня – пачатку лютага 1943 г. падчас выхаду яго з блакады ў раёне Амелькаўшчынскіх лясоў і пераходу

шашэйнай дарогі Хойнікі – Рэчыца. Нягледзячы на тое, што славацкія дазоры бачылі рух вялікай калоны партызан, яны не адкрылі агонь і народныя месціўцы змаглі прарвацца з акружэння ў бок Акцябрскага раёна [6, с. 253; 12, с. 560].

Нярэдка славакі-антыфашысты толькі імітавалі баявыя вылазкі супраць народных месціўцаў і ўдары па іх групіроўках, рознымі спосабамі сабатавалі загады камандавання, скіраваныя на ўступленне ў баявое сутыкненне з партызанскімі атрадамі і групамі. У канцы 1942 г. атрад імя С. М. Кірава (камандзір У.П. Яромаў) і ўкраінскі батальён на чале з Селівоненкам трапілі ў складаную баявую сітуацыю ў раёне мухаедаўскіх лясоў. Акупанты вялі наступ на партызан шырокім фронтам і імкнуліся атачыць іх падраздзяленні. Акрамя таго ў дапамогу карнікам з Ельскага раёна быў накіраваны славацкі артылерыйскі дывізіён. Па просьбе партызанскага камандавання, перададзенай праз падпольшчыкаў, славацкія артылерысты не сталі абстрэльваць партызанскі лагер, а адкрылі агонь па іншай мясцовасці. У выніку партызанскія падраздзяленні разам з мясцовым насельніцтвам змаглі перайсці ў Амелькаўшчынскія лясы Хойніцкага раёна. [17, с. 390].

Яшчэ ў адным выпадку пры нападзе партызан на паліцэйскі гарнізон у вёсцы Баршчоўка Брагінскага раёна славакі не спяшаліся на дапамогу акупантам, прыдумваючы для адтэрміноўкі выезду на месца бою розныя прычыны. Такім чынам прамарнаваўшы час, славацкае падраздзяленне дабралася да апорнага пункта пасля таго, як партызаны разграмілі гарнізон і пакінулі населены пункт. Падчас бою партызанскі атрад колькасцю 70 байцоў ліквідаваў 25 акупантаў [8, с. 288; 14, с. 81].

Паказ поўнай карціны кантактаў і ўзаемадзеяння ваеннаслужачых 2-й славацкай дывізіі з падпольным і партызанскіх рухам на тэрыторыі Беларускага Палесся вымагае звароту да архіўных матэрыялаў і прац межных аўтараў. Гэта дазволіць знайсці дадатковыя звесткі па заяўленай праблеме ў напрамку даследавання, па-першае, усяго працэсу пераходу ваеннаслужачых славакаў і чэхаў у беларускія партызанскія фарміраванні, па-другое, удзелу ва ўзброенай барацьбе супраць германскіх акупантаў груп, аддзяленняў, узводаў, рот, арганізаваных са славакаў і чэхаў антыфашыстаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. . Шамякін (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. *Ветров, И. Д.* Братья по оружию / И. Д. Ветров – Минск : Беларусь, 1965. – 352 с.

3. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.]; редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 3 / Л. В. Аржаева [и др.]; редкол.: А. Н. Мацко [и др.]. – 1985. – 531 с.
4. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): документы и материалы : в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН БССР. – Минск : Беларусь, 1967–1982. – Т. 1 : Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941–ноябрь 1942). – 1967. – 744 с.
5. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / гал. рэд. калегія.: І. М. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / рэдкал.: І. С. Краўчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – 1975. – 640 с.
6. Из истории партизанского движения в Белоруси (1941–1944 гг.) : сб. воспоминаний / редкол.: чл.-кор. АН БССР И. С. Кравченко [и др.]. – Минск : Госиздат БССР, 1961. – 506 с.
7. *Мачульский, Р. Н.* Вечный огонь. Партизанские записки / Р. Н. Мачульский – Минск : Беларусь, 1965. – 446 с.
8. Огни партизанской дружбы: сб. /Ин-т истории АН БССР; Изд-во «Освета» (Братислава). – Минск : Госиздат, 1962 – 419 с.
9. Памяць: гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Ельскі раён. – Мінск : Ураджай, 2001. – 487 с.
10. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Калінкавіцкага р-на. – Мінск : Ураджай, 1999.–798 с.
11. Памяць: гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : Мазыр. Мазырскі раён. – Мінск : Маст. літаратура, 1997. – 574 с.
12. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гомеля. У 2-х кн. Кн. 1-я. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 608 с.
13. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Петрык. р-на. – Мінск : Ураджай, 1995. – 639 с.
14. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Хойніцкага р-на. – Мінск : БелЭн, 1993. – 383с.
15. Памяць : Нараўлян. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 445 с.
16. Партизанская криничка. Документальная повесть. Издание второе, дополненное и переработаное. – Минск :Беларусь, 1072. – 272 с.
17. Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944 : Витеб., Могилев., Гомел., Полес. обл.: страницы воспоминаний : сб. / Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1985 – 415 с.
18. *Языкович, Э. Ф.* Партизанское движение в Белоруси в годы Великой Отечественной войны / Э. Ф. Языкович. – Минск : Нац. библ. Беларуси, 2021. – 255 с.

Д. В. Бриштен

ЭПИТАФИИ НА НАДМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ КАК ИСТОЧНИК УТОЧНЕНИЯ ДАННЫХ О ЖЕРТВАХ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ключевые слова: поисковая работа, кладбища, Великая Отечественная война, жертвы войны, эпитафия, первичный учет воинских захоронений и жертв войн, неучтенные воинские захоронения.

В исследование впервые проведен анализ характерных текстов эпитафий на надмогильных памятниках, указывающих на насильственный характер смерти человека, в том числе в результате непосредственного убийства нацистскими оккупантами либо их пособниками. Полностью включены в исследование объекты, выявленные на кладбище вблизи д. Заборье, Вилейского района. Тексты эпитафий в исследовании приведены с сохранением оригинальной стилистики и орфографии.

Документальной основой для верификации, анализа и уточнения сведений о характере смерти явились источники: историко-документальные хроники городов и районов Беларуси «Память» (далее КП Н-ского р-на), сведения из автоматизированного банка данных «Книга Память Республика Беларусь» (далее АБД Беларуси), материалов поискового отряда «Долг», сведений Национального архива Республики Беларусь, аудиальных и письменных данных полученных от краеведов, из краеведческой литературы. Полевая поисковая работа проводилась путем визуального осмотра памятника, его фотофиксации, опросом местного населения в период с 2014 по 2021 год.

ВИЛЕЙСКИЙ РАЙОН

Исследованы кладбища и объекты в окрестностях деревень Заборье, Хотенчицы, Козлы, Новая Гута, хутора Сербино, поселка Илия.

Д. Заборье (кладбище)

Манькевич Алексей ж.43г. и жена его Пелагея ж. 36лет., убиты 2 мая 1942г.

Бохан Адам Александрович ж. 34г. убит в 1945.

Кулеш Петр Степанович ж. 32 года, убит в 1942г.

Гребенек Александр Петрович жил 18 лет, убит в 1943

Забаронок Елизавета Матеушовна ж. 46 л., Николай Григорьевич ж.11л., убиты в 1942.

Михаленок Татьяна Ильинична жила 22г. Убита немцами 14 мая 1944г.

Художник Иван Петрович Арлов и его жена Елена Васильевна в возрасте 64 и 55 лет погибли от зверской расправы немецкой полиции 1 июня 1943г.

Дик Николай Григорьевич. Ж.41г. Убит 12.08.1941г.

Смолонский Виктор Григорьевич ж. 20л., убит 19 марта 1945г.

Бохан Владимир Иванович жил 16 лет погиб в сентябре 1943г.

Кожуро Иван Фомич жил 83г., убит 20 июня 1944г.

Стародуб Ананий жил 14 лет, убит 25 мая 1944г.

Карповичи Фома Федорович родился 1882 г., жена его Юля Александровна родилась 1890г., их сын Иван родился в 1927г. Убиты в 1943г.

Ковалевские Игнатий Антонович 1898-1943, Ковалевская Мария Игнатьевна 1927-1943. Заживо сожженные фашистами за активные действия в партизанском движении в годы войны

Дик Семен ж.20 лет. Убит 27.10.1942г.

Юдо Теодора Викентьевна убита 10.12.1942г.

д. Хотенчицы (кладбище)

Шеремет Петр Мартинович ж. 65л., Михаил Петрович ж. 15л., Елена Петровна ж. 20л. Убиты немецкими фашистами 1943г.

д. (х.) Сербино – Погребище (одионочная братская могила)

Кудрашовы Иван, Денис, Наталия, Фектя – погибли в 1943г.

г.п. Илья (северное кладбище)

Зинкевич Иван Викентьевич 1898–1944 (В годы войны помогал партизанам. Был зверски убит фашистами).

КРАТКИЙ АНАЛИЗ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ

Подавляющее большинство объектов выявлено с эпитафиями без указания в тексте на причину, вызвавшую насильственную смерть. В КП Вилейского р-на включены фамилии некоторых жертв. Уроженцы д. Карповичи, Хромцево, Будьки, Плещаны, Дубовое: Ковалевские, Дик, Орловы, Гребенек, Шеремет. По данным КП, Шеремет Елена Петровна, 1924г.р., погибла в 1944г. во время блокады в районе озера Палик. Остальные фамилии в КП не выявлены.

Вилейский краевед Александр Стефанович Плавинский в книге «Латыгальскі летапіс» раскрывает страницы трагедии семьи Кудряшевых. Алиферий Кудряшев – глава семьи под псевдонимом «Липка» работал у немцев на особый отдел бригады им. Фрунзе, а также на спецгруппу РУ штаба 1-го Белорусского фронта. По сведениям от партизанской агентуры он и его семья были арестованы командованием бригады по обвинению в измене, однако позже были отпущены. Но поскольку результаты расследования были засекречены, не все партизаны знали на кого работали Кудряшевы. Семью повторно арестовали, но сам Алиферий с женой и ребенком скрылся. Плавинский пишет, что, не смотря на это, всю семью позже расстреляли немцы. Среди убитых в братской могиле возле бывшего хутора Сербино: Наталья Кудряшева, жена Ивана Кудряшева; Иван, брат Алиферия; Фектя, сестра Алиферия. В КП не указаны сведения о погибших.

Отец автора, Бриштен Вячеслав Антонович, 30 лет назад руководил поисковым отрядом «ДОЛГ». В архиве отряда выявлена информация о том, что семья Карповичей из д. Хромцево была убита партизанами из бригады

«Штурмовая». Это обстоятельство подтверждает гипотезу о криминальном и одновременно идеологическом факторе при начертании текста эпитафий на создаваемом памятнике. В КП не указаны сведения о погибших.

ВОЛОЖИНСКИЙ РАЙОН

Исследованы кладбища и объекты в окрестностях деревень Вишнево, Доры, Лапицы, Среднее Село.

д. Доры – (кладбище и мемориал)

Апанасевичи – Владимир (72года) и его жена Анна (60лет). Убиты и сожжены немцами в июле 1943. Внесены в КП. Дубовцы.

Гончарик Василий Антонович – убит и сожжен, перезахоронен 30.06.2002. Жертва фашизма. В КП. Слобода.

Пясецкий Александр Ануфриевич (50лет) – убит фашистами 23 июля 1943. В КП. Заречье.

Морачевская Варвара (59 лет) в КП, Тавгень Параска (24года) и ее дочь Таня (1 годик) – убиты и сожжены немцами в 1943г. В КП нет Тавгень. Доры.

Ничипарь Елизавета (60лет) и Марк (20лет) – убиты в блокаду 21 июля 1943г. ЕСТЬ в КП. Доры.

Новики Феврония (75лет), Мария (8 лет), Александр (6 лет), Николай (3 года), Соболевская Юлия (65 лет) – погибли 1943г. Есть в Книге памяти Доры.

хутор Лапицы (мемориал и братская могила)

Семьи: Володкевич есть, Шевчик, Кулик, Трамбицкие, Ванслав, Захажевские, Дяруга, Токар, Бильдюк, Гуд, Цимерман, Апанасевич, Лисовские. Граждане: Ермакович К. К., Збруевич В., Тростянка К., Михальская М., Голуб А. И., Лукач Д. Стаховская Е. К. Всего – 125 человек. Среди них не менее 40 детей. Большинство фамилий значится в КП Воложинского района как жертвы войны – уроженцы Дорского сельсовета. Текст эпитафии: «Здесь на бывшем хуторе Лапицы немецко-фашистскими оккупантами 23 июля 1943 года были заживо сожжены 125 мирных советских граждан».

д. Среднее село (две братские могилы)

Могила 1. Рудик Анна (1863), Агафия Степановна (1900) и ее дети – Евгения Григорьевна (1934), Нина Григорьевна (1936), Иосиф Григорьевич (1938), Галина Григорьевна (1941). Убиты немецкими оккупантами 22.07.1943г. Память мужа и детей.

Могила 2. Здесь похоронены 70 жителей деревни Среднее Село сожжённых гитлеровцами 23 июля 1943 года.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ

В д. Доры нацисты сожгли сельчан в церкви и доме жителя Трембицкого. За исключением данных на Тавгень Параску, Ф.И.О. с изученных эпитафий помещены среди Ф.И.О. 78 мирных жителей д. Доры погибших во

время войны, без указания даты гибели. В паспорте захоронения жертв войны № 6476 д. Доры значится 257 безымянных погибших. В статье Натальи Часовитиной от 3 ноября 2018 года указано количество 146+60 человек, среди которых 36 детей. В КП помещена таблица о населенных пунктах, уничтоженных во время войны с частью населения, где в графе д. Доры количество погибших датировано июлем 1943 и составляет 106 человек. Отметим, что несколько могил на мемориале Доры имеют вполне читабельные эпитафии. Тексты всех эпитафий недвусмысленно указывают на то, что жители погибли в результате карательных акций нацистов.

На объект в д. Лапицы создан паспорт воинского захоронения, однако имена погибших не выявлены в Республиканский АБД «Книга Память» РБ. Установлено, что памятник в Лапицах представляет одну братскую могилу, а также мемориал, композиционно представляющий остов сгоревшего дома и посвященный погибшим землякам, жертвам фашизма. Количество жертв, согласно паспорту захоронения, составляет 19 человек неизвестных. Имена на мемориале увековечивают память о жителях Дорского сельского совета из деревень Дубовцы, Шараи и других – сведения отражены в КП Воложинского р-на. Кто из этих жителей похоронен в братской могиле – неизвестно, как и то, насколько достоверен текст эпитафии.

В Среднем Селе отсутствуют персональные данные в паспорте воинского захоронения № 5305 (указано – семья Рудик), хотя эпитафия дает исключительно полные данные для увековечения имен.

МИНСКИЙ РАЙОН

Исследованы кладбища и объекты в окрестностях деревень Каменец, Ломшино, Мацки, Ошнароро, Тонелево, Шаршуны.

д. Каменец (кладбище)

Сокол Иван Л. (1873) – убит фашистами 29 октября 1943г. Память дочери и сына.

Семья Полещук: Николай (70л.), Анастасия (72г.), Зоя (35л.), Анна (16л.), Петр (14л.), Вера (12л.), Зинаида (5л.). Семья Борискевич: Мария (28л.), Зинаида (6л.), Эдуард (5л.). 29 октября 1943г. Погибли от рук немецко-фашистских захватчиков (всего 10 человек).

Семья Сокол: Фёдор Васильевич (1912г.р.), Михаил, Елена, Мария, Леонид, Анатолий, Давид, Екатерина, Евгений. Фашисты расстреляли и сожгли 29.10.1943.

Сокол Николай Петрович (1893г.р.) есть в КП, Ровгень Таня Н. (1942 г.р.) нет в КП, убиты в 1943г. немецкими оккупантами. Память дочери и зятя.

Семья Дубовских: Погибли от рук фашистских захватчиков 29 октября 1943г. Иосиф Андреевич, Александра Герасимовна, Зинаида Иосифовна, Петр Иосифович, Вера Иосифовна, Татьяна Иосифовна, Ирина Иосифовна (все перечисленные жители уроженцы д. Камки).

д. Мацки, Лошанский с\с (кладбище)

Кривонос Леонид Николаевич 1930 – 1943. Зверски замучен немцами.

Кривонос Василий Николаевич 12.11.1911 – погиб 24.07.1941 (29.06.1941)

Лазовская Анастасия (1885), Юзефа (1922) – расстреляны фашистами в 1943г.

д. Ошнарво (кладбище)

Выдрицкие Павел Иосифович 1900–1944, Василий Иосифович 1904 – 1944 погибли от рук фашистов. Память от родных.

Семья Грудинко – мать Фекла, дочь Анна, внуки Рома, Лида, Евгений убиты фашистами 19.02.1943. Память родных.

Мацулевич И. Ф. – убит в 1943г.

Рокоть Степан Алексеевич 1922 – 1942 казнен фашистами.

Партизан Скрипчик Сергей Степанович род. в 1925, ж. 18л. – убит фашистами 10.02.1944.

д. Тонелево (кладбище)

Путейко Владимир Семенович 1927-25.05.1944. Убит немцами.

п. Шаршуны (кладбище)

Орел Ольга Алексеевна 1916 – 04.04.1943. Убита немцами.

Косач Анатолий Андреевич – жертва войны.

Жилач Шура 1935 – 1945г. Жертва войны [вероятно, подрыв боеприпаса].

КРАТКИЙ АНАЛИЗ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ

Подавляющее большинство объектов выявлено с эпитафиями без указания в тексте на причину, вызвавшую насильственную смерть и не включены в список исследования. Наибольшее количество таких захоронений выявлено на кладбище в поселке Шаршуны. В КП Минского р-на достаточно скудно отражены сведения о жертвах из числа гражданского населения. Если погибшие 29 октября 1943г. и похороненные жертвы на кладбище вблизи д. Каменец указаны в КП полностью, то маленькую Ровгень Таню 1942 г. р. похороненную с Соколом Н. Петрович почему-то забыли включить в этот список. Погибшие от рук нацистов жители д. Тонелево, Шаршуны, Ошнарво, Мацки не увековечены в КП. Стоит отметить, что жертвы д. Камки и Бахметовка увековечены на монументальном памятнике в п. Шаршуны.

Работа с документами партизанской бригады «Штурмовая» Борисово-Бегомльской зоны, показала, что многие партизаны перезахоронены родственниками, хотя значатся по документам безвозвратных потерь пропавшими без вести, либо место их первичного захоронения находится вблизи места гибели. Так, было достоверно установлено, что партизан Скрипчик Сергей Степанович действительно похоронен на кладбище д. Ошнарво. Документы свидетельствуют: «тело Скрипчика С. С. Было похоронено немцами на торфяном болоте в р-не Готовенского леса. Место могилы

установить не удалось». 1 августа 2015 года в разговоре с племянницей Сергея Скрипчика выяснилось, что его тело нашли родные и перезахоронили на кладбище в д. Ошнарowo.

Эпитафия «Мацулевич И. Ф. – убит в 1943г.» указывает на партизана из отряда «Штурм», Мацулевича Иосифа Федоровича, 1920 г.р., погибшего 6.10.1943г. В акте о гибели указано, что он «попал на немецкую засаду и был убит. Тело убитого отрядом не найдено». Жена партизана, Скрипчик Анна проживала в д. Ошнарowo. Нет сомнений, что это может быть могила ее мужа, однако из текста эпитафии не ясно, является ли могила настоящей или представляет собой «кенотаф» – условное захоронение. Автором не были замерены границы могилы, что могло бы указывать на достоверность реального захоронения.

Поисковая работа показала, что на кладбище в д. Мацки во время войны были захоронены партизаны отряда «Штурм», упомянутой выше бригады «Штурмовая»: Мархай Иосиф Францевич, 1916-10.05.1944, Запека Иван Лаврентьевич, 1913-10.05.1944, Корзун Василий Иванович, 1923-09.05.1944, Петлицкий Имполь Федорович, 1922-09.05.1944. При первичном осмотре кладбища могилы партизан обнаружить не удалось. Из числа этих партизан лишь один Петлицкий И.Ф. значится в паспорте воинского захоронения № 1067 (партизанское кладбище в д. Средняя, Минского района), сведений на остальных партизан в АБД Беларуси не выявлено.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

Статистика говорит о том, что чаще всего братские могилы – семейные. Примерно около 70 % от общего числа объектов. Эпитафии на могилах в основном представлены двумя характеристиками:

а) с указанием на характер, вид насильственной смерти и объективации причины смерти;

б) с указанием характера насильственной смерти без объективации причины, вызвавшей смерть.

Встречаются могилы-кенотафы, на что указывают эпитафии. Например, надпись «погиб на фронте Великой Отечественной войны».

Большое количество памятников жертвам не имеет в текстах эпитафии указаний на причину и субъект, вызвавший смерть. Объективация причины смерти не отражалась в тексте эпитафии исходя из следующих факторов: смерть наступила в результате убийств на бытовой почве, убийств лесными бандитами, советскими партизанами, агентами, милицией, в результате несчастного случая и иных причин бытового либо криминального характера.

Дополнительным культурным элементом к тексту эпитафии служат также символы в виде звезды, выгравированной на памятнике, либо установленной на нем и фотографии. При этом в тексте эпитафии не указывается

причина смерти, однако символическое обозначение памятника звездой (иногда, красного цвета), а также фото погибшего (ей) в военной форме дает нам право предполагать, что человек погиб в результате боевых действий в указанный на эпитафии период.

Ни одна одиночная или братская могила жертв не поставлена на гос. учет как захоронения жертв войн: Ф.И.О. жертв не включены местными властями в региональные автоматизированные банки данных «Книга Память Республики Беларусь», на них не созданы паспорта захоронений, не осуществляется уход и благоустройство.

Можно рекомендовать общественности проводить волонтерские сборы на кладбищах с целью выявления, фиксирования таких объектов, для дальнейших мероприятий согласно законодательству в сфере увековечения, в частности, первичного учета неучтенных захоронений жертв войн.

Проект **POMNIM.ONLINE** позволяет, находясь на кладбище, «привязывать» фото объекта по геолокации в режиме онлайн и отображать их на сайте проекта в каталогизированном виде, что уже удаленно облегчает поиск таких захоронений.

А. Е. Долговский

МАЛЫЙ ТРОСТЕНЕЦ: ИЗУЧЕНИЕ МЕСТА УНИЧТОЖЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ

Малый Тростенец (*белорус.* Малы Трасцянец) – одно из крупнейших мест массовых уничтожений людей на оккупированных нацистами территориях СССР. Под названием этой белорусской деревни недалеко от Минска сегодня в историческом контексте подразумеваются сразу три находящиеся рядом места массовых убийств, совершенных нацистами и их пособниками между 1942 и 1944 годами: расстрельная поляна в урочище Благовщина, примитивный крематорий в урочище Шашковка и сарай на территории лагеря. В Малом Тростенце массово уничтожались евреи Минского гетто, депортированные из Центральной Европы австрийские, чешские и немецкие евреи.

Как и везде, в Восточной Европе, за исключением лагерей смерти в оккупированной Польше, массовые казни проводились в основном через расстрел, то есть имел место так называемый «Холокост от пуль». Для массовых убийств использовались также «газенвагены» – фургоны, переоборудованные в газовые камеры. Кроме евреев в Малом Тростенце убивали заложников из числа мирного населения, заключенных минских тюрем, в том числе подпольщиков, подозреваемых в партизанской деятельности и сопротивлении, а также больных заключенных.

История Тростенца лишь недавно стала достоянием широкой европейской общественности. Этому послужили следующие события: создание белорусско-немецкой выставки «Лагерь смерти Тростенец. История и па-

мать»¹ в 2014–2016 гг. и последующее ее экспонирование в Германии, Беларуси, Австрии, Чехии и Швейцарии; трансформация с 2014 г. советского места памяти в Тростенце в новый постсоветский мемориал, а также размещение артефактов из него, которые прежде можно было увидеть лишь в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны, в выставочных пространствах Берлина и Вены.²

С января 2021 г. студенты из Беларуси, Австрии и Германии работали в рамках программы «Молодежь помнит» (Jugend Erinnert) над возможностями представления лагеря смерти Тростенец в транснациональном контексте с помощью цифровых технологий. Проект был поддержан фондом «Память, ответственность и будущее».

На сайте³ представлены результаты трехстороннего проекта, а именно шесть онлайн-выставок (платформа Omeka) и две экскурсии для мобильного приложения (DigiWalk). Эти выставки и экскурсии создавались на протяжении 2021–2022 годов, в период, когда пандемия Covid-19 сделала невозможной любые формы личных встреч участников трех проектных групп, а также совместную исследовательскую поездку в Минск. Ограничения мобильности и путешествий ставят новые вопросы и задачи, в том числе и для исторической культуры. На эти вызовы участники проекта ответили расширением спектра создаваемых цифровых продуктов: запланированный изначально цикл экскурсий был дополнен масштабной и комплексной коллекцией онлайн-выставок, которые позволили углубить и поместить в подробный контекст содержание экскурсий, в силу объективных требований отличающееся сжатостью. Тем самым будущие пользователи этих продуктов получили возможность изучать историю Малого Тростенца, как находясь непосредственно на историческом месте, так и виртуально.

Студенты из Минска, Вены и Оснабрюка под руководством Александра Долговского и Екатерины Фроловой (Историческая мастерская им. Леонида

¹ Выставка «Лагерь смерти Тростенец. История и память», немецко-белорусский пилотный проект пилотный проект, отдающий дань памяти жертвам и одновременно показывающий, какими способами и в каких местах в Беларуси, Германии, Австрии и Чехии чтят память убитых. В нем также рассматривается топография убийств и преступники. Его цель – закрепить Малый Тростенец в общественном восприятии как европейское место преступления и памяти. Инициаторами выставки выступили Международный образовательный центр в Дортмунде и Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау. Значительную роль в его создании сыграли Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны и берлинский фонд "Памятник убитым евреям Европы". Выставка финансировалась Министерством иностранных дел Германии. Каталог выставки был издан по поддержке фонда "Память, ответственность и будущее". IBV Dortmund / IBV Minsk / Stiftung Denkmal für die ermordeten Juden Europas (изд.): Лагерь смерти Тростенец. История и память, Берлин: 2016.

² В Берлине в музее Гумбольдт форум (Humboldt Forum), в Вене в музее “Дом истории Австрии” (Haus der Geschichte Österreich).

³ Малый Тростенец / Электронный ресурс. Режим доступа: <https://malytrostinec.nghm-uos.de/>. Дата доступа. 21.09.2022.

Левина, Минск), профессора д-ра Кристофа Расса (Университет Оснабрюка), профессора д-ра Керстин фон Линген и профессора д-ра Клаудии Тойне (обе – Венский университет) работали в описанных условиях более года на учебных занятиях и совместных интерактивных семинарах. В рабочих группах они собирали и изучали материал, дискутировали, разрабатывали идеи, чтобы в итоге представить собственные перспективы взгляда на лагерь смерти Тростенец в конкретных продуктах. Результатом стала коллекция из шести онлайн-выставок, посвященных различным аспектам истории и памяти, жертвам и исполнителям преступлений в контексте Холокоста, войны на уничтожение и оккупационного режима. Выставки представлены на момент написания статьи только на немецком языке, планируется выставление их на белорусском, русском и английском языках.

MALYJ|TROSTINEZ - MALYJ|TRASCJANEC

[Ausstellungen](#)

[Rundgänge](#)

[Geschichtswerkstatt Minsk](#)

[NGHM@Uni Osnabrück](#)

[IfZ@Uni Wien](#)

Browse Exhibits (6 total)

[Browse All](#) [Browse by Tag](#)

В выставке *Малый Тростенец: трансформации места уничтожения* студенты из Оснабрюка Петер Камп, Татьяна Рыков, Рукия Субботина и Шарлотта Фёль аналитически рассматривают процессы трансформации, которым это место и его окрестности подвергались с течением времени. Студентам удалось обнаружить и описать многочисленные напластования, приводившие к преобразованию этой территории на протяжении двух периодов: 1942–1944 годы и с 1944 года до сегодняшнего дня. Так постепенно складывается общая панорама, позволяющая объяснить нынешний облик Малого Тростенца.

Для выставки *Малый Тростенец: исполнители преступлений* студенты из Оснабрюка Нильс Кашубат, Йоханна Швеппе, Паулин Вандшнайдер и Франк Вобиг изучили сотни страниц судебных дел послевоенного времени, в рамках которых рассматривался вопрос о виновности тех или иных лиц,

причастных к убийствам в Малом Тростенце. С помощью биографий обвиняемых и описаний течения и исхода судебных процессов они представляют картину того, из каких социальных групп и контекстов происходили эти люди, и предлагают задуматься, насколько «нормальной» была их жизнь.

В выставке *Малый Тростенец: культура памяти* студенты из Оснабрюка Мишель Остермайер, Кристин Васман и Рон Вильке обращаются к вопросам, как это место и совершенные там преступления описывались в культуре памяти и насколько заметное место в ней они занимали. Они детально отслеживают перемены на разных этапах советского и постсоветского периодов и рост заинтересованности в придании месту трагедии большей видимости. Это позволяет наглядно продемонстрировать, какие процессы были необходимы, чтобы мемориальный комплекс как место памяти во всем своем своеобразии возник в сегодняшней форме.

Студенты из Вены Клаудия Адебайо, Юдит Альберт, Сара Аппль, Тина Бауман, Макс Бергхоф, Франческо Бисаккиа, Юлия Грайтханнер, Юрген Грубер, Мелисса Грубер, Петер Хинтерндорфер, Лена Хуммер, Максимилиан Карнер, Макс Нойхольд, Лиза Райхер и Астрид Штрисниг подготовили выставку *Путь памяти I. Дискриминация в Вене и депортация на восток*. В трех разделах выставки даются ответы на вопросы о том, как проходила «аризация» путем создания в Вене «сборных лагерей» с перспективы преследуемых, рассказывается, как проходил процесс депортации людей из этих лагерей, и, наконец, описываются конечные пункты следования депортационных эшелонов.

Выставка *Путь памяти II. Преследование и уничтожение в Малом Тростенце*, авторами которой являются студенты из Вены Арло Ньютон Клеевайн, Рафаэль Гюнтер Кройтер, Йоханнес Майер, Рубен Элиас Оппенридер, Анна Шантль, Константин Шишка, Штефан Шранц, Виктория Шваммель и Тереза Унгер, посвящена местам преследования и уничтожения в Минске и Малом Тростенце. Кроме того, много внимания уделяется также рассказу о различных категориях жертв и критическому анализу археологических находок и материальных следов на местах событий.

Название третьей выставки, подготовленной в Вене, говорит само за себя: *Путь памяти III. Сохранение памяти о Малом Тростенце*. Студенты Нильс Брауне, Катарина Бургер, Франциска Шаппахер, Антония Титце, Пия Мария Эбнер, Бастиан Каммерер, Флориан Шпренгер, Роми Штумпе, Марлена Бергер, Верена Раднер, Софи Шарлотта Венкель, Флориан Кристоф Хладки, Пауль Катрайн, Яна Виктория Собек и Астрид Венц разделили свою выставку на четыре части. В первом разделе они анализируют с помощью приемов источниковедческой критики так называемый «отчет Зайлера». Во втором разделе представлены интервью с потомками жертв, проведенные студентами Венского университета. Третий раздел посвящен послевоенным судебным процессам, касавшимся преступлений в Малом Тростенце. Наконец, в четвертом разделе освещается культура памяти о Малом Тростенце (в т. ч. сложившаяся в Австрии).

Кроме того, на этом сайте размещены ссылки на материалы двух экскурсий по мемориальному комплексу «Тростенец» на белорусском, русском, немецком и английском языках, которые можно загрузить для бесплатного пользования в мобильное приложение DigiWalk.

Цифровая экскурсия *Малый Тростенец: трагедия и ее место* включает двадцать одну станцию с текстами, фотодокументами, картами, биографиями жертв и преступников. Она представляет собой введение в историю событий, происходивших в лагере смерти Тростенец в период с 1942 по 1944 год. Ссылка на цифровую экскурсию:

Цифровая экскурсия *Малый Тростенец: культура памяти* включает семнадцать станций и позволяет погрузиться в многослойную историю преобразования территории и интерпретации значения лагеря смерти Тростенец. Ссылка на цифровую экскурсию:

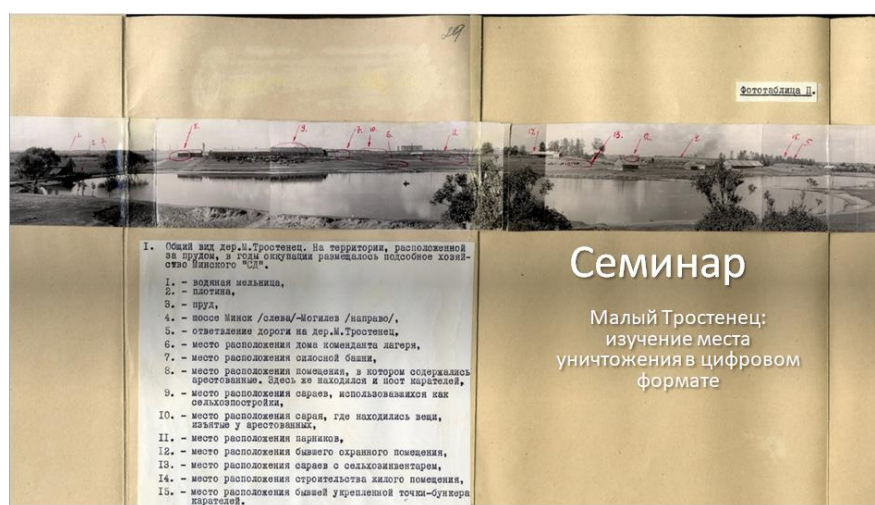

Во время проекта было создано восемнадцать 3D моделей памятников и двадцать четыре 360-градусных изображения в мемориальном комплексе "Малый Тростенец", а также на территории бывшего Минского гетто. Однако по техническим причинам в цифровые выставки пока интегрирована лишь часть из них.

Проектная группа в Минске, в которую входили Екатерина Фролова, Мария Иванова, Дарья Ильяноква, Наталья Голубева, Анна Гацевич, Александра Гордейчук и Яна Бондарь изучала культуру памяти и мемориальный ландшафт, собирала источники и материалы и принимала участие в создании продуктов проекта, а также их тестировании. В проектной группе Оснабрюка сопровождение и координацию работы студентов, а также руководство редактированием и технической реализацией в Omeka и DigiWalk взяла на себя Анника Хайен. В команду по редактированию и техническим вопросам в Оснабрюке вошли Татьяна Рыков, Рукия Субботина, Лусия Хартвиг, Лара-Ясмин Таммен, Йоша Хольман и Франк Вобиг. В проектной группе в Вене за руководство редактированием текстов и сопровождение работы студентов отвечали Юдит Альберт и Франциска Ламп.

10 мая 2022 года участники проектных команд Оснабрюка, Минска и Вены встретились на Zoom-вебинаре для официального закрытия проекта. Виртуальные выставки и цифровые туры, реализованные в рамках проектной работы, были представлены международной аудитории, и было дано дополнительное представление о международном проекте. Белорусская команда проекта представила видеоролик о тестировании виртуального тура¹: Мероприятие завершилось презентацией и дискуссией студентов.

После заключительного мероприятия был разработан дидактический материал к указанным выставкам, а именно концепция интерактивного семинара из двух 120-минутных модулей для молодежи (от 15 лет) и взрослых, который может проводиться в рамках школьного и внешкольного образования.

Участники семинара смогут открыть для себя историю Тростенца на фоне исторического контекста с помощью материала исторических источников, отобранного из онлайн-выставок и основанных на них онлайн-экскурсий. При этом предполагается также изучить вопросы, касающиеся текущих процессов мемориализации этого места и обращения с его историей в плане культуры памяти. По завершению мероприятия организуется виртуальная экскурсия, которую участники, разбившись на группы, проведут друг для друга, представив значимые для них аспекты истории (историй) данного места. Семинар позволяет участникам благодаря педагогическому сопровождению самостоятельно и глубоко познакомиться с Малым Тростенцем и его историей. Ключевая роль здесь отводится обращению к историческим событиям на основе интереса и свободного выбора, усвоению участниками истории (историй) данного места через призму собственных смыслов и их участию в процессах обсуждения и подготовки совместных продуктов с позиции самоопределяющихся субъектов культуры памяти.

¹ Виртуальная экскурсия по Тростенцу. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://www.youtube.com/watch?v=VR5sPmRaVD8>. - Дата доступа: 21.09.2022.

Наконец, 3 сентября 2022 года в 80-ю годовщину первого поминовения в Тростенце экскурсии были протестированы пятнадцать студентами, гидами и преподавателями на историческом месте Малого Тростенца. Ввиду того, что приложение DigiWalk APP более распространен в немецкоязычных странах, по результатам тестирования было принято решение разместить цифровые экскурсии на более известной в Беларуси платформе¹ –, чтобы сделать результаты проекта более заметными. Для этой платформы экскурсии будут озвучены на четырех языках (белорусском, русском, немецком и английском).

Проект «Виртуальная экскурсия для мультиперспективного изучения места памяти в Малом Тростенце» стал возможен благодаря поддержке фонда «Память, ответственность и будущее в рамках программы «Молодежь помнит» (Jugend Erinnert). Важную роль в его осуществлении сыграли университеты Оснабрюка и Вены, Историческая мастерская в Минске, а также Минский международный образовательный центр им. Йоханнеса Рау и Международный образовательный центр в Дортмунде, предоставившие в распоряжение участников свою инфраструктуру.

А. А. Лакизюк

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ НА ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ 1941–1943 гг.: ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Липецкая область в современных границах была образована 6 января 1954 г. На эту территорию, частично входившую в годы войны в состав других субъектов СССР (Орловскую, Воронежскую, Курскую области), гитлеровские войска вторгались дважды. В конце ноября – середине декабря 1941 г (тогда шли боевые действия за Москву) и в период с 28 июня 1942 г. до конца января 1943 г, во время реализации немецкого наступательного плана «Блау».

Некоторые районы подвергались частичной или полной оккупации со стороны вермахта. Гнет оккупации вкупе с проведением политики геноцида граждан отчасти способствовало возникновению коллаборационистических настроений и совершению преступлений против советской власти среди местного населения.

Необходимость освещать данную тему на сегодняшний день очевидна. Во-первых, замалчивание преступных фактов не способствует очищению от них и может приводить к негативным последствиям через десятилетия. Во-

¹ Alle audio-touren in Belarus. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://izi.travel/de/reisefuehrer-in-belarus>. Дата доступа: 21.09.2022.

вторых, с точки зрения исторической объективности необходимо говорить о полярных сторонах событий, охват положительных и отрицательных примеров особенно важен в вопросах патриотического воспитания подрастающего поколения.

Проблема коллаборационизма стала темой научного осмысления в поздние советские годы. Ранее она хотя и не была табуирована и встречалась в художественных произведениях, например, в фильме «Вечный зов» (1973–1983), повести В. Быкова «Знак беды» (1982), но не поощрялась.

И поскольку лиц, уличенных в помощи противнику, было немало, они преследовались по закону, о фактах военных преступлений было не принято упоминать в советском интернациональном обществе [1, с. 231–233]. В настоящее время число исследований по теме существенно расширилось. В частности, появились работы Д. А. Жукова и И. И. Ковтуна. Особенно выделим сборник материалов по истории отечественного коллаборационизма «Пособники», изданный в 2020 г. Ф. Л. Сеницыным, осуществившим историко-правовой анализ термина «коллаборационизм». Также отметим работы С. А. Митрофанова, который опубликовал архивные материалы прокуратуры Тульской области по делам о госпреступлениях (для нас в этой статье интерес представляет информация о жителях Липецкой области) и публикации О. В. Романько, Е. И. Журавлева, появившиеся в 2016 г. и 2009 г.

Источниками исследования являются фонды Государственного архива новейшей истории Липецкой области (ГАНИ ЛО), представленные материалами спецсообщений и секретной переписки между партийным руководством оккупированных районов с подразделениями НКВД и НКГБ СССР в 1941–1944 гг., представленные в работе «В огне и стуже оккупации: Липецкая область в годы Великой Отечественной войны» 2015 г. (авторы – работники универсальной научной библиотеки Липецкой области).

Условно правонарушения мы разделим на две группы: пособничество и коллаборационизм. Под термином «коллаборационизм» мы будем использовать вариант, предложенный Ф. Л. Сеницыным: «Коллаборационизм – умышленное деяние гражданина (подданного), направленное на причинение ущерба своему государству путем оказания помощи другому государству, которое находится с первым в состоянии войны или вооруженного конфликта» [2, с. 40–41]. Выделим и другие виды преступлений, которые не подпадают под определение коллаборационизма, но со стороны общества и органов внутренних дел квалифицировались как пособничество и сотрудничество с врагом, а в отдельных случаях совершались и без прямого участия немецко-фашистских войск. Они были обусловлены специфическим обстоятельством – военным временем. Их расследованием, как и прочих уголовных преступлений, занимались сотрудники советских правоохранительных органов.

Важным маркером, показывающим благонадежность гражданина, являлось его поведение и действия в годы Великой Отечественной войны, особенно на территориях, временно захваченных немецкими войсками. Эти обстоятельства напрямую сказывались в будущем на социальном статусе

и оказывали влияние на все сферы жизни человека, в частности, при оформлении на работу, особенно в случае трудоустройства в государственные или партийные органы.

Подтверждением этому являются многочисленные примеры, когда граждане, проявившие себя на фронтах войны, в партизанской борьбе или на службе в тылу, продвигались по карьерной лестнице или получали вакантную должность. Причем, иногда от человека не требовалось совершения выдающихся поступков, достаточно было не проявлять лояльности и не контактировать с оккупационными властями. В качестве примера можно рассмотреть два документа. Первый – запрос от начальника Долгоруковского райотдела НКВД младшего лейтенанта Тимашова от 23 августа 1942 г. к секретарю Долгоруковского РК ВКП(б) Новикову по поводу предоставления сведений на гражданку А. В. Шевченко, которую предполагали допустить к работе с секретными документами [3, л. 26]. Второй – положительная характеристика от секретаря районной ячейки партии, из которой следует, что Шевченко в июле 1941 г. эвакуировалась из Белоруссии на территорию Орловской области и с мая 1942 г. работала машинисткой в райкоме. Начальство отзывалось о данной гражданке положительно, указывая на дисциплинированность и ответственность. Помимо этого, она во время оккупации Долгоруковского района не оказывала помощи немцам и не скрывалась от них, чем заслужила доверие местного партийного руководства и была допущена к работе с особо секретными материалами [3, л. 27].

Однако встречается информация о случаях неблагонадежного поведения. Рассмотрим докладную записку секретарю Долгоруковского райкома партии Новикову о фактах антисоветских проявлений отдельными лицами, публично заявлявшими о своих претензиях и недовольстве. Это нежелание эвакуироваться в тыловые регионы или принимать эвакуированных из западных областей граждан у себя в домах, жалобы на тяжелое продовольственное положение. Отдельные граждане надеялись на улучшение жизни с установлением гитлеровского оккупационного режима, некоторые, побывавшие ранее на захваченной противником территории, утверждали, что при немцах жилось не хуже, чем сейчас (Долгоруковский район находился в оккупации с 30 ноября по 10 декабря 1941 г.) [4, с. 16].

Обсуждались темы, связанные с военными событиями и состоянием Красной Армии, на что повлияли поражения советских войск летом 1942 г. Так, житель Е. Д. Л-в заявил: «Напрасно вы воюете, зря головы свои кладете, все равно немец победит». В этой фразе содержится неприкрытая вражда к советской власти от пострадавшего накануне войны лица (гражданин в 1940 г. был судим за контрреволюционную агитацию, но год спустя вернулся на прежнее место проживания) [3, л. 52–52об].

Должностные преступления совершали сотрудники и руководители государственных организаций, используя служебные полномочия в личных целях. Из специального сообщения райотдела НКВД секретарю Тербунского РК ВКП(б) от 20 декабря 1941 г. следует, что с приближением линии фронта

к району (находился в оккупации с 2 по 8 декабря 1941 г. и со 2 июля 1942 г. по 27 января 1943 г.) [4, с. 71], особенно после авианалета 13 октября 1941 г., система потребительской кооперации стала работать плохо. Начались хищения и перепродажа товаров, уничтожение учетной информации под прикрытием приближения противника. Кроме того, местными жителями были разобраны и сожжены несколько строений – конюшни, пункты торговли и хозяйственные постройки. В результате этого торговая деятельность в районе была практически парализована, несмотря на то, что противник не смог его полностью оккупировать [5, л. 1–2].

Часто противоправные деяния совершались в отношении эвакуированных граждан. В Долгоруковском районе летом 1942 г. отмечены случаи, когда назначенное ответственным за руководство и размещение переселенцев лицо не обеспечило людям должных условий. Председатель колхоза «Артель красная» Большеплатовского сельсовета И. Т. К-н не организовал поставок корма для скота своих односельчан, переселявшихся в Вязовицкий сельсовет, в результате чего они были вынуждены проникать на запретные прифронтовые территории в поисках корма для животных. Также К-н использовал колхозных лошадей, предназначенных для переселенцев, в личных нуждах, а у семей красноармейцев, воюющих на фронте и не облагавшихся мясопоставками, насильственно изымал овец и телят и сдавал их, вероятно, в счет собственных поставок [6, л. 1–2].

Председатель колхоза имени Ленина Т-в также самовольно распоряжался лошадьми и не доставлял фураж и топливо эвакуированным. При этом сотрудники Долгоруковского районного отдела НКВД, младший лейтенант Архипов и лейтенант Павлов, проводившие расследование, отмечали, что «...председатель Большеплатовского сельсовета Б-ва попустительски относилась к подобным эпизодам и не интересовалась судьбой отселенных граждан, их нуждами и бытовыми проблемами» [6, л. 2].

Отметим, что такие примеры хотя и были распространены, но не доминировали в советском обществе. В архивах Липецкой области хранятся многочисленные материалы, которые свидетельствуют о честной работе руководства по восстановлению народного хозяйства сразу после освобождения того или иного района, предпринятых ими мероприятиях по выпуску различной продукции для нужд фронта и тыла. Преодоление тяжелых последствий оккупации во многом стало возможным благодаря самоотверженному труду городских и сельских жителей.

Под пристальным вниманием органов НКВД находилось поведение коммунистов во время войны и оккупации. В 1941 г. в стране насчитывалось 3,9 млн членов партии, доля женщин составляла всего 15 % (примерно 585000 человек) [7]. Роль коммунистов на селе была очень высока. Тот факт, что например, утрата или порча партийного билета являлась действием, порочащим звание коммуниста и расценивалась как прямое предательство, говорит о жестких морально-поведенческих стандартах, применяемых к членам партии. Так, в октябре 1943 г. из управления НКГБ по Орловской

обл. было отправлено сообщение секретарю Долгоруковского райкома о проверке гражданки З. В. П-й, которая перед приходом немецких войск уничтожила свой партбилет. Вдобавок она укрывала своего мужа, дезертировавшего из армии [6, л. 47]. Соккрытие от оккупантов своей политической биографии было нередким явлением. В других областях также есть примеры, отраженные в архивных документах.

При проверке коммунистов, находившихся в оккупации в Ставропольском крае в декабре 1943 г., выяснилось, что 2917 членов партии избавились от партбилетов, а отдельные граждане поступили на службу к противнику [8, с. 68–69]. Одновременно встречаются в значительном объеме и другие эпизоды, когда члены партии дорожили своим званием и сохраняли свои документы, даже находясь в плену. Например, танкист И. Шапорев сумел сохранить свой партбилет, пробыв почти два года в плену [9].

Другие примеры преступного поведения коммунистов отражены в докладе секретаря Елецкого горкома ВКП (б) Дударева начальнику городского отдела НКВД Карпову 20 мая 1942 г. Секретарь просит проверить информацию по двум служащим отделения Госбанка – Н. И. Н-ву и С. Н. Г-ву, которые были рекомендованы к зачислению в партизанский отряд. Выяснилось, что гражданина Н-ва горком отправил на обучение в спецшколу г. Задонска, но поехать туда он отказался, как и быть бойцом истребительного отряда. Также он не эвакуировался из г. Елец в декабре 1941 г., когда боевые действия подходили к городу. Г-в после принятия присяги и зачисления в партизанский отряд дезертировал и также остался в Ельце. 5 декабря 1941 г. оба гражданина покинули захваченный немцами Елец и были замечены в тылу противника [10, л. 15].

В это же время члены партизанских и истребительных отрядов мужественно сражались с противником в оккупированных в 1941 г. районах. Доказательством этому являются десятки фактов подвигов наших земляков, которые позже были награждены орденами и медалями за партизанскую и подпольную борьбу.[11, с. 131–137]. Выделим гражданку Е. П. Кириллову, которая будучи комсомолкой, добровольно вступила в партизанский отряд. Отличилась в боях за г. Елец в декабре 1941 г., уничтожив из своего пулемета 70 гитлеровцев, получила ранение. Далее продолжила воевать в частях РККА, была награждена орденами Красной звезды и Отечественной войны 1 степени [12].

Известны случаи халатности при выполнении тех или иных распоряжений партийного руководства. В сообщении майора Ингачева от 3 мая 1943 г. указывалось, что 1-й секретарь Долгоруковского райкома партии не выполнил решения Орловского обкома и облисполкома о мобилизации населения на выполнение оборонного строительства. От района на работы предполагалось отправить 600 человек, но этого сделано не было. Собрать удалось лишь две группы рабочих, численностью 66 и 27 человек соответственно, из

которых вторая группа отработала один день, а первая и вовсе разошлась по домам, не отработав и дня. Все это явилось следствием плохой организации трудовых коллективов и отсутствием прямого контроля над исполнением распоряжения [6, л. 26].

После освобождения территории и продвижения линии фронта на запад, у граждан, бывших в партизанских частях, нередко на руках оставалось оружие, которое они отказывались сдавать. Представители некоторых райкомов партии не оказывали содействия правоохранительным органам при решении данной проблемы. В сообщении начальника Орловского управления НКВД отражены факты и свидетельства того, что лица, имеющие стрелковое оружие и бесконтрольно распоряжающиеся им, нередко представляют опасность. Отмечены эпизоды стрельбы в населенных пунктах в состоянии алкогольного опьянения, в том числе и со смертельным исходом как случайных граждан, так и самих стрелков, а также грабежей и разбоев [6, л. 73–74].

В других регионах известны случаи и более тяжких преступлений. Некоторые председатели колхозов совместно с оккупантами или самостоятельно участвовали в поджогах сел, изъятии у граждан имущества и выдаче немцам представителей партийного актива [13, с. 60].

Перейдем к рассмотрению преступлений, совершенных советскими гражданами совместно с представителями нацистской Германии. На территории районов не обнаружены факты пребывания иных военных организаций, кроме вермахта. Именно под его руководством формировались оккупационные администрации. В организованных сельских комендатурах проходили вербовка и набор граждан на службу в основном в эти учреждения [13, с. 38].

Отметим, что проявление «сотрудничества» с противником часто происходило по принуждению. Описаны случаи, когда мирные жители выполняли приказы и поручения оккупантов в основном хозяйственного назначения, чтобы сохранить себе жизнь, при этом не имея преступного умысла помогать им. В сообщении партизан в Ленинградской области 9 ноября 1942 г. отмечалось, что немцы проводили принудительные мобилизации в оккупационные структуры, используя шантаж, обман и террор [13, с. 40]. В такой ситуации невольной пособницей врага оказалась жительница с. Ожога Елена С-ва, в доме которой немцы организовали комендатуру. Там же заставили работать и саму хозяйку – вести различную документацию. После освобождения села она, по доносу своих односельчан обвинялась в пособничестве врагу, была осуждена на 8 лет лишения свободы. После освобождения не реабилитирована [14].

По архивным документам известны эпизоды, которые можно отнести к добровольному сотрудничеству с немецкой оккупационной администрацией. По Воловскому району (находившемуся в годы войны в составе Курской области), который был оккупирован дважды (с 26 ноября по 8 декабря 1941 г. и со 2 июля 1942 г. по 27 января 1943 г.) [4, с. 5], сотрудниками НКВД в 1944 г. в ходе проверок были зафиксированы случаи таких преступлений. Так, Т. Ф. Ш-ва (после освобождения района работница Воловской МТС) во

время второй оккупации района осталась на занятой территории и работала в немецкой столовой в Воловском сельсовете, в которой также числилась и А. А. Ш-кая (после оккупации работница столовой райпотребсоюза) [15, л. 14–15]. Заведующая семенной лабораторией в с. Волово А. В. С-ва в период временной оккупации в 1942 г. прислуживала на кухне у немецкого офицера и даже получала материальное вознаграждение за свой «труд» [15, л. 18]. В докладных сообщениях сотрудников госбезопасности также отмечено, что эти женщины проводили вечера с немцами и имели интимные отношения с ними, скорее всего, ненасильственного характера.

П. Н. В-в и его дочь В. П. В-ва в период временного занятия гитлеровцами Воловского сельсовета работали у оккупантов на следующих должностях: отец был старостой в с. Волово в течение 20 дней, а дочь работала медсестрой в военном госпитале. После освобождения района П. Н. В-в стал завхозом колхоза «Искра», а его дочь – учительницей в Липовской начальной школе [15, л. 16].

Перечисленные случаи объединяет то, что все виновные в связях с противником смогли устроиться на работу после его изгнания. Однако, после обнаружения данных фактов, все были уволены со своих рабочих мест.

Рассмотрим эпизоды проявления коллаборационизма в Липецкой области. За время двух оккупаций преступления такого вида совершали как местные граждане, так и прибывшие с немецкими войсками из других регионов. Также имеются и факты участия жителей области в злодеяниях на территории других субъектов.

Уроженец с. Грешное Волынского района Орловской области (сегодня Становлянский район Липецкой области) П. Т. Ан-н, получив ранение на фронте, прибыл на лечение в с. Гастево Орловской области. С приходом немецких войск выдал председателя местного колхоза Артемова, который был расстрелян гитлеровцами. Свою вину признал полностью. Мотивом такого поступка послужила месть за нанесенные ранее обиды. По приговору получил высшую меру наказания. У него осталось шестеро детей [2, с. 288–289].

М. М. Б-Г., проживавшая в д. Барановка Елецкого района (сегодня в составе Измалковского района), во время оккупации г. Ефремов Тульской области выдавала гитлеровцам партийный актив города. Так, немцы повесили в начале декабря 1941 г. коммуниста И. А. Чуприна. 7 декабря Б.-Г. указала на члена ВКП (б) Г. Р. Лаухина, которому удалось избежать ареста (его предупредили другие граждане). Женщину арестовали 2 января 1942 г., вместе с ней сотрудники НКВД задержали и двух ее братьев. Виновной себя не признала. По приговору получила высшую меру наказания. У женщины осталось двое малолетних детей [2, с. 297–298].

Д.Ф. Ш-ких состоял в партийной организации Долгоруковской МТС. В годы Первой мировой войны пробыл в немецком плену 6 лет. При приближении фронта к селу Долгоруково отказался от эвакуации, с приходом немцев стал сотрудничать с ними. Выдал шестерых бойцов и одного

лейтенанта (их судьба неизвестна), а также вовлек на службу противнику Ерма. После освобождения района вернулся и в течение трех месяцев продолжил работать на прежнем месте, пока не был разоблачен сотрудниками НКВД. Дальнейшая судьба в документе не указана.

П. К-н, согласно материалам расследования, попал в плен осенью 1941 г., был завербован и отправлен в советский тыл с целью ведения антисоветской пропагандистской работы на территории Долгоруковского района. Ему удалось привлечь брата и его сослуживца, К. Ф. К-ва, дезертировавших из рядов РККА. Позднее к ним примкнул и отец К-на, который обеспечивал им укрытие. Группа занималась распространением немецких агитационных листовок. Все участники были выявлены и арестованы сотрудниками НКВД. Дальнейшая судьба в документе не указана [6, л. 45–45об].

Гражданка А. А. Ш-ко в годы войны проживала на территории Воловского района. По результатам проверки установлено, что во время оккупации летом 1942 г. она помогала солдатам вермахта выявлять военнослужащих РККА, попавших в окружение в районе Предтечевского сельсовета. Рекомендовано было уволить гражданку Ш-ко с занимаемой должности агента районного уполномочения наркомзага. Дальнейшая ее судьба в документе не указана [15, л. 17].

Гражданин Н. А. С-в родился в с. Захаровка Воловского района, затем проживал и работал на Донбассе. В 1942 г. совместно с частями вермахта вернулся в район в с. Новопавловку Липовского сельсовета. Во время оккупации активно помогал немцам продуктами питания и брался за любую работу. Также трудоустроил свою дочь в комендатуру с. Захаровка. Дальнейшая его судьба в документе не указана [16, л. 1].

Следующий фигурант списка о коллаборантах – гражданин П. В. С-в. Он родился в с. Чесночное Воловского района, имел две судимости по статьям за воровство и бандитизм, находился в рядах РККА, дезертировал и вернулся в родное село во время второй оккупации района. Добровольно поступил на службу в немецкую комендатуру на должность полицейского, в которой пробыл весь период оккупации. За это время С-в отметился в грабежах местного населения, неоднократно избивал жителей села, в том числе и женщин, угрожал расправой, составлял списки граждан для отправки в Германию. По его доносу были расстреляны два военнопленных красноармейца. Совместно с подразделениями вермахта участвовал в контрпартизанских операциях. После освобождения села от немецко-фашистских захватчиков скрывался от преследования до сентября 1943 г., постоянно грабя и терроризируя местное население, пока не был арестован. Содержался под стражей в тюрьме. Дальнейшая его судьба в документе не отображена [15, л. 5–5об]. Немецко-фашистские захватчики часто использовали уголовные элементы при организации оккупационных структур, поскольку зеки охотно шли на службу. По воспоминаниям И. Ильиных, партизана 4-й Клетнянской бригады

(действовала в Орловской области), «...С оккупацией из всех щелей вылезли подонки, уголовные преступники. С их помощью фашисты стали насаждать огнем и мечом в районе «новые порядки» [13, с. 44].

Отметим, что граждане, уличенные в подобных преступных деяниях, как правило, были осуждены по пунктам 1а и 1б статьи 58 УК РСФСР. 19 апреля 1943 г. [2, с. 21]. Президиумом Верховного Совета СССР был издан указ № 39, который предусматривал ужесточение наказания для лиц, участвовавших в насилии над мирным населением, в том числе и для коллаборационистов и пособников. Согласно этому документу процессы по таким эпизодам должны были происходить публично, делопроизводством занимались военно-полевые суды. Высшая мера наказания – смертная казнь, которая осуществлялась через повешение (пособники оккупантов получали от 15 до 20 лет каторжных работ) [17]. Одними из первых по данному указу были осуждены советские граждане, обвиняемые по «краснодарскому» делу от 14–17 июля 1943 г.

Таким образом, мы рассмотрели основные виды преступлений, совершенных гражданами на оккупированных немецкими войсками территориях и в тыловых районах Липецкой области. На основании приведенных данных можно выделить две группы таких злодеяний:

1. Без прямого участия немецких войск, но обусловленные военным положением. Среди таких можно выделить: халатное отношение к своим обязанностям и злоупотребление служебными полномочиями должностных лиц государственных и партийных структур, проведение антисоветской агитации в публичных местах, дезертирство и нарушение присяги лицами, определенными в партизанские отряды, незаконное хранение и использование огнестрельного оружия.

2. Преступления, совершенные непосредственно во взаимодействии с немецко-фашистскими захватчиками или по их приказанию. Мотивы, подталкивающие граждан к подобным деяниям, могли быть различными, начиная от принуждения со стороны оккупантов и заканчивая добровольным выполнением поручений или принятие самостоятельных решений, направленных на причинение ущерба. Большинство лиц занимали различные должности в хозяйственных органах и комендатурах, но имелись и примеры службы в полиции.

Во времена тяжелых испытаний каждый человек делает свой нравственный выбор. Часто принятие позиции той или иной стороны зависит от множества факторов, главным из которых был вопрос жизни и смерти. Граждане, добровольно вставшие на сторону противника во время Великой Отечественной войны, обрекали себя и свои семьи на оправданные репрессии и преследования со стороны государства. В такую же ситуацию часто попадали и лица, вынужденные пойти на сотрудничество с врагом, и не имевшие возможности для сопротивления. Они также подвергались общественному незаслуженному порицанию со стороны земляков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Романько, О.В.* Коллаборационизм советских граждан в период Второй мировой войны: к вопросу об эволюции взглядов на проблему / О. В. Романько // Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны: Сборник научных статей. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. – С. 231–233.
2. Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма: [Сборник] / ред.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. – Москва: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. – 464 с.
3. Государственный архив Новейшей истории Липецкой области (ГАНИ ЛО). Ф.28. Оп.1. Д. 368.
4. В огне и стуже оккупации: Липецкая область в годы Великой Отечественной войны: документы и библиография / ред. М. В. Виноградова. – Липецк: Липец. ОУНБ, 2015. – 108 с.
5. ГАНИ ЛО. Ф.59. Оп.1. Д. 324.
6. ГАНИ ЛО. Ф.28. Оп.1. Д. 408.
7. Сражающаяся партия. ВКП (б) в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kprf32.com/news/srazhayushchayasya-partiya-vkpb-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny.html>. – Дата доступа : 4.04.2022.
8. *Журавлев, Е. И.* Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1943 гг.): на материалах Юга России / Е. И. Журавлев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 16. С. 68–69.
9. Иван Шапоров: я – командир тяжелого танка КВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/shaporev-ivan-antonovich/> – Дата доступа : 10.04.2022.
10. ГАНИ ЛО. Ф.35. Оп.2. Д. 160.
11. *Березнев, А. Т.* Партизаны и подпольщики Липецкого края / А. Т. Березнев. – Липецк, 2015. – 216 с.
12. Кириллова Елизавета Петровна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1005083265/ – Дата доступа : 9.04.2022.
13. *Жуков, Д. А., Ковтун И. И.* Полицаи: истории, судьбы и преступления / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. Изд. 3-е, испр. И доп. – Москва : Изд-во Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2016. – 320 с.
14. После 8 лет лагерей меня называли полицайкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorod48.ru/news/153556/> – Дата доступа : 15.03.2022.
15. ГАНИ ЛО. Ф.13. Оп.1. Д. 177.
16. ГАНИ ЛО. Ф.13. Оп.1. Д. 161.

17. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-no-39-o-merakh-nakazaniya-dlya-nemecko-fashistskikh-zlodееv> – Дата доступа : 20.02.2022.

Ю. И. Литвиновская, И. А. Литвиновский

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПЕРЕПИСКЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии была ключевым событием всей Второй мировой войны. Именно от ее исхода зависели как результаты этого грандиозного противоборства, так и его последствия. Советско-германский фронт являлся определяющим театром военных действий всей войны на протяжении почти четырех наиболее тяжелых лет борьбы. По существу послевоенное будущее человечества, его последующая история решались на полях сражений России, Украины и Беларуси.

С началом германского вторжения на территорию СССР возник вопрос о сотрудничестве Советского Союза с государствами, которые к этому времени либо находились в состоянии войны с Германией и ее союзниками, каковой являлась Великобритания, либо сочувствовали им и поддерживали борьбу против фашизма как, например, Соединенные Штаты Америки. Вопрос этот был далеко неоднозначный в силу полярного отношения различных политических сил в означенных западных странах к общественно-политическому строю в СССР, в особенности. Тем не менее, серьезность угрозы нависшей над миром со стороны агрессивных государств и осознание того, что без объединения усилий эту угрозу устранить невозможно, объективно требовали согласования позиций и объединения ресурсов для борьбы с гитлеризмом всех стран стоявших на антифашистских позициях.

В этих условиях Вторая мировая война, начавшаяся как столкновение межимпериалистических противоречий европейских государств, превращалась в войну справедливую, освободительную, прогрессивную для всех стран которые выступили против блока держав во главе с гитлеровской Германией, независимо от характера их внутреннего общественно-политического строя. Это обстоятельство послужило основой для образования антигитлеровской коалиции государств в годы войны.

В налаживании и развитии этого процесса объективных тенденций борьбы добра против зла, прогресса против реакции, немаловажную, если не первостепенную, роль имело личное общение руководителей государств. На начальном этапе Великой Отечественной войны это осуществлялось путем

переписки между главами правительств СССР, Великобритании и США. Это происходило преимущественно путем обмена шифрованными телеграммами через посольства Советского Союза в Лондоне и Вашингтоне, а также через посольства Великобритании и США в Москве. Телеграммы расшифровывались в посольствах и тексты посланий передавались адресату, как правило, на языке подлинника. Отдельные послания доставлялись по назначению дипломатической почтой или ответственными представителями соответствующих держав.

Хронологически переписка между руководителями Великобритании и СССР началась раньше аналогичного процесса во взаимоотношениях американского и советского руководства. Здесь можно было бы отметить, что после подписания 22 июня 1941 г. Францией перемирия с Германией, Англия на европейском континенте осталась в одиночестве в войне со странами фашистского блока. Ситуация казалась безнадежной. Отношения с Советским Союзом оставались неудовлетворительными. Стремясь сделать их более приемлемыми У. Черчилль назначает в Москву нового посла. Им стал Стаффорд Криппс. 1 июля 1940 г. во время встречи со Сталиным посол передал ему личное послание премьер-министра. В нем У. Черчилль обратился к советскому руководству с предложением построения гармоничных и взаимовыгодных двусторонних отношений и сообщил, что Англия твердо решила бороться против гегемонии Германии, которая угрожает Европе [1, с. 507–509].

Позиция правительства Великобритании в начавшейся войне гитлеровской Германии против Советского Союза была высказана У. Черчиллем в его выступлении по радио 22 июня 1941 г. Обращает на себя внимание также тот факт, что прибывший накануне из Вашингтона американский посол в Лондоне Д. Уайнант привез Черчиллю известие от Ф.Д. Рузвельта, что президент поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника» [2, с. 325].

Рассматривая же специфику и особенности политики Великобритании на советском направлении в годы войны нельзя не обратить внимание и на один весьма интересный вывод к которому пришел посол СССР в Соединенном Королевстве И. Майский, более восемнадцати лет находившийся на дипломатической работе в этой стране. В своих воспоминаниях он подчеркнул, что «полной ясности отношений между Лондоном и Москвой не было на протяжении всей войны» [1, с. 521].

Но 22 июня 1941 г. У. Черчилль заявил: «Я вижу русских солдат, стоящих на рубежах родной страны, охраняющих землю, которую их отцы населяли со времен незапамятных, я вижу нависшую над ними немецкую военную машину, тупую, вымуштрованную, послушную, жестокую армаду нацистской солдатни, надвигающуюся как стая саранчи. И за ними я вижу ту кучку негодяев, которые планируют и организуют весь этот водопад ужаса, низвергающегося на человечество. У нас, в Великобритании, только одна цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и малейшие следы

нацистского режима ... Мы поможем России и русскому народу всем, чем только сможем. Опасность для России – это опасность для нас и для Америки, и борьба каждого русского за свой дом и очаг – это борьба каждого человека в любом уголке земного шара» [2, с. 326].

Вместе с тем, давая оценку позиции У. Черчилля на новом этапе Второй мировой войны, не следует упускать из виду и другие мысли, высказанные им в этом выступлении по радио: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма... За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова которое я сказал о нем» [2, с. 327].

Все это следует иметь ввиду рассматривая позицию руководимого Черчиллем правительства при рассмотрении разного рода вопросов в рамках созданной в будущем антигитлеровской коалиции и точку зрения которой придерживался премьер-министр в процессе переговоров на высшем уровне, равно как и в его переписке с И. В. Сталиным в годы войны. Здесь У. Черчилль зарекомендовал себя как жесткий и в тоже время гибкий и расчетливый прагматичный политик. Как, например, пишет в своих воспоминаниях И. Майский, Черчилль был несколько обижен тем, что И. Сталин никак не откликнулся на его речь по радио 22 июня, но решил все-таки первым сделать шаг для установления более дружественных отношений с главой Советского правительства. В итоге, 8 июля в Москве было получено первое послание из Лондона.

Становление союзнических отношений требовало координации усилий по широкому кругу вопросов. Уже на шестой день войны, 27 июня, в Москву прибыли военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Фрэнком Мэйсон Макфарланом и экономическая миссия во главе с Лоурэнсом Кэдбери для осуществления на практике сотрудничества между двумя странами и решения вопросов, связанных с оказанием Англией военно-технической помощи Советскому Союзу. Советская военная миссия во главе с генералом Ф. И. Голиковым прибыла в Лондон 8 июля 1941 г. [3, с. 449].

В налаженной в июле 1941 г. переписке между руководителями СССР и Великобритании поднимался широкий круг вопросов как военно-экономических, стоявших в силу сложившихся обстоятельств на первом месте, так и внешнеполитических. У. Черчилль восхищался мужеством советских людей и упорным сопротивлением воинов Красной Армии. Вкладом Англии в общую борьбу он считал бомбовые удары по германской территории сотен тяжелых бомбардировщиков, осуществлявших их как днем, так и ночью. Об этом говорилось в первом послании премьер-министра. На обсуждение выносились и другие вопросы. «Адмиралтейство, – писал Черчилль, – подготовило серьезную операцию, которую оно предпримет в ближайшем будущем в Арктике, после чего, я надеюсь, будет установлен контакт между британскими и русскими военно-морскими силами» [3, с. 17].

У. Черчилль согласился также с ранее высказанным Сталиным в беседе с послом Ст. Криппсом пожеланием о подписании совместной декларации

о взаимопомощи. В результате 12 июля нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и посол Великобритании Ст. Криппс подписали в Москве соглашение о совместных действиях в войне против Германии, в котором стороны гарантировали друг другу взаимную помощь и поддержку и обязались «ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия» [4, с. 130–132].

Ответное послание И. Сталина на два предыдущих письма Черчилля было отправлено 18 июля. Здесь следует отметить, что в годы войны в дипломатический обиход вошла новая практика общения глав правительств, практика обмена прямыми посланиями по наиболее важным вопросам в обход обычных дипломатических инстанций. По мнению У. Черчилля, который был инициатором этого начинания «нормальные дипломатические каналы» слишком медлительны и многоступенчаты. Терялся нужный темп и драгоценное время столь необходимое для решения экстренных вопросов [1, с. 537].

Главным содержанием письма Сталина была постановка вопроса об открытии второго фронта. «Мне кажется, – отмечалось в послании, – что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)» [3, с. 19].

Повторно вопрос об открытии второго фронта в 1941 г. Сталин поставил в письме Черчиллю от 3 сентября. На сей раз предпочтение в открытии военных действий союзников было отдано балканскому направлению, западному (Франция) – второе. Главная задача состояла в том, чтобы оттянуть 30–40 дивизий с советско-германского фронта. Потеря промышленной базы юга Украины и ленинградской промышленности, как пишет Сталин, «поставило Советский Союз перед смертельной угрозой». Кроме открытия второго фронта Сталин также ставит вопрос об увеличении поставок критически важной промышленной продукции, в частности, обеспечить к началу октября доставку 30 тыс. тонн алюминия с тем, чтобы как-то компенсировать потерю продукции аналогичного производства в Украине, столь нужного для авиационной промышленности, а также довести ежемесячную помощь в самолетах и танках до 500 единиц каждого вида вооружения. «Без этих двух видов помощи, – говорится в послании, Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом» [3, с. 29].

Ответы У. Черчилля на поставленные вопросы были не весьма обнадеживающими. Весь их смысл сводился к тому, что кроме акций в воздухе, Англия своими сухопутными силами самостоятельно открыть второй фронт не в состоянии. Видимо подобная аргументация способствовала появления у Сталина другого предложения об активной военной помощи Советскому Союзу. «Мне кажется, – писал он британскому премьер-министру, – что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или

перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии» [3, с. 32].

Вопрос о втором фронте не потерял своей актуальности и в 1942 г., когда Германия предприняла новое массированное наступление на фронте. Укреплению межсоюзнических отношений способствовало подписание 26 мая 1942 г. советско-английского договора «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны», а также переговоры наркома иностранных дел В.М. Молотова с руководителями Великобритании и США. Следует иметь в виду, что США с декабря 1941 г. стали участником Второй мировой войны. В англо-советском коммюнике от 12 июня 1942 г. было записано, что «между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Это же самое значилось и в советско-американском коммюнике [4, с. 283-285].

Однако, уже месяц спустя, в послании И.В. Сталину от 18 июля Черчилль пишет о планах союзников по созданию «действительно сильного второго фронта в 1943 году» [3, с. 66]. Ответная реакция Сталина была вполне предсказуемой: «Что касается ... вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер» [3, с. 69].

В одном из посланий британского премьер-министра, полученных в Москве в августе 1942 г. прямо говорится: «Самым лучшим видом второго фронта в 1942 году, единственно возможной значительной по масштабу операцией со стороны Атлантического океана является «Факел». Если эта операция сможет быть осуществлена в октябре, она окажет больше помощи России, чем всякий иной план. ... Самым разумным методом было бы ... провозгласить «Факел», когда он начнется, как второй фронт [3, с. 75, 76].

Операция «Факел» была осуществлена союзниками в ноябре 1942 г. и заключалась в высадке английских и американских войск в Северо-Западной Африке. Объединенными силами командовал американский генерал Д. Эйзенхауэр. Только со стороны Великобритании, как сообщал У. Черчилль Сталину, принимало участие 240 военных кораблей и более полумиллиона человек личного состава различных родов войск [3, с. 8].

Подобная точка зрения правительства Великобритании была изложена советскому руководству и во время визита У. Черчилля в Москву в августе 1942 г. 12 августа он официально поставил советское правительство в известность о невозможности открытия второго фронта в Западной Европе в текущем году. Энергичные протесты И. Сталина, указание на то, что это было согласованное решение союзников и СССР строил свои планы летне-осенних операций с учетом создания второго фронта в Европе в 1942 г. не возымели действия. В своем ответном послании от 14 августа Черчилль писал, что ни

Великобритания, ни США не нарушили никакого обещания. В процессе переговоров с Молотовым ему было заявлено, что существуют весьма малые шансы на реализацию этого плана. В соглашении отмечалось: «Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже было ранее разъяснено, главным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных средств. Однако ясно, что если бы мы ради того, чтобы предпринять действия любой ценой, пустились бы на некоторую операцию, которая окончилась бы катастрофой и дала бы противнику возможность торжествовать по поводу нашего провала, то это не принесло бы пользы ни делу русских, ни делу союзников в целом. Заранее невозможно сказать, будет ли положение таким, что станет возможно осуществить эту операцию, когда наступит указанный срок. Поэтому мы не можем дать никакого обещания в этом вопросе. Но, если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы». (3, с. 73–76, 452).

Участник переговоров о втором фронте в апреле 1942 г. будущий генерал армии США, в то время офицер Отдела военного планирования Министерства обороны, А. Ведемейер составил весьма характерное наблюдение за делегацией Великобритании: «Англичане, – писал он, – вели переговоры мастерски. Особенно выделялось их умение использовать фразы и слова, которые имели более одного значения и допускали более чем одно толкование. Это была постановка в классическом стиле Макиавелли. Я не утверждаю, что стремление обмануть было личной характерной чертой того или иного участника переговоров. Но когда дело шло о государственных интересах, совесть у наших английских партнеров по переговорам становилась эластичной... Я был свидетелем английского дипломатического искусства в его лучший час, искусства, которое развивалось в течение столетий успешных международных интриг и обмана, сочетающегося с лестью. [2, с. 336–337].

В своем выступлении по радио 22 июня премьер-министр Великобритании заявил, что его страна окажет СССР в начавшейся войне «всю помощь, какую только сможет». Однако, никаких конкретных обязательств Англия на себя не брала. Слова Черчилля были исключительно политической декларацией. И этому имелись определенные объяснения. Дело в том, что так называемые «информированные круги» в Англии, куда входили как представители политических сил, так и высокопоставленные военные, были убеждены, что Советский Союз не выдержит длительного сопротивления с Германией и в скором времени капитулирует. Еще накануне войны, 16 июня 1941 г., новый британский посол в Москве Ст. Криппс сообщал в Лондон, что «среди дипломатов аккредитованных в Москве, преобладает мнение, что Россия не сможет противостоять Германии более трех или четырех недель», а начальник Имперского Генерального штаба генерал Д. Дилл в беседе с министром иностранных дел А. Иденом полагал, «что было бы неразумным рассчитывать больше, чем на шесть или семь недель» [5, с. 228–229].

Но правящие круги Великобритании любую ситуацию стремились использовать, прежде всего для своей выгоды. «У меня было убеждение, что если даже на протяжении короткого времени немцы будут нести в России потери в объеме, превышающем их теперешние потери, то это в какой-то степени облегчит напряжение, испытываемое нами», – писал впоследствии о своих размышлениях того времени А. Иден [5, с. 229].

Поддержка Англией Советского Союза в первые недели войны сводилась главным образом к активизации ударов английской авиации по территории Германии. Новые тенденции в налаживании более тесного сотрудничества появились после Атлантической конференции – встречи У. Черчилля и Ф. Рузвельта 9–12 августа 1941 г. на борту британского линкора «Принц Уэльский» в бухте Арджентия канадского острова Ньюфаундленд. На Атлантической конференции был обсужден вопрос и о поставках военных материалов Советскому Союзу. Накануне конференции, в июле 1941 г., Москву посетил личный представитель президента США Гарри Гопкинс. Его дважды принимал И. Сталин – 30 и 31 июля. Последняя беседа длилась два часа [4, с. 139].

Гопкинс стремился выяснить вопрос о потребностях Советского Союза для организации более эффективной борьбы с противником и добиться ответа на то, что больше всего волновало президента США – как долго сможет Советский Союз оказывать сопротивление гитлеровской агрессии. Что же касается поставок СССР средств вооруженной борьбы то, заявил Гопкинс, такое вряд ли возможно до того, как состоится специальная конференция представителей трех правительств в ходе которой будут совместно полностью изучены и определены интересы каждой из стран в этой войне. В сложившейся же в то время ситуации на советско-германском фронте Гопкинс считал такую конференцию проводить нецелесообразно. Он хотел отодвинуть срок ее начала до ясности исхода происходивших на фронте сражений, не желая таким образом связывать США и Англию определенными обязательствами раньше чем будет стабилизирован фронт. В итоге была достигнута договоренность о проведении таких переговоров в период между 1 и 15 октября 1941 г. [6, с. 97].

Увиденное и обстоятельные беседы со Сталиным произвели на Гопкинса огромное впечатление, о чем он и сообщил Ф. Рузвельту: «Я глубоко уверен в этом фронте, моральный дух населения необычайно высок. Здесь существует твердая решимость победить». В своем отчете президенту Г. Гопкинс писал: «Теперь англо-американские расчеты не могут больше основываться на возможности скорого крушения России. После этого весь подход к проблеме должен серьезно измениться» [7, с. 188; 6, с. 90].

Посетив Москву, Гопкинс пришел к выводу, что Советский Союз способен не только выдержать натиск врага, но и нанести ему в дальнейшем серьезные удары. Его доклад правительству США и лично президенту во многом способствовал формированию последующего курса администрации

Рузвельта по оказанию помощи Советскому Союзу в борьбе против агрессии. Поездка Гопкинса открыла дорогу для практических шагов американского и английского правительств в этом направлении.

После конференции в Арджентии У. Черчилль и Ф. Рузвельт направили И. Сталину совместное послание: «Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того, чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем» [3, с. 25].

Для выработки конкретной программы военных поставок в СССР по согласованию союзников в Москве решено было созвать трехстороннюю конференцию представителей СССР, США и Великобритании. Она проходила с 29 сентября по 1 октября 1941 г. Советскую делегацию возглавлял В. М. Молотов, американскую А. Гарриман, британскую лорд У. Бивербрук [3, с. 451].

Как сообщал И. Сталину У. Черчилль: «По идее президента Рузвельта... первый план должен охватить период до конца июня, но мы, естественно, будем продолжать оказывать Вам помощь до достижения победы». Он также подчеркивал, что для обеспечения военных поставок «Мы намерены обеспечить непрерывный цикл конвоев, которые будут отправляться с промежутками в десять дней. ... При организации этого регулярного цикла конвоев мы рассчитываем, что Архангельск будет принимать главную часть поставок» [3, с. 33, 39].

Вопрос об организации военных поставок был одним из важнейших в переписке Сталина и Черчилля на начальном этапе войны. Остро стояла и проблема безопасности конвоев. Премьер-министр отмечал в послании от 18 июля 1942 г., что союзники «...начали отправлять в Северную Россию небольшие конвои судов в августе 1941 года, и до декабря немцы не предпринимали каких-либо шагов для того, чтобы помешать им. С февраля 1942 года размер конвоев был увеличен, и тогда немцы перебросили в Северную Норвегию значительные силы подводных лодок и большое количество самолетов и начали предпринимать решительные нападения на конвои» [3, с. 6].

Конвоирование судов считалось основным способом обеспечения их безопасности на переходе океаном. Главнокомандующий американскими ВМС адмирал Э. Кинг даже утверждал в 1942 г., что «конвой – это не один из путей защиты торгового судоходства, а единственный путь» [7, с. 324].

Обеспечение безопасности судоходства в Северной Атлантике, в том числе и безопасности арктических конвоев, ложилось преимущественно на британский флот, который осуществлял ее с предельным напряжением сил. На первом месте для англичан безусловно было обеспечение ввоза в страну

товаров и ресурсов от которых зависел весь процесс жизнедеятельности всего Соединенного Королевства. Если, например, в 1941 г. импорт на Острова составлял 30,5 млн. т, то к концу следующего года он снизился до 23 млн. т [7, с. 322]. Отсутствие достаточного количества транспортных и военных кораблей, – писал У. Черчилль И. Сталину 24 ноября 1942 г., – заставило союзников сократить трансатлантические перевозки. «Для Вас, – говорилось в послании, – располагающим столь большим количеством суши, может оказаться трудным представить себе, что мы можем жить и вести борьбу только в зависимости от состояния наших морских коммуникаций» [3, с. 96].

В этих условиях командование британского флота к обеспечению безопасности кораблей, идущих в советские порты, можно сказать, в том числе и по политическим мотивам, иногда относилось как к обузе. В мае 1942 г. первый морской лорд и начальник штаба флота Великобритании Д. Паунд писал вышеупомянутому американскому адмиралу: «Конвои в Россию превращаются в привязанный у нас на шею камень, и постоянно приводят к потерям, как в крейсерах, так и в эскадренных миноносцах» [9, с. 383].

Главной угрозой для судоходства являлась немецкая авиация, базирующаяся на аэродромах в Норвегии. Особенно трагичной была судьба конвоя PQ-17 отправившегося к советским берегам из Шотландии 27 июня 1942 г. Конвой проходил через северные широты в условиях полярного дня. Ошибки в действиях его военного прикрытия привели к тому, что несмотря на преимущество в силах союзники потеряли 22 транспортных корабля из 34 и оба спасательных судна [8, с. 252].

Гибель столь большого количества судов, на которых находились столь необходимые для Советского Союза материалы, в период, когда Германия предприняла масштабное наступление на южном крыле советско-германского фронта, была весьма существенной потерей для СССР. Реакция И. Сталина была вполне однозначной: «Приказ Английского Адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты и вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым. ... Во всяком случае я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь ... в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте» [3, с. 69].

В послании Сталину от 18 июля У. Черчилль пишет, что в нынешних условиях «при постоянном дневном свете попытка направить следующий конвой PQ-18 не принесла бы Вам пользы и нанесла бы только невозместимый ущерб общему делу». Здесь же премьер-министр предлагает некоторые грузы переправлять через Персидский залив и Иран [3, с. 66]. И. Сталин на это заметил, что «подвоз через персидские порты ни в коей мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путем» [3, с. 69].

Советскому правительству была хорошо известна низкая пропускная способность иранских портов и железных дорог. Об этом были осведомлены и в Лондоне. Выступая, например, 25 сентября 1942 г. на заседании комитета

начальников штабов министр иностранных дел Великобритании, А. Иден привел весьма тревожные статистические данные об объеме помощи Советскому Союзу, оказываемой по южному маршруту. Из 34500 т грузов, которые по плану должен был получить СССР в июне 1942 г. фактически было доставлено только 16000 т, то есть меньше половины. В следующем месяце, в июле, аналогичные показатели были еще хуже – 15000 т вместо 45000, а в августе – 27000 т вместо 52500. К концу ноября 1942 г. в портах Персидского залива должно было скопиться 100000 т грузов ждущих своей отправки в СССР [10, с. 53].

Не лишним было бы обратить внимание еще на одну сторону союзнических поставок в СССР – качество транспортных перевозок. В условиях войны обеспечить их на надлежащем уровне было практически невозможно. Хотя если учесть, какой ценой была оплачена доставка каждой тонны продукции, к этому нужно было стремиться. Именно это имел в виду советский руководитель в письме У. Черчиллю 8 ноября 1941 г.: «Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде» [3, с. 43].

Одним из важнейших итогов советско-английских отношений начального периода Великой Отечественной войны, который нашел свое отражение в майской переписке И. Сталина и У. Черчилля является подписание 26 мая 1942 г. в Лондоне «Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством в Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» [4, с. 270–273]. Подписание этого договора явилось завершением переговоров министра иностранных дел Великобритании Антони Идена в Москве в декабре 1941 г. Срок действия обязательств, относящихся к послевоенному времени устанавливался по предложению английской стороны в 20 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майский, И. М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. – М. : Наука, 1971. – 711 с.
2. *Трухановский, В. Г.* Уинстон Черчилль. – М. : Междунар. отношения, 1982. – 464.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г.–ноябрь 1945 г.). – 472 с.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. – ОГИЗ. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. – Т. 1 (22 июня 1941 г. –31 декабря 1943 г.). – 803 с.

5. *Трухановский, В. Г.* Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30–50-е годы / В. Г. Трухановский. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 424 с.
6. *Бережков, В. М.* Страницы дипломатической истории / В. М. Бережков. – М. : Междунар. отношения, 1984. – 616 с.
7. Вторая мировая война. Краткая история. – М. : Наука, 1984. – 592 с.
8. *Кузнецов Н.Г.* На флотах боевая тревога. – М. : Воениздат, 1971. – 320 с.
9. *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия, июнь 1941–август 1942 г. / Дж. Батлер, Дж. Гуайер. – М. : Воениздат, 1967. – 566 с.
10. *Говард М.* Большая стратегия / М. Говард. – М. : Воениздат, 1980. – 464 с.

М. В. Стрелец, С. А. Птичкина

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Нынешний год объявлен в Республике Беларусь (РБ) Годом исторической памяти. Естественно, активизируется работа по увековечению памяти о Великой Отечественной войне. При этом важное значение придаётся максимальному использованию возможностей, которые вытекают из полноправного членства РБ в Содружестве Независимых Государств (СНГ). Автор настоящей статьи попытался разобраться, как СНГ на протяжении всей своей истории решало вопрос об увековечении памяти о Великой Отечественной войне. Этот вопрос имеет три аспекта: организационно-правовой, концептуальный, практический. Нет ни одного руководящего органа СНГ, который не имел бы отношение к перечисленным аспектам. Но есть различия в степени вовлеченности.

Начнём с высшего органа – Совета глав государств (СГГ). На заседании СГГ от 15 октября 2021 года Президент Российской Федерации (РФ) Владимир Путин заявил: «Странам СНГ необходимо действовать солидарно, защищая память о подвиге своих народов во время Великой Отечественной войны. Для всех нас приоритетной является задача сохранения памяти об общей победе в Великой Отечественной войне. Мы признательны партнерам по Содружеству за поддержку выдвинутых Россией на международных площадках инициатив по сохранению исторической правды и противодействию оправданию нацизма в любых его проявлениях. Убежден, необходимо и далее действовать солидарно, защищая память о подвиге наших народов, о том, какие жертвы все мы, все наши народы понесли и положили на алтарь победы над нацизмом» [1].

Настоящее заявление содержит концептуальную основу, которая прослеживается в обращениях глав государств – участников Содружества Независимых Государств к народам государств – участников Содружества и мировой общественности в связи с 50-й, 55-й, 60-й, 65-й, 70-й, 75-й годовщинами победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов; в связи с 60-летием, 70-летием, 80-летием начала Великой Отечественной войны.

Обращаясь к нормативно-правовому обеспечению увековечения памяти о Великой Отечественной войне, главы государств Содружества мудро распорядились с наследием советской эпохи. Связь принятых на заседаниях СГГ правовых документов с этим наследием очевидна. Брался в расчёт высокий уровень патриотического сознания граждан. Было ясное понимание необходимости сохранения преемственности поколений. Вместе с тем, приходилось считаться и с новыми реалиями: трансформационными процессами, резким возрастанием роли институтов гражданского общества. Сегодня на пространстве СНГ не найдёшь государственной или общественной структуры, действовавшей в указанном направлении вне правового поля

Есть необходимость остановиться на узловых решениях СГГ СНГ касательно правового поля.

28 ноября 2006 года СГГ СНГ принял решение об увековечении празднования Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Два ключевых пункта настоящего решения были сформулированы так:

1. Рекомендовать государствам – участникам Содружества Независимых Государств День Победы (9 мая) отмечать как государственный праздник.

2. Поддержать предложение фронтовиков государств – участников Содружества Независимых Государств о рассмотрении и принятии в парламентах государств Содружества закона «Об увековечении празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [2].

В настоящее время эти пункты выдерживают все государства-участники СНГ за исключением Украины. Там с 2016 года официально празднуют День памяти и примирения (8 мая) и День победы над нацизмом во Второй мировой войне (9 мая). Как видим, не признаётся выражение «Великая Отечественная война».

3 сентября 2011 года первые лица государств подписали Соглашение об увековечении памяти о мужестве и героизме народов государств – участников Содружества Независимых Государств в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Представляется необходимым выделить два момента.

Статья 3, абзац второй гласит: «Стороны при осуществлении мероприятий по увековечению памяти о мужестве и героизме народов государств – участников СНГ в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов учитывают национальные, религиозные и иные традиции народов государств – участников СНГ, включая надписи на могилах и воинских памятниках» [3].

К сожалению, в советское время было по-другому. Везде и всюду можно было встретить таблички со стандартным текстом: «В память о мирных гражданах». О том, что, например, эти люди – евреи ни слова. Как же выполняется этот абзац (абзац выполняться не может) сейчас? В случае установки подобных памятников в постсоветскую эпоху национальность убитых указывалась. Но вот что касается памятников, родом из советского прошлого, то в абсолютном большинстве случаев с текстом на табличках

никаких изменений не произошло. Вот только один пример: город Любань Минской области. Давно абсолютно доказано, что памятник поставлен на месте, где немцы током убивали исключительно евреев. А надпись гласит о трагедии мирных граждан.

Второй момент. Была прописана основа для эффективной организационной структуры. В Статье 14 читаем: «Координация деятельности уполномоченных органов Сторон по реализации настоящего Соглашения возлагается на Совет министров обороны государств – участников Содружества Независимых Государств. В целях развития механизмов сотрудничества в выполнении задач, изложенных в настоящем Соглашении, а также для рассмотрения вопросов, требующих совместного решения, Секретариат Совета министров обороны государств – участников Содружества Независимых Государств организует проведение регулярных координационных совещаний представителей уполномоченных органов Сторон» [3].

Рабочим органом Совета министров обороны государств-участников СНГ стал Военно-мемориальный комитет. В ноябре 2016 г. его председателем был избран референт заместителя Министра обороны Российской Федерации А. В. Кирилин.

В марте 2022 года из анализируемого Соглашения вышла Украина. Этот шаг достоин сожаления. Ну и что? такое право у страны есть.

Роль решений СГГ была главной, определяющей в ходе подготовки к празднованию и самого празднования 50-й, 55-й, 60-й, 65-й, 70-й, 75-й годовщин Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Можно праздновать не переставая, без остановок, от этого ничего не поменяется. Всё делалось в такой последовательности: 1) объявление о подготовке; 2) принятие решения об учреждении единой юбилейной награды; 3) утверждение Плана основных мероприятий; 4) контроль за выполнением Плана. До пандемии этот план выполнялся полностью. В связи с резким обострением эпидемиологической ситуации пришлось вносить существенные коррективы. 2015 год был объявлен в Содружестве Независимых Государств Годом ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. 2020 год также был учтён. Этот год был объявлен в Содружестве Годом 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

А сейчас обратимся к важным решениям, принятым на заседаниях Совета глав правительств (СГП) СНГ. Здесь выстраивается следующий хронологический ряд.

12 марта 1993 года. Решение о взаимном признании прав на льготный проезд для инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны и лиц, приравненных к ним.

15 апреля 1994 года. Соглашение о взаимном признании льгот и гарантий для участников и инвалидов Великой Отечественной войны, участников боевых действий на территории других государств, семей погибших военнослужащих.

9 декабря 1994 года. Соглашение об установлении для участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла военных лет и вдов погибших воинов дополнительных льгот и материальной помощи в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

18 октября 1996 года. Соглашение о посещении воинских захоронений и воинских памятников ветеранами Великой Отечественной войны и гражданами, приравненными к ним.

8 октября 1999 года. Совет глав правительств Содружества Независимых Государств, руководствуясь Решением Совета глав государств Содружества от 2 апреля 1999 года о подготовке к празднованию 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, решил учредить памятный знак единого образца «Ветеран войны 1941–1945 гг.» в честь 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Межпарламентская ассамблея (МПА) СНГ вполне может записать себе в актив появление блестяще разработанных модельных законов «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», «О патриотическом воспитании», «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников». Настоящие законы были активно востребованы национальными парламентами стран Содружества. Там было ясное желание (стиль) заниматься собственным законотворчеством именно на базе модельных законов МПА [4].

Анализируемое направление деятельности руководящих органов СНГ осуществлялось в тесном контакте с ветеранскими организациями государств – участников Содружества Независимых Государств, Координационным советом Международного союза «Содружество общественных организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств». Здесь было полное взаимопонимание по патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи, по противодействию фальсификации истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Руководство СНГ занимало конструктивную позицию, когда эти институты гражданского общества демонстрировали всестороннюю защиту социально-экономических прав и законных интересов ветеранов.

В течение всего периода существования СНГ в государствах-участниках осуществлялись благоустройство воинских захоронений, могил партизан, подпольщиков, узников фашистских лагерей; создание, ремонт, реставрация памятников защитникам Отечества. Вот только три примера. Весьма успешно реализован проект «Капитальный ремонт, реставрация и музеефикация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой». Созданы Ржевский мемориал Советскому солдату, Музей-заповедник «Прохоровское поле».

Широким фронтом развернулись поисковые работы по выявлению неучтенных захоронений и непогребенных останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Отлично была поставле-

на работа по организации захоронения (перезахоронения) останков солдат и офицеров Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), увековечению их памяти. Приобрела системный характер паспортизация памятных мест, воинских захоронений и мемориальных объектов, связанных с указанной войной. Стали нормой обмен делегациями специализированных поисковых подразделений и проведение совместных поисковых работ и мероприятий по уходу за воинскими захоронениями.

Принесло очевидные плоды проведение акции «Вахта Памяти» и Международной военно-исторической экспедиции «Фронт» в рамках акции «Вахта Памяти» и межгосударственного проекта «Великая Победа, добытая единством». Появилась специализированная смена воспитанников военно-патриотических объединений государств – участников СНГ «Служу Отечеству» во Всероссийском детском центре «Орленок». Никогда не прекращалось создание аллей Героев Советского Союза в государствах – участниках СНГ. В связи с 50-летием, 55-летием, 60-летием, 65-летием, 70-летием, 75-летием Великой Победы выходили прекрасные юбилейные книги.

За 5 дней до 75-летия Великой Победы начал отсчёт своей истории Международный медиапроект «Строки памяти». Инициатор проекта – Молодежная межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ (ММПА СНГ). Проект удался. Перед нами эффективный вариант сохранения памяти. Благодаря проекту часть граждан СНГ стала приобщаться к истории через строки произведений национальных поэтов. На сайте ММПА СНГ можно прочитать: «Медиапроект представляет собой серию поэтических видеопосланий от государств – участников МПА СНГ, в которых произведения национальных поэтов военных или послевоенных лет вместе с парламентариями читают ветераны, известные актеры, телеведущие, спортсмены, музыканты, представители молодежи» [5].

В связи с указанными юбилеями в государствах-участниках СНГ проводились военные парады в столицах и городах-героях. Организаторы парадов приглашали ветеранов Великой Отечественной войны. На этих парадах можно было увидеть парадные расчеты вооруженных сил государств – участников СНГ.

К юбилеям приурочивались подготовка и трансляция телевизионных программ, документальных и художественных фильмов, проведение в образовательных учреждениях государств – участников СНГ единых уроков памяти [6]. В этот же ряд следует поставить также спектакли, творческие встречи, концерты мастеров искусств, фотовыставки, выставки книг и произведений изобразительного искусства, опубликование тематических материалов в журналах «Содружество», «Пограничник Содружества», «Ветеран границы».

С большой пользой прошли международные научные форумы по линии Содружества. Их результаты укрепляли фундаментальную научную экспертизу для принятия решений руководящими органами СНГ.

Финансирование мероприятий осуществлялось как из бюджетных, так и внебюджетных средств. При этом внебюджетные средства так же вписывались в правовое поле, как и бюджетные.

Зарубежные страны Содружества с интересом следили за подготовкой и проведением референдума по Проекту изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь в контексте той проблематики, которая рассматривается в настоящей публикации. Неизменно подчёркивалось, что в Проекте впервые в конституционной практике прописана обязанность государства обеспечивать «сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны». Никогда ранее не обозначались в Основном Законе в качестве долга каждого гражданина Республики Беларусь «проявление патриотизма, сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа». Память не может быть долгом, это состояние совести, а не госконтроля и насилия. Нарушается ряд других конституционных гражданских прав и свобод. В связи с тем, что народ 27 февраля 2022 года проголосовал на референдуме за проект, наше отечество задало по указанному вопросу планку для всего постсоветского пространства. Ничего отечество не задало, кроме маразма и мракобесия. Ветераны и их родственники давно в могиле, даже поствоенное поколение отмирает. Что вы там назаконодатыли? Стыд и срам. Посчитайте лучше за чей счет живет государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин призвал СНГ солидарно защищать память о ... [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru> > Новости. – Дата доступа: 23.01.2022.
2. Решение об увековечении празднования Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Минск, 28 ноября 2006 года) [Электронный ресурс] Режим доступа: Об увековечении празднования Победы в Великой ... <http://continent-online.com> > Document. – Дата доступа: 23.02.2022.
3. Соглашение об увековечении памяти о мужестве и ... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru> > document. – Дата доступа: 03.01.2022.
4. Модельные законы МПА СНГ Память о Великой Отечественной войне и ее героях в ... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-cis.info> > news . – Дата доступа: 29.01.2022.
5. Медиапроект «Строки памяти» – Межпарламентская ... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iacis.ru> > mediaproekt_stroki_pamyati. – Дата доступа: 24.01.2022.
6. На образовательном пространстве Содружества ... [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://e-cis.info> > news. – Дата доступа : 27.01.2022.

ОРУЖИЕ СЛОВА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(по воспоминаниям Л. З. Копелева)

Знание языков в межнациональном общении всегда было залогом успешной коммуникации между разными культурами и их представителями. Новизна данной темы диктуется слабой изученностью проблемы деятельности Главного управления политической пропаганды Красной Армии (далее – ГУППКА) и 7-го Политуправления, а также узким кругом доступных источников. В статье на примере воспоминаний Льва Зиновьевича Копелева, сотрудника 7-го Политуправления Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов, рассмотрена история становления и работа ГУППКА и его отдельных Политотделений в 1941-1945 гг.

Ключевые слова: Л.З. Копелев, ГУППКА, 7-е Политуправление, пропаганда, листовки, Великая Отечественная война, СССР, Северо-Западный фронт.

«Оружие слова во второй мировой войне имело очень большое значение, пожалуй, намного большее, чем во всех прежних войнах... Более того, побежденные оружием слова противники нередко становятся друзьями, союзниками и полноправными участниками победы» – такими словами заканчиваются заметки «Слово правды через фронт» [6, с.532] Льва Зиновьевича Копелева, служившего агитатором-переводчиком в рядах 7-го Политуправления Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов в 1941–1945 гг. Будучи непосредственно участником войны, Лев Копелев как никто понимал значение слова и языка в пропагандистской дуэли с противником.

На более высоком уровне о месте и формах использования идеологического и пропагандистского воздействия на умы не только собственного населения, но и на струны души вражеских солдат по другую линию фронта говорилось задолго до вступления Копелева в ряды Красной Армии.

Еще в 1925 году нарком по военным и морским делам СССР М. В. Фрунзе указывал, что «военное столкновение Советского Союза с любым из буржуазных государств будет носить не только характер национальной войны, но и будет в какой-то мере классовым столкновением, а потому пролетарское государство непременно будет иметь союзников во вражеском лагере» [2, с.49]. Этот тезис впоследствии подтвердился не в полной мере, но подготовка пропагандистского аппарата РККА строилась именно на подобных положениях.

В таких условиях деятельность политорганов имела приоритетное и во многих случаях решающее значение. Отсюда вытекало и широкие возможности для разработки теории, и практики классовой, революционной пропаганды во вражеском лагере, в войсках противника и его тылу.

История возникновения первых структур политической пропаганды на войска противника в аппарате РККА восходит к русско-японским пограничным столкновениям и русско-финской войне [2, с.87]. Именно после этого

опыта советское командование РККА задумалось о внедрении в военные округа специальных отделов для работы на противоположной стороне фронта, как часть политорганов.

Таким образом, уже в 1939 году в составе политотдела 1-ой армейской группы, осуществлявшей деятельность в районе реки Халхин-Гол, было организовано специальное отделение для идеологической работы среди солдат противника [2, с.4]. Схожие по своей деятельности структуры были созданы и в рядах армейских групп, действовавших на полях русско-финской войны 1939-1940 гг.

Возникновение новой сферы деятельности в рамках идеологической работы на фронте привело к осознанию необходимости изменения уровня идеологической и профессиональной подготовки кадров. Оно воплотилось в реструктуризации и переименовании Политуправления Красной Армии (ППУРКА) в Главное управление политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) в июне 1940 года.

Особую важность ГУППКА уделяло именно работе на вражеской стороне фронта: пропаганда собственной идеологии, склонение солдат к сдаче в плен, распространение недостоверной информации. Понимание близости войны с Германией заставило высшее руководство СССР обратить внимание именно на этот аспект военного дела.

Данная работа предполагала в первую очередь глубокое владение языком противника на всех его уровнях. Специфика военного дела накладывала свой отпечаток и на язык, письменный и устный. Язык военно-профессиональной среды отличается от повседневной речи, с одной стороны, наполнением общеупотребительной лексики, понятной каждому, кто владеет языком на более-менее среднем уровне, с другой стороны – требует знания специфичной, характерной только для этой среды лексики. Иногда общеупотребительные лексические единицы в военном лексиконе приобретают специфичное значение. Так, например, слово «огонь» в повседневной жизни понимается большинством из нас как «пламя», «костер» и т.д. В военной же среде – «стрельба из ружей или орудий». Данный пример иллюстрирует лишь одну из многих сложностей подготовки военных переводчиков.

Учитывая эти факторы, а также ряд других, советское правительство осознало необходимость организации специальной профессиональной подготовки переводческих и педагогических кадров. С этой целью приказом Народного Комиссариата Обороны СССР и НКО РСФСР с 1 февраля 1940 года во 2-ом Московском Государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) был создан Военный факультет, по сути своей являвшийся высшим военно-учебным заведением, готовившим профессиональных преподавателей и переводчиков [7, стр.118].

В феврале 1940 г. на должность заместителя начальника факультета прибыл по приказу НКО майор Василий Дмитриевич Макаров, вступивший вскоре во временное исполнение обязанностей начальника факультета. Воен-

ным комиссаром факультета был назначен в конце февраля батальонный комиссар Александр Николаевич Кудинов. В октябре 1940 его место занял генерал-майор Николай Николаевич Биязи.

Работа факультета началась 8 февраля 1940 года. В сентябре того же года военный факультет выпустил первую группу студентов в количестве 38 человек. Осенью общее количество слушателей доходило до 248 студентов, весной следующего года – 339. Всего весной 1941 г. на факультете и его отделениях готовилось более пяти тысяч военнослужащих [7, с.119].

Еще одним высшим учебным заведением, чьи выпускники сыграли заметную роль в работе ГУППКА, был Московский Институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Данный вуз не готовил специалистов по переводу сугубо для Красной Армии, однако многие его выпускники, изучавшие в рамках программы высшего образования иностранную историю и литературу, прекрасно владели языком, что в последствие привело их к службе в структуре ГУППКА.

Таким образом, на момент начало войны ГУППКА уже успело перестроиться на новый вектор работы, включавший идеологическую обработку как своих солдат, так и вражеских, о чем свидетельствует активная работа по подготовке переводческих и педагогических кадров.

Уже 18 июня 1941 года, за 4 дня до непосредственного начала войны, отдельные немецкие солдаты, которым их командование объявило дату начала операции «Барбаросса» пересекали р. Буг в районе Бреста и сдавались в плен советским войскам, с целью предупредить их о готовившемся наступлении [5, с.175]. Конечно же, для работы с ними были необходимы качественные переводчики.

Одним из самых ярких выпускников МИФЛИ, служившим в 7-ом Политуправлении, являлся Лев Зиновьевич Копелев. Он родился в Киеве в еврейской семье, с самых первых дней жизни был окружен иностранным языком, в частности, разговорным вариантом «идиш», популярным среди евреев немецкого происхождения и имеющим в основе своей диалектный вариант немецкого. В 1935 году поступил в МГПИИЯ на факультет немецкого языка и литературы, в 1939 – в МИФЛИ, где одновременно был аспирантом и преподавателем. После окончания института в 1941 году добровольно записался на военную службу и благодаря своему знанию немецкого языка попал в ряды 7-ого Политуправления Северо-Западного фронта.

Во время непосредственных боевых действий задачей 7-ого Политуправления являлась идеологическая обработка вражеских солдат, их убеждение сдаваться в плен. По воспоминаниям Копелева, большая часть их работы состояла в разработке агитационных и пропагандистских листовок, которые впоследствии распространялись среди немецких солдат – либо при помощи авиации, либо же оставлялись на пути отступления советских войск [6, с.527]. Такие листовки в основном носили сатирический характер, высмеивавший командование Третьего рейха или отдельные подразделения вермахта.

Одна из таких листовок, представляла собой изображение рядового бойца вермахта, истощенного боями, а рядом солдата ваффен СС, чистого и полного сил, пристающего к жене обычного солдата.

Другая листовка, написанная после информации о возвращении итальянских солдат домой, во время очередной волны мобилизации населения в самой Германии, иллюстрировала бесчеловечное отношение немецкого командования к солдатам, которыми они закрывали дыры на фронтах:

*«Du gehst hier draußen vor die Hunde,
Zu Hause gehn Frau und Kind zugrunde.
Die Waffenbrüder ziehn nach Haus,
Die Lücken stoppt die Deutsche aus. »*

*Пока с собаками идешь ты в бой,
А где-то мать с дитём без сил идут домой.
В край отправились союзники родной,
А наши бомбы разрывают немцев по одной.* (Перевод – А.Ч.)

В начале войны советская печатная и радиопропаганда велась централизованно из Москвы и не имела особого успеха. Как пишет Лев Копелев, «в первые два-три месяца войны содержание и направление всей этой пропаганды определялось в едином центре, в ГлавПУРККА, ... В начале войны ГлавПУРККА поставлял на фронт миллионы листовок, среди которых, наряду с удачными, даже талантливыми, – например, листовки со стихами Вайнерта, – были едва ли не в подавляющем большинстве просто переводы нашего Информбюро и даже фельетонов Эренбурга. Немецким солдатам это менее всего могло внушить доверие к нашей пропаганде» [6, с. 535]. Лишь в сентябре 1941 политуправления на фронтах получили возможность выпускать свои собственные листовки, через год, в 1942 году, подобную возможность получила вся армия. С ходом времени, «в связи с ростом числа пленных и перебежчиков качество этих «централизованно производимых» пропагандистских материалов значительно улучшилось».

По сведениям начальника политуправления фронта генерал-майора Андрея Огорокова, с осени 1942 г. и до конца 1943 г. политуправление фронта издало 214 листовок, а также 83 номера газеты «Soldatenfreund» («Друг солдата») [3, с.48].

Особую важность приобретала радиопропаганда среди войск противника, проводимая специалистами 7-го Политуправления непосредственно на фронтах [там же, с.48]. При помощи немногочисленных на момент начала войны (около 20 штук) мощных радиоустановках (МГУ) и окопных громкоговорящих установках (ОГУ) агитаторы-переводчики «несли слово правды через фронт».

Отдельный интерес представляет собой работа специалистов 7-управления по вербовке пленных. Владеющие глубоким знанием немецкого языка, культуры и истории Германии, офицеры 7-ого Политуправления, в ходе

общения с пленными, получали информацию об отдельных группах войск врага на тех или иных участках фронта: возраст солдат, их происхождение – как социальное, так и географическое, информацию об их семьях и т.д. Такие данные способствовали более точной агитационной работе на этих участках.

Так, например, по воспоминаниям Льва Копелева, «мы лучше узнавали действительные настроения немецких солдат и населения в тылу, действительные особенности мировосприятия, психологии, обычаев и нравов тех, к кому обращались. Мы научились писать и говорить, видя и понимая то, что действительно есть в их умах и душах, а не исходя из заданных догматических схем, из произвольных представлений о том, какими они якобы «должны быть» ... Мы научились разнообразить нашу пропаганду, целенаправленно конкретизировать ее, направляя к читателям и слушателям разных общественных групп, разных уровней образования, разных взглядов на жизнь, к людям, происходившим из разных областей Германии» [6, с.534].

Наиболее ярко примеры работы ГУППКА на Северо-Западном и 2-ом Белорусском фронтах в 1941–1945 гг. представлены в заметках Льва Зиновьевича Копелева «Слово правды через фронт» и его автобиографии «Хранить вечно». Являясь непосредственным участником и свидетелем всех описанных событий, он оставил ценный материал о методах работы политической пропаганды. Это один из немногих источников работы ГУППКА, доступных для изучения.

Так, например, в его заметках отмечается работа гвардии капитана Вульфсона, инструктора политотдела гвардейской латышской дивизии [3, с. 50]. Освоив трофейную немецкую рацию, прекрасно зная язык и специфику военного общения артиллеристов, он слушал их переговоры, сообщения, координаты ударов, сопоставлял их с картой местности. В итоге ему удалось составить точную копированную карту немцев. Далее он стал «вмешиваться» в радиоэфир. Знания немецкого военного языка позволило ему передавать немецким артиллеристам ложные координаты ударов, оставаясь при этом нераскрытым, в результате чего немцы «подолгу обстреливали пустой лес и даже собственную пехоту...» [6, с.542].

Другой пример иллюстрирует освобождение крепости Грауденс в восточной Польше. Захваченная и удерживаемая 250-ой дивизией генерала Фрике, комендантом крепости Финдайзеном крепость была окружена советскими солдатами. Попытки штурма крепости ни к чему не привели, повторные попытки не предпринимались ввиду крайне невыгодного для штурма положения крепости. Было решено провести переговоры. Их вели Лев Копелев, майор Брехлер из комитета «Свободная Германия» и подполковник, командующий группой осаждающих войск. Во время переговоров Копелев, переводя условия сдачи крепости подполковника, добавлял некоторые фразы от себя. Он советовал коменданту гарнизона, как убедить генерала сдать крепость, как вести себя и т.д., чтобы избежать дальнейших бессмысленных кровопролитий. В результате

переговоров, правильно подобранные слова Копелева и его глубокое владение психологией немцев привели к сдаче гарнизона форта в количестве 7 офицеров и 126 рядовых солдат и унтер-офицеров [6, с.545].

Проанализировав работу агитаторов-переводчиков 7-го Политуправления Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов на материалах воспоминаний Льва Копелева, можно сказать, что специалисты-переводчики, пропагандисты Политуправлений ГУППКА на данных направлениях внесли огромный вклад в успех советской армии. Глубокое знание языка, культуры, психологии противника, учет обстановки в целом на фронтах войны позволили им понять, какие струны человеческой души можно задеть, обращаясь к солдатам по «другую» сторону фронта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борозняк, А. И.* Время истории и время историка / Германия и Россия в судьбе историка : сборник статей, посвящённый 90-летию Я. С. Драбкина. – Москва: Собрание, 2008. – С. 14–36.
2. *Бурцев, М. И.* Прозрение. — М.: Воениздат, 1981. – 320 с.
3. *Вашкау, Н. Э.* Начало прозрения (о путях воздействия советской спецпропаганды на солдат и офицеров вермахта: год 1943–й, Северо-Западный фронт) / Великая Победа: в 15 томах / под общей редакцией С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – Том XII. – Освобождение. – Москва: Изд-во «МГИМО-Университет», 2015. – С.47–54.
4. *Верников, С. М.* Записки военного переводчика / 3-е изд., доп. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1977. – 136 с.; Ржевская Е. М. Берлин, май 1945. – Москва: Московский рабочий, 1986 – 320 с.
5. *Горбатов, М. Ю.* Накануне Великой Отечественной («Одиум» без мобилизации) часть 2 / М. Ю. Горбатов // Вестник Академии военных наук. – 2016. – № 2(55). – С. 173–182. – EDN ZMVUAB.
6. *Копелев, Л.* Слово правды через фронт. Заметки и воспоминания литератора-пропагандиста // Литературное наследство. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. – Т. 78. – Кн. 1. – Москва: Правда, 1966.
7. *Торсуков, Е. Г.* Альма-матер военных переводчиков / Е. Г. Торсуков // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2010. – № 2. – С. 112–126. – EDN MKVBRX.

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ВЯКІ ГІСТОРЫІ, РАЗВІЦЦЯ І СУПРАЦОЎНІЦТВА

А. М. Кушнярэвіч

РОЛЯ ГЕРМАНСКИХ УПЛЫВАЎ І ТВОРЦАЎ У РАЗВІЦЦІ АРХІТЭКТУРЫ І ГОРАДАБУДАЎНІЦТВА ГАРОДНІ XII–XVIII стст.

Праблемы вывучэння міжкультурных кантактаў набываюць прынцыповае значэнне і актуальнасць у працэсе навуковай рэканструкцыі гісторыі айчыннай архітэктурны. На ўсіх этапах яна развівалася ў сувязі як з дойлідствам усходне- так і цэнтральнаеўрапейскіх земляў, у прыватнасці германскіх. Аднак роля іх культурных уплываў у развіцці беларускага мастацтва яшчэ недастаткова даследавана, нягледзячы на тое, што айчынныя і замежныя навуковыя распрацоўкі ўтрымліваюць пэўныя звесткі па дадзенай тэме. Таму мэтай артыкула з’яўляецца паказ ролі германскіх культурных уплываў і творцаў як іх носбітаў у развіцці архітэктурны і горадабудаўніцтва Гародні XII–XVIII стст. на аснове выяўленых, сістэматызаваных, праналізаваных і абагуленых крыніц.

Вывучэнне сярэднявечнага дойлідства Беларусі ажыццяўляецца на аснове трох асноўных крыніц: археалагічных, картаграфічных і пісьмовых. Іх супастаўленне дае магчымасць у агульных рысах аднавіць характар асноўных збудаванняў краіны, шляхі развіцця іх архітэктурны і планіроўкі.

Замкі і гарадскія абарончыя ўмацаванні былі першымі помнікамі манументальнай архітэктурны, іх будаўніцтва ў сярэдневякоў’і нават перавышала культуравае. Узводзіліся абарончыя комплексы мігрыруючымі па ўсёй Еўропе цэхамі “муляраў”, “дойлідаў”, “градарубаў”, “капачоў”, “мурмейсцераў”, “валмейсцераў” і іншымі носбітамі і распаўсюджвальнікамі фартыфікацыйнага мастацтва [1, с. 297].

Як вядома, вайна стала звыклай формай жыцця сярэднявечнага грамадства. У гэтых гістарычных умовах на першы план выступаюць замкі, гарадскія ўмацаванні як асноўны інструмент дасягнення геапалітычных і сацыяльна-эканамічных мэт буйных феодалаў.

Узнікненне ўмацаваных гарадскіх паселішчаў на Беларусі X–XIV стст. мела усходнеславянскую аснову. Вядомае па летапісах з 1116 г. Гародня з яе дзядзінцам адыгрывала важную ролю ў гісторыі заходнерускіх земляў, з’яўлялася ў XII–XIII стст. сталіцай удзельнага княства [1, с. 305]. Абарончая сістэма яе дзядзінца была дапоўнена ў канцы XIII ст. з паўночнага і ўсходняга бакоў цаглянай мураванай сцяной таўшчынёй 1,2–1,3 м, вышынёй каля 5 м, якая была разбурана ў выніку ваенных дзеянняў у канцы XIII – пачатку XIV ст. [2, с. 19–21]. Яна ў’яўляе сабой новую з’яву ў развіцці фартыфікацыі ўсходнеславянскіх земляў. На думку аўтара, такі тып абарончай пабудовы быў запазычаны з фартыфікацыі германскіх земляў XI–XIII стст., у якой на той час атрымалі распаўсюджванне не толькі замкі, умацаваныя мурамі

з адной старажавой вежай, але і ўвогуле бязвежавыя замкі, у якіх уся абарона была ўскладзена на магутныя мury, якія ў завяршэнні мелі баявую галерэю. У германскіх землях гэта былі замкі з мураванай так называемай чахольнай (Mantelmauer) ці шчытавой (Schilclmauer) сцяной, якую звычайна ўзводзілі ў замках мысавага тыпу з найменш абароненага напольнага боку [3, с. 154]. Да згаданага тыпаграфічнага тыпу адносіцца і гарадзенскі замак, які быў узведзены па агульнаму для еўрапейскага абарончага дойдства прынцыпу-поўнае папарадкаванне сістэмы абароны ўласціва сцяму прыроднага рэльефу.

Наступным сведчаннем германскіх уплываў у архітэктуры Гародні з'яўляецца будаўніцтва ў трэцяй чвэрці XIII ст. мураванай абарончай вежы тыпу германскіх бергфрыдаў, што вядомы ва ўсходнеславянскіх летапісах як вежы-“стаўпы”. Тэрмін “бергфрыд” (Brechfrit, Berchfrit) у розных варыянтах напісання ўжываўся ў нямецкай мове для пазначэння галоўнай вежы сярэднявечнага замка. Як правіла, вежа – бергфрыд была самай высокай і трывалай пабудовай еўрапейскіх сярэднявечных замкавых альбо гарадскіх умацаванняў. Такая вежа была прыстасавана да самастойнай абароны, незалежна ад астатніх умацаванняў. Выкарыстоўвалася не толькі ў абарончых мэтах, але і часта ў якасці вартаўнічай вежы ці назіральнай вышкі. Прызначалася не толькі для абароны замка, але і была сховішчам для яго жыхароў у час небяспекі [4, с. 172–191].

У Гародні вежа- бергфрыд была ўзведзена ў хуткім часе пасля ўключэння горада ў 1253г. у склад Галіцка-Валынскага княства. Верагодна, пры Данііле на дзядзінцы сярод драўляных умацаванняў была пастаўлена з муру вежа, падобная на Камянецкі “стоўп”. Яе выгляд і архітэктурна-мастацкія асаблівасці добра бачныя на гравюры Г. Адэльгаўзера і М. Цюндта 1568 г. “*Vera designatio urbis in Littavia Grodnae*” – «*Сапраўднае апісанне горада Гродна ў Літве*»). Вежа мела цыліндрычную звужаную ўверсе форму. 4 ярусы бою і верхнюю баявую пляцоўку, акаймаваную крэмальерным парапетам. У ніжняй частцы яе сцяна была ўмацавана контрфорсамі, вышэй прарэзана вузкімі вокнамі-байніцамі, завяршалася зубчатым гатычным атыкам і шатром са шпілем, на якім быў умацаваны сцяг-вымпел. Гэта вежа з'яўлялася галоўнай высотнай дамінантай гарадзенскага абарончага комплексу.

На думку аўтара, другая вежа-бергфрыд, якая на згаданай гравюры паказана злева ад вежы цыліндрычнай формы XIII ст. у сістэме абарончых умацаванняў Гародні, была ўзведзена пасля разбурэння крыжакамі абарончай сцяны XIII ст. ў першай чвэрці XIV ст. разам з Верхняй царквой хутчэй за ўсё па загаду гарадзенскага каштэляна Давыда [5, С. 8–9].

Наступны перыяд германскіх уплываў у архітэктуры Гародні звязаны з Вітаўтам, які ў 1390 г. у час міжусобіцы за вялікакняскі прастол заключыў дамову з крыжакамі для сумеснай барацьбы супраць Ягайлы і даручыў абарону горада маркграфу Зальцбаху. Вядома, што Вітаўт часта выкарыстоўваў паслугі Ордэна не толькі ў змаганні за ўладу, але ў будаўніцтве замкаў. Адным з сведчанняў гэтаму з'яўляецца гісторыя ўзвядзення ім астраўнога замка ў Троках і яго швагерам Янушам Мазавецкім замкаў у Ліве і Цеханаве.

Вядома таксама, што ў 1398–1407 гг. па яго загаду было працягнута, але не завершана ўзвядзенне мураваных умацаванняў Аршанскага замка. Для кіраўніцтва працамі быў запрошаны “мастер каменных дел” з Круляўца. Вядома, што адноўлены па загаду Вітаўта, драўляны замак Гародні ў 1398г. згарэў у час вялікага пажару. Пасля гэтага былі распачаты буйнамаштабныя працы па ўзвядзенні, на думку аўтара, ордэнскімі дойлідамі з Прусіі мураваных умацаванняў гарадзенскіх замкаў, якія ў асноўным былі закончаны да паходаў крыжакоў на Гародню ў 1402–1403 гг., бо яны не адважыліся іх штурмаваць, абмежаваўшыся толькі рабаваннем ваколіц [6, с. 112].

Гэта сведчыць аб тым, што ў Старым замку была створана развітая сістэма абарончых збудаванняў з істотным павышэннем ролі пабудовы грамадзянскага характару, што І.М. Чарняўскаму дазволіла яго вызначыць як помнік тыпу “канвецкі дом” (канвентхаўз) [7, с. 66]. Разглядаемы тып ўмацаванняў у’яўляе сабой далейшую эвалюцыю замка-кастэля.

Канвентхаўзамі з’яўляліся ў першую чаргу замкі Ордэна, перадумовалі ўзнікнення якіх была спецыфіка структуру і арганізацыі яго ўнутранага жыцця. Гэты тып замка мае звычайна рэгулярную форму плана і комплекс жылых, сакральных і гаспадарчых пабудов на ўнутрызамкавым праствакутніку сценаў. Канвенцкія дамы мелі, як правіла, абшырнае прадзамкавае ўмацаванне (форбург). Канвентхаўз быў выпрацаваны ў тэўтонскім ордэнскім дойлідстве, таму ў нямецкамоўнай традыцыі яго называюць “замак Тэўтонскага ордэну”. Дадзены тып абарончых умацаванняў паходзіць ад рэгулярных замкаў-кастэляў намецкага тыпу, ці штаўфэнаўскіх кастэляў. Даволі дасканалыя ў плане формы канвентхаўзаў у многім былі абумоўлены своесаблівымі патрэбамі рыцарскага ордэна, адначасова манашкай і мілітарнай арганізацыі. У іх аб’ёмную кампазіцыю ўваходзілі капліцы, капітэль (галоўная зала), рэфекторый (сталоўка), дарміторый (спальня) бергфрыд (галоўная абарончая вежа), наражныя вежы і баявая галерэя па знешнім перыметры сцен, якая была таксама на паддашку пабудовы рэзідэнцыяльнай часткі. Большасць канвентхаўзаў мелі таксама цвінгер, невысокую сцяну на пэўнай адлегласці ад галоўнай часткі замка, форбург (прадзамчышча) [8]. У сістэме абарончых умацаванняў Гародні ролю апошняга выконваў Ніжні замак.

Наступныя германскія ўплывы ў дойлідстве Гародні звязаны з перабудовай у 80-я гг. XVIст. па праекту Юзафа (Ёзэф?) Ройтэна (Райсцін), архітэктара Стэфана Баторыя, Старога замка ў стылі нямецкага маньерызму. Спачатку у якасці магчымага архітэктара каралеўскай рэзідэнцыі ў гістарычнай літаратуры доўгі час разглядаліся італьянцы Скот з Пармы, Антоні дэ Кгрып і Санці Гучы. На дадзены момант адзіным кандыдатам, які прэтэндуе на ролю архітэктара каралеўскага замка ў Гродне і чый удзел у будаўніцтве і праектаванні гэтага аб’екта задакументаваны з’яўляецца Юзаф Ройтэн. У 1589 г. у лаўнічых кнігах г. Львова ён узгадваецца як “Яго Каралеўскай Вялікасці будаўнічы і архітэктар замка гродзенскага” (“*Sacrae Regiae Maiestatis Murator et Architectus in Arce Grodnensis*”). Вядома, што Ройтэн

пэўна час жыў у Гародні і нават валодаў зьменным надзелам у Сухім сяле (зараз гэта тэрыторыя былой Гарадніцы). Таксама ён прымаў удзел у будаўніцтве мураванага гарадзенскага прыхадскога касцёла, фары Вітаўта, які Стэфан Баторы першапачаткова планаваў перадаць езуітам. У актах літоўскай метрыкі за 1592 г. ён так і згадваецца: “будаўнічы касцёла гродзенскага”. Падобна на тое, што Ройтэн быў выхадцам з Аўстрыі, паколькі ў ваколіцах г.Лінц існуе мясцовасць Roiten. У 80-я гг. XVIст. Верхні замак зноў стаў асноўнай каралеўскай рэзідэнцыяй, дзе Юзафам Ройтэнам на падмурках гатычнага дома Вітаўта быў узведзены новы шыкоўны двухпавярховы рэнесансны палац памерам 60x21м, які ў перабудаваным стане захаваўся да цяперашняга часу.

Блізкімі аналагамі палаца каралеўскага замка С. Баторыя ў Гародні з’яўляюцца палац (Neues Lusthaus) у Штутгарце для герцага Людвіга, які будаваўся амаль у адзін час з гарадзенскім замкам, з 1584 па 1593 гг., і з’яўляўся таксама выдатным помнікам нямецкага маньерызму. Вельмі падобнай па стылістыцы з’яўляецца былая рэзідэнцыя саксонскіх курфюрстаў і каралёў ў Дрэздэне, якая была грунтоўна перабудавана ў 1548–1556 гг. у стылі маньерызму і шэраг іншых помнікаў[9].

У 1706 і 1708 гг. Стары замак Гародні быў моцна разбураны шведамі. У выніку таго, што яго аднаўленне вымагала значных сродкаў у 1710–1720-я гг. для каралеўскай рэзідэнцыі і пасяджэнняў сената і пасольскай ізбы прыстасавалі палацавыя будынкі Сапегаў на рынку, у якіх прайшлі соймы 1718, 1726, 1729 і 1730гг.[10, с.13]. З гэтай нагоды на Гандлёвай плошчы Гародні перабудавалі па праекту нямецкага архітэктара Іаахіма Хрысціяна Яўха мураваную сядзібу сярэдзіны XVII ст. пад каралеўскую рэзідэнцыю [11, с. 126]. Аднак гэтае памяшканне не задаволіла каралеўскі двор і шляхту. У выніку на сойме ў 1726 г. было прынята рашэнне аб будаўніцтве ў Гародні новага каралеўскага палаца насупраць Старога замка на суседнім узвышшы (былы Ніжні замак), дзе ад пабудовы каралеўскага двара XV–XVII стст. амаль нічога не засталася.

У пачатку 1737г. пачалося будаўніцтва каралеўскага палаца. Першыя эскізныя праекты новага каралеўскага палаца паўсталі ў 1733–1736 гг., напэўна, з удзелам Матэуса Даніэля Пёпельмана, стваральніка аднаго з найпрыгажэйшых палацавых комплексаў у Еўропе – дрэздэнскага Цвінгера і іншых барочных пабудов. Аднак сваім архітэктурным вырашэннем Аўгусту III найбольш спадабаўся маштабны праект сына Пёпельмана Карла Фрыдрыха. 30 кастрычніка 1738 г. праект пабудовы Новага замка Пёпельмана малодшага быў зацверджаны, і падпісаны кантракт на яго рэалізацыю ў наступныя чатыры гады. Асноўныя працы па яго ўзвядзенні былі закончаныя ў 1742 г. [12, с. 8–9].

У Гародні жыў і працаваў у сярэдзіне XVIIIст. яшчэ адзін каралеўскі архітэктар і будаўнік, немец па паходжанні Іаган Георг Мёзер, які таксама пакінуў значны след у беларускай культуры. У 1767 г. ён склаў каштарыс на рамонт моста, муроў і стайняў у Старым замку. У ім Мёзер дакладна

выклаў, якія матэрыялы, у якой колькасці і па якім кошце былі патрэбныя для ажыццяўлення рамонту. У 1765–1774 гг. Мёзер знаходзіўся на службе ў гарадзенскага старасты, падскарбія надворнага ВКЛ і адміністратара каралеўскіх эканомій Антонія Тызенгаўза. Паводле яго праектаў былі ўзведзеныя Гарадзенскі палац Тызенгаўза (1760–1770-я гг.), будынак тэатра Тызенгаўза (1780-я гг., абодва з архітэктарам Дж. Сака), корчмы (1770-я гг.).

Пасля далучэння Вялікага Княства Літоўскага да Расіі палац Тызенгаўза належаў рускаму генералу М. В. Рэпніну, а з пачатку XIX ст. стаў рэзідэнцыяй губернатара. З’яўляўся кампазіцыйным цэнтрам Гарадніцы, якая была створана па загадзе А. Тызенгаўза паводле адзінага праекта 1765–1785 гг. І. Мёзера і Дж. Сака як новы культурна-прамысловы цэнтр горада на месцы былой вёскі Гарадніца. Аздабленне фасадаў палаца мела элементы ракако (руставаныя падвойныя лапаткі, гірлянды, картушы і інш.). Парадныя залы аздаблялі плафоны з размалёўкай і мармуровыя розныя камяны. У ансамбль уваходзіў будынак тэатра, які быў задуманы І. Мёзерам як працяг палаца – ён злучаўся з яго левым крылом крытым пераходам. Паказальнай і ў нечым адметнай стала забудова ўскраіны Гродна па праектах І. Мёзера (1765–1774 гг.) і Дж. Сака (1774–1785 гг.) – вёскі Гарадніца, якая была ажыццёўлена па распараджэнні Антонія Тызенгаўза. Тут у 1765–1785 гг. узвялі шэраг будынкаў вытворчага, культурна-рэпрэзентацыйнага і адукацыйнага прызначэння: памяшканні для 15 мануфактур (суконнай, шаўкаткацкай, залататкацкай, карэтна-экіпажнай і інш.), палацы Тызенгаўза і адміністратара, музычную і тэатральную школы, медыцынскую акадэмію, шпіталь, манеж са стайнямі, карчму, 20 тыпавых жылых дамоў рамеснікаў, школу, батанічны сад, складскія пабудовы. Увесь комплекс быў задуманы І. Мёзерам з некалькіх зон, вылучаных у адпаведнасці з характарам дзейнасці занятых тут людзей. Акрамя праектна-архітэктурнай дзейнасці І. Мёзер таксама выкладаў у школе будаўнікоў на Гарадніцы [13, с. 49–50; 14, с. 27, 15].

Пэўную разнастайнасць у архітэктурны воблік Гародні ўнёс яшчэ адзін нямецкі дойд – Карл Шыльдгаўз, які ў 1770–1780 гг. быў прыдворным архітэктарам гетмана М. Агінскага, а ў пачатку XIX ст. службы ў віленскім губернскім архітэктарам. У 1780 – пачатку 1790-х г. Шыльдгаўз пабудаваў у Гародні драўляны двухпавярховы палац на высокім мураваным цокалі ў барочна-класіцыстычным стылі для пражывання М. Агінскага ў час яго прыездаў на сойм. У 1800 г. па праекце Шыльдгаўза ў горадзе быў узведзены будынак скарбовай каморы [16, 17].

Значны след у культуры Гародні XVII ст. пакінулі купцы з Караляўца браты Ганус і Марцін Фандэберкі. Так, па ініцыятыве Гануса, як бурмістра Гарадзенскага магістрата, быў праведзены вадаправод на Рынак. За добраўпарадкаванне горада Ганус атрымаў прывілей Жыгімонта Вазы ад 20 сакавіка 1629 г. на права пажыццёва браць гандлёвае мыта. Ганус быў заможным купцом, займаўся гандлем з Караляўцом, мей сваю веціну. Марцін

Фандэберк таксама зрабіў добрую кар’еру ў Гарадзенскім магістраце. Ён быў на пасадзе лаўніка, лентвойта, бурмістра, радцы. Меў сваю краму на Рынку, а таксама займаўся аптэкарскай дзейнасцю [18].

Як бачна, на працягу доўгага часу германскія культурныя ўплывы адыгрывалі значную ролю ў развіцці архітэктуры і горадабудаўніцтва Гародні на працягу шматлікіх стагоддзяў. У XVI і XVIII ст. выхадцамі з германскіх земляў вялася ў Гародні самая буйнамаштабная горадабудаўнічая і практна-архітэктурная дзейнасць. У выніку была створана, часам у супрацоўніцтве з італьянскімі калегамі, высокамастацкая архітэктура рознага функцыянальнага прызначэння ў агульнаеўрапейскім мастацка-стылявым накірунку, якая па сённяшні дзень у многім працягвае вызначаць мастацкае аблічча і турыстычную прывабнасць Гародні.

ЛІТАРАТУРА

1. *Кулагін, А. М.* Абарончая архітэктура Беларусі X–XIV стст. у кантэксце славянскай і агульнаеўрапейскай абарончай культуры / А. М. Кулагін // *Архітэктура Беларусі: нарысы ва ўсходнеславян. і еўрап. кантэксце.* У 4 т. Т.1. IX–XIV стст. / А.І.Лакотка [і інш.]. – Мінск : Белнавука, 2005. – С. 296–374.
2. *Трусаў, А. А.* Стары замак у Гродне.: Гіст.-археал. нарыс / А. А. Трусаў, В. Е. Собаль, Н. І. Здановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 120 с.
3. *Килимник, Е.Д.* Структура феодальных замков Центральной Европы XI–XIII вв. / Е. Д. Килимник // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2009. – Электронны рэсурс. – Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/>. Дата доступу: 26.02. 2022.
4. *Piper, O.* *Burgenkunge* / O. Piper. – Ausburg, 1995. – 320 p.
5. *Кушнярэвіч, А. М.* Архітэктура гарадзенскіх замкаў па гравюры Адэльгаўзера / Цюндта / А. М. Кушнярэвіч // *Беларускі гістарычны часопіс.* – 2021. – №7. – С. 3–16.
6. *Чарняўскі, І. М.* Развіццё палацава-замкавых комплексаў Беларусі ў канцы XV—XVII ст. / І.М. Чарняўскі // *Сярэднявекавыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і даследаванні.* – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 63-68.
2. *Кушнярэвіч, А. М.* Мураваная дабастыённая архітэктура Вялікага Княства Літоўскага/ А. М. Кушнярэвіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Белнавука, 2014. – 244с.
3. *Pospieszny, R.* The Prussion. – Livonian “Convent-hous Type” as an Idea for cloister and Reign / R.Pospieszny // *Castella Maris Baltici.* – Vilnius, 2004. – Т.6 – P. 153–158.
4. Не Санці Гучы. Хто насамрэч спраектаваў Стары замак у Гродне? – [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу : <https://supron-licvin.livejournal.com/130723.htm> . – Дата доступу : 26.02.22.
5. *Карлюк, К.* Каралеўская Гародня. Стары і Новы замак у часы Сасаў // *Наша гісторыя.* – 2020. – № 5. – С. 9–15.

6. *Вашкевіч, А.* Біяграфія гарадзенскіх вуліц. Ад Фартоў да Каложы / А. Вашкевіч, А. Госцеў, В. Саяпін і інш. – Гродна – Вроцлаў : Гарадзенская бібліятэка, 2012. – 369с.
7. *Кітурка, Ю. В.* Гродзенскія замкі / Ю. В. Кітурка, В. М. Царук. – 4-е выд. – Слонім : Слоніўская друкарня, 2011. – 43с.
8. *Кітурка, Ю. В.* Крыніцы па гісторыі Гродзенскага каралеўскага палаца XVIII ст. / Ю. В. Кітурка // Краязнаўчыя запіскі: Матэрыялы міжнар. навук. канф. “Каралеўскія і вялікакняжацкія замкі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай”, 22–23 верасня 2011 г. – Гродна, 2012. – Вып. 8. – С. 47–52.
9. *Кітурка, І. Ф.* Гарадзенскі Стары замак у пачатку панавання Станіслава Аўгуста Панятоўскага / І. Ф. Кітурка // Краязнаўчыя запіскі: Матэрыялы міжнар. навук. канф. “Каралеўскія і вялікакняжацкія замкі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай”, 22–23 верасня 2011 г. – Гродна, 2012. – Вып. 8. – С. 25–32.
10. Мёзер (Möser) Іаган Георг // *Архітэктура Беларусі: Энцыкл. давед.* Мінск: БелЭн, 1993. – С. 596 – 597.
11. Шыльдгаўз (Schildhaus) Караль // *Архітэктура Беларусі : Энцыкл. давед.* Мінск : БелЭн, 1993. – С. 611.
12. *Кулагін, А. М.* Гродзенскі дом Агінскага / А. М. Кулагін // *Архітэктура Беларусі : Энцыкл. давед.* – Мінск : БелЭн, С. 171–172.
13. *Сліж, Н. У.* Купцы Фандэберкі ў Гародні ў XVIIст. / Н. У. Сліж // *Архіварус: Зб. Навук. павед–ў і артыкулаў. Сер. : Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства.* – 2016. – Вып. 14. – С. 347–352.

І. Р. Вуглік

ГЕРМАНСКІЯ ЭЛЕМЕНТЫ Ў КУЛЬТУРЫ СТАРАЖЫТНАЙ БЕЛАРУСІ: АНАЛАГІ, УПЛЫВЫ

Беларускія землі здаўна зазнавалі культурнае ўздзеянне разнастайных этнасаў, былі месцам перакрывавання розных культурных традыцый. Сярод іх адпаведнае месца належыць культуры германскіх народаў, кантакты з якімі ўзыходзяць да пачатку інашай эры. Нямецкая, культура, яе прадстаўнікі, якія пражывалі і працавалі ў Беларусі, зрабілі істотны ўнёсак ў развіццё разнастайных тэхналогій, архітэктуры, мастацтва нашых зямель; гэта праблематыка актыўна даследуецца вучонымі. У дадзенай працы будуць разгледжаны старажытныя стасункі і уплывы розных германскіх культур (матэрыковай і з выспаў) на традыцыйную (народную, этнічную) культуру, амамастыку Беларусі, што падаецца актуальным для разумення гістарычнага лёсу нашых зямкль.

Традыцыйная культура – дадзеныя этнаграфіі, фальклора, міфалогіі, – з’яўляецца найбольш устойлівай, кансерватыўнай сферай культуры, якая ўтрымлівае звесткі аб старажытных, дапісьменных часах гісторыі, народаў. Менавіта з гэтых гістарычных глыбінь, пачаткаў сучаснай этнакультурнай, расавай гісторыі вынікаюць рысы падабенства германскіх і славянскіх,

германскай і беларускай культур. Вытокі падабенства германскай і беларускай традыцыйнаых культур маюць этнагенетычныя высновы: народы належаць, як і кельты, балты, славяне, да індаеўрапейцаў, еўрапеідаў і некалі ў бронзавым стагоддзі ўтваралі адзіную супольнасць з агульнай індаеўрапейскай мовай, культурай.

Гэта тычыцца і такіх істотных сфер культуры, як рэлігія, міфалогія. Адзін з галоўных багоў беларускага пантэона – валадар грома, маланкі, забойца нячысцікаў – Пярун, – тыпалагічна блізкі германскаму Тору, як і старажытнагрэчаскаму Зеўсу, рымскаму Юпіцеру, літоўскаму Пяркунасу: яны генетычна ўзыходзяць да індыйскіх (індаеўрапейскіх, арыійскіх) Індры, Рудры. Разам з тым, у беларусаў, як у грэкаў, рымлян, гэты бог меў самы высокі статус, у той час, як у германцаў Тор саступаў вярхоўнаму богу, бацьке Одзіну (Вотану). У аналагічнай сітуацыі сваяцтва беларускі Пярун выглядаў значна больш уплывовым, чым яго бацька, вярхоўны бог Бялун. Гэта можа тлумачыцца генезісам германскіх багоў, дзе прыродыя праявы суступалі па сакральнаму значэнню вайсковым, палітычным поспехам.

Арыгінальны беларускі міф аб стварэнні свету пасля ўдару ў камень і ваду перуна, мае блізкія аналагі ў скандынаўскай (таксама ягіпецкай) міфалогіі, дзе ў пачатку касмагоніі ў лёд ударыла маланка. Старажытны культ беларускай паганскай рэлігіі тыпалагічна нагадваў германскі – у ім было адносна мала жрацоў, а іх абавязкі выконвалі сацыяльныя, палітычныя кіраўнікі, якім надаваліся надзвычайныя якасці [1, с.136]. Яскравым прыкладам такога палітычнага дзеяча быў полацкі князь Усяслаў Брачыславіч (Чарадзея), які меў здольнасць валхва, нібыта мог ператварацца ў звярэй і птушак, асабліва ў ваўка, прадбачыць задумкі ворагаў.

Сярод даследчыкаў германскай даўніны ўстойліва трымаецца думка аб гістарычнасці вярхоўнага бога германцаў – Одзіна (Вотана), які на самой справе быў выбітным палітычным дзеячом, славытым ваяром, згуртаваў германскія плямёны, прывёў іх з паўночнага Прычэрнамор'я ў Скандынавію і быў абагаўлён. Як сведчаць сагі, ён мог пераўтварацца ў час сна ў зверя, рыбу змяю і падарожнічаць, быў чарадзеям, ведаў будучыню. Як сведчыць сага, ён памёр ад хваробы ў Швецыі [2, с. 15], – яго напаткаў лёс звычайнага чалавека, як і іншых жрацоў-багоў. Як і Ўсяслаў, Одзін быў надзвычай энергічным, ваяўнічым, паспяховым дзеячом, будаўніком, пражыў працяглае і насычанае падзеямі жыццё. Тыпалагічнае падабенства паміж гэтымі постацямі патрабуе далейшага вывучэння, аднак несумненна, што яно маецца і выкідана падобнымі асаблівасцямі іх лёсу і міфалагіі калектыўнага падсвадомага, якое схільна нават у цывілізаваных грамадствах (Старажытны Рым і сакральнае шанаванне імператараў, богам абраныя еўрапейскія каралі, кіраўнікі аўтарытарных краін) да абагаўлення носьбітаў улады, надання ім надзвычайных якасцей.

Таксама звяртае ўвагу шырокае развіццё кultaў ваўка і мядзведзя ў абодвух этнасаў. Гэтыя жывёлы ў беларусаў мелі выразныя рысы татэмаў бо пераўтварэнне чалавека ў жывёлу з'яўляецца ўскосным сведчаннем раней-

шага татэмізму [3]. У германцаў іх шанаванне ўвасабляліся ў міфалагічнай постаці пачварнага ваўка Фенрыра, які з’явіцца для бойкі з багамі напрыканцы свету, а таксама ў рэальнай адвасобленай касце войнаў бярсеркераў (“мядзвежых кашудь”, тых, хто ідзе ў бой без даспехаў), па-сутнасці, перавертняў. У сагах гэтыя ваяры Одзіна параўноўваюцца з мядзведзямі, ваўкамі, сабакамі, быкамі, але часцей ідэнтыфікаваліся з першай, радзей другой двума жывёламі. Чалавек у беларускіх традыцыйных уяўленнях мог рабіцца перавертнем, ваўкалакай, як і германскі ваяр. Разам з тым, вера ў перавертней-ваўкоў – распаўсюджаная з’ява з часоў сярэднявечча на тэрыторыі Францыі, Іспаніі, Германіі, іншых еўрапейскіх краін; іншым разам яна мела рэальныя высновы, звязаныя з лікантрапіяй. Разам з тым, у Беларусі, як і ў нарманаў, перавертніцтва не было адзінкавай небяспечнай з’явай – яно мела “звычайны” характар і не ўспрымалася як нешта неверагоднае – этнаграфічныя матэрыялы сведчаць, што ваўкамі рабіліся калдуны, іх ахвяры, цэлыя вясельныя паезды і аб тым, што ў гэта верылі. Сведкі сцвяржалі, што бачылі перавертней, якія ў большасці выпадкаў не рабілі шкоды людзям, а часам наадварот імкнуліся ды жытла каб ім дапамаглі набыць чалавечае аблічча.

Яшчэ адно цікавае падабенства – наяўнасць ў міфалогіях веліканаў і карлікаў, якія адыгрывалі ў германскай міфалогіі значную ролю. У беларускіх уяўленнях таксама прысутнічалі вялікія па памерах волаты і маленькія падземныя людзі, лятучыя гарцукі, што жылі ва ўзвышшах. Разам з тым, дзве міфалогіі істотна адрозніваюцца перш-наперш істотнай ваяўнічасцю германскай, а таксама яе сюжэтным багаццем.

Першае актыўнае і прадукцыйнае сутыкненне з германцамі з выспаў адбылося на беларускіх (старажытнарускіх) землях пасля з’яўлення варягаў. Можна, як робяць некаторыя даследчыкі, лічыць іх прыбалтыйскімі славянамі, аднак традыцыйныя скандынаўскія імёны кіраўнікоў варягаў відавочны сведчаць аб іх нарманскім паходжанні. Славяне зваліся, як сведчаць тэксты саг, іначай, а імёнам ў той час надавалася магічнае, этнакультурнае значэнне і прымаць імя чужога народа, калі гэта не звязана з пераходам к хрысціянства – рэч надзвычай рэдкая.

Нарманаў было няшмат, гэта былі войны – дружыннікі, якія маглі жыць асобнымі пасяленнямі, – адно з іх было недалёка ад Полацка. Іх культура не пакінула значных слядоў сярод славян [4, с. 130], што можа тлумачыцца яе мілітарызаваным характарам, а таксама адноснай прастатой. Нарманы прынеслі сваю зброю, але добрыя мячы ў іх былі франкскія (іх экспарт быў у франкаў забаронены), нямецкія а не сваі, з дрэннага металу, што выклікала падробкі. Праз некалькі пакаленняў нарманы былі асіміляваны, прынялі праваслаў’е і праваслаўныя імёны.

Першы полацкі князь быў паплечнік Рурыка Рагвалод (мадыфікацыя скандынаўскага імя асобаў з скандынаўскіх саг: Рагнар, Рангфрэд, Рагаланд, Рагнвальдр). У палачан быў свой князь Палтэс (імя з скандынаўскай сагі, напэўна штучнае), месца якога без кафлікту заняў нарман, які княжыў

упэўнена і самастойна, што сведчыць аб яго падтрымцы палачанамі. Нарманы (ваяры, купцы) безканфліктна наведвалі Полацк, што можа ўскосны сведчыць ад наяўнасці ў ім, як ў Кіеве, добра адаптаванай нарманскай супольнасці. Напэўна, нарманам быў і заснавальнік Турава і княскай улады Тур (мадыфікаваня імя Трюгві, тапонім Турен). У Сігулдзе ў Латвіі размешчаны этымалагічна блізкі Тураву старажытны Турайдскі замак Лівонскага ордэна.

Сын Рагнеды (скандынаўская Рагна, шматлікія жанчыны з саг з імём Рангхільд) Ізяслаў Уладзіміравіч зрабіўся пачынальнікам новага полацкага княжацкага радаводу. Яго бацька, кіеўскі князь Уладзімір, быў напалову скандынаў – магчыма, датчанін, “дан”, канунг Вальдамар Стары (паходжанне яго маці Малушы шукаюць сярод нарманаў, славян, нават яўрэяў). Нарманскі радавод меў і праўнук Рагнеды Усяслаў Чарадзея (меў этгічнае сваяцтва з тыпалагічна падобным Одзінам), а адзін з яго сыноў – полацкі князь – насіў, акрамя Барыса, нарманскае імя Рагвалод.

Нарманская прысутнасць наклала адбітак на норавы пануючай вярхушкі, у прыватнасці, звяртае ўвагу пакушэнне Рагнеды на забойства князя Уладзіміра. Сам па сабе учынак Рагнеды – спроба забойства за здраду ў шлюбе, каханні, калі меркаваць па скандынаўскім сагам, – рэч не выбітная: пакінутыя жонкі маглі ці самі забіць былога мужа (нават спаліць у хаце жывётам), ці пасылалі забойцаў. Гэта вынікала з адносна вольнага становішча скандынаўскіх жанчын, якія маглі самастойна весці вялікую гаспадарку, уплываць на пытанні шлюбу.

Арыгінальныя, нестандартныя для жанчыны таго часу паводзіны ўнучкі Усяслава Чарадзея – Еўфрасіны (Параскевы) Полацкай таксама могуць вынікаць з скандынаўскай культурнай, генетычнай спадчыны. Увогуле, магчыма, самастойныя паводзіны скандынавак на нашых землях з’явіліся ўзорам, архетыпам для грамадскай, культурнай актыўнасці беларускіх жанчын наступных гістарычных эпох, калі прадстаўніцы “слабага” полу займаліся рыцарскімі практыкаваннямі на спецыяльна зробленых для ніх прыстасаваннях, вялі актыўную адміністрацыйную дзейнасць (Катажына Радзівіл), стваралі тэатральную культуру (Уршуля Радзівіл), пускаліся ў “авантуры”, якія апісвалі і прызначалі для выдання (Саламея Пільштынава), ваявалі са зброяй у руках (Эмілія Плятэр). У старажытных германцаў існавалі “дзевы мяча” – суполкі дзяўчын, якія займаліся не жаночай хатняй працай, а воінскай справай і рабілі рабаўніцкія напады не толькі на сушы, але і на моры; яскравым вобразам гэтакага ладу жыцця была гераіня германскага (нямецкага) эпаса Брунхільда. Характэрна, што ў беларускай міфалогіі захаваліся звесткі пра валатоўн – магутных жанчын, што жылі асобна на узгорках і лёгка спраўляліся з мужчынамі, якіх збіраліся да іх завітаць. Магчыма, гэта – гістарычная памяць пра асобныя жаночыя ўзброеныя аб’яднанні накшталт “дзеў мяча”.

Старажытныя нямецкія рэплікі меў беларускі фальклор, лягенды, як запісаная ў канцы XIX ст. ў Себежском уездзе Віцебскай губерні легенда пра Свібельскае возера (зараз Пскоўская вобласць) [5, с. 84 – 90], у якой узгадваецца мясцовы народ – старажытныя свевы (г. зн. шведы пад іх старадаўняй

назвай), іх горад, “цар”, яго жонка, Ягода, і дачка прыгажуння, Рожа. Свевы ваявалі з суседнімі лівамі (таксама гістарычны народ фінскай групы, які ў асноўным лакалізаваўся на ўзбоэжжы Балтыйскага мора), а потым пасля шлюбу дачкі свеваў і цара ліваў зліліся ў адзіны народ, а маладыя ўехалі жыць ў Лівонію. Жаночыя імёны Ягода і Рожа (тут, магчыма, прысутнічае скажоная нарманская аснова – Раг, – Ран) не славянскія, а сам тэкст, магчыма, з’яўляецца гістарычным успамінам пра існаванне швецкага пасялення з ваяўнічым уладаром і яго паступоваю асіміляцыю мясцовым фінскім племенем ліваў (фіны здаўна насялялі паўночнабеларускія землі).

Водгалоскі даўніх кантактаў паміж нарманамі і фінамі на паўначы Беларусі прысутнічаюць і ў лягендзе пра г. Браслаў, а таксама рэкі Дзвіну, Друйку, азёра Дрывяты, Снуды, Навяты [5, с. 266 – 267].

У горадзе з замкам жыў славуты князь Дзвін з жонкай Друйкай і дачкой Дрываі, якую кахалі маладыя княззі Снуд, Ноў і Брас. Дрыва зрабіла так, што Снуд і Ноў забілі адзін аднаго на двубое, але Брас адмовіўся браць шлюб з каварнай княжной і яна утапілася ў возеры. Брас пасля смерць бацькоў Дрывы застаўся княжыць ў горадзе, які атрымаў яго імя. Дрываі, як сведчыць Сага аб Інглінгах, звалі доч Сньера Старога з Краіны Фінаў. Яна праз чарадзею забіла свайго мужа валадара Швецыі Ванландзі, які занадта працяглы час адсутнічаў дома. Імя Ноў (жрэц асаў, бог Ньёрд, яго жытло ў Наатуне), назва Браслаў (г. Братса (Браттас) маюць аналагі ў скандынаўскай анамастыцы.

Немцы натрапілі і ў досыць позні фальклор Вялікага княства Літоўскага, звязаны з будаўніцтвам у Вільні касцёла святой Ганны (вядомы з пачатка XVI ст.) [5, с. 239]. Традыцыйна для гэтай разнавіднасці фальклора сюжэт звязаны са спробай дазнацца сакрэт дойліда забойствам. Для будаўніцтва былі запрошаны майстры з Нямеччыны, адзін з якіх, падмайстра, зрабіў фарбу для цэглы надзвычай прыгожага колеру. Старшы майстар Юрбах прымушаў малодшага раскрыць таямніцу вырабу колеру, але падмайстра адмаўляўся, а пасля заканчэння будаўніцтва, скінуў настойлівага майстра з высокага акна і той разбіўся. Сакрэт фарбы застаўся таямніцай. Па адной з версій касцёл сапраўды будавалі два майстра, аднаго з якіх звалі Пурбах.

У беларускай казцы “Якую святы Марцін даў немцу навуку” (запісана ў канцы XIX ст. у Сакольскім павеце Гродненскай губерні) немец выступае ў якасці гаспадара, у якога працуе парабак [6, с. 187]. Парабак папрасіў дазволу святкаваць усе “польскія” (каталіцкія) святы, на што немец адказаў згодай і нават пачаставаў работніка, каб той лепей адсвяткаваў дзень усіх святых. Але парабак пасля пажадаў адзначыць і дзень святога Марціна, на што гаспадар не пагадзіўся і паслаў работніка ў лес па дровы. Парабак знайшоў у лесе мядзведзя “у ломе” і, сказаўшы, пану, што святы Марцін не дае дроў, павёл яго да месца, дзе ляжаў мядзведзь. Звер ледзь не задраў пана, які прыкінуўся мертвым. Мядзведзь абнюхаў яго, прыняў за нежывого і пайшоў. Немец прыбег дахаты і сказаў: “То не свенты, то бестыя: біл, біл, біл, біл і ешчэ прыкладаў своего уха до мэго духа”.

Казка, нягледзячы на адносна прасты сюжэт, мае шэраг істотных культуралагем. У ёй да мяжы (магчымай смерці) абвострана базавая міфалагічная апазіцыя культура / прырода. Гэтым тлумачыцца з’яўленне ў ёй менавіта немца (які, дарэчы, добра размаўляў па-польску с нямецкім пранонсам), як насьбіта, па меркаванню аўтара, прадстаўніка традыцыйнай культуры, – крайніх культурных інтэнцый, чужых тутэйшаму ладу жыцця. Немец не можа адрозніць мядзведзя (якого, напэўна, як чалавек культуры, ніколі не бачыў) ад св. Марціна (прадстаўніка таксама “польскіх” святаў), нават калі той прыклаў вуха да яго галавы.

Прыроду тут прадстаўляе яе адметны татэмістычны сімвал – мядзведзь, які, як і здараецца ў сутыкненні гэтых варожых бінарнасцей у адсутнасці медыятара (парабак збег), хоча абавязкова забіць апанента. Яны сутыкаюцца твар у твар і прырода пераможчай пакідае імітуючую смерць, але не мертвую культуру (смерць немца значыла б панаванне ў свеце прыроднага пачатку).

У беларускай хрысціянскай міфалогіі, народных апокрыфах чорт меў мянушку “немец”, калі ён з’яўляўся ў чалавечым абліччы, дык быў апрануты ў чорны “нямецкі” кафтан. Напэўна, ў народнай свядомасці немцы асацыяваліся з чарнакніжнікамі нахштальт Фауста, які меў дамову з Мефістофілем. На нашых землях немцы былі прадстаўлены ў тым ліку і лекарамі, аптэкарамі, якія па народным уяўленню, адлюстраванымі персанажамі батлейкі (там доктар – венгр, паляк, мясцовы чалавек), уводзілі дзеля выгады людзей у зман.

Такім чынам, у дадзеных тэкстах постаць немца ўвасабляе максімальна далёкі ад сялянскага – звышрэальны, а таксама культурны свет. Гэты вобраз з’яўляецца пагрозлівым, чужым для тутэйшага культурнага і прыроднага свету, аднак гэта постаць заўсёды – ірэальны ці сацыяльны валадар, моц, якой можы супрацьстаяць толькі самы магутны прадстаўнік прыроднай альтэрнатывы.

Прысутнічаў нямецкі ўплыў і ў беларускай матэрыяльнай культуры – старажытным жаночым адзенні часоў Рэчы Паспалітай і Вялікага княства Літоўскага. З нямецкай мовы да беларусаў прыйшла назва “андарак”, – спачатку, з XVI ст. жаночага паяснога адзення заможных слаёў з поўсці, каштоўнай тканіны, якое праз некалькі стагоддзяў распаўсюдзілася сярод сялян (з плотнай тканіны, поўсці чырвонага, сіняга колеру пераважана ў чорную клетку) і зрабілася адментай рысай беларускага традыцыйнага строю. Таксама з нямецкай мовы праз палякаў прыйшла назва вялікага галаўнога жаночага платка з добрага палатна з вышыўкай, які насілі заможныя жанчыны – рантуха, а з Нямецчыны і Турцыі дастаўлялася галаўная папяровая тканіна для пакрывал – бавелніца; таксама з нямецкай мовы паходзіць назва старажытнай, арыгінальнай дзясочай галаўной павязкі з тканіны з даўгімі канцамі – бінда [7, с. 100, 101, 102]. Бавелніца нагадвае распаўсюджаны пазней сярод сялян вязісны платок – абхінанку, а даўгія канцы былі ўласцівыя пазнейшаму сялянскаму чапцу – капару.

Меўся нямецкі ўплыў і ў архітэктуры розных грамацкіх слаёў. У старажытную гарадскую жылую архітэктуру з Нямецчыны прыйшоў фак-верк, які ўпрыгожыў вонкавае аблічча еўрапейскіх і беларускіх дамоў. З нямецкай мовы да нас прыйшло слова “лямус” – так называліся двухпавярховыя клеці з верхняй галярэйкай, якія будавалі шляхціцы і заможныя сяляне. У народнай архітэктуры гладка абцясаны вугал хаты называўся “нямецкім”.

Германскі, скандынаўскі ўплыў на нашых землях праявіўся ў гісторыка-культурная анамастыцы, этнаніміцы, – тым, што з’яўляецца адным з базавых кампанентаў сістэмы этнасу і ў дадзенай тэматыцы звязана з вызначэннем Русь. Найбольш аб’ектыўная гіпотэза пра паходжанне назвы “Русь” (Rusia, Ruzsia) – яе шведскія крыніцы, летапісныя “свевы-русь” – назва аднаго з радавых аб’яднанняў, якое прыйшло на славянскія землі ўсталёўваць ці ўмацоўваць дзяржаўнасць і было дастаткова ўплывовым. Русью у ўсходнеславянскіх летапісах называліся як прыбыўшыя варягі, так і краіна. Да 838 г. і знакамітых шведскіх амбасадораў ў Візантыю і да франкаў як прадстаўнікоў Русі, гэтая назва як дзяржаўная была невядомая.

Кіеўшчына, як цэнтр дзяржавы, атрымала назву “Руская зямля”, назва “Кіеўская Русь” з’яўляецца позняй кніжнай, штучнай і ў старажытнай гісторыі не ўжывалася. Паказальна, што назва Русь была ў Скандынавіі кніжнай, а асноўным вызначэннем гэтых зямель было Гардарыкі (магчыма, ад агульнага для славян і нарманаў слова горад). Таксама землі ўсходніх славян называлі Вялікая Світход – Вялікая Скіфія, што размяшчалася на паўднёвым усходзе Еўропы, Кюльфінгаланд (атаесамліваецца з Гардарыкамі, таксама, магчыма, назва групы служылых людзей ці геаграфічная, этнічная (фінскае насельніцтва) назва), а таксама Усходняя дзяржава (досыць тэмае вызначэнне) [8, с. 34].

Як бачна, сама назва і назвы з боку на супадалі, што сустракаецца ў гістарычнай анамастыцы. Магчыма, погляды на назву ўсходнеславянскіх зямель і ролю ў іх гісторыі швецкай супольнасці ў свеваў-русі і астатняй Скандынавіі былі розныя. Але такая анамастычная стракатасць не частая з’ява і гэтая можа быць сведчаннем таго, што нарманы дакладна не вызначыліся з моўнай ідэнтыфікацыяй паўднёвых суседзей, магчыма, па прычыне рыхлай дзяржаўнай, культурная сістэма апошніх.

Паказальна, што ў скандынаўскім “Вопісу зямлі” XIV ці XII ст. ў вопісе Еўропы ў Гардарыках узгадваюцца толькі чатыры асноўных горада: побач з Кіевам і Ноўгарадам, гэтыя два старажытнабеларускія – Полацк (Pallteskia – “Палтескья”) і Смаленск (Smaleskia – “Смалескья”) [8, с.76, 78]. У іншым “Вопісе Зямлі” XIV ст. сярод гарадоў Гардарыкі ўзгадваюцца толькі Полацк (Pallteskia) і Кіеў (“Кіэнугарды”) і адзначаецца, згодна з тагачаснай біблейскай канцэпцыяй узнікнення і рассялення народаў, што там першым жыў Магог, сын Іафета, сына Ноя [8, с. 94, 96]. Дадазеныя скандынаўскія тэксты сведчаць пра значную ролю беларускіх гарадоў, іх міжнародны аўтарытэт, уключэнні Полацка ў тагачасную сусветную геаграфічную, этнагенетычную сістэму, заснаваную на біблейскіх уяўленнях.

З тых часоў назва Русь атрымала шырокая распаўсюджванне на славянскіх землях – гэта Белая Русь (з XVII ст. паўночна-усходнія, затым сучасныя беларускія, а таксама старажытныя маскоўскія, сербскія, часткова украінскія землі), Маскоўская Русь (рускія землі), Літоўская Русь (славянскія, таксама ўсходнелітоўскія, землі Вялікага княства Літоўскага), Чырвоная Русь (заходнеўкраінскія землі), Чорная Русь (заходнебеларускія землі), Заходняя Русь (беларускія землі часоў Расійскай імперыі), Паўночная Русь (украінскія землі часоў Расійскай імперыі), Малая Русь (усходняя і цэнтральная Украіна), Вялікая Русь (Маскоўская дзяржава). З цягам часу назва замацавалася ў якасці дзяржаўнай ў крыху мадыфікаванай форме за нашымі землямі (Беларусь). Рuskія землі, дзяржава, імперыя з XVIII ст. пачалі называцца Расіяй (“Россия”), запазычыў кіеўскую, форму назвы з – о – замест – у – Такім чынам, аўтэнтычная, старажытная форма назвы старажытнай Русі, Рускай зямлі захавалася ў якасці часткі наймення толькі ў назве дзяржавы беларусаў.

Ад гэтай скандынаўскай формы ўтварыліся і старажытныя этнанімы жыхароў нашых зямель – русь, рускія (назвы часоў Кіеўскай Русі), русіны (праваслаўныя беларусы і ўкраінцы), беларусцы (жыхары непасрэдна Беларускай Русі – паўночна-усходніх беларускіх зямель), заходнерусы (штучная кніжная назва беларусаў, якая не прыжылася), чарнарусцы (кніжная назва жыхароў Чорнай Русі), беларусы.

Такім чынам, агульныя рысы беларуская і германскіх культур абумоўлены старажытнай індаеўрапейскай спадчынай, непасрэднымі кантактамі з варягамі (нарманамі), а таксама апасрэдаваным перайманнем асобных рыс матэрыяльнай, духоўнай культур. Адзначаныя рэаліі маюць дачыненне да традыцыйнай культуры і спажываліся яе носьбітамі, а анамастычныя з’явы мелі агульнаэтнічны характар. Мела месца аналагавае, кантактнае ўзаемадзеянне двух культур, што асабліва праявілася ў міфалогіі, фальклору, анамастыцы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Дюмезиль, Ж.* Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – М. : – Наука, 1986. – 234 с.
2. *Стурлусон, Снорри* Круг земной / Снорри Стурлусон. – М. : Наука, 1980. – 686 с.
3. *Углик, И. Г.* К вопросу о тотемизме в традиционной культуре белорусов / И. Г. Углик // Вести Института современных знаний. – 2017. – № 1. – С. 72–77.
4. *Штыхов, Г. В.* Древний Полоцк IX – XIII вв. / Г. В. Штыхов. – М. : Наука и техника, 1975. – 136 с.
5. Легенды і паданні [Склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі] – М. : Навука і тэхніка, 1983. – 644 с.
6. Сацыяльна-бытавыя казкі. Рэд. В. К. Бандарчык. – М. : Навука і тэхніка, 1976. – 520 с.

8. Молчанова, Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. / Л. А. Молчанова. – М. : Наука и техника, 1981. – 112 с.
9. Мельникова, А. Е. Древнескандинавские географические сочинения / А. Г. Мельникова. – М. : Наука, 1986. – 230 с.

М. М. Смольянинов

ПИСЬМА СОЛДАТ РОССИЙСКОГО ЗАПАДНОГО ФРОНТА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МОРАЛЬНО-БОЕВОГО СОСТОЯНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В 1917 г.

Прошло более 100 лет после окончания Первой мировой войны, обернувшейся для белорусского народа огромными человеческими, моральными и материальными жертвами. В отечественной научной и научно-популярной литературе за последние годы освещены вопросы подготовки и общий ход военных действий, эвакуации населения, предприятий и учреждений, учет движения беженцев, оценка положения населения на оккупированной противником территории. Однако ещё недостаточно уделено внимания изучению морально-боевого духа, настроения солдат русской армии в различные периоды войны. Объясняется это тем, что основной комплекс документов периода Первой мировой войны хранится в зарубежных архивах, и, в частности, в Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации в г. Москва.

Целью данной статьи является изучение главного источника, характеризующего боевой дух солдат, их настроение в разные периоды войны, их письма родным и близким, в редакции газет, в верховные и местные органы власти.

Заметим, что уже по объявлении Германией войны России, указом императора Николая II от 20 июля 1914 г. была введена военная цензура с целью не допустить оглашения и распространения сведений, которые могли бы повредить военным интересам государства. В соответствии с «Временным положением о военной цензуре» её рассмотрению подлежала и переписка солдат действующей армии. В результате работы военных цензоров был создан комплекс документов – сводок наблюдений за корреспонденцией по фронтам и армиям, в которых дана характеристика «духа и настроений солдат». Кроме того, наряду с цитированием выдержек из содержания писем, к ним прилагаются оригиналы задержанных писем солдат, адресованных родным и близким. Такой пласт документов имеется в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в г. Москва (ф. 2003 – штаб Верховного главнокомандующего и ф. 2048 – штаб Северо-Западного (Западного) фронта).

Следует сказать, что по причине военно-технической отсталости и неподготовленности русской армии к войне, зависимости Верховного командования от командования союзников, а, следовательно, поспешности,

в подготовке и проведении военных операций, войска с первых дней военных действий терпели одно поражение за другим с большими потерями в личном составе. Весной же 1915 г., когда русские армии Северо-Западного фронта, находившиеся на территории Царства Польского, очутились под угрозой окружения и разгрома, чтобы избежать катастрофы, они совершили так называемое «великое отступление» вглубь своей страны. В частности, войска Северо-Западного фронта отошли на белорусские земли, где в конце сентября 1915 г. Западный фронт стабилизировался по линии Двинск, Поставы, Сморгонь, Барановичи, Пинск. Несмотря на это, до конца 1915 г., как свидетельствуют сводки военных цензоров о настроении войск, в войсках не замечалось упадка морального духа солдат. Отступление командованием объяснялось стратегической необходимостью.

Стабилизация фронта, появившаяся возможность для отдыха, поступления в части и соединения новых хорошо экипированных пополнений, активный подвоз снарядов и оружия вызвали в войсках, по словам тех же сводок, «бодрое настроение», «веру в победу над врагом» [1, л. 19,24].

Удручающее влияние на моральное состояние солдат оказывало бедственное положение беженцев, производившее на войска «огромное и тягостное впечатление». Кроме того, в незначительном количестве писем, «не пропущенных военной цензурой или пропущенных с помарками», отмечались «крайнее утомление войной и неуверенность», а у солдат старших возрастов – жалобы на недостаток тёплых вещей и сапог, фуража для лошадей [1, л. 19,24]. В целом, военная цензура по Западному фронту в декабре 1915 г. на основе просмотренных писем отмечала в 30,25 % случаев – бодрое настроение солдат, в 2,15 % – угнетённое и в 67,6 % – уравновешенное [1, л. 40].

Предреволюционный 1916 г. был начат активными действиями германцев против французов в районе Вердена. Командование французских войск обратилось к Ставке Верховного главнокомандования русской армии с требованием перейти в наступление и оттянуть часть германских войск на себя. В угоду союзнику верховное главнокомандование, не считаясь с наступавшей весенней распутицей, не подготовившись в полной мере, в спешном порядке развернуло наступление войсками 2-й армии Западного фронта в районе оз. Нарочь на хорошо укрепленные позиции неприятеля с целью их прорвать. В результате двухнедельных боёв, несмотря на яростные атаки, русские войска не смогли достигнуть поставленной цели и понесли огромные потери в личном составе – 1 018 офицеров и 77 427 солдат убитыми и ранеными, большие материальные потери.

Огромной трагедией для русских войск в результате Нарочской операции было падение их морально-боевого духа. Солдаты, испытавшие тяготы и лишения наступательных действий, видевшие бессмысленную гибель множества людей, бестолковость распоряжений и приказов высшего командования, скрыто выражали свое недовольство. Особенно это проявлялось в их письмах, на что неоднократно указывала в своих сводках военная цензура. В частности, в сводке за март они отмечали: «О боях 5–12 марта в письмах говорится лишь

вскользь и почти без подробностей. Угнетённые авторы писем, касающихся этих боёв, жалуются на большое количество пулемётов и артиллерии у противника и реже на значительность наших потерь» [1, л. 97]. В сводке за апрель 1915 г. было отмечено, что «ещё продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав попадались выражения неудовольствия, якобы плохим руководством здесь боем, а также намёки на какое-то, будто бы имевшее здесь место, предательство» [1, л. 118].

Кроме того, судя по сообщениям военной цензуры, в письмах солдат Западного фронта нашли отражение недостатки снабжения обмундированием, сапогами (замена их лаптями), в отдельных сообщениях невыдача сахара, хлеба, урезка порции мяса, а затем замена мяса рыбой. Последнее обстоятельство, как отмечалось в сводке за май 1916 г., «вызвало многочисленные жалобы из разных частей фронта» [1, л. 135]. Причём, ухудшение ситуации со снабжением войск фронта с каждым днём прогрессировало. Даже при наличии продовольственных фондов в глубинных районах России из-за развала на транспорте в ноябре 1916 г. было погружено для армии 73,7 % вагонов продовольствия и фуража от положенного количества, а в декабре только 67 %. «Вместо того, чтобы иметь месячный запас, мы живём ежемесячным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение войск», – заявил на совещании в Ставке в Могилёве 17–18 декабря 1916 г. Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт [2, с. 19–20].

Попытка восполнить недостающее продовольствие за счёт реквизиций у местного населения также ничего не дала. Местное население, особенно в городах, голодало не меньше, чем солдаты на фронте. К началу 1917 г. у крестьян прифронтовых белорусских губерний излишков хлеба не осталось и реквизировать было нечего. По словам губернатора Минской губернии, пытавшегося защитить крестьян от «реквизиции части запаса хлеба», сельское население могло остаться «необеспеченным хлебом и семенами, как в текущем году, так и в последующие годы» [3, л. 3].

Не менее сложным в войсках фронта в конце 1916 г. – начале 1917 г. было положение с фуражом, недостаток которого стал проявляться и нарастать с начала 1916 г. [1, л. 57]. В середине ноября 1916 г. Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт приказал войскам взамен недостающего зернового фуража для лошадей увеличить дачу сена. Однако вскоре, по словам доклада главного интенданта, «окончательно выяснилась полная невозможность подать на фронт потребное количество сена или соломы – всего в сутки 1100 вагонов», вследствие затруднений в заготовке и доставке его на фронт из-за неблагоприятных условий железнодорожного транспорта» [3, л. 6].

Одновременно с продолжением войны, ухудшением снабжения наблюдалось падение морально-боевого настроения солдат. Так, если за декабрь 1915 г. военными цензорами было отмечено 2,15 % писем с интонацией «угнетение», то за январь 1916 г. – 4 %, а за март – 4,1 % [2, с. 30]. Таким об-

разом, этот процесс продолжался с нарастающей силой. Солдаты переживали горечь поражений, испытывали голод и холод, достигшие к 1917 г. критической черты. Всему этому сопутствовал рост антивоенных настроений, рост недовольства существующей властью в стране. В итоге армия, бывший оплот самодержавия, стала мощной оппозицией ему и в февральские дни 1916 г. перешла на сторону восставшего народа.

В результате победы Февральской революции было свергнуто царское самодержавие. Власть перешла к буржуазному Временному правительству. В то же время образовалась революционно-демократическая власть в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В стране сложилось двоевластие.

Верховное командование и командование фронтов русской армии делали попытки не допустить распространения революции на фронт. Первое время скрывали информацию о её победе в столицах – Петрограде и Москве. В этих условиях, чтобы разобраться в происходивших событиях в стране, солдаты всех российских фронтов Первой мировой войны обращались за разъяснениями в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В результате этого накопилось большое количество писем, поступавших в канцелярию Совета, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в г. Москва.

В письмах первых дней после победы революции солдаты выражали свой восторг победившей режимом, предоставившим им политические права и демократическую свободу, благодарили депутатов Петроградского Совета за проделанную ими работу, сообщали о положении дел на фронте, о своих подозрениях к командному составу, который, по их мнению, что-то от них скрывает, не разъясняет произошедшего, «требуется повиниться ему по прежнему». Солдаты просили депутатов Совета о разъяснении событий, что им «надо делать для блага Родины», выражали свою готовность «по приказанию депутатов» с «радостью сделать что-нибудь полезное... дорогой Родине» [4, л. 2–4].

Первое время солдаты выражали доверие к Временному правительству, прежде всего, в надежде на то, что оно решит вопрос о прекращении войны. Однако, Временное правительство ещё в большей мере, чем руководство Российской императорской армии, ориентировалось на военные договоры, данные союзникам по Антанте. Оно давало заверения на целесообразности продолжения войны и, в соответствии с военной конвенцией, приступило к подготовке очередного наступления на фронте.

Особенно много писем поступало в Петросовет с фронтов русской армии по вопросу подготовки командованием летнего наступления. В частности, с Западного фронта (дислоцировался на территории белорусских земель) уже в мае поступили в Петроградский Совет письма от солдат, главным лейтмотивом которых был протест против подготовки к новому наступлению. Солдаты терпели лишения, наблюдалась всеобщая усталость после двух-трёхлетнего пребывания в окопах, нехватка продовольственного

обеспечения (вместо крупы – чечевица, вместо мяса – «протухшая», «гнилая» вобла, урезанная порция хлеба и т.п.). Упоминалось также об изношенных обуви и обмундировании и т.д. Начавшиеся болезни и эпидемии среди солдат (упоминается о распространении цинги и желудочно-кишечных расстройств), отмена отпусков на сельскохозяйственные работы в связи с предстоящими наступательными действиями – все это не способствовало поднятию морально-боевого духа. Во многих письмах были жалобы солдат на бедственное, «гибельное» положение их многодетных семей, оставшихся без мужских рабочих рук, страдающих от дороговизны на предметы первой необходимости, от спекулянтов и притеснения местной администрацией [5, л. 113; 6, л. 40].

В большинстве писем солдаты выражали недовольство, по их мнению, несправедливым распределением тягот войны между фронтом и тыловыми, настаивавшими на продолжение войны до победного конца. Кроме того, в это время прозвучали первые нотки недовольства деятельностью созданных в войсках солдатско-офицерских комитетов, высшего звена – армейских, по мнению солдат, выступавших «за одно с офицерами» в требовании поддержания «старорежимной дисциплины» [9, л. 44; 7, л. 149; 13, л. 86].

Особая обеспокоенность в письмах солдат была выражена «ещё неокрепшей свободой новой России». А чтобы укрепить её, они считали, «нужна мирная жизнь, а не стремление к завоеваниям». Образцом стремления солдат к миру явились имевшие место в связи с празднованием Святой Пасхи и 1 мая (по ст. ст. 18 апреля) братания воинов противоборствующих сторон. Об этом солдаты Западного фронта сообщали в своих письмах депутатам Петроградского Совета, родственникам и близким им людям [5, л. 58; 71; 10, л. 85, 104].

В ряде случаев респонденты обращали внимание депутатов Петроградского совета на неразвитость и неграмотность солдатских масс, неспособных разобраться в происходивших событиях, просили направить депутатов для разъяснения, а также прислать для руководства «документы по устройству жизни на новых началах» [9, л. 69, 102; 4, л. 172].

В русле такого содержания были и письма, просмотренные военными цензорами Минского военного округа, 2-й, 3-й и 10-й армий Западного фронта, о чём свидетельствуют их сводки за апрель 1917 года [10, л. 54–56, 63–64].

В июне 1917 г. в связи с подготовкой наступления русских войск, в частях и подразделениях армий Западного фронта активизировались занятия по боевой и тактической подготовке, окопные работы и строительство плацдармов. Кроме того, велась усиленная разъяснительная и агитационно-пропагандистская работа среди личного состава войск о необходимости наступательных действий. С этой целью войска Западного фронта посетили делегации Петроградского Совета, Черноморского флота, представители французских социалистов и английских лейбористов. В части и соединения

фронта потоком шла буржуазно-демократическая печать с призывами к наступательным действиям [11, с. 127].

Однако этот натиск идейно-политической и пропагандистской обработки солдатских масс был встречен неоднозначно в частях и соединениях Западного фронта. Об этом свидетельствует поток писем в Исполком Петроградского Совета, в которых заявлялось о нежелании солдат принимать участие в наступательных действиях, мотивируя это неготовностью войск к наступлению отсутствием необходимых для этого огнеприпасов, продовольствия и фуража. В таких условиях солдаты считали наступление «большой ошибкой». Призывавших и выступавших за наступление тыловиков солдаты требовали направить на фронт, возмущались наводнявшей фронт буржуазной печатью и недоумевали о не доходившей до них демократической прессе [5, л. 113; 262; 4, л. 50, 57].

В ряде писем солдаты выражали обеспокоенность положением в тылу из-за сохранившихся «старых порядков», призывали депутатов поехать оказать помощь на местах в организации власти на новых началах [9, л. 143].

Приближение намеченного срока наступления, возраставшая активность командования в проведении подготовительных мероприятий с личным составом встретили массовое сопротивление солдат, вылившееся в отказ полков и даже дивизией исполнить боевой приказ о занятии исходного положения для перехода в наступление. Ещё большее обострение сложившейся ситуации было вызвано провалом июньского наступления русских войск на Юго-Западном фронте, расстрелом Временным правительством демонстрации рабочих и солдат в Петрограде, а затем последовавшим введением Временным правительством смертной казни на фронте и ожесточением дисциплинарных мер в войсках.

В этих условиях солдаты стремились найти защиту своих прав и интересов. С тревогой обращались с сообщениями о происходивших событиях в частях и соединениях Западного фронта в Петроградский Совет, просили «не оставлять падающих духом солдат, принять соответствующие меры», «приехать на фронт, увидеть и разобраться» и т. д. и т. п. [4, л. 139 – 140, 158 – 159; 12, л. 140].

Во многих письмах солдаты упрекали депутатов Петроградского Совета в «бездеятельности», угрожали им «народным судом», если они «не употребят мер для заключения мира», требовали «кончать войну пока не поздно» [15, л. 82; 16, л. 42–44].

В одном из фондов РГВИА (ф. 366. Оп. 2) хранятся письма, адресованные министру-председателю Временного правительства и Военному министру А. Ф. Керенскому. В них солдаты обращали его внимание на внутреннее положение в стране, на «забитое, безграмотное крестьянство», просили «командировать из армии бывших учителей» для просвещения и организации крестьян [7, л. 149]. С повышением активности командования по подготовке войск к наступлению, в адрес Керенского поступили анонимные письма из частей с предупреждениями и угрозами «оставить фронт»,

с требованиями «во что бы то ни стало закончить войну» [4, л. 11–19; 8, л. 467].

Целый ряд писем в Петроградский Совет поступило от очевидцев, участников наступления с информацией о сражениях. Так, солдаты 43-го Сибирского стрелкового полка 11-й Сибирской дивизии 38-го армейского корпуса сообщали: «9 июля наша дивизия наступала под мост Крево. В атаку шли очень хорошо, но мы были встречены первой немецкой линией огнем пулеметов, и наши цепи были сметены. Нам должна была подойти поддержка. Поддержки не было приблизительно час. Задача нашим полком не была выполнена. Командовал в бою дивизией какой-то генерал... солдаты его не видели.» (4, л.208).

С просьбой к депутатам Петроградского Совета «объяснить на заседании относительно наступления, которое было 9 июля» обратились солдаты 274-го пехотного Изюмского полка 69-й пехотной дивизии 38-го корпуса. Солдатам 274-го Изюмского полка было приказано перейти в наступление: «Тов. Изюмцы, зная, что надо исполнить долг перед Родиной и (выступить) за свободную Россию, не желая изменить приказу тов. Керенского, с большим чувством и глубокой верой перешли в наступление в 6 час. 15 минут утра 9 июля, заняли первую линию немецких окопов, но по причине (не дали поддержки) вынуждены были уйти из окопов противника. Лично мое мнение, солдата Андреева, наблюдал, что здесь было не наступление, а продажа живых людей на бойню.»(4, л.299).

Особый всплеск солдатского негодования был вызван попыткой Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова установить военную диктатуру в стране и армии. В письмах в Петроградский Совет солдаты требовали применить к нему закон о смертной казни, которую он ввёл для «исстрадавшихся защитников демократии и свободы». Наиболее политически развитые солдаты усматривали в натиске буржуазной пропаганды возвращение к старому режиму, с этой целью, считали они, откладывают срок созыва Учредительного собрания, просили депутатов Петроградского Совета ходатайствовать перед Временным правительством об «очередном кратковременном отпуске солдат в деревню», чтобы «разъяснить ничего непонимающим старикам, кого выбирать в Учредительное собрание» и что «просить их кандидату на Учредительном собрании» [14, л. 224–226, 280].

С наступлением осени, наряду с требованием к депутатам Петроградского Совета обращать внимание на солдатские просьбы, во многих письмах звучало требование «всеми силами работать для скорейшего заключения мира», сообщалось о критическом положении солдат на фронте и их семей в тылу. В продолжение войны в создавшейся ситуации они предвидели «гибель свободы и России», требуя взять власть в свои руки, чтобы спасти завоёванную свободу.

Солдаты напоминали депутатам о том, что они были избраны «из среды солдат» для того, «чтобы стояли за солдатские и общие интересы», а самое главное – видеть [к чему] ведёт продолжение войны», угрожали забастов-

ками на фронте и народным судом; требовали «какой бы ни был поскорей давайте мир». Требовали поскорей прекратить эту бойню во что бы то ни стало», «спасти залитую кровью Россию с её истерзанным народом». Предвидели «катастрофу», которая, по их мнению, «несёт истощение всех материальностей и ничем непреодолимый голод... к тому же силы терпения народа иссякают до изнеможения» [17, л. 39, 97–98, 195–196]. За бездействие депутатам Петроградского Совета в решении вопроса о прекращении войны солдаты угрожали «присоединением к партии большевиков и сделать то, что нужно будет» [18, л. 304].

Морально-политическое настроение солдат армий Западного фронта в дни Октябрьской революции в целом было на руку большевикам. Уставшие от трёхлетней войны, испытавшие связанные с ней все тяготы и лишения, окончательно разочаровавшиеся во Временном правительстве, за восемь месяцев правления не решившим важнейших политических и социальных вопросов, солдаты и часть офицеров с одобрением отнеслись к факту его свержения, с большой радостью встретили весть о провозглашении большевиками декретов о мире и земле. Хотя к устанавливавшейся власти большевиков отношение на фронте не было однозначным.

В частях и соединениях, где было сильно влияние большевиков и их сторонников, на состоявшихся общих собраниях, заседаниях и съездах войсковых комитетов были приняты резолюции в поддержку вооружённого восстания в Петрограде, осуществлены меры по взятию власти на местах и проведению первых революционных преобразований.

Более умеренная часть войск, в которых ещё оставалось заметным влияние эсеров и меньшевиков, высказала удовлетворение по поводу свержения Временного правительства, выразила негодование по факту узурпации власти большевиками, выступила за создание так называемого «однородного социалистического правительства» из представителей всех социалистических партий и национальных групп, без участия буржуазии, во имя недопущения гражданской войны.

В дни Октябрьской революции значительно ухудшилось боевое состояние войск Западного фронта. Одной из причин этого являлось нарушение железнодорожных перевозок и недопоставка на фронт продовольствия, фуража, обозно-вещевого и боевого имущества. Сказывались также общая усталость, нежелание солдат продолжать войну, провозглашение декретов о мире и о земле, вызвавшее среди солдат общее демобилизационное настроение.

Таким образом, выявленные в архивных фондах и изученные письма солдат русской армии, адресованные своим родным и близким, а также в редакции газет, в верховные и местные органы власти поспособствовали наиболее глубокому, полному и близкому к истине исследованию морально-бытового состояния российских войск Западного фронта. Одновременно они показали «изнутри» все трансформации настроений на фронте в зависимости от военных событий, внутриполитической и социально-экономической жизни в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486.
2. Смольянинов, М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году/ М. М. Смольянинов. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 259 с.
3. РГВИА. – Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 519.
5. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554.
6. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп.1. Д. 555.
7. РГВИА. – Ф. 366. Оп. 1. Д. 13.
8. РГВИА. – Ф. 366. Оп. 2. Д. 10.
9. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 520.
10. РГВИА. – ф. 2048. Оп. 1. Д. 905.
11. Смольянинов, М.М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г./М.М. Смольянинов. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 264 с.
12. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 522.
13. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 524.
14. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 530.
15. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 533.
16. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 535.
17. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 536.
18. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 534.

А. Г. Дашкевіч

БАРАНАВІЦКІ КРАЙ У ГАДЫ ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ (1919–1921)

У гады Першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.) тэрыторыя сучаснага Баранавіцкага раёна, за выключэннем паўднёва ўсходняй яго часткі, была акупавана германскімі войскамі. Пад уплывам ваенных і рэвалюцыйных падзей адбываліся чаргаванні ўлады і міграцыя насельніцтва. Сацыяльна-эканамічнае становішча рэгіёна прыйшло ў заняпад: гаспадарчая разруха суправаджалася высокай смяротнасцю насельніцтва ў сувязі з голадам і эпідэмічнымі захворваннямі.

У пачатку студзеня 1919 г. з Баранавічаў у напрамку да Слоніма адступілі нямецкія акупанты, узарваўшы мост па р. Мышанка, намагаючыся перакрыць шлях чырвонаармейцам. Але ўжо 5 студзеня 1919 г. жыхары Баранавічаў і суседніх вёсак горача віталі на кірмашовай плошчы першы батальён 152-га стралковага палка. Для ўзнаўлення савецкай ўлады ў лютым 1919 г. ў Баранавічы прыбылі члены Навагрудскага падраённага камітэта

КПБ. У сувязі з тым, што, згодна з новым адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленнем, Баранавічы сталі павятовым цэнтрам, камандыраваныя камуністы вярнуліся назад у Навагрудак [1, с. 538–641]. Аднак наладзіць працу савецкім уладам не ўдалося: у гэты час Баранавічы апынуліся ў адным з асноўных напрамкаў прасоўвання польскіх легіёнаў.

У планах Ю. Пілсудскага было ўсталяванне кантроля над Гродна, з якога адступілі немцы. Гэты горад меў важнае значэнне для падрыхтоўкі будучага наступлення на Вільна. Віленскую аперацыю Ю. Пілсудскі меркаваў распачаць праз тэрыторыю, якая знаходзілася паміж Лідай і Мастамі на паўночным беразе Немана. Менавіта там знаходзілася адзіная чыгуначная лінія, якая дазваляла сканцэнтраваць і забяспечыць войскі. Задачай генерала Лістоўскага было наступленне на Баранавічы і ўсталяванне кантроля на чыгунцы Баранавічы – Ліда, а таксама заняцце Лунінца. Падрыхтоўку да наступальнай аперацыі неабходна было завяршыць да 8 красавіка 1919 г.

Першай да выканання Віленскай аперацыі прыступіла група генерала А. Макрэцкага. 15 красавіка пачалося наступленне на Навагрудак і Баранавічы. Мэтай Ю. Пілсудскага было не столькі заняць гэтыя гарады, колькі сцягнуць сюды моцныя сілы праціўніка, забяспечыўшы тым самым хуткі марш на Вільна. Вечарам 15 красавіка наступленне на Баранавічы было спынена моцным супраціўленнем атрадаў чырвонаармейцаў. Для таго, каб працягваць атаку з польскага боку, не хапала боепрыпасаў [2, с. 301.10.3].

Наступленне на Ліду пачалося 16 красавіка у 5 гадзін раніцы. З усходу горад акружыла кавалерыя, паралізаваўшы работу чыгункі па лініі Ліда – Маладзечна. Усю ноч з 16 – 17 красавіка працягваліся цяжкія баі за горад. Даведаўшыся аб складаным становішчы сваіх войскаў, Пілсудскі загадаў спыніць марш на Вільна і перакінуць частку сіл на Баранавічы і Ліду.

Ліда была занята 17 красавіка у 5 гадзін раніцы групой маера Денба – Бернацкага і Сувальскім пяхотным палком. За імі ў горад увайшлі астатнія аддзелы групы генерала Лясоцкага. Ваеннай здабычай сталі танк, некалькі грузавых паяздоў, значная колькасць зброі, боепрыпасаў (30 вагонаў), а таксама 350 ваеннапалонных. У той жа дзень у 10.30 гадзін Пілсудскі загадаў аб узнаўленні пахода на Вільна. 19 красавіка кавалерыя палкоўніка Беліны – Празморскага пачала атаку на Вільна, хутка быў захоплены чыгуначны вакзал, дэзарганізавана работа тэлефоннай і тэлеграфічнай сувязі. Аднак к вечару чырвоныя войскі перайшлі да актыўнай атакі. У польскіх атрадах пачаўся крызіс: нехапала байцоў, зброі, раслі страты, усё больш адчувалася фізічная стомленасць [3, с. 301.10.3].

Пакуль працягваліся баі за Вільню, польскія войскі захапілі Навагрудак (18 красавіка) і Баранавічы (19 красавіка). Баі за Баранавічы працягваліся 5 дзён. Савецкі бок аказваў жорсткае супраціўленне. 2 ночы працягвалася барацьба на штыках, супраць пехоты былі выкарыстаны польскія танкі “Смелы” і “Пілсудчык”. Першымі ў горад прарваліся штурмавы батальён капітана Камероўскага і батальён Віленскага пяхотнага палка. У палон было узята 140 чырвонаармейцаў.

Пасля абвяшчэння адозвы Ю. Пілсудскага “Да жыхароў былога Вялікага княства Літоўскага” на тэрыторыі, занятай польскімі войскамі было створана Грамадзянскае ўпраўленне. Генеральны камісар быў адказны перад Галоўным камандаваннем, ажыццяўляў заканадаўчую і выканаўчую ўладу ва ўсіх сферах грамадскага жыцця (акрамя вайсковых спраў), назначаў і звальняў чыноўнікаў, кантраляваў бюджэт Грамадзянскага ўпраўлення, падатковую сістэму і інш. Генеральны камісарыят складаўся з чатырох секцый (агульных спраў, адміністрацыйнай, гаспадарчай, фінансавай), якія падзяліліся на 14 аддзелаў (агульны, юстыцыі, агітацыйны, адміністрацыі, веравызнанняў і прэсы, аддзел кадраў, здароўя, асветы і культуры, дзяржаўных багаццяў, фінансаў, зямельны, рамяства і гандлю, эканамічны, кантралюючы аддзел.)

28 мая Е. Асмалоўскі выдаў распараджэнне аб арганізацыі акруг і акруговых улад на “ўсходніх землях” [4, роз. III. 39]. У склад кіраўніцтва акруг, акрамя камісара, ўваходзілі яго намеснік, а так сама група інспектараў. 7 чэрвеня былі ўтвораны Віленская і Брэсцкая акругі, 12 верасня – Мінская акруга.

З 10 кастрычніка акруговыя камісары былі перайменаваны ў начальнікаў акруг. 5 лістапада намеснік Генеральнага камісара Эдвард Івашкевіч выдаў распараджэнне аб утварэнні паветаў і павятовай адміністрацыі. Павятовыя камісары пачалі называцца старастамі. З гэтага часу дзейнасць Генеральнага камісарыята не кантралявалася з боку Галоўнага камандавання (канчаткова залежнасць ад вайсковых улад была скасавана пастановамі Сейму з 25 лістапада і 19 снежня 1919 г.).

Ва ўмовах польскай акупацыі 1919–1920 гг. Баранавіцкі павет быў падзелены на 19 гмін і ўключаны ў склад Брэсцкай акругі. Па даных польскіх уладаў, павет займаў плошчу 57976 км.кв., на яго тэрыторыі пражывала 176 212 чалавек (60 % беларусаў, 21 % палякаў, 10 % яўрэяў, 9 % рускіх) [5, к. 164]. Вызначэнне этнаканфесійнага складу насельніцтва было важнай задачай для польскай ўлады, якая ва ўмовах ваенных дзеянняў і нявызначанага геапалітычнага статуса акупаваных зямель намагалася выпрацаваць і правесці ў жыццё ўласную палітыку, накіраваную на далучэнне дадзенай тэрыторыі да Польшчы.

Апорай польскай улады ў Баранавіцкім краі была польскай грамадска-палітычная арганізацыя Таварыства Стражы Крэсвай (далей – ТСК), якая дзейнічала пры фінансавай падтрымцы Генеральнага камісарыята ГУУЗ. Мэтай арганізацыі была агітацыйна-арганізацыйная праца, скіраваная на схіленне мясцовага насельніцтва на бок Польшчы (правядзенне з’ездаў і народных сходаў, арганізацыя народных рад, матэрыяльная дапамога насельніцтву, падтрымка развіцця сельскай гаспадаркі, распаўсюджанне польскай мовы, адукацыі і культуры).

Цікава, што ТСК, якая дзейнічала ў Баранавічах, належала не да Брэсцкай акругі, а да Мінскай. Гэта вынікала з адсутнасці падтрымкі польскай улады з боку польскага насельніцтва. Ідэалагічная барацьба паміж федэралістамі і прыхільнікамі інкарпарацыі, якая моцна адчувалася на

Міншчыне і не была характэрна для Брэстчыны, у палітычным сэнсе набліжала Баранавіцкі край да Міншчыны. Мясцовая грамадзянская адміністрацыя пільна кантралявала палітычныя настроі насельніцтва павета, схіляючы да правядзення плебісцыту, на якім планавалася прыняць рашэнне аб уключэнні Брэстчыны ў склад Польшчы, аднак не была цалкам ўпэўнена ў выніках сваёй працы.

У першых рапартах павятовага інструктара ТСК адзначалася, што ў павеце пануе адміністрацыйны хаос, бандытызм, крадзяжы і спекуляцыя. Злоўжыванні з боку вайсковых уладаў выклікалі крытыку польскай ўлады з боку мясцовага насельніцтва. Вайскоўцы не жадалі падпарадкоўвацца мясцоваму кіраўніцтву і грамадзянскім законам, у сувязі з чым павятовы стараста Канстанцін Рдутьоўскі паспрабаваў адмовіцца ад супрацоўніцтва з жандармерыяй і сфарміраваць з адпаведнага мясцовага кантынгенту атрады павятовай паліцыі.

Яшчэ адным спосабам схіліць насельніцтва на бок польскай ўлады была спроба арганізаваць матэрыяльную дапамогу праз дзейнасць польскіх грамадскіх арганізацый (раздачу адзення, харчавання, арганізацыю пунктаў бясплатнай медыцынскай дапамогі, прытулкаў, інтэрнатаў і інш.).

Кіраўнікі ТСК намагаліся праводзіць у краі паступовую паланізацыю, ствараючы сярод мясцовага насельніцтва пласт маладой польскай інтэлігенцыі. Выключная роля ў дасягненні дадзенай мэты надавалася польскай школе. У 1919/1920 навучальным годзе ў Баранавіцкім павеце было арганізавана больш за 100 польскіх школ (145 настаўнікаў выкладалі на польскай мове). Акрамя таго, дзейнічала 100 рускіх, 25 беларускіх і 20 яўрэйскіх школ. У 24 з гэтых школ працавалі курсы польскай мовы для дарослых [6, к. 28].

Польская ўлада разлічвала на тое, што беларускі нацыянальны рух не здольны аказваць ўплыву на насельніцтва, таму яно хутка падтрымае польскія школы. Павятовы школьны інспектар пагаджаўся на дзейнасць рускіх школ: “Для людзей праваслаўных руская школа больш звыклая, чым беларуская. У беларускіх школах няма падручнікаў і настаўнікаў. Калі б настаўнікі беларускіх і рускіх школ вывучылі польскую мову, то неабходнасць ў рускіх і беларускіх школах увогуле б адпала, бо насельніцтва ахвотна прымае польскую школу” [7, к. 27].

Адносіны мясцовага насельніцтва да дзейнасці прадстаўнікоў польскай ўлады выразна праявіліся ў сакавіку 1920 г. пад час першай спробы арганізаваць ў Баранавічах народны сход. У выніку няўдалых памкненняў змяніць настроі насельніцтва на карысць Польшчы павятовы інструктар ТСК Мар’ян Булгак быў звольнены з пасады. Месца павятовага інструктара заняў былы яго намеснік А. (поўнае імя не вядома) Шпігановіч, які ў сярэдзіне красавіка паведамляў кіраўніцтву ТСК Мінскай акругі аб тым, што вызначана 298 дэлегатаў народнага сходу: 105 палякаў, 186 беларусаў (37 каталікоў і 149 праваслаўных), 4 яўрэі, 2 татарына і 1 рускі. Разам з тым 25 % насельніцтва адмовіліся ад ўдзелу ў сходзе. Вескі паўночна-заходняй часткі павета не далі кандыдатаў, патлумачыўшы тым, што “у часы савецкай

ўлады на грамадскую працу былі вылучаны лепшыя і разумнейшыя актывісты, якіх палякі растралілі.” Не жадаючы абракаць сваіх людзей на той самы лёс, вяскоўцы заявілі польскім уладам, што “будуць чакаць, пакуль усталоецца сталая ўлада”[8, к. 6].

Насельніцтва паўднёва-усходняй часткі павета, асабліва заможныя гаспадары, якія менш пацярпелі ад вайны, але не прымалі савецкай палітыкі, у асноўным прыхільна ставілася да польскай ўлады.

Летам 1920 г. у сувязі з паспешным адступленнем польскіх войскаў перад грамадзянскай уладай паўстала праблема агульнай эвакуацыі, у тым ліку адміністрацыі ГУУЗ. Па распараджэнні Генеральнага камісара 16 ліпеня было створана эвакуацыйнае бюро. Пры ім пачала працаваць ліквідацыйная камісія, якой перадаваліся паўнамоцтвы, звязаныя з эвакуацыяй служачых і маёмасці ГУУЗ на тэрыторыю Польшчы.

19 ліпеня 1920 г. часці 8-й дывізіі ўступілі ў Баранавічы. На наступны дзень пачаў працаваць Баранавіцкі ваенна-рэвалюцыйны камітэт на чале з Мільчыным. Шыльды з польскімі надпісамі былі заменены на рускія, адмяняліся ўсе распараджэнні папярэдняй улады [9, к. 205].

З сярэдзіны жніўня 1920 г. сітуацыя на фронце змянілася, польскія войскі перайшлі ў контрнаступленне і 21 жніўня занялі Брэст-Літоўск. У гэтых умовах савецкае кіраўніцтва заявіла аб гатоўнасці да мірных перагавораў. Польскае кіраўніцтва выкарыстала мінскі этап перагавораў (17 жніўня – 2 верасня 1920 г.) для павышэння абароназдольнасці краіны, падрыхтоўкі новага ваеннага наступлення і ідэалагічнага ўздзеяння на грамадскасць заходніх дзяржаў. Загадам Міністэрства ўнутраных спраў Польшчы 1 верасня 1920 г. замест ліквідацыйнай камісіі арганізавана пасляліквідацыйнае бюро пад кіраўніцтвам Я. Салтыкевіча. Уся адміністрацыйная структура былога ГУУЗ пераходзіла ў падпарадкаванне Міністэрства ўнутраных спраў Польшчы.

На акупаванай беларускай тэрыторыі 9 верасня 1920 г. створана Упраўленне прыфрантавымі і этапнымі тэрыторыямі (далей – УПіЭТ) на чале з У. Рачкевічам. Упраўленне ахоплівала 20 беларускіх паветаў, у тым ліку Баранавіцкі. Размежаванне кампетэнцыі ваенных і грамадзянскіх улад было акрэслена загадам Ю. Пілсудскага 15 верасня 1920 г.

Ваенным уладам забаранялася ўмешвацца ў справы грамадзянскага кіравання. Разам з тым у апарат новай адміністрацыі ўводзіліся дэлегаты ад вайсковых груп і штабоў армій, якія павінны былі сачыць за выкананнем ваенных патрабаванняў, ажыццяўляць пасрэдніцтва паміж камандаваннем і грамадзянскім насельніцтвам. Усім чыноўнікам УПіЭТ прадпісвалася насіць ваенную форму і падпарадкоўвацца ваенным правілам.

Паўторнае ўтварэнне асобнай адміністрацыі на акупаваных землях было негатыўна ўспрынята ў польскім грамадстве. За ўвядзенне на акупаваных землях агульнадзяржаўнай польскай адміністрацыі выступалі палітычныя дзеячы і ўніверсітэцкая прафесура на старонках урадавай газеты “Rzeczpospolita”. УПіЭТ утваралася як часовая грамадзянскай улада, якая часткова залежыла ад

Міністэрства ўнутраных спраў Польшчы. Уся папярэдняя дакументацыя была перададзена ліквідацыйнай камісіі, а склад былых чыноўнікаў зменены. Фактычна новай адміністрацыі прыйшлося пачынаць працу з нуля, што ва ўмовах вядзення актыўных ваенных дзеянняў было амаль немагчыма.

У верасні 1920 г. у Баранавіцкім краі ўзнавілі дзейнасць польскія грамадскія і дабрачынныя арганізацыі, таварыствы, сельскагаспадарчыя кааператывы. Адным з першых пачалі працаваць ТСК і Камітэт дапамогі дзецям. Мясцовыя землеўласнікі, якія падчас першай акупацыі займалі актыўныя пазіцыі ў грамадска-палітычным жыцці, адмовіліся ад ўзнаўлення супрацоўніцтва з палякамі. Пасля ваенных няўдач польскага войска і кароткачасовага перыяду ўсталявання савецкай улады насельніцтва з недаверам ставілася як да савецкай, так і да польскай палітыкі. Аўтарытэт польскага кіраўніцтва яшчэ больш пахіснуўся пасля таго, як на адміністрацыйныя пасады вярнуліся былыя чыноўнікі.

Ваенна-палітычныя падзеі лета – восені 1920 г. дэзарганізавалі ўсе сферы жыцця грамадства. Гаспадарка была цалкам зруйнавана. У павеце амаль не засталася не разбураных будынкаў. Дарагоўля і дэфіцыт тавараў першай неабходнасці прыводзілі к росквіту бандытызму, карупцыі і спекуляцыі. Большасць палёў пераўтварылася ў пустыры, пакінутыя гаспадарамі маёнткі былі разрабаваныя.

У катастрафічным стане апынулася адукацыйная справа. Распачаць новы навучальны год не было магчымасці. У гэты час былі закрытыя ўсе навучальныя ўстановы, спынілася фінансаванне нават польскіх школ. Павятоваму старасце неабходна было зноў распачаць рамонт школьных будынкаў, разбураных вайскоўцамі. Нягледзячы на тое, што ў павеце не засталася настаўнікаў, якія б маглі выкладаць на польскай мове, да канца 1920 г. планавалася адчыніць па адной польскай школе ў кожнай гміне. Афіцыйна аб'яўлялася, што дзяржаўную дапамогу змогуць атрымаць толькі польскія школы. У выніку правядзення вясковых сходаў насельніцтва згадзілася на польскую адукацыю з выкладаннем рэлігіі на рускай мове.

Пасля падпісання дагавору аб перамір'і і прэлімінарных умоў міру паміж Польшчай і Савецкай Расіяй (12 кастрычніка 1920 г.) на беларускіх землях, якія засталіся за Польшчай, было праведзена новае адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне: утворана Палескае ваяводства з цэнтрам у Пінску (Брэст-Літоўск, Драгічын, Кобрын, Лунінец, Косава, Пінск, Пружаны) і Навагрудскае – з цэнтрам у Навагрудку (Баранавічы, Дунілавічы, Дзісна, Ліда, Нясвіж, Навагрудак, Слонім, Стоўбцы, Вілейка, Валожын). Разам з тым Гродзенскі, Ваўкавыскі і Белавежскі паветы далучаліся да Беластоцкага ваяводства. На гэтых землях пачалі распаўсюджвацца дэкрэты, законы і распараджэнні, якія мелі законную сілу на ўсёй тэрыторыі Польскай дзяржавы.

Згодна з распараджэннем Рады Міністраў 26 лістапада 1920 г. УПіЭП было ліквідавана, а былая адміністрацыя пераходзіла ў падпарадкаванне галіновых міністэрстваў Польскай дзяржавы. Пасля заключэння Рыжскага

мірнага дагавора 18 сакавіка 1921 г. тэрыторыя Заходняй Беларусі афіцыйна адыйшла да Польшчы. Баранавіцкі край заставаўся ў Навагрудскім ваяводстве, на абшарах якога амаль 20 гадоў адкрыта праводзілася польская каланізатарская і асіміляцыйная палітыка.

ЛІТАРАТУРА

1. Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1918-1920: сб. д-тов и м-лов. – Минск, 1968. Т.1. – С. 538-541.
2. Komunikat operacyjny. Front Litewsko – Białoruski, 15.IV.1919. // Centralny Archiwum Wojskowy (CAW). – Akta Oddziału III Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego (AO III ND) WP. – Sygn. 301.10.3.
3. Komunikat operacyjny. Front Litewsko – Białoruski, 20.IV.1919. // Centralny Archiwum Wojskowy (CAW). – Akta Oddziału III Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego (AO III ND) WP. – Sygn. 301.10.3.
4. Dziennik Urzędowy ZCZW. NDWP. – № 5 (28 czerwca 1919). – Roz. III. 39.
5. Sprawozdanie likwidacyjne starostwa baranowickiego // Biblioteka publiczna m. st. Warszawy. Dział starych druków i rękopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschódnych. Akc. 1705. K. 164.
6. Sprawozdanie za czerwiec 1920 r. Powiat baranowicki // Biblioteka publiczna m. st. Warszawy. Dział starych druków i rękopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschódnych. Akc. 1705. K. 28.
7. Sprawozdanie za czerwiec 1920 r. Powiat baranowicki // Biblioteka publiczna m. st. Warszawy. Dział starych druków i rękopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschódnych. Akc. 1705. K. 27.
8. Archiwum Akt Nowych. TSK 261. K. 6.
9. Archiwum Akt Nowych. TSK 261. K. 205.

О. В. Бригадина

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (1920–1930)

В связи с провозглашением курса на построение социализма в стране, индустриализации, переходе к плановой экономике и свертыванием нэпа, в 30-е гг. изменилась социальная структура советского общества и положение различных слоев населения. По статистическим данным и результатам Всесоюзной переписи населения 1937 и 1939 гг. установлено, что социально-классовая структура советского общества состояла из следующих основных элементов (в процентах ко всему населению с учетом неработающих членов семей):

1) Рабочий класс – 33,7 %. Его численность за 1926–1937 гг. увеличилась в 3,6 раза, главным образом за счет выходцев из деревни. 2) Колхозное крестьянство и кооперированные кустари – соответственно 44,9 и 2,3 %.

3) Крестьяне-единоличники и некооперативные кустари составляли соответственно 2,0 и 0,6 %. [1, с. 215], 4) Интеллигенция и служащие – 16,5 %. С 1926 по 1939 гг. интеллигенция численно увеличивалась вдвое быстрее, чем все занятое население, и в итоге превысила уровень середины 20-х гг. в 4,4 раза [1, с. 232].

Организация и планирование труда в таком обществе представляли наибольшие сложности. Любой сбой планируемых показателей мог вызвать цепь разрушительных последствий. Поэтому существующие в стране ресурсы и возможности диктовали определенную логику действий руководства, воплощенную в нормативных актах.

Основным нормативным актом в области труда был принятый 9 ноября 1922 г. КЗоТ РСФСР. С некоторыми поправками КЗоТ 1922 г. действовал до 1971 г. Согласно данному документу, государство переходило от методов принуждения в регулировании трудовых отношений, к методам свободного найма рабочей силы с заключением добровольного трудового договора [2, с. 147–148].

По Кодексу о труде всем гарантировался отдых в размере 42 часа в неделю и двухнедельный оплачиваемый отпуск, был прописан запрет на использование труда подростков в возрасте до 16 лет. Женщинам предоставлялись декретные отпуска (шесть недель до и шесть недель после – для работниц умственного труда, восемь недель – физического) [2, с. 154].

15 октября 1927 г. в связи с 10-летием Октябрьской революции Постановлением ЦИК СССР был принят «Манифест ко всем рабочим, трудящимся, крестьянам, красноармейцам Союза ССР. К пролетариям всех стран и угнетенным всего мира», согласно которому в стране в течение ближайших лет должен был быть осуществлён постепенный переход фабрично-заводских рабочих с 8-часовой на 7-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд [2, с. 99].

В конце 1929 г. было решено сделать работу предприятий непрерывной, без выходных. Это нашло отражение в постановлении СНК СССР от 24 сентября 1929 г. «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю» [7, с. 56–58]. В постановлении говорится: «Во всех предприятиях, переходящих на непрерывную производственную неделю, за исключением строительства и предприятий с сезонным характером работ, вводится пятидневная рабочая неделя (четыре дня работы и один день отдыха)» [7, с. 57].

Во всех учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю, также вводится пятидневная рабочая неделя (четыре дня работы и один день отдыха). При этом в учреждениях с 6-часовым рабочим днем устанавливается рабочий день в 7 часов (включая получасовой перерыв)» [4, с. 586].

Была введена так называемая «непрерывка» – непрерывная рабочая неделя. Введение непрерывки осуществлялось вместе с резким уменьшением количества выходных и праздничных дней. Теперь рабочая неделя длилась

четыре дня, а следующий за ними день был выходным. А поскольку нужно было сохранить некоторые праздники, то в году оставили пять праздничных дней и 72 пятидневные недели, или пятидневки. То есть, в общем и целом у всех работающих оставалось 77 (или 78 в високосные годы) дней отдыха вместо 98 по прежнему календарю.

«Непрерывка» привела к тому, что у оборудования не стало конкретного хозяина, начались его простои и поломки. Это явление получило наименование – «обезличка». Вот что по этому поводу говорил И. В. Сталин в 1931 г. на совещании хозяйственных руководителей: «Дело в том, что на ряде предприятий перешли у нас на непрерывку слишком поспешно, без подготовки соответствующих условий, без должной организации смен, более или менее равноценных по качеству и квалификации, без организации ответственности каждого за данную конкретную работу. А это привело к тому, что непрерывка, предоставленная воле стихии, превратилась в обезличку» [10, с. 254].

В русле принуждений в СССР велась борьба с текучестью рабочей силы, за укрепление дисциплины и порядка на производстве. Так, 15 декабря 1930 г. было принято постановление ЦИК СССР № 52 и СНК СССР № 661 «О порядке найма и распределении рабочей силы и о борьбе с текучестью рабочей силы» [5, с. 256]. Оно предполагало комплекс мер по борьбе с текучестью, в том числе ликвидацию бирж труда и регистрацию труда только по месту жительства. За задержку на предприятиях специалистов не по назначению, за неправильное использование работников дефицитных профессий, за переманивание рабочих и технического персонала, за нарушение в коллективных договорах норм оплаты труда и излишки рабочей силы налагалась административная ответственность.

20 февраля 1931 г. появилось новое постановление ВЦИК и СНК «О производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях» [6, с. 160]. Это постановление предоставило предприятиям право увольнять работников в случае троекратной неявки на работу, как в дореволюционной России. Затем администрации было предоставлено право самостоятельно, без санкции рабочей конфликтной комиссии (РКК), налагать на нарушителей все взыскания, предусмотренные табелем взысканий, усилена ответственность администрации за состояние дисциплины и производственного режима. Было существенно расширена компетенция товарищеских судов.

27 декабря 1932 г. постановлением ЦИК и СНК СССР № 1917 была установлена единая паспортная система. В постановлении говорилось: «в целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов, ЦИК и СНК СССР постановляет:

1. Установить по Союзу ССР единую паспортную систему на основании положения о паспортах.

2. Ввести единую паспортную систему с обязательной пропиской по всему Союзу ССР в течение 1933 года, охватив в первую очередь население Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Одессы, Минска, Ростова-на-Дону, Владивостока.

3. Поручить правительствам союзных республик привести свое законодательство в соответствие с настоящим постановлением и положением о паспортах» [9, с. 516].

Таким образом, паспортная система предусматривала прописку по месту жительства и закрепляла преимущества городского жителя, давала ему право на продуктовую карточку, обеспечивала правом на жилье. Москва, Ленинград и другие крупные промышленные центры становились городами с ограниченной пропиской, которые имели приоритетное снабжение. Сотни тысяч человек были задержаны за нарушение паспортного режима и отправлены на принудительные работы.

В конце 1931–1932 гг. были проведены реформы в области оплаты труда. Диапазон между ставками наименее и наиболее квалифицированных рабочих был расширен; «потухающая кривая» в росте оплаты по разрядам была запрещена. Наиболее высокие разряды должны были оплачиваться выше. Отдельные шкалы были введены для сдельных и повременных рабочих. Первая была примерно на 15 % выше второй. Даже в пределах установленных норм оплаты возможны были более высокие заработки в зависимости от процента выполнения плана (прогрессивная сдельщина). Уже в первом квартале 1932 г. большинство предприятий за счет этого сумело выполнить промфинплан. Рабочие в целом приветствовали переход на сдельщину. Процент переведенных на эту форму труда в результате реформы поднялся в 1933 г. в крупной промышленности до 67,3 %. Соответственно выросли средние зарплаты. К 1937 г. долю сдельщиков намечалось довести до 75 % [1, с. 376].

Предпринимались меры для укрепления дисциплины на производстве. Пересматривались правила внутреннего распорядка на предприятиях. В сентябре 1932 г. трудовые списки были заменены трудовыми книжками. На борьбу с прогульщиками были направлены все рычаги хозяйственного и идейно-политического воздействия.

Огромное расслоение в среде рабочего класса (зарботки ударников в 8–10 раз превышали зарботки чернорабочих) неизбежно вело к увеличению напряженности в отношениях [1, с. 397]. У большей части рабочих, которые не получили повышения или не стали ударниками и стахановцами, вызывало недовольство увеличение норм выработки и продолжительности рабочего времени, ухудшение жилищных условий и уменьшение реальной заработной платы, а так же возрастающее неравенство.

Принуждение к труду всегда вызывало противодействие. Резкий рост недовольства рабочих экономической политикой советской власти наблюдался на рубеже 1920–1930-ых гг. XX столетия. Об этом, в частности, свидетельствует докладная записка начальника ИНФО ОГПУ Герасимова от 9 мая

1930 г. «Об отрицательных моментах в настроении текстильщиков за 1929 и первый квартал 1930 г.» [8, с. 237], которая конкретизирует протест рабочих, касающийся вопросов зарплаты, норм выработки, расценок, спецодежды [8, с. 237–247]. Материалы данного документа приводят ряд причин недовольства рабочих: 1) низкая заработная плата отдельных групп рабочих, несвоевременная выдача зарплаты, обсчеты, «разнобойность» в ставках; 2) высокие нормы выработки; 3) низкие расценки; 4) несвоевременная выдача спецодежды и её недоброкачественность; 5) тяжёлые условия труда.

Советская власть в 1930-е гг. проводила определённую политику в области стимулирования труда. Эта политика представляла собой совокупность материального, морального поощрения и принуждения. Промышленный рывок, предпринятый в период форсированной индустриализации, был использован руководством страны, чтобы заявить о построении социализма в СССР. Пока эта задача была у всех на слуху, легче было возбуждать трудовой энтузиазм.

В качестве материальной меры было увеличение размеров вознаграждения за труд. В 1937 г. был установлен минимальный размер зарплаты в городах в пределах от 110 до 115 руб. В чёрной металлургии зарплаты у рабочих повысились на 11,4 %, у ИТР – на 27,6 %. В среднем по стране в 1939 году составила 331 рубль, в том числе 324 руб. у рабочих и 696 руб. у ИТР [10, с. 207]. Проводился ряд мер, направленных на укрепление социально – бытовой сферы предприятий, льготы для многодетных матерей, студентов, учащихся профессиональных училищ. Были расширены возможности рабочих получить «приварок» к зарплате путем наделения городских жителей землей под огороды. Рабочим и служащим предоставлялись регулярные отпуска, продолжалось оформление системы медицинских и оздоровительных учреждений. В 1938 г. в стране было 1 838 санаториев и 1 270 домов отдыха, и 12 тысяч пионерских лагерей [1, с. 567].

Наряду с материальным стимулированием продолжались кампании поддержки социалистического соревнования, которые по-прежнему носили политический оттенок. В 1938 г. были учреждены звания «Герой социалистического труда», медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», которые одновременно предусматривали ряд льгот и гарантий награжденным. Они получали преимущества в карьере: вступление в партию, продвижение на новую должность, поступление в ВУЗ и т.д.

Одним из наиболее известных трудовых починов 1930-х гг. было стахановское движение, развернувшееся в конце 1935 г. В отличие от ударничества первой пятилетки, делавшего упор на коллективные успехи в труде, теперь соревнование становилось индивидуальным трудовым рекордом по примеру А. Г. Стаханова – донецкого шахтёра.

Социально-экономические и политические условия развития страны в 1930-е гг. оказали сильнейшее воздействие на общество в целом и обусловили своеобразные особенности развития советской повседневной жизни. Новые законы в сфере трудовой деятельности, нормы и правила поведения,

стахановское движение – это инструменты» советской власти, которая с помощью трудовой деятельности стремилась создать человека нового социалистического образца.

ЛІТЕРАТУРА

1. История советского рабочего класса. 1921-1937; в 6т./ Л. Рогачевская. – М. : Наука, 1984. – Т.2.
2. Манифест ко всем рабочим, трудящимся, крестьянам, красноармейцам Союза СССР. К пролетариям всех стран и угнетённым всего мира. / Постановление ЦИК СССР от 15 октября 1927 г. // Свод законов СССР. – 1927. – № 61.
3. Народное хозяйство СССР 1922-1972 гг.// Юбилейный статистический сборник/ ЦСУ СССР. – М. : Статистика, 1972. – 848 с.
4. «О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР» / Постановление ВЦИК РСФСР от 9 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 70.
5. «О порядке найма и распределении рабочей силы и о борьбе с текучестью рабочей силы» / Постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1930 г., № 691 // Свод законов СССР. – 1930. – Т. 2.
6. «О производственно-товарищеских судах и их борьбе с нарушениями трудовой дисциплины и пережитками старого быта» / Постановление ВЦИК и СНК от 20 февраля 1931 г. // СУ РСФСР. – 1931. – № 14.
7. «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю» / Постановление СНК СССР от 24 сентября 1929 г. // Свод законов СССР. – 1929. – № 63.
8. «Об отрицательных моментах в настроении текстильщиков за 1929 и первый квартал 1930 г.» / Докладная записка ИНФО ОГПУ // О положении в стране 1922–1924 гг. – Т. 8. – Ч. 1. – 1930. – М., 2008.
9. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» / Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. № 1917 // Свод законов СССР. – 1932. – № 84.
10. *Сталин, И. В.* Речь на совещании хозяйственников, 23 июня. 1931г. / *И. В. Сталин* // Собрание соч.: в 18 т. – М. : Тверь, 1946.

В. М. Бароўская

РАПАЛЬСКІ ДАГАВОР І ЯГО ЎПЛЫЎ НА РАЗВІЦЦЁ САВЕЦКА-ПОЛЬСКИХ АДНОСІН 1920-х гг.

Італьянскі горад Генуя неаднаразова станавіўся пляцоўкай для дыпламатычных мерапрыемстваў. З 10 красавіка па 20 мая 1922 г. у гэтым населеным пункце праходзіла міжнародная сустрэча вядучых палітыкаў свету, больш вядомая ў гістарыяграфіі як Генуэзская канферэнцыя. У працах канферэнцыі прымалі ўдзел прадстаўнікі 29 дзяржаў свету, у тым ліку Італія

(Л. Факта), Вялікабрытанія (Д. Керзан, Д. Лойд-Джордж), Францыя (К. Баррэр), Германія (К. Вірт, В. Ратенау), ЗША (пасол у Італіі Р. Чайлд). У склад дэлегацыі РСФСР на Генуэскай канферэнцыі ўваходзілі: У. І. Ленін (старшыня), Г. В. Чычэрын (намеснік старшыні), Л. Б. Красін, М. М. Літвінаў, В. В. Вароўскі (генеральны сакратар), Я. Э. Рудзутак, А. А. Іофе, Х. К. Ракоўскі, Н. К. Нарыманаў, А. Г. Шляпнікаў, Б. Е. Штейн, Б. Мдзівані, А. Бекзадзян [1, с. 142].

Генуэзская сустрэча стала своеасаблівым працягам Рыжскай мірнай канферэнцыі. Яна была сродкам юрыдычнага прызнання ўмоў Рыжскага мірнага дагавора краінамі Антанты, у тым ліку легітымізацыі БССР, замацавання тэрытарыяльнага падзелу ўсходнееўрапейскага рэгіёна.

На Генуэскай канферэнцыі планавалася вырашыць спрэчныя фінансава-эканамічныя пытанні. На першы план выступала праблема выплаты запазычанасцей часоў Расійскай імперыі, Часовага ўраду, Савецкай Расіі перад краінамі Антанты. Таксама ў цэнтр увагі трапіла пытанне эканамічнага ўзнаўлення Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, землі якой значна былі спустошаны і разрабаваны ў ходзе падзей Першай сусветнай вайны. Для вырашэння гэтых праблем напярэдадні канферэнцыі, 20–28 сакавіка 1922 г., у Лондане быў створаны Спецыяльны камітэт экспертаў. Вынікам яго працы стала прыняцце рэзалюцыі, у якой ад савецкага кіраўніцтва патрабавалася “прызнаць усе запазычанасці рэжымаў Расіі, прыняць адказнасць за ўсе страты, нанесеныя дзеяннямі савецкага і наступных урадаў, якія дзейнічалі на тэрыторыі былой Расійскай імперыі” [2, с. 64].

Удзелу Савецкай Расіі ў Генуэскай канферэнцыі папярэднічалі перагаворы краін Антанты на нарадзе ў Канах 6 студзеня 1922 г. Па яе вынікам была падпісана рэзалюцыя, якая прызнавала роўнасць дзяржаў з розным грамадска-эканамічным і палітычным ладам. У гэтым дакуменце ўказвалася, што “нацыі не могуць прысвойваць сабе права дыктаваць іншым прынцыпы, на аснове якіх яны павінны арганізаваць сваю сістэму ўласнасці, унутранага эканамічнага жыцця і стылю кіравання. Кожная нацыя ў гэтых адносінах мае права выбіраць для сябе тую сістэму, якую яна жадае” [2, с. 58]. Нягледзячы на гэта, у рэзалюцыі ўтрымліваліся пэўныя патрабаванні (у тым ліку па выплаце даўгоў), якія прад’яўляліся да роўнапраўных дзяржаў. Служыла сведчаннем гатоўнасці капіталістычных краін супрацоўнічаць з сацыялістычнай сістэмай і вясці з ёй дыялог на роўных.

Падчас падрыхтоўкі да канферэнцыі ў Генуі адбываліся перагаворы Савецкай Расіі з прадстаўнікамі Германіі. Савецкае кіраўніцтва разумела, што Германія, якая імкнецца да выхаду з міжнароднай ізаляцыі, хутчэй іншых капіталістычных краін зможа пайсці на ўсталяванне дыпламатычных адносін. 25 студзеня 1922 г. праходзіла нарада двух дзяржаў, дзе былі абмеркаваны праблемы наладжвання супрацоўніцтва, у прыватнасці ў спарве ўзнаўлення Еўропы. У ходзе сустрэч выявіліся дзве пазіцыі германскага кіраўніцтва ў адносінах да Савецкай Расіі: І. Вірт і У. фон Мальцан прытрымліваліся меркавання аб неабходнасці супрацоўніцтва і ўзгаднення пазіцый з савецкім

бокам; В. Ратэнау і Г. Сціннэс выступалі за распрацоўку адзінай палітыкі ў адносінах да РСФСР з Вялікабрытаніяй і ЗША. Перагаворы былі працягнуты 2–4 красавіка 1922 г. у Берліне. Прыйсці да згоды дэлегацыям так і не ўдалося, аднак была дасягнута дамоўленасць, што яны будуць дзейнічаць ва ўзаемным кантакце, інфармаваць і падтрымліваць адзін аднаго.

Міжнародная эканамічная канферэнцыя пачала сваю працу 10 красавіка 1922 г. у палацы Сан-Джорджыя ў Генуі. Ужо на першым пленарным пасяджэнні страшыня савецкай дэлегацыі Г.В. Чычэрын падкрэсліў, што Савецкая Расія імкнецца да ўсталявання ўсеагульнага міру і патрымлівае ідэю мірнага суіснавання дзяржаў. Па меркаванні савецкай дэлегацыі, неабходна склікаць сусветны кангрэс на аснове поўнай роўнасці ўсіх народаў і прызнання за ўсімі права распараджацца сваім лёсам. З гэтай мэтай таксама было важным пераглядзець Статут Лігі нацый, каб пераўтварыць яе ў саюз народаў без панавання кагосьці.

Дасягненнем савецкай дыпламатыі часоў Генуэзскай канферэнцыі стала падпісанне паміж РСФСР і Германіяй Рапальскага дагавора – 16 красавіка 1922 г. Згодна з гэтым дыпламатычным дакументам, узнаўляліся дыпламатычныя адносіны паміж бакамі, яны адмаўляліся ад прэтэнзій па выплаце ваенных і неваенных страт, дамаўляліся аб парадку ўрэгулявання рознагалоссяў паміж сабой. Германія прызнавала нацыяналізацыю германскай дзяржаўнай і прыватнай уласнасці ў РСФСР і адмаўлялася ад прэтэнзій, якія сталі вынікам “мерапрыемстваў РСФСР і яе органаў у адносінах да германскіх грамадзян ці іх прыватных правоў пры ўмове, што ўрад РСФСР не будзе задавальваць аналагічныя прэтэнзіі іншых дзяржаў” [2, с. 65]. Абодва бакі прызналі прынцып найбольшага садзейнічання ў якасці асновы іх прававых і эканамічных адносін, абавязваліся садзейнічаць гатоўнасці аказаць нямецкім фірмам дапамогу ў справе развіцця сувязей з савецкімі арганізацыямі. Дагавор быў заключаны без указання тэрміну.

5 лістапада 1922 г. у Берліне быў заключаны дадатковы пратакол, які падпісалі ўпаўнаважаныя ўрадаў шасці савецкіх рэспублік, у тым ліку ўпаўнаважаны прадстаўнік Беларусі М. М. Красцінскі і прадстаўнік урада Германіі фон Мальцан. Берлінскі дагавор даваў рэспублікам права адкрыць у Германіі дзяржаўныя гандлёвыя бюро на ўмовах, якія адпавядалі прававому статусу гандлёвага прадстаўніцтва РСФСР. Рэйхканцлер Германіі А. Вірт заявіў паўнамоцнаму прадстаўніку РСФСР у Германіі М. М. Красцінскаму пры падпісанні Берлінскага дагавора, што Германія прызнае ССРБ і ўстанаўлівае з ёй дыпламатычныя і консульскія адносіны да ратыфікацыі дагавора [1, с. 501].

Рапальскі дагавор азначаў сканчэнне міжнароднай дыпламатычнай ізаляцыі РСФСР. Для Расіі гэта быў першы буйны дагавор і прызнанне дэ-юрэ як дзяржавы, а для Германіі – першы роўнапраўны дагавор, пасля Версальскага міру. Правамоцнасць палажэнняў Рапальскага дагавора 1922 г.

была пацверджана Берлінскім дагаворам 1926 г. 10 лістапада 1922 г. ЦВК БССР ратыфікаваў Берлінскі дагавор 5 лістапада 1922 г., у выніку Германія прызнала дэ-юрэ ўрад БССР.

Удзел савецкай дэлегацыі ў працах Генуэзскай канферэнцыі выклікаў неабходнасць правядзення шматлікіх падрыхтоўчых прац. 22 лютага 1922 г. у Маскве адбылося пасяджэнне паўнамоцных прадстаўнікоў РСФСР, Украіны, Беларусі, Арменіі, Азербайджана, Грузіі, Бухары, Далёка-Усходняй Рэспублікі і Харэзма. Быў падпісаны пратакол, паводле якога РСФСР упаўнаважваўся прадстаўляць і абараняць на канферэнцыі інтарэсы ўсіх савецкіх рэспублік, падпісваць ад іх імя дагаворы і іншыя акты з замежнымі дзяржавамі. Ад імя ССРБ пратакол падпісаў старшыня ЦВК і СНК, наркам замежных спраў А. Р. Чарвякоў. Са свайго боку ўрад РСФСР абавязаўся цвёрда абараняць інтарэсы рэспублік і інфармаваць іх аб ходзе канферэнцыі [3, с. 36].

Акрамя гэтага прадугледжвалася ажыццявіць збор статыстычнага матэрыялу, які б даказваў або абвяргаў фінансава-эканамічныя прэтэнзіі як у цэлым краін Антанты, так і Польшчы, у прыватнасці. Савецкае кіраўніцтва апасалася, што польскія прадстаўнікі могуць выказацца за перагляд пунктаў Рыжскага мірнага дагавора, звязаных з фінансава-эканамічнымі пытаннямі. Справа ў тым, што канчатковае вызначэнне памераў і спосабаў плацяжу адбылося толькі непасрэдна перад заключэннем мірнага дагавора, пры актыўным удзеле супрацоўніка Народнага камісарыята знешняга гандлю, гандлёвага прадстаўніка РСФСР у Вялікабрытаніі, старшыні савецкай дэлегацыі на гандлёвых савецка-англійскіх перагаворах, Л. Б. Красіна, і Я. К. Стэчкоўскага, міністра фінансаў Польшчы. У выніку, перагавораў Л. Б. Красіна і Я. К. Стэчкоўскага, 21 лютага 1921 г. была дасягнута дамоўленасць аб выплаце 15 млн. залатых рублі золатам, а астатнюю частку шляхам продажу каштоўных камяннеў напрацягу 2–3 гадоў [4, с. 176–179.] пры польскім пасрэдніцтве на амерыканскім рынку. Для канчатковага абвяржэння і ўдакладнення фінансавых прэтэнзій Польшчы стваралася Камісія на ацэнцы страт, нанесеных польскай арміяй і акупацыйнымі ўладамі.

Згодна з пастановай СНК БССР ад 21 студзеня 1922 г., стваралася Спецыяльная камісія па ацэнцы страт, нанесеных польскай арміяй і акупацыйнымі ўладамі. У яе склад павінны былі ўваходзіць прадстаўнікі ад цэнтральных ведамстваў БССР – Народнага камісарыята юстыцыі БССР, Народнага камісарыята ўнутраных спраў БССР, Народнага камісарыята земляробства БССР, Рабоча-сялянскай інспекцыі, Цэнтральнага статыстычнага таварыства. На чале камісіі стаяў глава статыстычнага ведамства БССР – М. І. Шкубер (1922–1927 гг.). Камісія па ацэнцы страт, нанесеных польскай арміяй і акупацыйнымі ўладамі, складалася з Цэнтральнай камісіі, шасці павятовых камісій, якія ў сваю чаргу дзяліліся на сто шаснаццаць валасных камісій.

Пачатак Генуэзскай канферэнцыі (10 красавіка – 20 мая 1922 г.) фактычна прыпыніў пасяджэнні савецка-польскіх гандлёвых перагавораў. Заключэнне Рапальскага дагавора, таксама негатыўная пазіцыя кіраўніцтва Францыі

супраць актыўнага гандлёвага супрацоўніцтва з Савецкай Расіяй сталі прычынымі канчатковага спынення перагавораў у Варшаве. Акрамя завочнага ўдзелу БССР, да Генуэзскай мірнай канферэнцыі далучыліся і дзеячы Беларускай Народнай Рэспублікі.

Напярэдадні пачатку Генуэзскай канферэнцыі – 15 студзеня 1922 г. – у лісце А. І. Цвікевіча (Коўна) да Я. А. Ляцкаму (Прага), выказвалася надзея, што на гэтай міжнароднай сустрэчы “савецкі бок будзе намагацца перагледзіць умовы Рыжскага дагавора, будзе ўзнята пытанне ўсталявання ўсходняй мяжы з Польшчай” [5, с. 1266]. Па меркаваннях дзеячоў БНР, “гэты разлік можа паставіць на парадак дня беларускае пытанне, прывядзе да патрэбнасці прыцягнення беларускіх прадстаўнікоў як польскім, так і савецкім бокам”. Беларускае праблематыка можа быць прадстаўлена або ў рамках легітымизацыі Савецкай Беларусі, або праз стварэнне “буфернай беларускай дэмакратычнай дзяржавы” [5, с. 1267].

Дзеячы БНР разлічвалі выкарыстаць канферэнцыю для прыцягнення ўвагі міжнароднай супольнасці да беларускага пытання, перашкодзіць афіцыйнаму прызнанню Рыжскага мірнага дагавора. Ужо фактычна з моманту заключэння Прэлімінарнага мірнага дагавора, 20 кастрычніка 1920 г. Рада Народных Міністраў БНР заняла пазіцыю яго непрызнання. 16 снежня 1920 г. на адрас Лігі Нацый быў накіраваны Мемарандум, дзе была выкладзена пазіцыя БНР па гэтаму пытанню. У пачатку 1921 г. быў апублікаваны зварот “Да лепшых сыноў польскай нацыі” з просьбай аб падтрымцы незалежнасці Беларусі. Трэба зазначыць, што пазіцыя непрыняцця кіраўніцтвам БНР асноўных умоў Рыжскага мірнага дагавора, паводле якога на карысць Польшчы перадавалася амаль палова этнічнай тэрыторыі Беларусі – 112, 9 тыс. км² з насельніцтвам каля 3,5 млн. чалавек, была падтрымана ўсімі ўплывовымі партыямі: БПС-Р, БПС-Ф, БПСД.

Яскрава гэта праявілася падчас нацыянальна-палітычнай нарады, якая праходзіла ў Празе ў верасні 1921 г. Згодна з рашэннямі гэтай нарады, планавалася падрыхтаваць дзве рэзалюцыі пратэсту – “Супраць Рыжскага дагавору” і “Аб палажэнні Беларусі пад акупацыяй”. Актыўная пазіцыя Рады Народных Міністраў БНР супраць умоў Рыжскага мірнага дагавора з’явілася адной з прычын разрыву дыпламатычных адносін з урадам Польшчы. Каб звярнуць увагу міжнароднай супольнасці да беларускага пытання, па ініцыятыве Рады Народных Міністраў БНР пачаў выдавацца з красавіка 1922 г. часопіс “Беларускі сцяг”. У першым жа нумары быў надрукаваны “Мемарандум Беларускай Народнай Рэспублікі канферэнцыі дзяржаў у Генуі” [6]. У Мемарандуме было абгрунтавана гістарычнае права беларускага народа на сваю дзяржаўнасць і тэрытарыяльную цэласнасць. У ім яскрава паказаны анексіянісцкі характар Рыжскага дагавора 1921 г.

19 красавіка 1922 г. Рада Народных Міністраў БНР на сваім пасяджэнні ў Берліне прыняла рашэнне аб накіраванні ў Геную беларускай дэлегацыі ў складзе В. Ю. Ластоўскага, старшыні ўрада, міністра замежных спраў і юстыцыі А. І. Цвікевіча. Спецыяльна да канферэнцыі быў падрыхтаваны

тэкст Мемарандума Урада БНР. У ім адзначалася, што асноўнай прычынай неспакою і нестабільнасці ва Усходняй Еўропе з'яўляюцца польска-савецкія спрэчкі. У гэтым дакуменце патрабавалася прызнаць незалежнасць Беларускай Народнай Рэспублікі. Перад дэлегацыяй Рады Народных Міністраў БНР была пастаўлены задачы: узяць пытанне аб пераглядзе Рыжскага мірнага дагавора, дабіцца ўключэння ў парадак дня канферэнцыі пытання аб незалежнасці Беларусі і выставіць патрабаванне аб кампенсацыі страт, якія панесла Беларусь у выніку Першай сусветнай вайны.

Кіраўнікі РСФСР не выключалі магчымасці з'яўлення на Генуэзскай канферэнцыі прадстаўнікоў Беларусі, Усходняй Галіцыі, таму на адрас ураду Італіі быў накіраваны ліст, у якім кіраўніцтва Савецкай Расіі прапаноўвала, каб на канферэнцыі ні ў якім разе не прысутнічалі “прадстаўнікі былых урадаў, бо гэта можа выклікаць сур'езную апазіцыю да самой канферэнцыі” [6].

27 красавіка 1922 г. дэлегацыя БНР прыбыла ў Геную, дзе сустрэлася з генуэзскім арцыбіскупам, неафіцыйнымі дэлегацыямі Усходняй Галіцыі, Грузіі, Азейрбайджана, Кубані і Украіны, прадстаўнікамі дыпламатычнага корпусу Вялікабрытаніі [7]. 3 мая 1922 г. у Генуі адбылася сустрэча дэлегацыі БНР і італьянскага прэм'ер-міністра А. Факта. У выніку адзначанага візіту быў уручаны Мемарандум, прапанаваны праект стварэння нейтральнага поясу ва Усходняй Еўропе. Адзначаны пояс уключаў бы тэрыторыю, якая знаходзіцца паміж лініяй Керзана і савецка-польскай мяжой, усталяванай згодна з Рыжскім мірным дагаворам. Яго ў будучым планавалася перадаць пад кантроль краін Антанты. Гэты праект быў разгледжаны падчас пасяджэння галоўнай камісіі Генуэзскай канферэнцыі. Аднак, усе вышэй пералічаныя прапановы не былі ўлічаны і прыняты [8].

У ходзе канферэнцыі савецкі бок выказаў гатоўнасць да абмеркавання пытання аб форме кампенсацыі былым замежным уладальнікам у Расіі пры ўмове прызнання Савецкай Расіі дэ-юрэ і прадстаўлення ёй крэдытаў. Акрамя таго, савецкай дэлегацыяй былі вылучаны контрпатрабаванні. Яны прадугледжвалі выплату на карысць РСФСР усіх страт, нанесеных савецкай дзяржаве падчас замежнай ваеннай інтэрвенцыі і польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. Савецкая дэлегацыя на першым пасяджэнні Генуэзскай канферэнцыі – 10 красавіка 1922 г. – унесла прапанову аб усеагульным разаружэнні. На жаль, якога-небудзь рашэння па ўзнятым пытанням не было прынята. Іх далейшы разгляд планаваўся ў рамках Гаагскай канферэнцыі (15 чэрвеня – 19 ліпеня 1922 г.).

Польскую дэлегацыю на Гаагскай канферэнцыі ўзначаліў буйны польскі эканаміст, віцэ-міністр прамысловасці і гандлю Г. Страсбургер. Ужо гэты факт яскрава дэманстраваў, што польскі бок рашуча настроены вырашыць усе спрэчныя фінансава-эканамічныя пытанні, якія ставілі перад Польшчай і Савецкай Расіяй. Таксама ў склад польскай дэлегацыі былі ўключаны эксперты па эканамічным пытанням. Акрамя гэтага на Гаагскую канферэнцыі паехалі: былы павяраны Польшчы ў Маскве Т. Філіповіч, начальнік Усход-

няга аддзела Міністэрства замежных спраў Польшчы М.С. Касакоўскі, рэферэнт Міністэрства замежных спраў па рускім пытанням А. Залеўскі, прадстаўнік Польшчы ў рэпарацыйнай камісіі Ю. Мразоўскі, саветнік пасольства Польшчы ў Лондане Я. Цеханоўскі, пасланнік Польшчы ў Бельгіі В. Собаньскі і іншыя.

У рамках Гаагскай канферэнцыі адбылося шэраг нефармальных сустрэч Г. Страсбургера з М.М. Літвінавым у гасцініце “Аранж”, таксама пачаліся актыўныя гадлёвыя перагаворы дзелавых колаў Польшчы з членамі савецкай дэлегацыі. Актыўную ролю ў гэтым збліжэнні адыграў Е. Майер, Э. Розэ, Ю. Гусарскі – прадпрымальнікі, якія мелі добрыя эканамічныя сувязі ў былой Расійскай імперыі, добра ведалі расійскі рынак. Ю. Гусарскі актыўна выступаў у друку за заключэнне савецка-польскага гадлёвага дагавора, за эканамічнае супрацоўніцтва з гэтай краінай [9, с. 118].

Вынікам гэтых сустрэч стала двухбаковая сустрэча М. М. Літвінава – старшыні расійска-ўкраінскай дэлегацыі на Гаагскай канферэнцыі – з міністрам замежных спраў Польшчы Г. Нарутовічам і Ю. Пілсудскім. Яна адбылася ў Варшаве 4 жніўня 1922 г., падчас двухдзённага візіту савецкага прадстаўніка, па дарозе з Бельгіі ў Маскву. Падчас сустрэчы савецкі бок прапанаваў заключыць двухбаковы пакт аб узаемным супрацоўніцтве, ненападзенні і сяброўстве. Аднак, Г. Нарутовіч даў зразумець М. М. Літвінаву, што гэтая прапанова з’яўляецца нецікавай для польскага кіраўніцтва. Фактычна адносіны паміж Польшчай і Савецкай Расіяй урэгуляваны пры дапамозе Рыжскага мірнага дагавора 18 сакавіка 1921 г. Польскі бок, у сваю чаргу, настойваў на заключэнні гадлёвага дагавора і на дакладным выкананні савецкім кіраўніцтвам фінансава-эканамічных абавязкаў.

Працягам варшаўскіх савецка-польскіх перагавораў стаў візіт Г. В. Чычэрына ў Варшаву. Народны камісар замежных спраў РСФСР, вяртаючыся з Берліна, дзе ён праходзіў лячэнне, сустрэўся з міністрам замежных спраў Г. Нарутовічам, прэм’ер-міністрам А. Новакам, Ю. Пілсудскім. Згодна з справаздачай Г. В. Чычэрына, асноўным пытаннем, якое абмяркоўвалася ў ходзе сустрэч стала заключэнне савецка-польскага гадлёвага дагавора [10, с. 169]. Савецкі бок патрабаваў, каб Польшча прызнала “манаполію знешняга гандлю”. Польскае кіраўніцтва настойвала на абмежаванні дзяржаўнай манаполіі Савецкай Расіі на ажыццяўленне знешнегандлёвых мерыпрыемстваў. Гэты пункт фактычна стаў прычынай спынення савецка-польскіх перагавораў. Аднак, нягледзячы на адмоўны іх вынік, адзначаныя савецка-польскія стасункі сталі неабходнай базай для заключэння паштова-тэлеграфнай канвенцыі ў маі 1923 г. і актывізаваліся перагаворы па складанні санітарнай канвенцыі (падпісана 7 лютага 1923 г.). Таксама быў праведзены ў адпаведнасці з дадатковым пратаколам да Дагавора аб рэпатрыяцыі персанальны абмен у 300 чалавек [11, с. 514]. Узнавілі сваю працу Польска-расійска-ўкраінская рээвакуацыйная камісія і Узгадняльная камісія па ліквідацыі пагранічных інцыдэнтаў.

Беларускае пытанне на Генуэзскай канферэнцыі разглядалася ў рэчышчы рашэнняў, прынятых на Рыжскай мірнай канферэнцыі (верасень 1920 г. – сакавік 1921 г.). Намеры дзеячоў БНР пэўным чынам змяніць умовы Рыжскага мірнага дагавора, скарэктаваць савецка-польскую лінію размежавання, прапанаваць альтэрнатыўны варыянт вырашэння беларускага пытання не мелі поспеху. У рамках Генуэзскай канферэнцыі міжнароднай супольнасцю была афіцыйна і юрыдычна прызнана Беларуская Савецкая рэспубліка, тэрыторыя якой ахоплівала шэсць павеатаў былой Мінскай губерніі. Фінансава-эканамічныя пытанні, узнятыя на пасяджэннях канферэнцыі звязаліся да простага агучвання прэтэнзій, без канкрэтызацый адносна сум і форм выплаты. Савецкае кіраўніцтва спрабавала пэўным чынам змяніць суму фінансавых выплатаў на карысць Польшчы пры дапамозе вынікаў працы Камісіі па ацэнцы страт, нанесеных польскімі войскамі і акупацыйнымі ўладамі. Аднак, прадстаўленыя на канферэнцыі вялізныя лічбы страт (9 мільярдаў 34 млн. 208 тыс. 319 савецкіх рублёў або 52 млн. 29 тыс. 281 залатых даваеных рублёў і 34 капейкі) не ўнеслі змен у сутнасць матэрыяльных абавязкаў Савецкай дзяржавы, яна як і раней павінна была выплаціць Польшчы 15 млн. рублёў золатам і такую ж суму шляхам продажу каштоўных камянёў.

Рапальскі дагавор заклаў аснову для далейшага развіцця знешняй палітыкі Савецкай Расіі, стварыў прэцэдэнт па ўрэгуляванню эканамічных спрэчак шляхам узаемнай адмовы ад прэтэнзій і стаў адлюстраваннем ідэі мірнага суіснавання і супрацоўніцтва дзяржаў з рознымі сацыяльна-эканамічнымі ладам. Значэнне германа-савецкага дагавора было вельмі значным. Ён быў адным з першых міжнародна-прававых актаў, заключаных Германіяй на асновах равенства, узаемнага супрацоўніцтва, неўмяшальніцтва ва ўнутраныя справы адзін аднаго. Рапальскі дагавор практычна стаў адлюстраваннем на практыцы ідэі сусветнага саіснавання дзяржаў. Ён ствараў базу для развіцця і ўмацавання спрыяльных палітычных і эканамічных узаемаадносін паміж Савецкай дзяржавай і Германіяй у інтарэсах міру і бяспекі. Дагавор адчыняў перад БССР перспектыву лагоднага развіцця эканомікі, у выніку падтрымкі гандлёвых адносін з Германіяй. Пачатак Генуэзскай канферэнцыі (10 красавіка – 20 мая 1922 г.) фактычна прыпыніў пасяджэнні савецка-польскіх гандлёвых перагавораў. Заключэнне Рапальскага дагавора, таксама негатыўная пазіцыя кіраўніцтва Францыі супраць актыўнага гандлёвага супрацоўніцтва з Савецкай Расіяй сталі прычынамі канчатковага спынення перагавораў у Варшаве.

ЛІТАРАТУРА

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР / под ред. С. С. Хромова [и др.]. – М. : «Советская энциклопедия», 1987. – 720 с.
2. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – Т. 5 : 1 января 1922 г. – 19 декабря 1922 г. – М., 1961. – 786 с.

3. *Снапкоўскі, У. Е.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.) / У. Е. Снапкоўскі. – Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 3. – С. 28–42.
4. *Dąbski, J.* Pokój Ryski. Wspomnienia. Petraktacja. Tajne układy z Joffem. Listy / J. Dąbski. – Warszawa, 1931. – 225 s.
5. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : у 2 кн. : / склад. С. Шупа. – Вільня–Нью-Ёрк–Менск–Прага, 1998. – Кн. 1 : 1917–1925 гг. – Ч. 2 : 1920–1925. – 871–1721 с.
6. *Ладысеў, У.* Рада БНР пасля Рыжскага дагавора 1921 г., ці Канец нацыянальнага рамантызму / У. Ладысеў, П. Брыгадзін. – Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 1. С. 48–57.; Беларускі сыцяг. – 1922. – № 1. – С. 1, 8.
7. *Ковалева, Л. А.* Забытые страницы истории : (Борьба представителей БНР за независимость Белоруссии на Генуэзской конференции) : Материал в помощь лектору / Л. А. Ковалева / Могилев. гос. пед. ин-т им. А. А. Кулешова. – Могилев, 1992. – 12 с.
8. *Лазько, Р. Р.* Беларусь у еўрапейскай палітыцы 1918–1925 гг. : Нарысы / Р. Р. Лазько, А. М. Кротаў, М. М. Мязга. – Гомель : УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2003. – 126 с.
9. *Ольшанский, П. Н.* Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924 гг. / П. Н. Ольшанский. – М. : Изд-во «Наука», 1974. – 285 с.
10. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 11 т. / под ред. С. Вроньского. – М., 1965. – Т. 4 : апрель 1921 г. – май 1926 г. – 560 с.
11. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – Т. 3 : 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – М., 1959. – 702 с.

І. В. Грабянчук

ПЕДАГАГІЧНАЯ АДУКАЦЫЯ Ё БАБРУЙСКУ

Вытокі педагагічнай адукацыі ў Бабруйску адносяцца да пачатку ХХ ст. 1 ліпеня 1906 г. у гэтым горадзе была адкрыта 7-класная Аляксееўская жаночая гімназія. Праз год у ёй яшчэ дадаткова з’явіліся пачатковы і 8-мы (педагагічны) класы [1, арк. 1].

Па гісторыі Бабруйскай жаночай Аляксееўскай гімназіі ўтрымліваюцца звесткі ў некалькіх дзясятках архіўных спраў, якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (ф. 475). З іх можна даведацца, што ў 8-м (педагагічным) класе да 1917 г. (або 1918 г.) навучалася ад 30 да 33 вучаніц. Відавочна, што яны былі добра матываваныя да навучання. Напрыклад, справаздача аб стане гімназіі за 1913 г. сведчыць, што ў 1912 – 1913 навучальным годзе паспяховасць навучэнцаў педагагічнага класа па ўсіх прадметах складала 100 % (г. зн., яны ўсе атрымалі станоўчыя адзнакі)

[2, арк. 12 адв. – 13]. У іншых класах яна ў сярэднім хісталася ад 80 % да 95 %. Выпускніцы 8-га класа атрымлівалі пасведчанні на званне хатніх настаўніц. На жаль, не захавалася ведамасць аб размеркаванні выпускніц па выбранай спецыяльнасці, на якую ёсць спасылка ў тэксце справаздачы гімназіі за 1912 – 1913 навучальны год [2, арк. 14].

Пасля 1917 г. аб далейшым лёсе Аляксееўскай гімназіі мала звестак. Вядома, што ў 1921 г. у яе будынку пачала працаваць школа імя Янкі Купалы, а з 1930 па 1941 гг. там знаходзіўся рабфак – падрыхтоўчае аддзяленне для рабочай і сялянскай моладзі, якая хацела паступаць у ВНУ [3]. У краязнаўчай калекцыі гістарычных дакументаў, якія захоўваюцца ў сучаснай гімназіі № 3 г. Бабруйска (знаходзіцца ў тым жа будынку, што і Аляксееўская гімназія), ёсць арыгінал пасведчання (атэстата) Манькоўскай Раісы Іванаўны. У ім сказана, што яна нарадзілася 30 жніўня 1902 г. у г. Лібаве Курляндскай губерні, праваслаўнага веравызнання, паступіла ў VII клас гімназіі ў 1918 г. і пры выдатных паводзінах скончыла восем класаў. На жаль, на гэтым дакуменце няма даты яго выдачы. Але і гэтая інфармацыя дае падставу сцвярджаць, што пасля 1917 г. Бабруйская жаночая Аляксееўская гімназія не была адразу зачынена, а яшчэ нейкі час працягвала працаваць. Яе выпускніца, Манькоўская Р. І., усё сваё жыццё прысвяціла педагогічнай дзейнасці, працавала ў сярэдняй школе № 2 г. Бабруйска.

Наступны этап у развіцці педагогічнай адукацыі ў Бабруйску звязаны з дзейнасцю ў 1916 – 1919 гг. Бабруйскай жаночай настаўніцкай семінарыі. Звычайна ў айчыннай гістарычнай літаратуры гаворка вядзецца толькі пра факт яе адкрыцця [4, с. 385; 5]. Сціслыя звесткі аб працы гэтай навучальнай установы ёсць у першым томе “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі”. Семінарыя ўтрымлівалася на сродкі Мінскага губернскага земства. Тэрмін навучання складаў 4 гады. Пры паступленні перавага аддавалася ўраджэнкам Мінскай губерні. Семінарыя мела ўзорнае пачатковае вучылішча, у якім семінарысткі праходзілі практыку.

З 1 верасня 1917 г. семінарыя была рэарганізавана ў сярэдняю педагогічную навучальную ўстанову для асоб абодвух полаў. З кастрычніка 1918 г. – пяцікласная, рыхтавала настаўнікаў для адзінай працоўнай школы першай ступені. У 1919 г. была пераўтворана ў трохгадовыя педагогічныя курсы [6]. Паколькі інфармацыі па гісторыі Бабруйскай жаночай настаўніцкай семінарыі вельмі мала, уяўляецца актуальным адмысловае даследаванне на гэту паводле матэрыялаў, якія захоўваюцца ў аднайменным фонде Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (ф. 480).

Беларуская даследчыца Н. В. Каменская паведамляе наступныя звесткі пра уплыў грамадска-палітычных падзей 1919 г. на стан педагогічнай адукацыі ў Бабруйску: “24 мая 1919 г. у сувязі з пагрозай захопу польскімі войскамі Мінска ўрадавыя органы рэспублікі пераехалі ў Бабруйск... 27 мая 1919 г. школьны аддзел Наркамсветы ЛітБел ССР прыняў рашэнне аб

арганізацыі ў Бабруйску двухмесячных курсаў павышэння кваліфікацыі школьных работнікаў [7, с. 141]. Яшчэ Н. Каменская паведамляе, што 25–28 мая 1919 г. у Бабруйску адбыўся з’езд загадчыкаў павятовых аддзелаў народнай адукацыі Літвы і Беларусі [7, с. 224].

У першай палове 1920-х гг. працаваў Бабруйскі педагагічны тэхнікум. Гэты перыяд яшчэ недастаткова даследаваны. Спроба аналізу светапоглядных пазіцый студэнтаў гэтай навучальнай установы зроблена аўтарам у адмысловай публікацыі [8].

Пасля выгнання нацысцкіх акупантаў з Бабруйска ў канцы ліпеня 1944 г. адной з найважнейшых задач становіцца адраджэнне сістэмы адукацыі. Паколькі ў верасні 1944 г. Бабруйску быў нададзены статус абласнога цэнтра, то значна ўзрасла яго роля ў падрыхтоўцы педагагічных кадраў. Тады ж распачала сваю працу Бабруйскае педагагічнае вучылішча. На першапачатковым этапе яго калектыву давялося працаваць у невыносна цяжкіх абставінах. Найбольшыя складанасці выклікала тое, што ў адным будынку размяшчаліся педагагічнае вучылішча і 5-я няпоўная сярэдняя школа. Зразумела, што ўзгадніць час заняткаў адначасова ў дзвюх навучальных установах было даволі цяжка. Наяўнасць своеасаблівага “двоеўладдзя” мела негатыўны ўплыў на настроі педагогаў. Напрыклад, пратакол пасяджэння педагагічнай рады вучылішча ад 6 снежня 1944 г. зафіксаваў такую думку (аўтарская арфаграфія захоўваецца): “Налічча 2-х дырэктараў адбіваецца на ўсёй рабоце. Няма ніякага парадку ні ў снабжэнні, ні ў выплаце зарплат, няма свету, халодна ў класах”. Іншы ўдзельнік пасяджэння працягвае: “... часта не даюць хлеб, затрымліваецца вельмі доўга зарплата, няма сшыткаў, кніг і г.д. Няма ніякіх паказанняў наркамасветы аб праграме па беларускай літаратуры” [9, арк. 3]. Кіраўніцтва прызнавала наяўнасць цяжкасцяў, казала пра неабходнасць звяртацца за дапамогай у абласны аддзел народнай адукацыі (аблана), але настойвала на тым, што “...за ўсе недахопы ў рабоце ўсё роўна адказвае настаўнік” [9, арк. 3].

Бабруйскае педагагічнае вучылішча было адным з буйнейшых у рэспубліцы па колькасці навучэнцаў. На пачатак верасня 1945 г. у ім навучалася каля 500 студэнтаў. Цікава адзначыць, што шмат яго выпускнікоў накіроўваліся па размеркаванні ў заходнія раёны Беларусі [10].

Па рашэнні калегіі міністэрства асветы БССР у кастрычніку 1944 г. быў арганізаваны Бабруйскі інстытут удасканалення настаўнікаў. Напрыканцы 1946 г. у ім працавалі 6 метадыстаў (пачатковыя класы, руская мова, беларуская мова і літаратура, гісторыя, замежныя мовы, фізіка і матэматыка) і загадчык метадычнага кабінета. Галоўнымі задачамі інстытута былі: 1) павышэнне кваліфікацыі настаўнікаў і кіраўнікоў школ, гарадскіх і раённых аддзелаў народнай адукацыі; 2) вывучэнне і абагульненне лепшага педагагічнага вопыту ў працы настаўнікаў і школ Бабруйскай вобласці; 3) аказанне сістэматычнай дапамогі настаўнікам, райпедкабінетам і вясковым метадычным аб’яднанням у арганізацыі і правядзенні метадычнай работы [11, арк. 11].

Толькі за 1945 і 1946 гг. Бабруйскім інстытутам удасканалення настаўнікаў было падрыхтавана звыш 60 метадычных распрацовак (з іх 20 – па пачатковых класах), арганізавана тры выставы па навучальна-выхаваўчай рабоце школ вобласці. Выставачныя матэрыялы вобласці былі накіраваны на рэспубліканскія з’езды настаўнікаў, якія праходзілі на працягу 1944–1945 і 1945–1946 навучальных гадоў. Дасланыя матэрыялы былі станоўча ацэнены міністэрствам асветы БССР. Метадычнымі семінарамі было ахоплены каля 1000 чалавек. Пры гэтым Бабруйскі інстытут удасканалення настаўнікаў не меў уласнага памяшкання, многія яго супрацоўнікі працавалі па сумяшчальніцтву, не было інтэрнату для педагогаў, якіх склікалі на курсы і семінары, адчуваўся востры недахоп метадычнай літаратуры [11, арк. 12–13].

Далейшае развіццё адукацыі ў пасляваенны час паставіла на парадак дня адкрыццё ў Бабруйску вышэйшай навучальнай установы – настаўніцкага інстытута. Настаўніцкія інстытуты былі створаны ў СССР у сувязі з пераходам да ўсеагульнага сямігадовага навучання. Яны рыхтавалі настаўнікаў для 5–7-х класаў сямігадовых і сярэдніх школ.

У цыркуляры Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР ад 4 мая 1949 г. міністру асветы БССР канстатавалася невялікае змяншэнне настаўнікаў у балансе педагагічных кадраў. Адпаведна ўзнікала пытанне аб замяшчэнні настаўнікаў, якія не маюць неабходнай педагагічнай адукацыі. У плане падрыхтоўкі настаўнікаў на 1949–1950 навучальны год для міністэрства асветы БССР актуальнымі станавіліся пытанні ўмацавання і пашырэння навучальнай і жылой плошчы існуючай сеткі настаўніцкіх інстытутаў, а таксама арганізацыі новых такіх устаноў [12, арк. 25].

Упершыню пра неабходнасць адкрыцця вышэйшай навучальнай установы ў Бабруйску было сказана на старонках абласной газеты “Савецкая Радзіма” у чэрвені 1949 г. у невялікім артыкуле без пазначэння аўтарства. Ва ўступнай частцы падаецца агульны ідэалагічны фон, які вызначаў сутнасць гэтай істотнай для новага абласнога цэнтра падзеі: “XIX з’езд КП(б)Б паставіў першачарговай задачай усёй партарганізацыі рэспублікі далейшы ўздым ідэалагічнай работы, усямернае развіццё беларускай савецкай культуры, нацыянальнай па форме і сацыялістычнай па зместу, выхаванне працоўных мас у духу сацыялістычнай свядомасці, савецкага патрыятызма, беззаветнай адданасці савецкай Радзіме, бальшавіцкай партыі, таварышу Сталіну” [13]. Далей у тым артыкуле сказана, што з верасня 1949 г. у СССР было ўведзена абавязковае 7-гадовае навучанне, якое павінна ўзняць школьную справу на вышэйшую ступень і, разам з тым, ставіць перад усім грамадствам шэраг новых адказных задач.

Улетку і ў пачатку восені 1949 г. на старонках абласной газеты адлюстраваліся радасць і аптымістычныя настроі жыхароў Бабруйска, звязаныя з адкрыццём у іх горадзе новай ВНУ. Так, у ліпені паведамлялася аб вялікай колькасці абітурыентаў, жадаючых паступіць у Бабруйскі настаўніцкі інстытут, пра маштабныя рамонтныя работы ў навучальным корпусе і студэнцкім інтэрнаце, пра тое, што для прафесарска-выкладчыцкага складу інстытута

рыхтуюцца добраўпарадкаваня кватэры [14]. 10 жніўня 1949 г. на першай старонцы “Савецкай Радзімы” быў апублікаваны фотаздымак будынка Бабруйскага настаўніцкага інстытута, у якім раней яшчэ з 1906 г. размяшчалася ўзгаданая вышэй Аляксееўская жаночая гімназія.

Нарэшце, ў сярэдзіне верасня абласная газета змяшчае рэпартаж аб адкрыцці новай навучальнай установы ў Бабруйску. Пачынаецца ён натхнёнымі словамі: “Аб сваім інстытуце бабруйчане марылі даўно. Не выпадкова, аб гэтым гаварылі выбаршчыкі ў час выбараў у мясцовыя Саветы, камуністы на абласной партыйнай канферэнцыі, грамадскасць на сходах актыва горада. З вялікай радасцю сустрэлі бабруйчане ўрадавае рашэнне аб тым, што настаўніцкі інстытут ў горадзе пачне дзейнічаць” [15].

У рэпартажы І. Свабодзінай апісаны пачатак працы новай ВНУ у Бабруйску, каратка сказана пра склад студэнтаў і выкладчыкаў, іх мэты і спадзяванні, напрыклад, на правядзенне “вялікай навукова-даследчай працы”. З усіх матэрыялаў бабруйскай абласной газеты, прысвечаных дзейнасці БНІ, гэту публікацыю вылучае тое, што ў ёй адзіны раз гучыць крытычная заўвага на адрас мясцовых улад: “Няхай будзе сказана ў папрок кіраўнікам Бабруйскага гарвыканкама, якія вынеслі рашэнне забяспечыць кватэрамі выкладчыкаў у Доме спецыялістаў, (Дом Камуны), але рашэнне не выканалі. Кватэрнае пытанне і да гэтага часу не вырашана...” [15].

На жаль, так званае “кватэрнае пытанне” для выкладчыкаў Бабруйскага настаўніцкага інстытута так і не было вырашана на працягу яго нядоўгага існавання з 1949 па 1954 гг. Дадзеная акалічнасць мела істотны негатыўны ўплыў на развіццё гэтай навучальнай установы.

На 1949 – 1950 навучальны год інстытуту быў зацверджаны штат прафесарска-выкладчыцкага складу ў колькасці 18 адзінак, у тым ліку: прафесароў – 1, дацэнтаў – 4, старшых выкладчыкаў – 9, асістэнтаў – 4. Па факту на 1 ліпеня 1950 г. налічвалася прафесароў-дацэнтаў [так у тэксце справаздачы] – 1 (сумяшчальнік), кандыдатаў навук – 1, старшых выкладчыкаў – 11, асістэнтаў і выкладчыкаў – 4. Такім чынам, інстытут недастаткова быў укамплектаваны выкладчыкамі з навуковымі ступенямі і званнямі. Яны працавалі на 5 кафедрах: асноў марксізму-ленінізму, педагогікі і псіхалогіі, рускай і беларускай моў, фізікі і матэматыкі, рускай і беларускай літаратур [16, арк. 10–11]. Адсутнасць неабходных жыллёвых умоў не давала магчымасці інстытуту аб’явіць конкурс з мэтай прыцягнення на працу штатных супрацоўнікаў з навуковымі ступенямі і званнямі.

У самім жа Бабруйскім настаўніцкім інстытуце падрыхтоўка высокакваліфікаваных спецыялістаў так і не набыла належных маштабаў. У 1953/54 навучальным годзе тут працавалі 27 штатных выкладчыкаў і 2 па сумяшчальніцтву. З іх тры выкладчыкі мелі вучоную ступені кандыдата навук, што складала 11,1 % ад колькасці штатных супрацоўнікаў [17, арк. 4, 11, 14, 20, 25–26]. Зразумела, што такі паказчык не мог станоўча паўплываць на канчатковае вырашэнне лёсу інстытута.

Такое становішча ў справе павышэння навуковай кваліфікацыі выкладчыкаў склалася пад уплывам некалькіх фактараў. Па-першае, сваю адмоўную ролю адыгрывалі побытавыя праблемы, якія не маглі спрыяць актывізацыі творчага патэнцыялу педагогаў. Па-другое, яны, як і студэнты, былі надзвычай перагружаны вучэбнай працай. Навучальны працэс ішоў ва ўмовах пастаяннага недахопу навуковай і вучэбна-метадычнай літаратуры, розных відаў дапаможнікаў. Па-трэцяе, у большасці супрацоўнікаў відавочна адсутнічала сур'ёзная матывацыя для навукова-даследчай працы, хоць і была магчымасць ездзіць у камандзіроўкі ў Мінск або Маскву. Таму часта «навукова-даследчая праца» зводзілася да заняткаў у Вячэрнім універсітэце марксізму-ленінізму, які працаваў з 18 лютага 1946 г. у Бабруйскім доме партыйнай асветы. У ім мелася два факультэты – гістарычны і філасофскі. Вучоба была разлічана на адзін год, заняткі праводзіліся раз на тыдзень па панядзелках [18]. Паспяховае завяршэнне вучобы ў Вячэрнім універсітэце азначала здачу кандыдацкага мінімуму па філасофіі [19, арк. 4–16].

Усё пералічанае параджала чацвёрты, самы заганны, фактар – фармалізм навукова-даследчай працы. Кіраўніцтва інстытута усведамляла, што яна пастаўлена недавальняюча, рашуча патрабавала выправіць сітуацыю, але пастаўленыя мэты ў большасці выпадкаў засталіся недасягнутымі. Верагодна, найлепшым чынам фармальныя адносіны да навукова-даследчай працы бачны ў адным з пунктаў пастановы Рады БНІ ад 24 кастрычніка 1952 г.: «Коренным образом улучшить научную работу всех кафедр, добиться прикрепления преподавателей, не сдавших кандидатского минимума, для его сдачи» [20, арк. 16]. Гэта дастаткова цьмяная фраза больш выразнае гучанне набыла праз год у аналагічнай дакуменце ад 17 верасня 1953 г.: «Улучшить научно-исследовательскую работу всех кафедр... Обязать преподавателей, не сдавших кандидатского минимума, оформиться в соответствующих вузах для сдачи минимума и закончить сдачу к 1 января 1955 г.» [21, арк. 10].

Вось толькі паляпшаць і выконваць што-небудзь ужо не засталася часу: у чэрвені 1954 г. Бабруйскі настаўніцкі інстытут зрабіў свой апошні выпуск. У адпаведнасці з распараджэннем Савета Міністраў СССР № 6332-р ад 26 чэрвеня 1954 г. ён быў зачынены з 1 верасня 1954 г. разам з Пінскім настаўніцкім інстытутам [22, арк. 72].

Ці мог быць іншым лёс першай вышэйшай навучальнай установы ў Бабруйску? Верагоднасць альтэрнатывы закрыццю тэарэтычна існавала. Далейшае развіццё інстытута патрабавала значнага пашырэння плошчаў кабінетаў, лабараторый, бібліятэкі. Акрамя таго, неабходна было пабудаваць новы вучэбны корпус і жылы дом для выкладчыкаў на 24 кватэры [23, арк. 15]. На працягу свайго існавання ў вырашэнні гэтых пытанняў ніякай дапамогі з боку гарадскіх, абласных і рэспубліканскіх партыйных і савецкіх органаў Бабруйскі настаўніцкі інстытут не дачакаўся. У пачатку ж 1954 г. яго дырэктар накіраваў у Міністэрства асветы ліст з прапановай пераўтварыць гэту

навучальную ўстанову ў педагагічны інстытут, а неабходныя для яго будынкі перадаць з ліку тых, што належалі структурам ліквідаванай Бабруйскай вобласці, але гэта ідэя была адхілена [22, арк. 11].

Такім чынам, у Бабруйскім настаўніцкім інстытуце, нягледзячы на складаныя ўмовы працы, былі дасягнуты пэўныя поспехі ў падрыхтоўцы спецыялістаў высокай кваліфікацыі. Паступовае удасканалванне свайго прафесійнага майстэрства выкладчыкаў мела важнае значэнне для эфектыўнасці навучальнага працэсу. За 5 гадоў працы інстытут падрыхтаваў і выпусціў 815 настаўнікаў мовы і літаратуры (беларускай і рускай), фізікі і матэматыкі для працы ў 5–7-х класах сямігадовай сярэдняй школы. З іх 102 чалавекі атрымалі дыплом з адзнакай [17, арк. 2].

Стаць жа педагагічным інстытутам, перайшоўшы з 2-х гадовага да 4-х гадовага цыклу навучання, Бабруйскі настаўніцкі інстытут рэальнай магчымасці не меў. Нават калі б і былі вырашаны пытанні з матэрыяльнай базай, не вырашанай засталася б галоўная праблема – недахоп высокакваліфікаваных выкладчыкаў для ВНУ больш высокага ўзроўню. Бабруйскі настаўніцкі інстытут быў запатрабаваны да жыцця ў найбольш складаны перыяд развіцця адукацыі ў Беларусі, калі ў школах рэспублікі вельмі не хапала настаўнікаў з адпаведнай кваліфікацыяй [12, арк. 25]. Ён дастаткова поўна выканаў сваю задачу і мусіў адысці ў гісторыю, а частка яго выкладчыкаў працягнула сваю педагагічную дзейнасць у іншых ВНУ краіны. Напрыклад, Мінскім дзяржаўным інстытуце замежных моў працаваў былы дырэктар Бабруйскага настаўніцкага інстытута Сямён Васільевіч Буракоўскі.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыяльны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 475. Воп. 1. Спр. 14.
2. НГАБ. – Ф. 475. Воп. 1. Спр. 67.
3. *Красавин, А.* «Алексеевская», «Славянская», третья... История старейшей гимназии Бобруйска / А. Красавин [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://bobruisk.ru/news/2019/07/03/alekseevskaya-slavyanskaya-tretya>. – Дата доступа : 25.03.2022.
4. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: Са старажытных часў да 1917 г. / Ткачоў М. А. [і інш.]; пад рэд. М. А. Лазарука і інш. – Мінск : Народная асвета, 1985. – 464 с.
5. *Острога, В. М.* Правительственная политика в области педагогического образования в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / В. М. Острога [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravitelstvennaya-politika-v-oblasti-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-belarusi-vo-vtoroy-polovine-hih-nachale-hh-v/viewer>. – Дата доступа : 25.03.2022.
6. *Сянькевіч, Г. Р.* Бабруйская жаночая настаўніцкая семінарыя / Г. Р. Сянькевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі у 6-ці т. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал. : М. В. Біч [і інш.]. – Мінск, 1993. – Т. 1. А – Беліца. – С. 255.

7. *Каменская, Н. В.* Становление народного образования в Белоруссии (1917 – 1920 гг.) [науч. ред. К. А. Куликович] / Н. В. Каменская. – Минск : Наука и техника, 1980. – 264 с.
8. *Грабянчук, I. В.* Каштоўнасныя арыенціры студэнтаў Бабруйскага педагогічнага тэхнікума ў першай палове 1920-х гг.: крыніцазнаўчы аспект / I. В. Грабянчук // Гістарычны лёс беларускай савецкай дзяржаўнасці (да 100-годдзя абвяшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі): зб. артыкулаў / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2021. – С. 350–355.
9. Бабруйскі занальны дзяржаўны архіў (БЗДА). – Ф. 795. Воп. 1. Спр. 2.
10. Савецкая Радзіма. – 1945. – 9 верасня. – С. 3.
11. БЗДА. – Ф. 1161. Воп. 1. Спр. 4.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 42. Воп. 6. Спр. 26.
13. Клопаты партыі і ўрада аб росце культуры народа (да адкрыцця настаўніцкага інстытута ў гор. Бабруйску) // Савецкая Радзіма. – 1949. – 22 чэрвеня. – С. 1.
14. *Клебча, А.* У настаўніцкім інстытуце / А. Клебча // Савецкая Радзіма. – 1949. – 27 ліпеня. – С. 4.
15. *Свабодзіна, I.* У настаўніцкім інстытуце / I. Свабодзіна // Савецкая Радзіма. – 1949. – 18 верасня. – С. 4.
16. БЗДА. – Ф. 1170. Воп. 1. Спр. 2.
17. БЗДА. – Фонд 1170. Воп. 1. Спр. 48.
18. Савецкая Радзіма. – 20 лютага 1946 г. – С. 1.
19. БЗДА. – Фонд 1170. Воп. 1. Спр. 40.
20. БЗДА. – Фонд 1170. Воп. 1. Спр. 33.
21. БЗДА. – Фонд 1170. Воп. 1. Спр. 47.
22. БЗДА. – Фонд 1170. Воп. 1. Спр. 55.
23. БЗДА. – Фонд 1170. Воп. 1. Спр. 20.

П. А. Концевой

ВЫРАБОТКА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕШЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О ВЗИМАНИИ РЕПАРАЦИЙ С ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В ходе Второй мировой войны перед странами антигитлеровской коалиции встал вопрос о будущих репарациях с Германии. В современном международном праве репарации определяются как форма справедливого возмещения государством причиненного им ущерба в денежной или иной форме.

Союзники понимали, что полностью компенсировать свои потери в сложившейся ситуации не представляется возможным, и поэтому стремились не повторять ошибок Версальского мирного договора 1919 г. Reparации должны были стать посильными для Германии и не должны были

вызвать в ней новых политических и экономических потрясений, но в то же время их выплата призвана была уничтожить немецкий военно-промышленный потенциал.

Впервые вопрос о выплате Германией репараций был поднят в сентябре 1941 г. правительством Нидерландов в изгнании. Фактически одновременно, 29 сентября 1941 г., на Первой Московской конференции представители СССР, США и Великобритании также рассматривали вопрос о германских репарациях. Однако соглашения тогда выработать не удалось. В декабре 1941 г., во время встречи английского министра иностранных дел А. Идена и советского лидера И. В. Сталина, вновь был поднят вопрос о репарациях, и стороны по итогу переговоров пришли к выводу, что Германия должна возместить причиненные убытки в натуральной форме [1, с. 54].

Менее года спустя после этих переговоров, в ноябре 1942 г., в Великобритании начала работу репарационная комиссия под руководством У. Малкина, а в конце августа 1943 г. она подготовила первые официальные документы по данному вопросу.

Автором важнейших идей, положенных в основу этих документов, стал британский экономист Дж. М. Кейнс. Он считал, что с Германии не должны были взиматься слишком высокие репарации, а компенсация причиненного ущерба могла бы осуществляться в трех формах: во-первых, в виде использования германской рабочей силы (привлечение трех миллионов человек на три года); во-вторых, за счет демонтажа части промышленных предприятий, прежде всего военных; в-третьих, путем изъятия продукции из текущего производства в течение пяти лет. Максимальную сумму репараций с Германии Дж. М. Кейнс определил в 6 млрд. долларов (из них 50–70 % должны были достаться СССР), которые следовало возместить в течение пяти лет. После окончания данного срока Германия должна была перечислять 10–25 % своих доходов от экспорта в качестве «вклада в защиту мира» [1, с. 54].

Детальная проработка репарационного вопроса в СССР началась с середины 1943 г. Так, в августе 1943 г. в Москве была создана специальная комиссия по вопросу о репарациях под руководством И. М. Майского, посла СССР в Великобритании. В октябре 1943 г. советский экономист Е. С. Варга выступил с заявлением по вопросу репараций, которое получило полуофициальный статус. В этом заявлении обосновывалось требование конфискации германских активов за границей, а также демонтажа промышленных предприятий. Вместе с тем в данном выступлении не прозвучало предложений по вопросу о конфискации в пользу союзников части промышленной продукции из текущего производства Германии [2, с. 20, 21].

Первое всеобъемлющее обсуждение вопроса о репарациях произошло в ходе Московской конференции министров иностранных дел (19–30 октября 1943 г.). Во время ее работы Государственный секретарь США К. Хэлл представил документ «Американское предложение об обращении с Германией», в котором среди прочего отмечалось, что «Германия обязана обеспечить возмещение материального ущерба, нанесенного ее вооруженными силами

СССР и другим союзным и оккупированным странам, и чтобы формы, степень и распределение этих репараций определялись комиссией по германским репарациям, состоящей вначале из представителей правительств Великобритании, СССР и Соединенных Штатов, при этом предусматривается представительство других, непосредственно заинтересованных правительств». Во время развернувшейся дискуссии данное предложение поддержал министр иностранных дел Великобритании Э. Иден. Он согласился «с тем принципом, что Германия должна уплатить репарации за материальный ущерб, который ее военные силы нанесли союзным странам» [3, с. 270, 164]. Однако, на Московской конференции министров иностранных дел вопрос о репарациях был только поднят, но его решение еще не было окончательно выработано. Между союзниками существовало достаточно много противоречий.

Дальнейшее рассмотрение репарационного вопроса состоялось в ходе работы Крымской конференции (4–11 февраля 1945 г.). По характеру и важности принятых решений Крымская конференция «большой тройки» во многом являлась наиболее значимой среди всех других международных встреч представителей союзных государств в период Второй мировой войны. Среди обсуждаемых на ней вопросов особое место занимала проблема репараций. Уже на втором пленарном заседании Крымской конференции, состоявшемся 5 февраля 1945 г., И. В. Сталин поднял вопрос о репарациях, который не встретил возражений западных делегаций [4, с. 23, 24].

С докладом по теме репараций выступил член советской делегации, заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский, который изложил основные положения советского плана получения натуральных поставок в счет репараций от Германии. Важнейшей целью взимания репараций являлась ликвидация германской военной промышленности, которая потенциально могла быть использована для восстановления прошлой военной мощи [5, с. 111].

Основные положения советского плана взимания репараций с Германии, изложенного И. М. Майским, выглядели следующим образом:

1. Репарационные платежи должны были выполняться Германией не деньгами, а в форме натуральных поставок.

2. Натуральные поставки предполагалось осуществлять в двух формах: а) в виде единовременных изъятий из национального богатства Германии, находящегося как на самой германской территории, так и вне ее, по окончании войны (промышленные предприятия, оборудование, морские и речные суда, подвижной состав железных дорог, вклады в иностранную промышленность и другое); б) в виде ежегодных поставок германских товаров после окончания войны.

3. Предполагалось «экономическое разоружение» Германии, что влекло за собой изъятие 80 % оборудования тяжелой промышленности, а также 100 % демонтаж авиастроительных, специализированных военных заводов и предприятий по производству синтетического топлива.

4. Единовременные изъятия из национального богатства должны были выполняться в течение двух лет после окончания войны, а общий срок выплаты репараций предлагалось установить продолжительностью в 10 лет.

5. Над экономикой Германии должен был устанавливаться строгий контроль со стороны СССР, США и Великобритании, сохранявшийся и по окончании срока осуществления репарационных платежей.

6. Принимая во внимание значительный объем ущерба, причиненного другим государствам, который невозможно было полностью покрыть репарациями, Германия должна была возместить только прямые материальные потери (уничтожение или повреждение жилых и общественных зданий, предприятий, железнодорожных путей, научных учреждений, угон сельскохозяйственных животных, конфискация хлеба, а также частного имущества граждан и другое). Причем, по мнению советской стороны, должна была вводиться очередность в получении репараций теми странами, которые имели на них права. В основу данного принципа закладывались два показателя: а) размеры вклада конкретной страны в общую победу над врагом; б) объемы прямых материальных потерь конкретного государства. Страны, имеющие высшие показатели по двум этим пунктам одновременно, должны были получить репарационные выплаты в первую очередь, а все оставшиеся государства претендовали на них уже во вторую очередь.

7. Советский Союз считал справедливым то, что для возмещения своих прямых материальных потерь он должен был получить в порядке изъятий и ежегодных поставок не менее 10 млрд долларов.

8. Для выработки репарационного плана союзников, на основе приведенных выше принципов, предлагалось учредить специальную репарационную комиссию из представителей СССР, США и Великобритании с местопребыванием в городе Москве [4, с. 24].

Таким образом, можно сделать вывод, что советское руководство, понимая невозможность полного взимания репараций с Германии, все же придавало важнейшее значение получению частичной компенсации ущерба репарационными поставками в натуральной форме. При этом только прямые потери СССР на оккупированной территории исчислялись суммой в 128 млрд долларов [6, с. 74].

В ходе работы Крымской конференции союзники сошлись на том, что сумма компенсаций Объединенным нациям от Германии не должна превышать 20 млрд долларов, а доля, причитающаяся СССР, составляла бы 50 %. Однако в итоговом заявлении руководителей «большой тройки» на Крымской конференции вопрос о репарациях был определен в самых общих чертах: «...обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере»; создать в Москве комиссию, которой «поручается рассмотреть вопрос о размерах и способах возмещения ущерба, причиненного Германией союзным странам» [7, с. 248].

Таким образом, на Крымской конференции была достигнута договоренность об организации Межсоюзной репарационной комиссии (МРК) с местом пребывания в г. Москве. Целью деятельности комиссии являлась

разработка подробного плана взимания репараций с Германии. Работа МРК разворачивалась крайне медленно, ее первое заседание состоялось только 21 июня 1945 г. В течение нескольких месяцев по дипломатическим каналам шло улаживание вопросов, выдвигаемых англо-американскими союзниками в связи с предстоящей деятельностью МРК [8, с. 60]. Однако выявившиеся в ходе работы МРК разногласия между союзниками не позволили достичь договоренности по предложениям, выдвинутым советской делегацией [9, с. 204].

В ходе работы Крымской конференции союзники также смогли договориться о том, что репарации будут взиматься с Германии в трех формах:

а) единовременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий Германии и т. д.), причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии;

б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции после окончания войны в течение периода, длительность которого должна быть установлена;

в) использование германского труда» [7, с. 253].

На конференции в Потсдаме летом 1945 г. продолжилось обсуждение вопроса о репарациях. Однако при его решении между союзниками возникли серьезные разногласия, что прежде всего было связано с нежеланием представителей США и Великобритании определять конкретный объем репарационных поставок. Репарации стали главным рычагом давления на Советский Союз и получения от него ряда важных уступок [10, с. 122]. Так, делегация США во многом отошла от решений Крымской конференции и настаивала на отказе от определения общей суммы репарационных изъятий, вместо этого американские дипломаты продвигали идею получения репараций каждой державой в своей зоне оккупации [11, с. 291]. Кроме того, еще одной спорной проблемой было решение вопроса о будущем германских активов и золотого запаса Германии. Западные партнеры под всевозможными предлогами отвергали какие-либо претензии Советского Союза на эти фонды [12, с. 140, 141].

Для того чтобы получить столь необходимое для советской экономики репарационное промышленное оборудование, представители СССР на Потсдамской конференции отказались от претензий на германские активы, инвестиции и ценные бумаги в западных зонах оккупации, а также от германских золотых запасов [10, с. 122, 123]. «Мы потеряли очень много оборудования в этой войне, страшно много. Надо хоть одну двадцатую часть возместить» [13, с. 236], – отметил И. В. Сталин 31 июля 1945 г. на заседании Потсдамской конференции при обсуждении репарационной проблемы.

В итоге союзники пришли к решению, что каждая сторона распоряжается активами, находящимися в пределах ее оккупационной зоны, если данные активы не принадлежат другим союзным государствам или законным владельцам, не участвовавшим в войне на стороне Германии [12, с. 141].

Что касается определения объема репарационных выплат, то конкретная общая сумма репараций, возложенных на Германию по итогам Второй мировой войны, на международном уровне так и не нашла своего закрепления. Если в ходе работы Крымской конференции президент США Ф. Д. Рузвельт учитывал интересы СССР и соглашался на сумму репараций с Германии в 20 млрд долларов, из которых 10 млрд направлялись бы Советскому Союзу, то в Потсдаме новый американский президент Г. Трумэн, ссылаясь на то, что экономическое состояние Германии оказалось намного тяжелее предварительных прогнозов, полностью отказался от данных своим предшественником обещаний [10, с. 122].

Руководство советской делегации, стремясь найти компромиссное решение, приняло точку зрения американской стороны и отказалось от предъявления конкретной цифры репараций для каждого государства, перейдя на проценты [14, с. 49]. Межсоюзная репарационная комиссия согласовала, что репарационные выплаты будут распределяться следующим образом: СССР – 56 %; Великобритания – 22 %; США – 22 %. Для удовлетворения обоснованных репарационных претензий со стороны других государств каждая из трех держав уступит в пропорции, в которой каждая доля относится к общей сумме [13, с. 293].

В итоговом протоколе Потсдамской конференции было закреплено положение о том, что репарационные претензии СССР будут удовлетворены изъятиями из советской оккупационной зоны Германии, а также из соответствующих немецких вложений за границей. Общая сумма репараций при этом по предложению западных союзников не указывалась [6, с. 87].

Кроме того, в дополнение к репарациям из своей зоны оккупации СССР должен был получить 15 % «пригодного к использованию и комплектного промышленного капитального оборудования, в первую очередь металлургической, химической и машиностроительной отраслей промышленности, которое не является необходимым для германского мирного хозяйства и должно быть изъято из Западных зон Германии» в обмен на эквивалентные по цене поставки сельскохозяйственных и сырьевых товаров, а также 10 % «промышленного капитального оборудования» из западных зон без каких-либо оплаты или возмещения [13, с. 435].

Объявление Западом холодной войны против СССР в 1946 г. привело к тому, что данные соглашения были фактически сорваны. С созданием же в 1949 г. ФРГ (на базе западных оккупационных зон) возможность получения советской стороной репарационных поставок с этой территории полностью исчезла, поэтому в СССР из Западной Германии, по мнению немецкого исследователя Ф. Бедюрфтига, было вывезено только 8 % оборудования от производственных мощностей 1936 г. [15, с. 84].

Таким образом, на Крымской и Потсдамской конференциях руководителями трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (1945 г.) – была заложена политическая основа взимания репараций с Германии, включающая правовые вопросы. Требования, предъявленные СССР к Германии о возмещении ущерба, были признаны мировым сообществом законными и обоснованными, что и было закреплено решениями Крымской и Потсдамской конференций 1945 г. При этом в основу советских требований о репарациях был положен принцип частичного возмещения ущерба в натуральной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Р. Ю. Репарационная политика в отношении Германии / Р. Ю. Болдырев, С. И. Невский, В. Плюмпе // Новая и новейшая история. – 2016. – № 6. – С. 51–65.
2. Болдырев, Р. Ю. Советская оккупационная политика в Германии, 1945–1949: экономический аспект / Р. Ю. Болдырев. – Саарбрюккен : Lambert Acad. Publ., 2011. – 256 с.
3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : [в 6 т.] / М-во иностр. дел СССР ; редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 1 : Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). – 384 с.
4. Ревякин, А. В. Ялтинская конференция: дипломатия и политика / А. В. Ревякин // Великая Победа : сборник : в 15 т. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) М-ва иностр. дел России ; под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – М., 2015. – Т. 14 : Умиротворение Европы / С. Е. Нарышкин [и др.]. – С. 7–61.
5. Афиани, В. Ю. Проблемы репараций на Ялтинской конференции. По документам личного фонда И. М. Майского в архиве РАН / В. Ю. Афиани // Вестн. архивиста. – 2016. – № 1. – С. 111–121.
6. Евгеньев, В. В. Международно-правовое регулирование репараций после Второй мировой войны / В. В. Евгеньев. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 200 с.
7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : [в 6 т.] / М-во иностр. дел СССР ; редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). – 302 с.
8. Жигалов, Б. С. И. М. Майский и проблема германских репараций (1943–1945 гг.) / Б. С. Жигалов // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. – 2014. – № 1. – С. 56–63.

9. Ежова, Г. В. К вопросу о возмещении ущерба, причиненного СССР в Великой Отечественной войне / Г. В. Ежова // Управлен. консультирование. – 2012. – № 2. – С. 203–209.
10. Борисов, А. Ю. Размышления о Потсдаме: (к 70-летию Берлинской конференции глав СССР, США и Великобритании) / А. Ю. Борисов // Великая Победа : сборник : в 15 т. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) М-ва иностр. дел России ; под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – М., 2015. – Т. 14 : Умиротворение Европы. – С. 103–136.
11. Жаронкина, Е. А. Американская позиция по германскому вопросу в рамках сотрудничества стран антигитлеровской коалиции / Е. А. Жаронкина // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2014. – № 3, т. 2. – С. 287–292.
12. Терехов, В. П. Потсдамский финиш / В. П. Терехов // Великая Победа : сборник : в 15 т. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) М-ва иностр. дел России ; под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – М., 2015. – Т. 14 : Умиротворение Европы. – С. 137–144.
13. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : [в 6 т.] / М-во иностр. дел СССР ; редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.). – 511 с.
14. Соколова, В. И. Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании: итоги, решения и их реализация в послевоенные годы / В. И. Соколова, В. А. Морозов // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2013. – № 2. – С. 46–52.
15. Бедюрфтиг, Ф. Народ без государства / Ф. Бедюрфтиг // Родина. – 1995. – № 5. – С. 82–87.

А. В. Кузнецова-Тимонова

ОТ ГЕРМАНИИ ДО ЭФИОПИИ:
О РАБОТЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ВЫПУСКНИКОВ МГЛУ
В КАЧЕСТВЕ ВОЕННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ
(1950–1990)

Доклад посвящен проблеме подготовки и работы советских военных переводчиков в 1950 – 1990 гг. в разных странах Европы, Азии и Африки, где имело место советское военное присутствие. На примере судьбы выпускников и преподавателей Минского государственного педагогического института иностранных языков (далее – МГПИИЯ) строится анализ ситуации. Именно переводчики являлись главным связующим звеном между представителями советских военных миссий и другой стороной. Формально они не должны были принимать в боевых действиях непосредственного

участия (как, впрочем, и советники, и специалисты). Фактически – регулярно находились в гуще событий, в том числе с оружием в руках, получали ранения и, порой, гибли.

Подготовка военных переводчиков осуществлялась в специальном Военном институте иностранных языков Министерства обороны СССР и военных учебных заведениях, а также и в гражданских вузах. Открытый в 1949 г. МГПИИЯ является типичным для СССР примером развития в педагогическом институте сильного военного направления. Студенты, выпускники и преподаватели института выезжали на стажировки в страны изучаемого языка с 1962 г., а также рекомендовались для службы в Советской Армии с перспективой выезда за рубеж для работы переводчиками. Среди преподавателей военной кафедры МГПИИЯ было много кадровых офицеров, неоднократно бывавших в боевых командировках.

Тема участия представителей Беларуси в локальных войнах и военных конфликтах 2-й половины XX в., а также их работы в качестве военных переводчиков в различных регионах планеты только начинает разрабатываться в современной исторической науке. Закрытость этого направления до недавнего времени, а также ограниченность информационной базы, представляет собой главную сложность для исследователя: 1) переводчиков собирали со всего СССР; 2) распределение проходило через 10-е Главное Управление Генерального Штаба Вооруженных Сил; 3) профессиональная принадлежность не всегда указывалась в документах военных комиссариатов. Все это затрудняет выявление переводчиков среди других военных специалистов.

Информационной базой исследования являются материалы протоколов заседаний бюро первичной организации КП (б)Б МГПИИЯ за 1949 – 1986 гг. По этим документам, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, можно проследить следующие явления: 1) появление в институте языковых специализаций; 2) открытие специальных групп по подготовке именно переводчиков; 3) динамику направления студентов и выпускников для работы за границу СССР в разные периоды, а также географию их распределения; 4) пофамильные списки студентов и выпускников вуза, а также преподавателей, рекомендованных для выезда за границу для работы переводчиками по линии министерства обороны и других ведомств. Полученные в результате сведения можно дополнять и верифицировать информацией из военкоматов (так мы можем выявить состоящих в настоящее время на учете в военкоматах воинов-интернационалистов), а также биографических справочников.

Наряду с кратковременными (1–3 месяца, реже 6–12 месяцев) языковыми стажировками в европейских странах студенты, выпускники и преподаватели получали направление на «стажировку» либо работу в самые разные страны мира. В основном это были развивающиеся страны, бывшие колонии в Азии, Африке, а также отдельные государства Латинской Америки,

скоторыми СССР активно налаживал сотрудничество – экономическое, политическое и военное (см. Таблица 1; составлена автором на основании протоколов заседаний бюро первичной организации КП(б)Б МГПИИЯ – А. К.-Т.).

Т а б л и ц а 1.

Основные направления работы студентов и преподавателей МГПИИЯ за рубежом (1950–1991)

Наименование страны	Период рекомендации студентов и преподавателей МГПИИЯ для поездок в страну	Общее количество рекомендованных
Индонезия	1962	13
Египет	1965–1974	101
Нигерия	1973	7
Конго	1972–1976	3
Иран	17	1968
Сомали	1966–1971	5
Куба	1967–1983	51
Уганда	1972–1979	3
Бирма	1963–1971	6
Индия	1964–1972	62
Вьетнам	1968–1974	10
Афганистан	1966–1975	10
Камбоджа	1964–1968	20
Сирия	1965–1985	8
Танзания	1965	5
Алжир	1964–1984	222
Лаос	1971–1972	2
Судан	1971	2
Камерун	1971	1
Марокко	1969	6
Гана	1968	1
Пакистан	1964–1972	1972
Мали	1964–1972	24
Мозамбик	1987	1

Данная таблица отражает т.н. «гражданское» направление работы вуза. Что касается «военного», его крайне сложно отследить по документам, доступным для исследователей. Протоколы заседаний бюро первичной организации КПБ содержат только перечни студентов и преподавателей института, рекомендованных для работы за границей в качестве переводчиков – без указания предполагаемой страны назначения: такие группы появились с ноября 1960 г. [1, л. 7]. Отдельные фамилии встречаются в нескольких протоколах (с интервалом от трех месяцев до полугода). Таким образом, в течение 1960–

1987 г. было рекомендовано для работы «в странах Азии и Африки» либо «в одной из развивающихся стран» «для переводческой работы» (всё – формулировки из документов) 687 человек: преподавателей и студентов всех факультетов (подсчитано автором – А. К.-Т.).

Разумеется, это не означает, что все они отправились в итоге работать за рубеж, и, тем более, именно военными переводчиками. Однако отметим следующие закономерности: 1) с сентября 1962 г. выделяются специфические «мужские» группы студентов «для переводческой работы»; 2) некоторые имена встречаются в нескольких протоколах, что позволяет проследить их профессиональную судьбу от студента до преподавателя военной кафедры. Именно такой путь прошел Михаил Гриднев, рекомендованный в 1973 г. как студент 4 курса факультета английского языка «для переводческой работы», а 11 лет спустя «для работы в 1 из развивающихся стран с семьей сроком на 3 года» [2, л. 149]; 3) Начиная с мая 1974 г. из списков, рекомендованных для работы за границей без указания страны назначения практически исчезают женские кандидатуры, а сами списки становятся более обширными. Одним протоколом утверждалось от 25 до более 100 кандидатур (тогда же уменьшились списки рекомендованных для работы в конкретных странах).

Приведем конкретные примеры. Протоколом заседания бюро от 8 мая 1974 г. рекомендован для работы переводчиком за рубежом 31 человек [3, л. 74]. В феврале 1975 г. – 42 человека. Среди фигурантов - выпускник Евгений Ревин, который позже, по свидетельствам однокурсников, погиб в Анголе (подтверждений пока не найдено) [4, с. 134]. Протоколом от 24 марта 1976 г. рекомендовано к работе 15 человек, от 11 января 1977 г. – 26 человек. Женщины в этих группах – студентки и преподавательницы – рекомендованы только «в качестве члена семьи», а не как самостоятельные кандидатуры.

«Военную» судьбу упомянутых в протоколах студентов и преподавателей иногда удается проследить по материалам военных комиссариатов и опубликованных биографических справочников. Утвержденный протоколом от 5 апреля 1978 г. вместе с 4 студентами 5 курса факультета испанского языка (далее – ФИЯ) преподаватель военной кафедры Юрий Мальков [5, л. 28] был направлен на Кубу в качестве старшего переводчика испанского языка центрального политуправления РВС (Революционных Вооруженных Сил) Кубы. Это была не первая его командировка: в 1968 – 1969 гг. он уже служил переводчиком ГШ РВС Кубы, а в 1971 – 1974 гг. служил в ГСВГ (Группе советских войск в Германии – А. К.-Т.) в качестве диктора-переводчика редакции пропаганды политуправления ГСВГ [6, с. 160].

Утвержденный протоколом от 25 июня 1985 г. для работы за границей без указания срока пребывания старший преподаватель военной кафедры МГПИИЯ подполковник (впоследствии полковник) Александр Ваньшин был направлен в Бенин в качестве старшего референта группы советских военных специалистов, где служил в 1985–1988 г. [7, с. 54]. Упомянутый в протоколе от 28 февраля 1979 г. выпускник ФИЯ Александр Пониматко служил в начале 1980-х гг. н Кубе в качестве военного переводчика.

В протоколе от 21 февраля 1980 г. упомянуты преподаватели военной кафедры В.А. Белюкин и В.Ю. Чернов. Биография Виктора Белюкина очень насыщена боевыми командировками: будучи выпускником ВИИЯ, он в 1980–1983 гг. служил в Мозамбике (как раз туда и поехал согласно указанной рекомендации), а в 1986–1989 гг. – в Анголе в качестве старшего переводчика-референта. Кроме того, в Анголе под его началом служили многие его студенты: Сергей Демидчик (выпуск 1982 г.), Олег Грицук, Александр Штукин, Андрей Хаткевич и т.д. [8, с. 196].

Существовала еще категория студентов и преподавателей, которых рекомендовали именно для службы в Советской Армии в качестве переводчиков (либо для работы за рубежом по линии Министерства обороны СССР). Первая такая группа выпускников факультетов английского и немецкого языков была рекомендована 11 июня 1964 г. В ее составе был студент 5 курса факультета немецкого языка (далее – ФНЯ) Михаил Атрашкевич [9, л. 106]. Став кадровым военным, он поступил в распоряжение 10-го управления ГУ ГШ СССР. Дослужился до майора, в течение многих лет преподавал на военной кафедре в МГПИИЯ, а до начала преподавательской деятельности служил в качестве переводчика-референта групп советских военных специалистов в Ираке (1967), Египте (1967–1975 гг., одна из самых долгих командировок переводчиков), Шри-Ланке (1980), Эфиопии (1982–1985). Фактически М. А. Атрашкевич является участником двух военных конфликтов; был награжден медалью «За боевые заслуги» [10, с. 34].

Всего в течение 1964–1987 гг. по таким «военным спискам» было рекомендовано 474 человека, студентов и преподавателей. Сначала группы рекомендованных были небольшие. 5 мая 1968 г. было рекомендовано 8 человек (2 из них – жены-однокурсницы, то есть именно этим протоколом впервые были рекомендованы переводчики для работы за границей с семьями) [11, л. 40]. Удалось подтвердить участие в военном конфликте только одного из них – В. Е. Анофренко: он в 1969 – 1971 гг. в период боевых действий служил переводчиком в Египте, однако в армии не остался, вернулся к гражданской жизни¹.

23 декабря 1965 г. заседанием бюро была рекомендована группа (число и фамилии не указано) «студентов, отъезжающих в Алжир по линии Министерства обороны СССР» [12, л. 76]. Позднее возник долгий 8-летний перерыв, и только 14 января 1976 г. была рекомендована группа из 4-х преподавателей (Михасенко, Велитченко, Сильнов, Лытин) романских языков (испанского и французского) «для службы в кадрах Советской Армии в одной из стран с жарким климатом» [13, л. 19]. Косвенно можем предполагать, что они поехали в Конго и Анголу, но подтверждения пока нет.

С 1977 г. начинается своеобразный «массовый призыв» студентов-переводчиков для службы в армии. 12 апреля 1977 г. – 17 человек «для службы в ВС СССР и по выезду за границу» (8 с ФИЯ, 1 с факультета французского языка (далее – ФФЯ), 3 – с факультета английского языка

¹ Подтверждено дочерью – Н. В. Анофренко (прим. А. К.-Т.).

(далее – ФАЯ), 6 – с ФНЯ). 28 февраля 1977 г. – 6 выпускников ФАЯ. 15 декабря 1977 г. – 101 человек: «для службы в армии в качестве борт-переводчиков» – 41 (13 – английский, 7 – французский, 7 – испанский, 12 – немецкий); «рекомендуемых к командированию в заграникомандировку» – 60 (26 – с факультета переводчиков, 13 – с ФАЯ, 10 – с ФИЯ, 7 – с ФФЯ) [14, л. 186–187]. Рекомендованный в протоколе от 15 декабря 1977 г. в составе группы немецкого языка (12 человек) с формулировкой «для службы в армии в качестве борт-переводчиков» выпускник МГПИИЯ Валентин Нисуло был направлен через год после окончания вуза в ГСВГ в качестве переводчика-корректора, то есть – борт-переводчиком он не стал. Оставшись в армии в качестве кадрового офицера (а такой путь выбирали немногие из выпускников гражданского вуза), он до 1984 г. служил в ГСВГ, дойдя до должности редактора-инструктора редакции спецпропаганды при политуправлении группы войск. В 1986 г. он проходил боевую стажировку в должности старшего инструктора по спецпропаганде политотдела 40-й армии в Афганистане, а позже служил в Западной группе войск старшим инструктором отдела спецпропаганды политуправления. В отставку вышел в звании полковника [7, с. 220].

В этом же протоколе назван выпускник ФИЯ Александр Шлык (в будущем – заместитель декана ФИЯ), который с женой вместе в 1979 – 1982 гг. находился в Анголе сначала в качестве борт-переводчика экипажа самолета ГВС генерал-лейтенанта В. В. Шахновича (ирония в том, что в вузе для работы борт-переводчиком А. Шлыка не рекомендовали!), а позже – помощника старшего референта группы советских военных специалистов в Анголе. Как и все выпускники МГПИИЯ. Португальского языка он не знал – этот язык тогда в институте не изучался, но изучал его в Анголе самостоятельно, с помощью сослуживцев, сразу на практике [4, с. 138]. Примечательно, что в зарубежные (в том числе и боевые) командировки, порой, попадали выпускники, не проходившие рекомендацию бюро первичной организации КПБ института. Именно так произошло с однокурсником А. Шлыка Сергеем Баягиным: ни в одном из списков он не значился, однако в 1981 г. (уже будучи учителем в Лиде) был также призван в армию и направлен в Анголу в звании лейтенанта. Служил переводчиком в военном училище, был контужен [4, с. 132].

Протоколом от 21 декабря 1978 г. рекомендовано 26 человек «по языкам» (не факультетам): 16 – «английский язык», 2 – «испанский язык», 7 – «выпускник» без указания специальности (последние рекомендовались для работы за границей сразу на 2 года) [5, л. 123]. Протоколом от 19 декабря 1979 г. – 27 человек – студентом 5 курса без указания конкретной специальности. 10 декабря 1980 г. – 13 человек. 24 декабря 1980 г. – 7 человек «для призыва в Главное ПУ» [15, л. 87]. 19 декабря 1981 г. – 34 человека, все – студенты факультета переводчиков (далее – ФП). 9 ноября 1982 г. – 8 студентов 5 курса ФАЯ.

Протоколом от 15 декабря 1982 г. было рекомендовано для службы в армии за границей 28 выпускников разных факультетов [16, л. 188]. Из этого перечня примечательна судьба выпускника ФП Александра Дагеля: будучи распределенным на Брестскую таможенную, он спустя 5 лет оттуда был призван в армию и в конце 1987 г. направлен в качестве военного переводчика в Эфиопию в звании старшего лейтенанта. После возвращения из Эфиопии он вышел в запас и вернулся на таможенную, где и прослужил до звания советника таможенной службы 3 ранга [17, с. 86].

12 января 1983 г. для службы в армии с выездом за рубеж было рекомендовано 18 выпускников ФП [18]. 15 декабря того же года – 39 выпускников (факультет не указан) [19, л. 50]. 20 декабря 1984 г. – 40 выпускников разных факультетов [20, л. 136–137]. Из последних известна судьба двух выпускников ФП Александра Хованского и Игоря Ковалевича: они вместе были направлены в Анголу переводчиками, португальский язык учили тоже «в бою». Оба служили там в 1985–1987 гг.: А. Хованский 2 года был переводчиком в военном училище в г. Уамбо, И. Ковалевич год служил в том же училище, позже – переводчиком в боевой бригаде. Оба в армии не остались, вернулись к гражданской жизни [4, с. 198–199].

Протоколом от 21 ноября 1985 г. для службы в армии с перспективой выезда за границу было рекомендовано 47 выпускников [21, л. 76]. Из этого списка выпускник ФП Олег Грицук в 1986 г. был направлен в Анголу и попал в одно из самых «горячих» мест, в боевую бригаду в районе Куито-Куанавале, где в 1987 – 1988 гг. произошло одно из решающих сражений войны в Анголе. Его сами ангольцы до сих пор называют своим «Сталинградом», так как значение этих боевых действий в истории Юга Африки, деколонизации Намибии и крушении режима апартеида в ЮАР огромно. Лейтенант Олег Грицук был награжден кубинской медалью «За победу в Куито-Куанавале» (всего в Беларуси проживает 3 кавалера этой медали) [4, с. 58]. Еще два выпускника ФИЯ из этого списка – Сергей Ерошов и Андрей Хаткевич – также были направлены в Анголу. С. Ерошов в период командировки написал пронзительное стихотворение на белорусском языке «Пісьмо з Анголы»:

*Добры дзень, радзімая, добры дзень, каханая!
Зноў паштоўку шлю табе, можа як дайдзе...
Толькі не хвалюйся там – нават не паранен я,
Мы ўсе тут вучымся на чужой бядзе!
Ой-ёй-ёй, ой, Божа ж мой!
Ой-ёй-ёй, што ж гэта са мной?*

*А ў Анголе ўсё не так... у марах Беларусь мая!
Веру, што ўсё скончыцца, я звярнуць дамоў.
Моцна абдыму цябе, пацалую гарача...
І пасля на чарачку запрашу сяброў.
Ой-ёй-ёй, ой, Божа ж мой!
Ой-ёй-ёй, што ж гэта са мной?*

*Вось і ўсё, каханая, выбачай, што коратка.
Чую вой – заходзяць зноў з поўдня «Міражы»...
Дасылаю нітачку з абгарэлай вопраткі,
Калі што і здарыцца – маме не кажы!
Ой-ёй-ёй, ой, Божа ж мой!
Ой-ёй-ёй, што ж гэта са мной? [22]*

Дважды рекомендовались в заграникомандировки преподаватели военной кафедры Р. Г. Бей, В. В. Ходорченко, В. Н. Осинцев [23, л. 122] (последний выезжал в Бразилию, то есть знал португальский язык). 22 июня 1983 г. был рекомендован преподаватель военной кафедры Л. И. Манько «в одну из развивающихся стран или Республику Куба в качестве переводчика сроком на 2 года».

Важно, что группы были строго мужские (не считая жен). В течение 1970–1980-х гг. среди рекомендованных для работы по линии Министерства Обороны СССР встречена только одна женская фамилия: преподаватель Н. Н. Козлова была рекомендована протоколом от 16.05.1979 «для работ в войсках СА, находящихся за границей, сроком на 3 года без сохранения места» (такая формулировка больше нигде не встречается) [23, л. 123].

Отметим отдельно преподавателей военной кафедры МГПИИЯ, которые не являлись выпускниками вуза, и пришли туда в качестве преподавателей, уже имея опыт военно-переводческой работы, в т.ч. в «горячих точках», которым они активно делились со студентами. Многие из них были выпускниками ВИИЯ. В качестве примера можем привести капитана Сергея Гуревского (уроженца Слуцкого района): будучи одним из первых выпускников ускоренных курсов португальского языка (на таких курсах готовили только «португалистов» и «афганистов», что говорит о масштабах вовлеченности советских вооруженных сил в события в португалоязычных странах – Анголе, Мозамбике, Кабо-Верде, Гвинее-Биссау и т.д.), он в 1977–1979 гг. в качестве военного переводчика-референта служил в Анголе, в 1983–1986 гг. – в Мозамбике, а в сентябре 1986 г. был принят на работу в качестве преподавателя МГПИИЯ, где и работал до 2002 г. [6, с. 74].

Таким образом, исследование «военного» аспекта истории ведущего языкового вуза страны является актуальным и необходимым. Работа военных переводчиков в «поле» «холодной войны» остается неизученной в историческом аспекте. Глобальный характер военных противостояний выходит, к сожалению, на новый уровень – как и военно-промышленного сотрудничества – что обуславливает востребованность военных переводчиков и вовлеченность в оборонную сферу лиц, обладающих языковой подготовкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 30.
2. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 92.

3. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 58.
4. Кузнецова-Тимонова, А.В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе (1975 – 1992) / А.В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларуская навука, 2017. – 354 с.
5. НАРБ, Ф. 1154, оп. 2, д. 67.
6. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитники родной страны / под ред. В.А. Сероштана. – Минск: Энциклопедикс, 2005. – Т. 2. – 2005. – 369 с.
7. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитники родной страны / под ред. В.А. Сероштана. – Минск: Энциклопедикс, 2005. – Т. 1. – 2005. – 401 с.
8. Кузнецова-Тимонова, А. В. Немецкий язык как пропуск в Африку: работа выпускников и преподавателей МГПИИЯ в качестве переводчиков в зоне боевых действий / А. В. Кузнецова-Тимонова // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар.наук.канф., Мінск, 2.04.2021 г. Вып. 20 / рэдкал. А. А. Каваленя (адк.рэд.), С. Я. Новікаў (нам.адк.рэд.) [і інш.] – Мінск : МДЛУ, 2022. – 240 с.
9. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 38.
10. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитник родной страны. Том 3 / под ред В. А. Сероштана. – Минск : УП «Энциклопедикс», 2007. – 402 с.
11. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 46.
12. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 40.
13. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 63.
14. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 65.
15. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 73.
16. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 79.
17. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитники родной страны. Том 4 / под ред. В.А. Сероштана. – Минск: УП «Энциклопедикс», 2008. – 360 с.
18. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 85.
19. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 86.
20. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 93.
21. НАРБ, ф. 1154, оп. 2, д. 98.
22. Союз ветеранов Анголы : официальный сайт [электронный ресурс] : Ангольская поэзия. – Режим доступа: https://www.veteranangola.ru/main/poetry/s_ershov. – Дата доступа: 13.04.2022.
23. НАРБ, ф. 1154, оп.2, д. 103.

И. С. Благуш

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ЦЕНОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ШОКА: УРОКИ ГЕРМАНИИ

Германия, согласно международным статистическим базам данных, характеризующим результаты функционирования мировой экономики в пост-пандемийном 2021 году, удерживала позицию третьего крупнейшего

экспортера в мире после Китая и США с показателем 1,626 трлн. долл. (таблица 1). Отрицательная динамика стоимостных объемов товарных экспортных поставок страны, наблюдавшаяся в 2019-2020гг. (-7%), сменилась динамичным восстановительным ростом в 2020-2021гг. (+18%), что позволило сформировать долю в 7,4% от общего объема глобального экспорта (на Китай приходилось 15,3%, или 3,361 трлн. долл., на США – 8%, что по абсолютной величине соответствует 1,753 трлн. долл.) [1].

Т а б л и ц а 1.

Топ-10 крупнейших экспортеров товаров в мировой экономике в 2020 г.

№ п/п	Страна-экспортер	Экспорт товаров в 2021г., тыс. долл.	Доля в мировом товарном экспорте в 2021г., %	Годовая динамика экспорта товаров в 2019–2020, %	Годовая динамика экспорта товаров в 2020–2021, %	Среднегодовая динамика экспорта товаров в 2017–2021, %
1	Китай	3,361,814,264	15.3	4	30	9
2	США	1,753,941,406	8	-13	23	1
3	Германия	1,626,387,793	7,4	-7	18	1
4	Япония	757,460,945	3,5	-5	18	0
5	Нидерланды	693,800,454	3,2	-9	26	5
6	Гонконг (КНР)	672,153,980	3,1	3	22	4
7	Республика Корея	644,438,622	2,9	-5	26	1
8	Италия	601,662,527	2,7	-8	21	2
9	Франция	569,479,663	2,6	-14	20	0
10	Бельгия	549,499,377	2,5	-6	31	4

Примечание – Источник: разработано автором на основе [1], [2].

При этом только Германия в группе наиболее развитых стран, относящихся к «Большой семерке» (далее – G7), до сих пор демонстрировала статистически выявляемую в долгосрочном периоде тенденцию к реиндустриализации экономики (увеличению доли промышленности в ВВП и повышению ее конкурентоспособности на основе технологических и нетехнологических инноваций) на фоне сохраняющихся процессов деиндустриализации национальных хозяйственных систем США, Великобритании, Франции и других мировых лидеров, где промышленный сектор относительно сокращался, а сектор услуг расширялся. По данным World Bank Group,

Германия была единственной развитой страной, за период с 2010 по 2018 год увеличившей долю в ВВП как индустрии в целом (с 27 до 28 %), так и обрабатывающих отраслей промышленности (с 20 до 21 %), сократив долю сферы услуг в валовой добавленной стоимости (с 62,2 до 61,5 %) [3]. Сегмент Германии на мировом товарном рынке за последние 70 лет вырос в 5,8 раза, в то время как США – лидера постиндустриальной трансформации – сократился в 2,6 раза: в 1948 году Германия обеспечивала всего 1,4 % глобальных товарных поставок (США – 21,6 %), а в 2020 году уже 8,1 % мирового товарного экспорта формировали немецкие компании, на США приходилось 8,4 % [4].

Первой предложив концепцию «Индустрии 4.0» и приступив к системной модернизации промышленности на основе новейших информационных технологий, Германия продемонстрировала, что реализация возможностей получения дохода, созданных внешним спросом, вполне возможна без радикальной трансформации отраслевой структуры экономики в пользу сектора услуг.

Наиболее конкурентоспособными отраслями немецкой промышленности стали автомобилестроение, транспортное машиностроение (вагоностроение, самолетостроение), производство станков, приборов, электротехническое производство, точная механика и оптика, химическая, фармацевтическая промышленность, черная металлургия, формирующие основу индустриальной экономики. При этом глобальные рынки формировали устойчиво высокий спрос на машиностроительную продукцию из Германии, позволяя делать оптимистичные долгосрочные прогнозы относительно динамики объемов производства, экспорта и будущего немецкой индустрии в целом.

Конкурентные позиции Германии в товарном сегменте мирового рынка в значительной степени определялись способностью национальной экономики генерировать системные технологические, продуктовые, управленческие и социальные инновации не только в высокотехнологичных, но и в традиционных индустриальных отраслях, обеспечивая на их основе роботизацию и информатизацию промышленного производства, товарную и географическую диверсификацию товарного экспорта. Усилия немецкого правительства в сфере инновационной политики и стратегии развития бизнеса были сконцентрированы на сохранении и усилении долгосрочных конкурентных преимуществ Германии, как одного из мировых лидеров в производстве промышленной продукции. Именно на это были направлены инициированные научными и деловыми кругами страны стратегия «Индустрия 4.0», «Национальная индустриальная стратегия 2030», программы внедрения цифровых технологий, ускоренного развития искусственного интеллекта.

Благодаря последовательным шагам по созданию и повышению эффективности национальной инновационной системы Германия вошла в число мировых инновационных лидеров. В 2020 году она заняла первую позицию в инновационном индексе Bloomberg (Bloomberg Innovation Index), потеснив

Южную Корею, сохранявшую лидерство рейтинга на протяжении шести лет. Германия трижды входила в топ-5 рейтинга: по производству добавленной стоимости (4 место), плотности высоких технологий (3 место) и патентной активности (3 место), демонстрируя, что «производственный сектор страны по-прежнему остается высоко конкурентным и является источником инноваций» [5]. В рейтингах Глобального инновационного индекса (GII) Германия в течение последних десяти лет стабильно входила в топ-15, а в среднесрочном периоде – в топ-10 наиболее инновационных экономик мира [6].

Парадокс Германии в том, что все эти достижения демонстрировала энергозависимая супериндустриальная экономика, потребляющая 2,1% от объема первичных энергетических ресурсов мира (в группе G7 это четвертая после США, Японии и Канады позиция) и 15,22% объема, ежегодно используемого Европой (табл. 2).

Т а б л и ц а 2.

Потребление первичных энергетических ресурсов
в странах G7 в 2011 – 2021 гг.

Страна	Потребле- ние в 2011г., у. ед.	Потребле- ние в 2020г., у. ед.	Потребле- ние в 2021г., у. ед.	Доля в мировом потребле- нии в 2021г., %	Годовая динами- ка в 2020– 2021, %	Среднего- довая динамика в 2011– 2021, %
США	92,61	88,54	92,97	15,6	менее 0,05	+5,3
Канада	14,03	13,82	13,94	2,3	1,1	-0,1
Япония	20,14	17,13	17,74	3,0	3,8	-1,3
Германия	13,36	12,36	12,64	2,1	2,6	-0,5
Велико- британия	8,48	7,06	7,18	1,2	2,0	-1,7
Франция	10,37	8,86	9,41	1,6	6,5	-1,0
Италия	7,19	5,92	6,36	1,1	7,6	-1,2
Европа в целом	87,51	78,93	82,38	13,8	4,7	-0,6

Примечание – Источник: разработано автором на основе [7].

В 2021 году на долю нефти в общем объеме потребляемых первичных энергетических ресурсов Германии приходилось 32,67 %, природного газа – 25,87, каменного угля – 16,86 %, то есть доля традиционных органических топливно-энергетических ресурсов превысила три четверти от всего количества источников генерации, составив 75,40 % (табл. 3). Атомная энергия

формировала всего 4,99 %, гидроэнергия – 1,49, а возобновляемые источники, несмотря на программы интенсивного развития альтернативной энергетики, – только 18,12 % [7].

Т а б л и ц а 3.

Потребление первичных энергетических ресурсов
в Германии в 2020 – 2021 гг.

Индикатор	Нефть	Природный газ	Каменный уголь	Атомная энергия	Гидроэнергия	ВИЭ	Всего
Объемы потребления в 2020 г., э. ед.	4,32	3,14	1,81	0,58	0,17	2,44	12,36
Объемы потребления в 2021 г., э. ед.	4,12	3,26	2,12	0,62	0,18	2,28	12,64
Структура потребления в 2020 г., %	34,81	25,27	14,51	4,56	1,24	19,61	100
Структура потребления в 2021 г., %	32,67	25,87	16,86	4,99	1,49	18,12	100

Примечание – Источник: разработано автором на основе [7].

Потребности в органическом топливе Германия в значительной степени покрывала за счет импорта. Только в 2021 году были ввезены 78,8 млн. т нефти (из них 30,8 % составили российские поставки), 38,4 млн. т каменного угля (на Россию приходилось 52,6 % этого объема) и 109 млрд. кубометров природного газа (в том числе 55 % – из России).

На фоне антироссийских санкций в марте 2022 года платежи Германии за российские поставки, вследствие шокового роста цен на сырье и энергоносители, увеличились на 77,7 %, составив 4,4 млрд евро, при этом торговый дефицит Германии в торговле с Россией составил 3,4 млрд. евро [8].

В апреле 2022 г. рост цен производителей (промышленная инфляция) в Германии в годовом исчислении оценивался на уровне 33,1 %, в Еврозоне в целом – 37,2 %. Скачок цен в энергетическом секторе, вызванный шоком предложения и ажиотажным спросом на мировом рынке энергоресурсов в условиях перехода на новую модель ценообразования (на спотовом сегменте, а не на основе долгосрочных контрактов, сглаживающих амплитуду конъюнктурных колебаний), составил 99,2 % [9]. Именно это внесло основной вклад в рекордную промышленную инфляцию. Компании ФРГ были вынуждены поднять стоимость мегаватт-часа до рекордных 200 евро, подстегивая негативные ожидания.

Европейскую экономику в целом и экономику Германии, по прогнозам международного рейтингового агентства Fitch, ожидает глубокая и продолжительная рецессия: потеря только 30 % поставок энергоресурсов приведет к снижению ВВП Германии – на 4 % (еврозоны – более чем на 2 %). По оценкам аналитиков Handelsblatt, экономический шок в Германии перерастает в структурный кризис, который будет обременять немецкую экономику не месяцы, а годы [10].

Успешно преодолевая на протяжении многих десятилетий риски энергозависимой, открытой, супериндустриальной, социально-ориентированной экономики на основе рациональных, ориентированных на национальные экономические интересы стратегий, Германия вошла в зону гипертурбулентности, как только элиты власти утратили независимость в принятии макроэкономических решений, приняв на вооружение доктринальное мышление, а суверенные национальные элиты развития утратили способность проводить свои экономические интересы и формировать приоритеты экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Economic Situation and Prospects 2021 / United Nations Department of Economic and Social Affairs. – UN DESA, 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf. – Date of access: 12.11.2021.
2. UN COMTRADE List of Exporters for the Selected Product in 2021. – UN COMTRADE, 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: – Date of access: 10.08.2022.
3. World Development Indicators: Structure of output / The World Bank Database [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.wdi.worldbank.org/table/4.2>. – Date of access: 20.04.2022.
4. World Trade Statistical Review 2021 / World Trade Organisation. – WTO, 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts2021_e.pdf. – Date of access: 14.05.2022.
5. Jamrisko, M., Wei, Lu Bloomberg Innovation Index: Germany Breaks Korea's Six-Year Streak as Most Innovative Nation / M. Jamrisko, Wei Lu [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation>. – Date of access: 21.05.2022.
6. The Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf. – Date of access: 18.05.2022.
7. BP Statistical Review of World Energy 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf>. – Date of access: 28.06.2022.

8. Deutschland kauft zwar weniger Öl aus Russland – zahlt aber mehr [Electronic resource]. – Mode of access: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/519338/Deutschland-kauft-zwar-weniger-OEL-aus-Russland-zahlt-aber-mehry>. – Date of access: 12.05.2022.
9. Eurostat Documents [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14636262/4-02062022-AP-EN.pdf>. – Date of access: 12.06.2022.
10. Einbruch der Geschäftserwartung: Deutsche Industrie steht vor einer Existenzkrise [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/konjunkturkrise-einbruch-der-geschaefterwartung-deutsche-industrie-steht-vor-einer-existenzkrise/28359396.html?nlayer=Newsticker_1985586. – Date of access: 10.08.2022.

А. Г. Цымбал

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ ХХ СТ. У АДЛЮСТРАВАННІ ПОЛЬСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ (1945–1989)

Даследаванне гісторыі Беларусі даўно перастала быць выключнай прэрагатывай беларускіх гісторыкаў. Шматлікія аспекты і праблемы гісторыі беларускіх земляў сталі аб'ектам вывучэння гістарычнай навукі Польскай рэспублікі. У Польшчы сфарміраваліся навуковыя цэнтры, у сферы інтарэсаў якіх ляжыць беларуская праблематыка. У той жа час, у айчыннай гістарыяграфіі практычна адсутнічаюць спецыяльныя даследаванні прысвечаныя асаблівасцям фарміравання парадыгмальнага уяўленняў замежнай гістарыяграфіі, якія непасрэдна закранаюць гісторыю Беларусі. Сучасную польскую гістарыяграфію гісторыі Беларусі ХХ ст. характарызуе значная метадалагічная і тэматычная разнастайнасць. Гісторыкі шырока прымяняюць актуальныя ў гістарычнай навуцы падыходы, прапаноўваючы навуковыя інтэрпрэтацыі ў рэчышчы сучасных трэндаў развіцця навуковага пазнання. Актуальным застаецца пытанне каранёў польскай беларусістыкі, зараджэння навуковых уяўленняў па гісторыі Беларусі ХХ ст. у гістарыяграфіі Польскай Народнай Рэспублікі і эміграцыйнай гістарыяграфіі.

Другая сусветная вайна была катастрофай для гістарычнай супольнасці. Больш за палову актыўных гісторыкаў былі забіты, многія ўстановы спустошаны, архівы спалены, знішчаны або вывезены ў Германію або Саветскі Саюз.

Адзінкавыя публікацыі па гісторыі Беларусі з'явіліся ў эміграцыйных польскіх установах. У 1944 г. у бюлетэні Польскага інстытута навукі і мастацтваў у ЗША выйшаў артыкул Ю. Ліхтэнштула прысвечаны беларускаму пытанню ва Усходняй Еўропе [1, р. 1170-1197]. Аўтар – польскі гісторык, які ў гады вайны працаваў кансультантам польскага ўрада на эміграцыі па Усходняй Еўропе. Услед за Л. Васілеўскім ён пазітыўна ацэньваў перспектывы беларускага нацыянальнага праекта, зазначаючы, што беларусы з'яўляюцца народам, які не проста існаваў, а заўсёды суіснаваў. Іх гісторыя

заўсёды была злучана з іншымі нацыямі, што ў выніку можа разглядацца як базавая рыса нацыянальнай псіхалогіі. У той жа час, за гэтае суіснаванне беларусы не аднойчы былі вымушаныя заплаціць нацыянальнай незалежнасцю [1, р. 1171]. З гэтай тэзы аўтар выводзіў ідэю аб тым, што пасля заканчэння Другой сусветнай вайны прынцып нацыянальнага самавызначэння павінен быць перагледжаны. Яго інтэрпрэтацыя як устанаўлення нацыянальнай дзяржаўнасці для кожнага народа Ю. Ліхтэнштулам ацэньвалася як памылковая. Узамен ён прапаноўваў забяспечыць кожны народ задавальняючым яго суіснаваннем у рамках дзяржавы, у якой ён гатовы супрацоўнічаць і свабодна выказаць сваю волю. Такім чынам, дадзеная інтэрпрэтацыя прынцыпу самавызначэння нацый павінна была быць прыменена да Польшчы, урад якой абавязваўся гарантаваць усім народам яе якія насяляюць усе правы і прывілеі, якія не толькі павінны будучы звязаць гэтыя народы з Польшчай, але і не стрымліваць працэс крышталізацыі нацыянальнай самасвядомасці. Гэты падыход павінен быў быць ужыты найперш да беларусаў у Польшчы і, на думку, аўтара гэтая праблема не мела нічога агульнага з палітычнымі кампрамісамі і пагранічнымі спрэчкамі [1, р. 1193–1194].

У першы пасляваенны перыяд, да 1948 г., адбывалася рэканструкцыя інстытуцыйнай і персанальнай асновы польскай гістарычнай навукі. У Познані, Гданьску, Ольштыне і Вроцлаве, Торуні былі заснаваны новыя даследчыя інстытуты.

Перыяд паміж 1949 і 1956 гг. у польскай гістарыяграфіі звычайна характарызуюць як сталінізм. У гістарычнай навуцы замест нацыянальнага падыходу дамінуючае месца заняў марксісцкі. Трансфармацыя гістарычнай навукі знайшла адлюстраванне і ў інстытуцыянальным аспекце, быў створаны Інстытут гісторыі Польскай акадэміі навук. У 1951 г. адбыліся дзве важныя канферэнцыі: I Кангрэс польскай навукі і I Метадалагічная канферэнцыя польскіх гісторыкаў. Абедзве былі закліканы пераацаніць гістарыяграфічную традыцыю і папулярызаваць новую метадалогію. Пераважная большасць польскіх гісторыкаў абавязалася выкарыстоўваць марксізм як інструмент гістарычнай інтэрпрэтацыі [2, р.103].

Нягледзячы на дзейнасць цензуры і актыўнае выкарыстанне гісторыі польскімі камуністамі як легітымизуючага фактара, польская гістарыяграфія перыяду ПНР не ўпала ў інтэлектуальны крызіс. Амаль усе тэмы за выключэннем нядаўняй гісторыі XX ст., былі «дэпалітызаваны». Аднак беларуская тэматыка і ў цэлым вывучэнне Ўсходняй Еўропы адчулі пэўныя абмежаванні, але нават і тут былі свае асаблівасці. Гэтыя напрамкі гістарыяграфіі набылі самастойнасць пазней, з развіццём неафіцыйных падпольных выданняў. Праблемы ўзаемаадносін з суседзямі ўзнімаліся ў эмігранцкіх публікацыях. Якасць даследаванняў была высокай, незалежна ад таго, ці гэта былі падпольныя, эмігранцкія і заходнія публікацыі.

Польскія гісторыкі, за выключэннем перыяду сталінізму, не знаходзіліся за поўнай жалезнай заслонай. Нямецкі гісторык Клаўс Цэрнак, які ўдзельнічаў у 1970-х гг. у навуковым праекце аб узаемазалежнасці гісторыі і палітыкі ва Ўсходняй Еўропе з 1945 г., паказваў на адрозненні паміж

польскай гістарыяграфіяй з аднаго боку, і савецкай і чэхаславацкай гістарыяграфіяй з другога. Паводле яго слоў, адсутнасць чыстак і канфлікту сярод пакаленняў польскіх гісторыкі стварылі нетыповую сітуацыю. Польскія гісторыкі, якія вызначалі сябе марксістамі адчувалі лаяльнасць да навуковага асяроддзя, да абстрактнай навукі, але не ідэалогіі ці ўлады [2, р. 106].

З 1956 па 1989 гг. польскія гісторыкі выпрацавалі свой спосаб суіснавання з урадам і партыяй. Пасля 1956 г. больш не было неабходнасці выкарыстоўваць толькі адну марксісцкую метадалогію ў сталінскім разуменні. Навуковыя кантакты з Захадам, перарваныя ў сталінскі перыяд, былі таксама адноўлены. Фернан Бродэль быў частым госцем у Варшаве. У Варшаўскім універсітэце працаваў Даніэль Бавуа. Школа «Аналаў» аказала значны ўплыў на польскіх гісторыкаў. Падыход гэтай школы інтэрпрэтавалі па-рознаму: для адных гэта быў імпульс да пераацэнкі марксісцкай метадалогіі, іншыя гісторыкі проста ігнаравалі марксізм, ствараючы польскі варыянт французскай школы.

У сілу немагчымасці свабоднага вывучэння праблематыкі адносін з усходнімі суседзямі зварот да метадалогіі школы «Аналаў» у спалучэнні з элементамі марксісцкай метадалогіі абумовіла фокус даследаванняў польскіх гісторыкаў на сацыяльна-эканамічных пытаннях. Другім напрамкам, які актыўна пачынае распрацоўвацца ў гэты час, стала нацыянальная палітыка міжваеннай Польшчы.

Менавіта ў канцы 1960-х – пачатку 1970-х гг. пачалася праца па асвятленні цяжкага становішча нацыянальных меншасцей у міжваеннай Польшчы. У першую чаргу вывучаліся сацыяльныя і рэвалюцыйныя рухі, якія адпавядалі палітычнай абстаноўцы і марксісцка-ленінскай метадалогіі. Першымі сур'ёзнымі даследаваннямі па гісторыі Заходняй Беларусі былі працы прысвечаныя сацыяльна-эканамічнаму развіццю Польшчы, у тым ліку заходнебеларускага рэгіёна, у якіх можна было пазбегнуць палітычнай канатацыі.

Польскія даследчыкі адзначалі адносна нізкі ўзровень эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі ў Польшчы пры малой шчыльнасці насельніцтва, неўрадлівых глебах, слабым развіцці дарожнай сеткі і камунікацый. Сацыяльная гісторыя становіцца ключавым напрамкам даследаванняў Заходняй Беларусі. Класікай польскай гістарыяграфіі стала праца Я. Жарноўскага прысвечаная грамадству міжваеннай Польшчы [3]. Эканамічнае становішча Польшчы раскрыта ў працы З. Ландау і Е. Тамашэўскага «Нарыс эканамічнай гісторыі Польшчы 1918–1939» [4].

У 1960-1980-я гг. польскія даследчыкі даследуюць становішча сельскай гаспадаркі, аграрныя рэформы [5], уклад прыватнай уласнасці ў развіццё эканомікі [6].

Актуальнай становіцца тэма ролі яўрэйскага насельніцтва ў развіцці эканомікі Заходняй Беларусі, асабліва з улікам таго, што гэта катэгорыя насельніцтва складала значную частку насельніцтва гарадоў і мястэчак, і была занята ў рамястве, прамысловасці і гандлю. [7; 8].

У рамках сацыяльна-эканамічнай гісторыі польскія вучоныя звярталіся да рэгіянальнай праблематыкі. Е. Тамашэўскі прадставіў асаблівасці становішча Палесся ў міжваеннай Польшчы[9].

Другім напрамкам даследаванняў, якія атрымалі пэўнае развіццё ў пасляваенны перыяд, стала нацыянальнае пытанне і нацыянальная палітыка ўладаў. А. Бергман звяртаецца да беларускай праблематыкі [10; 11]. Аднак уплыў марксізму абумовіў даследчую перспектыву аўтара. Беларускае пытанне ў Польшчы ў яе працах вывучалася толькі праз прызму дзейнасці Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі, што садзейнічала зацвярджэнню вобраза беларуса-камуніста ў гістарыяграфіі.

Аднак вывучэннем дзейнасці беларускіх камуністаў нацыянальная праблематыка не вычэрпвалася. У гэты час выйшлі даследаванні А. Дзяругі [12], Е. Хольцэра [13] і А. Хайноўскага [14]. У прыватнасці, у сваім даследаванні «Канцэпцыі нацыянальнай палітыкі польскіх урадаў у 1921-1939 гг.» А. Хайноўскі падрабязна асвятляе праграмы і канцэпцыі па нацыянальным пытанні польскіх урадаў, акцэнтуючы ўвагу не толькі на канцэпцыях, распрацаваных ідэолагамі розных партый, але і таксама на адміністрацыйных практыках кіруючых колаў.

Польскі гісторык Е. Пацук у сваёй доктарскай дысертацыі на тэму «Палітыка польскага ўрада ў дачыненні да беларускага пытання ў Польшчы ў 1918-1939 гг.» сцвярджаў, што канфлікт паміж польскай дзяржавай і няпольскімі меншасцямі быў аб'ектыўным і не мог быць вырашаны любымі сродкамі і спосабамі [15, с. 95].

Ужо ў перыяд ПНР польскімі гісторыкамі былі раскрыты недахопы нацыянальнай палітыкі ў міжваеннай Польшчы. Даследчыкі адзначалі, што палітыка паланізацыі не садзейнічала інтэграцыі Заходняй Беларусі ў польскую дзяржаву.

У Асалінеўм у 1979 г. выйшла адзінае сінтэтычнае выданне па гісторыі Беларусі перыяду ПНР аўтарства Марцэлі Космана [16]. Ягоная «Гісторыя Беларусі» з'яўлялася твораў свайго часу. Цэнзура і ідэалагічныя абмежаванні, якія існавалі ў Польскай Народнай Рэспубліцы, асабліва ў адносінах да інтэрпрэтацый гісторыі XX стагоддзя і ўзаемаадносін з усходнімі суседзямі садзейнічалі з'яўленню скажонага гістарычнага наратыву гісторыі беларускай нацыі і дзяржаўнасці.

Пры апісанні гісторыі Беларусі ў XX ст. хутчэй, гаворка ішла пра гісторыю бальшавізму ў Беларусі. У той жа час у працы адсутнічалі тыповыя азначэнні савецкага наратыву як напрыклад «Вялікая Айчынная вайна». Паняцце «Крэсы» ў публікацыі сустракаецца рэдка, толькі ў адмоўным аспекце, як поле канфліктнай і каланіяльнай палітыкі ўладаў. У той жа час выкарыстоўваецца паняцце «Заходняя Беларусь», якое практычна немагчыма знайсці ў сучасных польскіх выданнях.

Як адзначаў сам аўтар: «...не дэманізуючы забароны, трэба сказаць коратка: чым бліжэй да сучаснасці, тым больш у 1976-1977 гадах, калі пісалася кніга, даводзілася ўлічваць неабходнасць апускаць некаторыя

пытанні і нават - у выніку ўласных разважанняў і прапаноў рэцэнзентаў... ·
выдаленне цэлых старонак у машынапісным тэксце. Пры выдаленні аднаго
часта даводзілася адмаўляцца ад іншага, асабліва ў выпадку канфліктных
пытанняў, якія парушалі ідэю – так таго хацелі палітыкі – атмасферу
гарманічнага пасляваеннага супрацоўніцтва» [17, с. 95].

У цэлым «беларускія даследаванні» вялікай цікавасці і ў польскіх
даследчыкаў перыяду Польскай Народнай Рэспублікі не выклікалі. Гістарыч-
най беларусазнаўчай школы як такой у гэты час не склалася. Беларуская
тэматыка знаходзілася на абсалютнай перыферыі навуковых гістарычных
даследаванняў і інтарэсаў гісторыкаў.

Ідэалагічныя і цэнзурныя абмежаванні адносна спрэчных пытанняў бе-
ларуска-польскай гісторыі і польскай прысутнасці на Усходзе не садзейнічалі
папулярнасці беларускай тэматыкі, асабліва гэта датычылася гісторыі XX ст.
Беларуская праблематыка калі і ўздымалася, то ў агульным кантэксце
нацыянальнай палітыкі польскіх уладаў. Нормай стала крытычная ацэнка
нацыянальнай палітыкі польскіх уладаў у 1920-30-я гг., што ўзгаднялася з
агульнай партыйна-палітычнай лініяй на разрыў са спадчынай міжваеннай
Польшчы і крытыкай Пілсудскага. Гістарычны наратыў падпарадкоўваўся
палітычнай кан'юнктуры і выбудоўваўся ў духу сацыялістычнага будаў-
ніцтва і выкрыцця імперыялістычных планаў Пілсудскага. Беларуская тэма
ўсплывала ў рамках вывучэння камуністычнага руху ў Польшчы, што ўма-
цоўвала вобраз беларуса-камуніста. У той жа час, нешматлікія працы, прад-
метам якіх выступала менавіта гісторыя Беларусі, мелі метадалагічна
абмежаваны характар, у духу «сацыялістычнага сяброўства народаў» не
ставілі ў цэнтр увагі вострыя праблемы гісторыі беларуска-польскіх адносін.

ЛІТАРАТУРА

1. *Lichtensztul, J.* The White Ruthenian problem in Eastern Europe // Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America. 1944. – Vol. 2, No. 4. – P. 1170–1197
2. Narratives unbound: historical studies in post-communist Eastern Europe / ed. by Sorin Antohi, Balázs Trencsényi and Péter Apor. – Budapest ; New York : Central European University Press, 2007. – 488 s.
3. *Żarnowski, J.* Społeczeństwo Drugiej Rzeczypospolitej. – Warszawa : PWN, 1973. – 434 s.
4. *Landau, Z.* Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939. – Warszawa : Książka i wiedza, 1981. – 327 s.
5. *Madajczyk, Cz.* Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce 1918–1939. – Warszawa, 1959. – 463 s.
6. *Roczkowski, W.* Gospodarcza rola większej prywatnej własności ziemskiej w Polsce 1918-1939. – Warszawa, 1989.

7. *Bronstejn, Sz.* Ludność żydowska w Polsce w okresie międzywojennym. Studium statystyczne. – Wrocław-Warszawa-Kraków : zakład narodowy im. Ossolińskich, 1963. – 293 s.
8. *Tomaszewski, J.* Robotnicy żydowscy w Polsce w latach 1921–1939 (szkic historyczny) // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1964. – № 51. – S. 21–39.
9. *Tomaszewski, J.* Z dziejów Polesia 1921–1939. Zarys statusu społeczno-ekonomicznego. – Warszawa, 1963. – 208 s.
10. *Bergman, A.* Rzecz o Bronisławie Taraszkiewiczu. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1977. – 241 s.
11. *Bergman, A.* Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. – 285 s.
12. *Deruga, A.* Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). – Warszawa : Książka i wiedza, 1969. – 330 s.
13. *Holzer, J.* Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej. – Warszawa : Książka i wiedza, 1974. – 664 s.
14. *Chojnowski, A.* Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. – Wrocław : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1979. – 464 s.
15. *Pacuk, J.* Polityka państwa polskiego wobec ludności białoruskiej w latach 1919–1926 (Problemy podstawowe): Rozprawa doktorska. – Warszawa, 1980. – 676 s.
16. *Kosman, M.* Historia Białorusi. – Wrocław [etc.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydaw., 1979. – 404 s.
17. *Waszkiewicz, J.* Polska historiografia dziejów Białorusi w latach 1945–1991 // Dzieje Najnowsze. – 1999. – № 31/1. – S. 85–102.

С. А. Ситкевич, В. Н. Черепица

А.Н. ГАБУЗОВ (1906–1999): ВОЕННЫЙ ВРАЧ,
ПРОФЕССОР ГРОДНЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА
И СОЗДАТЕЛЬ ЕГО АНАТОМИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 2021 г. исполнилось 115 лет со дня рождения военного врача и известного учёного-медика, профессора Гродненского государственного медицинского института Армена Николаевича Габузова. Будущий учёный родился 11 октября 1906 г. в губернском городе Елизаветполь (затем – Кировобад, а в настоящее время Гянджа – третий по величине город Азербайджана) в семье служащего, армянина по происхождению. Детство и юность Армена Габузова прошли в г. Баку. В 1929 г. он окончил медицинский факультет Бакинского государственного университета. Учёбу сочетал с работой препаратора на кафедре нормальной анатомии [1]. При распределении был оставлен на кафедре помощником прозектора. В 1931–1932 гг. служил врачом в Каспийской военной флотилии (КВФ). По окончании службы А.Н. Габузов переехал в Ленинград, где работал ассистентом

кафедры анатомии во 2-м Ленинградском медицинском институте и ассистентом кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии в Ленинградском педиатрическом медицинском институте. В 1936–1938 гг. служил на Краснознаменном Балтийском флоте (КБФ), а затем работал в больницах Ленинграда.

С первых дней Великой Отечественной войны А. Н. Габузов был призван Петроградским РВК г. Ленинграда на военную службу и направлен в Таллинн в качестве хирурга медико-санитарного батальона 18-й дивизии 8-й армии. Принимал активное участие в героической обороне столицы советской Эстонии и в Таллиннском переходе Балтийского флота в Кронштадт в июле-августе 1941 г. В представлении к награждению орденом Красной Звезды майора медицинской службы (военврача 3 ранга) Габузова А. Н. о его службе в самом начале войны имеются следующие строки: «В период самых напряженных боев умело руководил работой врачей, лично проводил большое количество операций.

Находясь в составе маневренно-хирургической группы КБФ, он в течение двух часов развернул госпиталь в г. Таллинне, который, начиная с ночи, принимал большое количество раненых, где сразу же оказывалась им хирургическую помощь. А утром врач сам организовал отправку санитарного состава с больными в Ленинград. Вплоть до 27 августа, т.е. до оставления Таллинна обеспечивал прием и лечение огромного количества раненых. В момент отдачи распоряжения о нашем отходе был тяжело ранен и эвакуирован на одном из транспортов в Кронштадт. Во время тяжелого морского перехода корабль, на котором он плыл, стал тонуть от прямого попадания вражеской авиабомбы. На помощь ему пришел базовый тральщик Т-211 «Рым», спасший большую часть терпящих бедствие. После выздоровления тов. Габузов продолжил службу на флоте в качестве военврача-хирурга в базовом лазарете № 62 Балтийского флота Северо-Западного фронта, а также в Морском эвакуационном госпитале. На его счету имеется огромное число спасенных раненых воинов. Высокой награды достоин [2].

В последующем военврач 3-го ранга Габузов служил начальником хирургических отделений в военно-морских госпиталях Таллинна, Баку, Астрахани и Выборга. Уже тогда в сферу его научных интересов входили огнестрельные повреждения кисти, анатомия кровообращения мозга, возрастные изменения вен головного мозга, мочевого пузыря и простаты, топографо-анатомические особенности подкорковых ядер конечного мозга. В 1945 году он защитил кандидатскую диссертацию «Возрастные изменения мочевого пузыря, уретры, предстательной железы, семенных пузырьков и их значение для клиники» в Ленинградском педиатрическом медицинском институте.

После демобилизации (1946 г.) А. Н. Габузов работал на кафедре оперативной хирургии Ленинградского педиатрического медицинского института, заведовал кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Новосибирского медицинского института (1951–1952 гг.). С 1952 г. работал на кафедре нормальной анатомии 1-го Ленинградского государственного медицинского

института им. И. П. Павлова. В 1946–1951 гг. заведовал кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Новосибирского медицинского института. С целью завершения докторской диссертации на тему «Возрастные особенности подкорковых ядер головного мозга человека и изменения артериальной системы этих ядер у животных после повреждения различных участков коры больших полушарий» вернулся в Ленинград. В 1958 г. работа была опубликована в виде монографии и представлена к защите.

В феврале 1959 г. был переведен на должность заведующего кафедрой нормальной анатомии Гродненского государственного мединститута (ныне университет), где проработал более 20 лет. В конце того же года он защитил докторскую диссертацию по медицине, в 1962 г. получил звание профессора.

Под его научным руководством было выполнено шесть кандидатских диссертаций, создан научный студенческий кружок при кафедре, шла активная работа по созданию анатомического музея. Этот музей на кафедре нормальной анатомии начал создаваться с момента основания кафедры (1958 г.) и располагался в историческом здании XVI века, в котором по преданию проводилось первое на территории Европы вскрытие тела короля Речи Посполитой Стефана Батория.

В 1990 году из анатомического музея была выделена тератологическая часть (музей уродств), в которой насчитывается около 70 уникальных препаратов – «русалки», «двуликий Янус», «циклопия» и др. С 1994 года в музее читаются научно-популярные лекции для населения и учащихся. В 2013 г. на базе кафедры нормальной анатомии ГрГМУ состоялось торжественное открытие обновленной анатомической экспозиции «Гродненская кунсткамера». Из этого следует, что традиции анатомического кружка, заложенные Габузовым, и сегодня сохраняются в Гродненском государственном медицинском университете.

В гродненский период своей жизни и деятельности А.Н. Габузов продолжал проводить фундаментальные исследования. В сферу его научных интересов входили вопросы анатомии головного мозга человека и животных, хирургии, антропологии, организации и методики учебной и научной работы в медицинских вузах. Как практический хирург с большим опытом, он широко использовал при исследованиях экспериментально-хирургический метод и проводил сложные операции на головном мозге. Это позволяло ему успешно связывать данные анатомии с практической медициной (методы протезирования аорты и сонных артерий, аппарат для реконструкции органов плода в период эмбрионального развития и другие). Учёный активно участвовал в различных научных форумах, в том числе и за границей. Кафедрой нормальной анатомии ученый и педагог руководил до 1981 г.

Профессор Габузов являлся автором более 100 научных работ, включая монографию «Подкорковые ядра головного мозга и изменения их артериальной системы после повреждения коры мозга» (Ленинград, 1958 г.). В гродненский период он активно выступал с публичными лекциями, на телевидении, публиковал статьи на различные темы в печати. Ещё раньше,

в 1933 г., на заседании Антропологической сессии Академии наук СССР в Ленинграде, им был прочитан доклад «Антропологическая характеристика татоязычных армян Кубинского района Азербайджанской ССР».

А. Н. Габузов был председателем Гродненского отделения Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов, ученым секретарем Совета Гродненского мединститута, членом общества «Знание».

Среди наград ученого – ордена Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медали, Грамота Верховного Совета БССР и многочисленные благодарности Министерства здравоохранения БССР и ректора Гродненского государственного медицинского института [3].

После выхода на пенсию в 1981 году ученый переехал в Ленинград. Армен Николаевич Габузов умер 30 января 1999 г. Похоронен в Санкт-Петербурге. В 2005 г. в Гродно состоялась научно-практическая конференция студентов и молодых ученых медицинского университета, посвященная памяти профессора Армена Николаевича Габузова (1906–1999).

ЛИТЕРАТУРА

1. Драгун, М. Н. Профессор А. Н. Габузов, его научно-педагогическая и общественная деятельность в гродненском мединституте / М. Н. Драгун, Т. Л. Савицкая // Научно-практическая конференция студентов и молодых ученых, посвященная памяти профессора А. Н. Габузова, Гродно, 5–6 апреля 2005 г.: тез. док. / ГрГМУ; отв. ред. Бушма М. И. – Гродно, 2005. – С. 3.
2. Габузов Армен Николаевич Представление на награждение Подвиг народа 1941–1945 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://podvignaroda.ru/?#id=7610846&tab=navDetailDocument>. – Дата доступа : 21.03.2022.
3. Армен Николаевич Габузов [Электронный ресурс] : «Миасин» – интернет-газета армян Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://miasin.by/2021/10/12/armen-nikolaevich-gabuzov/>. – Дата доступа : 21.03.2022.

ЎТАРЫ ДАКЛАДАЎ І ПАВЕДАМЛЕННЯЎ

Абдрахманова Кымбат Казаліевна – кандыдат істарычных навук, асацыяраваны прафесар кафедры археалогіі, этналогіі і Айчыннай гісторыі гістарычнага факультэта Карагандзінскага ўніверсітэта імя Е. А. Букетава

Бароўская Вольга Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ўсеагульнай гісторыі, міжнародных адносін і геапалітыкі ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”

Благуш Ірына Сяргеёўна – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Брыштэн Дзмітрый Вячаслававіч – магістр культуралогіі, малодшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Брыгадзіна Вольга Васільеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Вазнясенскі Уладзімір Канстанцінавіч – архівіст 1-й катэгорыі аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь

Васілеўскі Валерый Барысавіч – кандыдат ваенных навук, дацэнт кафедры дзяржаўнага і ваеннага кіраўніцтва факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл УА «Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь»

Грабянчук Ігар Васільевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Дашкевіч Алена Геннадзеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, намеснік дырэктара па ідэалагічнай, выхавальчай рабоце і сацыяльных пытаннях Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Мінск

Долговский Александр Евгеньевич – заместитель руководителя Исторической мастерской им. Леонида Левина в Минске, PhD

Здановіч Уладзімір Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Кантар Юлія Зорахаўна – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі РДПУ імя А. І. Герцена, намеснік дырэктара па знешнім і грамадскім сувязям Санкт-Пецярбургскага Інстытута гісторыі РАН

Канцавы Пётр Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры педагогікі і псіхалогіі Магілёўскага дзяржаўнага абласнога інстытута развіцця адукацыі

Кіенка Дзмітрый Генадзьевіч – старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кіраўнік навукова-даследчай групы вайскавай гісторыі і археалогіі Беларусі «Рубон» (г. Мінск)

Козак Кузьма Іванавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Корсак Алесь Іосіфаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і турызма Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Кузняцова-Ціманава Аляксандра Уладзіміраўна – старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Куінок Святаслаў Валянтынавіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык аддзел публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Кушнярэвіч Аляксандр Мікалаевіч – доктар мастацтвазнаўства, прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Лавренюк Алег Маркавіч – слухач кафедры дзяржаўнага і ваеннага кіраўніцтва факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл УА «Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь»

Лапцева Наталля Яўгенаўна – рэктар Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Літвін Алексей Міхайловіч – загадчык отдела ваенной гісторыі і міжнародных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар (г. Мінск)

Літвіноўскі Іван Афанасьевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Літвіноўская Юлія Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі (г. Мінск)

Лютко Сяргей Рыгоравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Неліхаў Віталь Юр’евіч – супрацоўнік навукова-даследчай групы вайскавай гісторыі і археалогіі Рэспублікі Беларусь «Рубон» (г. Мінск)

Новікаў Сяргей Яўгенавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Пцічкіна Святлана Аляксееўна – старшы выкладчык кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Сіткевіч Сяргей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных навук УА «Гродненскі дзяржаўны медацынскі ўніверсітэт»

Смальянiнаў Міхаіл Мітрафанавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Стралец Міхаіл Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Углік Ігар Рыгоравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры культуралогіі Інстытута сучасных ведаў імя А. М. Шырокава

Цымбал Аляксандр Георгіевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Черепіца Валерый Мікалаевіч – кандыдат гістарычных навук, прафесар кафедры сацыяльна-гуманітарных навук УА «Гродненскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт»

Шацько Вячаслаў Іванавіч – кандыдат ваенных навук, прафесар кафедры ваеннай стратэгіі факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл УА «Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь»

Шыманская Наталля Анатольеўна – кандыдат, гістарычных навук, вядучы архівіст аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

З М Е С Т

Прывітальнае слова прарэктара па навуковай працы Л. А. Тарасевіч 3

БЕЛАРУСЬ У ПАЧАТКУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

<i>Кантор Ю. З.</i> До дороги жизни: путь ленинградцев к Ладогe (Зима 1941–1942).....	4
<i>Здановіч У. В.</i> Баявыя дзеянні летам 1941 г. на тэрыторыі Беларусі: тэрміналагічны аспект.....	9
<i>Новікаў С. Я.</i> Генацыд беларускага народа ў нямецкіх дакументах 1942–1943 гг. (на матэрыялах калекцыі НАРБ «Александрыйскія фільмы»).....	14
<i>Лютко С. Г.</i> Оперативное оборудование территории Минской области к началу Великой Отечественной войны.....	24
<i>Шатко В. И., Василевский В. Б., Лавренюк О. М.</i> Проблемы мобилизации в СССР и пути их решения в начале Великой Отечественной войны.....	28
<i>Киенко Д. Г.</i> Коменданты партизанских аэродромов в Беларуси, подготовка аэродромов и посадочных площадок, практика их использования....	36
<i>Козак К. І.</i> Халакост на тэрыторыі Беларусі: тэрытарыяльныя вайсковыя і цывільныя аспекты і формы вырашэння яўрэйскага пытання (1941–1942).....	44
<i>Корсак А. И.</i> Места массового уничтожения населения на Витебщине 1941–1944 гг.: к истории вопроса	49
<i>Нелихов В. Ю.</i> Партизанская борьба в Западных областях БССР в воспоминаниях В. И. Ригина	54
<i>Цымбал А. Г.</i> Фінансавыя аспекты нацысцкай аграрнай палітыкі ў акупаванай Беларусі 1941–1944 у святле трафейных дакументаў НАРБ	57

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ПАДЗЕІ – ФАКТЫ – ЛЮДЗІ

<i>Абдрахманова К. К.</i> Женщины Казахстана в партизанских движениях на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны	63
<i>Вознесенский В. К.</i> Бои в Осиповичских лесах 14–17 июля 1941 г. к вопросу о первой антипартизанской операции Великой Отечественной войны	70
<i>Кулинок С. В.</i> Немецкие разведывательно-диверсионные учебные центры в местах принудительного содержания гражданского населения на территории Беларуси (1942–1944).....	77
<i>Крыварот А. А.</i> Удзел славакаў і чэхаў у падпольным і партызанскім руху на тэрыторыі Беларусі: праблема даследавання	82
<i>Бриштен Д. В.</i> Эпитафии на надмогильных памятниках как источник уточнения данных о жертвах в Великой Отечественной войне	94
<i>Долговский А. Е.</i> Малый Тростенец: изучение места уничтожения в цифровом формате	100

<i>Лакизюк А. А.</i> Преступление, совершенные советскими гражданами на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории современной Липецкой области 1941–1943 гг.: правовая оценка	106
<i>Литвиновская Ю. И., Литвиновский И. А.</i> Начальный период Великой Отечественной войны в переписке руководителей СССР и Великобритании.....	116
<i>Стрелец М. В., Птичкина С. А.</i> Сотрудничество государств-участников СНГ по увековечению памяти о Великой Отечественной войне.....	126
<i>Чиковский А. В.</i> Оружие слова в Великой Отечественной войне (по воспоминаниям Л. З. Копелева)	132

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ВЯКІ ГІСТОРЫІ, РАЗВІЦЦЯ І СУПРАЦОЎНІЦТВА

<i>Кушнярэвіч А. М.</i> Роля германскіх уплываў і твораў у развіцці архітэктуры і горадабудаўніцтва Гародні (XII–XVIII стст.)	138
<i>Вуглік І. Р.</i> Германскія элементы ў культуры старажытнай Беларусі: аналагі, уплывы	144
<i>Смольянінов М. М.</i> Письма солдат российского Западного фронта как источник изучения морально-боевого состояния Русской армии в 1917 г.	152
<i>Дашкевіч А. Г.</i> Баранавіцкі край у гады польска-савецкай вайны (1919–1921).....	160
<i>Бригадина О. В.</i> Нормативно-правовые основы регламентации трудовой деятельности советского населения (1920–1930).	166
<i>Бароўская В. М.</i> Рапальскі дагавор і яго ўплыў на развіццё савецка-польскіх адносін 1920-х гг.	171
<i>Грабянчук І. В.</i> Педагагічная адукацыя ў Бабруйску.....	179
<i>Концевой П. А.</i> Выработка международно-правового решения по вопросу о взимании репараций с Германии в годы Второй мировой войны	186
<i>Кузнецова-Тимонова А. В.</i> От Германии до Эфиопии: о работе преподавателей и выпускников МГЛУ в качестве военных переводчиков (1950–1990)	193
<i>Благуш И. С.</i> Стратегические риски и возможности индустриальной экономики в условиях ценового энергетического шока: уроки Германии	201
<i>Цымбал А. Г.</i> Гісторыя Беларусі ХХ ст. у адлюстраванні польскай гістарыяграфіі (1945–1989)	207
<i>Ситкевич С. А., Черепица В. Н.</i> А. Н. Габузов (1906–1999): военный врач, профессор Гродненского государственного мединститута и создатель его анатомического музея.....	212
<i>Аўтары дакладаў і наведаных аўтараў</i>	216

INHALT

Grußwort des Prorektors MSLU für wissenschaftliche Arbeit Prof. Dr. hab. L. A. Tarassewitsch.....	3
--	---

BELARUS AM ANFANG DES GROßEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES: DOKUMENTARISCHES NARRATIV UND FORSCHUNGSANSÄTZE

<i>Kantor Ju. Z.</i> Auf dem Weg des Lebens: Der Weg der Leningrader nach Ladoga (Winter 1941–1942).....	4
<i>Zdanovitsch U. W.</i> Kampfhandlungen im Sommer 1941 auf dem Territorium von Belarus: terminologische Aspekte	9
<i>Novikau S. Ja.</i> Genatzyd des belarussischen Volkes in den deutschen Dokumenten von 1942–1943 (auf Materialien der Sammlung des NARB “Alexandria Micro-Films”).....	14
<i>Lyutko S. G.</i> Militärische Ausrüstung des Territoriums von Region Minsk vor dem Beginn des Großen Vaterländischen Krieges	24
<i>Schatjko W. I., Wasilewski W. B., Lawrenjuk O. M.</i> Mobilisierungsprobleme in der UdSSR und Wege zu ihrer Lösung zu Beginn des Großen Vaterländischen Krieges	28
<i>Kienko D. G.</i> Kommandanten von Partisanenflugplätzen in Belarus, Vorbereitung von Flugplätzen und Landeplätzen, Praxis ihrer Nutzung	36
<i>Kozak K. I.</i> Holocaust auf dem Territorium von Belarus: die lokale und menschliche Aspekte und Formen der Endlösung der Judenfrage (1941–1942).....	44
<i>Korsak A. I.</i> Orte der Massenvernichtung der Bevölkerung im Gebiet Witebsk 1941–1944: zur Geschichte der Frage	49
<i>Nelikhov W. Ju.</i> Partisanenkampf in den westlichen Regionen der BSSR in den Erinnerungen von W. I. Rigin	54
<i>Tsimbal A. G.</i> Finanzielle Aspekte der nationalsozialistischen Agrarpolitik im besetzten Weißrussland 1941–1944 im Lichte der NARB-Trophäendokumente	57

DER GROSSE VATERLÄNDISCHE KRIEG: EREIGNISSE - FAKTEN – MENSCHEN

<i>Abdrakhmanova K. K.</i> Frauen Kasachstans in Partisanenbewegungen auf dem Territorium von Belarus während des Großen Vaterländischen Krieges	63
<i>Voznesenskyi W. K.</i> Kämpfe in Ossipowitscher Wälder, 14.–17. Juli 1941: zur Frage der ersten Anti-Partisanen-Operation des Großen Vaterländischen Krieges	70

<i>Kulinok S. W.</i> Deutsche Geheimdienst- und Sabotage-Ausbildungszentren an den Orten der Zwangshaft der Zivilbevölkerung auf dem Territorium von Belarus (1942–1944)	77
<i>Krivorot A. A.</i> Teilnahme von Slowaken und Tschechen in Untergrundkämpfen und an der Partisanenbewegung in Belarus: ein Forschungsproblem.....	82
<i>Brishten D. W.</i> Epitapien auf Grabsteinen als Quelle zur Klärung von Daten über Opfer im Großen Vaterländischen Krieg	94
<i>Dolgowskij A. E.</i> Maly Trostenets: Untersuchung des Ortes der Zerstörung im digitalen Format	100
<i>Lakizyuk A. A.</i> Verbrechen, die von sowjetischen Bürgern auf der von den faschistischen Eindringlingen besetzten Territorien des Regions Lipezk 1941-1943 begangen wurden: rechtliche Bewertung.....	106
<i>Litwinowskij I. A., Litwinowskaja Ju. I.</i> Die Anfangszeit des Großen Vaterländischen Krieges in der Korrespondenz der Staatsführer von UdSSR und Großbritannien	116
<i>Strelets M. W., Ptitschkina S. A.</i> Zusammenarbeit der GUS-Mitgliedstaaten über Verewigung der Erinnerung an den Großen Vaterländischen Krieg.....	126
<i>Tschaikowskij A. V.</i> Waffen des Wortes im Großen Vaterländischen Krieg (nach den Erinnerungen von L. Z. Kopelev).....	132

**BELARUS UND DEUTSCHLAND:
JAHRHUNDERTE GESCHICHTE, ENTWICKLUNG
UND ZUSAMMENARBEIT**

<i>Kushnyarevich A. M.</i> Die Rolle deutscher Ideen und ihrer Schöpfer in der Entwicklung der Architektur und Stadtplanung von Hrodna (XII-XVIII Jahrhundert)	138
<i>Uglik I. R.</i> Germanische Elemente in der Kultur des alten Weißrusslands: Analogie und Einflüsse	144
<i>Smoljaninow M. M.</i> Briefe der Soldaten der russischen Westfront als Quelle für die Forschung der Moral und des Kampfzustands der russischen Armee im Jahr 1917	152
<i>Dashkevitsch A. G.</i> Baranowizki Gebiet in Jahren Polnisch-sowjetischer Krieg (1919–1921).....	160
<i>Brigadina O. W.</i> Normative und rechtliche Grundlage der Regulierung der Arbeitstätigkeit der sowjetischen Bevölkerung (1920–1930).....	166
<i>Barouskaja W. M.</i> Rapalsky-Vertrag und sein Einfluss auf die Entwicklung der sowjetisch-polnischen Beziehungen in den 1920-er Jahren	171
<i>Grabjantschuk I. W.</i> Pädagogische Ausbildung in Bobrujsk	179

<i>Kontzewoj P. A.</i> Entwicklung einer völkerrechtlichen Lösung zur Frage der Einziehung von Reparationen aus Deutschland während des Zweiten Weltkriegs.....	186
<i>Kuznetsova-Timonova A. W.</i> Von Deutschland nach Äthiopien: über die Arbeit von MSLU-Lehrern und -Absolventen als Militärübersetzer (1950–1990)	193
<i>Blagush I. S.</i> Strategische Risiken und Chancen der Industriegewirtschaft unter Bedingungen des Energiepreisschocks: Lehren aus Deutschland	201
<i>Tsimbal A. G.</i> Geschichte von Belarus des 20. Jahrhunderts in der Reflexion der polnischen Geschichtsschreibung (1945–1989).....	207
<i>Sitkewitsch S. A., Cherepitsa V. N. A. N. Gabuzow</i> (1906–1999): Militärarzt, Professor des Staatlichen Medizinischen Instituts Grodno und Schöpfer seines anatomischen Museums	212
<i>Verfasser der Beiträge und Berichte</i>	216

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ:
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ**

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Мінск, 1 красавіка 2022 г.

В ы п у с к 2 1

Адказны за выпуск *С. Я. Новікаў*

Рэдактар *Л. А. Кашатнава*
Камп'ютарная вёрстка *Н. А. Шауло*

Падпісана ў 26.12.2022. Фармат 60×84 1/16. Папера афсетная. Гарнітура Таймс.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 13,02. Ул.-выд. арк. 14,88. Тыраж 100 экз. Заказ 60.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: установа адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Пасведчанне пра дзяржаўную рэгістрацыю выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 ад 10.07.2020 г.

Адрас: вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск.